

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ

Серия
...сная № 1

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

ТОМ I

...АРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО - 1923

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Под общей редакцией проф. А. А. Крубера

— I —

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

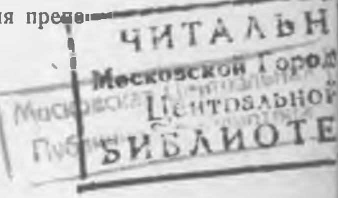
ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

Популярная история географических открытий и путешествий

ТОМ I

ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета допущено как пособие для преподавателей

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

V. 11—V—23.

Гиз. № 4870. Москва. Главлит № 12936. 10.000 экз.

„Мосполиграф". 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Несколько лет тому назад у меня явилась мысль написать книгу о том, как люди узнали Землю. Мне казалось, что молодым поколениям было бы не бесполезно познакомиться, хотя бы в общих чертах, с тем многовековым процессом «завоевания Земли», результатом которого являются наши современные географические познания.

Плодом этой мысли и является настоящая работа. Книга эта была написана мною большей частью во Франции и Бельгии, где я мог использовать богатые материалы по истории географии и путешествий, находящиеся в Национальной французской библиотеке в Париже и в Географическом институте Элизе Реклю в Брюсселе.

Возвратившись в 1914 г. в Россию, я предложил книгу издательству товарищества И. Д. Сытина. Издательство заинтересовалось моей работой, но «по коммерческим соображениям» предложило мне такого рода «план»: подыскать какого-нибудь «всемирно-известного» автора, у которого имелось бы произведение по истории путешествий, и которое можно было бы об'единить с моей работой, чтобы иметь возможность поставить на обложке книги не одну только мою фамилию, но и имя этого «всемирно-известного» автора, и тем самым обеспечить успех книги.

В силу некоторых обстоятельств я должен был согласиться на такой «план». Подходящим для издательства автором явился всем известный любимец юношества Жюль Верн, у которого нашлось небольшое сочинение по истории путешествий под заглавием «Découvertes de la Terre» («Открытие Земли»).

Некоторые главы этого произведения и были включены в мою рукопись, и таким образом в 1917 г. в издательстве т-ва И. Д. Сытина вышло двухтомное сочинение под заглавием: Жюль Верн. «Завоевание Земли». Популярная история великих географических открытий и путешествий с древнейших времен и до наших дней. Перевод с французского под редакцией и с дополнениями Н. К. Лебедева.

Но насколько в действительности это сочинение принадлежало Жюль Верну, можно судить по тому факту, что из 1118 страниц текста на долю Жюль Верна приходится не более 300 страниц, и то не дословного перевода, а сокращенного изложения. Все мои добавления и отдельные главы были отмечены мною или звездочками, или же снабжены подстрочным указанием, что данная глава написана Н. К. Лебедевым. Точно также и само заглавие книги «Завоевание Земли» принадлежит не Жюль Верну, а мне.

В настоящем издании, выходящем в том виде, в каком оно было задумано мною, все главы, взятые из сочинения Жюль Верна, заменены написанными мною и, кроме того, в первоначальный текст во многих местах внесены некоторые изменения. Прибавлено также несколько дополнительных глав и включены сведения о наиболее выдающихся географических экспедициях за период 1916—1922 г.г.

Все свое сочинение я разделяю на три части: первый том заключает описание географических открытий в древности и в средине века; второй том посвящен географическим открытиям и путешествиям нового времени (XVI, XVII и XVIII столетия), а третий том содержит описание наиболее замечательных морских и сухопутных экспедиций XIX века и нашего времени.

Стремясь сделать настоящее произведение возможно более популярным и доступным для широкого круга читателей, я опускал все, что может интересовать только специалистов, и иногда останавливался на тех сторонах того или иного путешествия, которые не имеют научно-географического значения, но интересны с бытовой или с социально-культурной точки зрения.

Чтобы не удорожать издания, я не делал никаких подстрочных примечаний, сносок и библиографических указаний, тем более, что большинство таких указаний пришлось бы делать на иностранных языках. В силу тех же причин мне не пришлось приложить к книге и целый ряд географических карт, об'ясняющих текст и показывающих постепенный ход развития географических познаний.

Н. Лебедев.

Москва.
22 марта 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Развитие человеческих познаний о Земле.—Значение истории географии.—Представление о Земле у древних народов.—Каким образом люди дошли до современных географических знаний.

В настоящее время мы все представляем себе, более или менее ясно, что такое наша Земля с ее морями, океанами и материками; мы знаем также, какие народы и племена населяют разные страны, и на какой ступени цивилизации они находятся.

Но, сравнительно еще не так давно огромное большинство людей совершенно не имело правильного представления о Земле, и географический горизонт прежних поколений был ограничен узким пределом своей страны, или, в лучшем случае, странами соседних народов.

Только в новое время, благодаря развитию мореплавания и путешествий, культурные народы приобрели постепенно более или менее точные представления о земном шаре, который служит местом обитания для человечества.

Современные географические знания были добыты человечеством путем тяжелых усилий и огромной затраты труда и энергии. История развития наших познаний о Земле представляет глубоко драматическую повесть о том, как люди, на протяжении веков, движимые любознательностью, интересом, а иногда и просто хищническими инстинктами, отправлялись в неведомые страны, изучали их и часто погибали в беспредельных просторах далеких морей и пустынь. Но труд и дело этих путешественников и исследователей не пропадали бесследно. Каждый исследователь, знакомя людей с открытыми им областями и странами, способствовал,—хотел он этого или нет,—расширению географического горизонта человечества, а вместе с этим и расширению общего мировоззрения своих современников.

Вот почему история развития географических знаний является одной из важнейших глав всей мировой истории человечества, и прогресс географической науки имел огромное влияние на развитие человеческого мышления. На самом деле, наше мышление протекает в географических рамках, хотя об этом, обыкновенно, мы и не отдаем себе ясного отчета, и такие географические факты, как, например, открытие Америки, первое кругосветное путешествие и т. д., оказали решающее влияние не только в области самих географических знаний, но и способствовали развитию научного мировоззрения.

Даже великие мыслители человечества не могут освободиться от географических условий, и когда, например, Платон или Аристотель говорят о мире, о человечестве, то они невольно подразумевают лишь тот мир, который ограничивался бассейном Средиземного моря; человечество для Платона и Аристотеля состояло лишь из эллинов и немногочисленных «варварских» народов, обитающих на берегах Средиземного моря. Платон, достигший в области отвлеченной мысли высочайших вершин, в области конкретных знаний немногим превышал рядовых образованных греков своего времени и был твердо убежден, что «люди живут только вокруг Средиземного моря подобно тому, как живут лягушки вокруг большого пруда».

История развития географических знаний знакомит нас с тем, как люди постепенно приобретали верное представление о Земле, как целом, о странах, о распределении на Земле материков и морей и т. д. Изучая историю географических открытий и завоеваний, мы узнаем, как с каждым новым веком, с каждым новым географическим открытием расширялся географический горизонт человечества, пока, наконец, человек

не охватил своим умственным взором весь огромный—по отношению к человеку, но неизмеримо малый по сравнению с другими небесными светилами—земной шар.

Обозревая историю «завоевания» Земли человеком, мы должны отметить еще один факт, имеющий также огромную важность, а именно, в истории «завоевания» Земли мы видим, что все нации и народы Земли сотрудничали в области исследования земного шара. Каждое великое географическое завоевание было плодом солидарной работы не только одного какого-либо поколения, или исследователей одной какой-либо нации, но результатом сотрудничества разных народов на протяжении веков. Мы не будем приводить здесь примеров в доказательство этого, так как каждый читатель на нижеследующих страницах увидит, как одно географическое открытие способствовало другому и как труд одного исследователя облегчал задачу для последующих. Можно сказать, что нигде не проявлялись и не проявляются так ярко солидарность и единство человеческого рода, как в области исследования Земли.

Прежде чем перейти к изложению истории великих географических открытий, мы должны подчеркнуть еще один факт: по мере развития человечества, в области «завоевания» Земли уменьшается все более и более элемент материальной заинтересованности. Если в древности и в средние века географические исследования и путешествия предпринимались, обыкновенно, исключительно с корыстной или хищнической целью материального обогащения, то в новое время и в наши дни очень многие исследователи ставят на первое место чисто научные интересы и выяснение истины [1]). В этом отношении большинство выдающихся путешественников-исследователей нашей эпохи могут служить высокими образцами самоотверженности и преданности науке. Подвергаясь во время своих путешествий по диким пустыням или полярным областям всякого рода лишениям и нередко жертвуя своей жизнью ради науки, эти люди являются бескорыстными служителями научной мысли и работниками прогресса.

Подобно тому, как астрономы своей работой разбили хрустальный небесный свод, покрывавший, по верованию древних народов, нашу Землю, исследователи и путешественники

---

[1]) К сожалению, многие географические экспедиции и нашего времени были организованы исключительно ради хищнических целей и сопровождались затем завоеванием новой страны; за исследователем шел воин. Империалистическая политика буржуазных государств мало чем отличается от хищнических стремлений древности.

разрушили постепенно все басни и легенды древности о людях с песьими головами, о великанах, о морских чудовищах и т. д. Только благодаря энергии путешественников-исследователей перед человечеством в чередовании веков постепенно развертывалась действительная картина нашей Земли и ее различных областей с их неведомой до того времени природой и населяющими их людьми.

Под влиянием великих географических открытий, благодаря знакомству людей с жизнью других народов меняется психология человека, и в наше время, благодаря усовершенствованным средствам сношения и путям сообщения, жизнь всех культурных народов становится как бы единой, и цивилизованный человек постепенно начинает сознавать себя в наши дни «гражданином мира».

Такое расширение географического кругозора современного человека должно иметь огромное значение для общего развития человеческой культуры. Отныне начинается история в полном смысле слова в с е м и р н а я или всеобщая для всех рас и народов Земли. Эта новая интернациональная эра мировой истории была подготовлена в значительной мере трудами и усилиями многочисленных исследователей-путешественников всех времен и народов.

Прежде чем перейти к изложению выдающихся путешествий и великих географических открытий, мы кратко обрисуем представления о Земле у первобытных народов для того, чтобы яснее понять прогресс человеческих познаний о Землé. Первобытные народы, живя небольшими племенами, хотя и находились в тесной зависимости от окружающей их природы и должны были, по необходимости, подробно знакомиться с местностью своего обитания, не имели, однако, никаких общих представлений о Земле и не чувствовали в этом большой потребности.

Но когда некоторые народы древности образовали более или менее обширные группы, занимавшие уже значительные области земной поверхности, и когда между этими обществами установились более или менее тесные сношения, культурное развитие человечества сделало большой шаг вперед. Вместе с этим у людей древнего мира появилось стремление создать себе более или менее ясно общее представление о Земле. Это стремление мы встречаем у древних индусов, египтян, вавилонян, китайцев и греков. Благодаря тому факту, что наша Земля представляет собою шар, человек, стоящий

на открытом месте в степи или в поле, невольно замечает, что он находится как будто бы в центре круглого диска, над которым опрокинут небесный свод, поэтому вполне естественно, что большинство древних народов и стали представлять себе Землю, как большой круг. Еще и теперь многие дикари, как, например, жители островов Самоа, представляют себе Землю в виде круга. Вместе с развитием культуры такое примитивное представление о Земле изменялось и усложнялось, и многие народы древности создавали целые сложные и фантастические картины общего вида Земли.

Эти общие представления древних народов о Земле, дошедшие до нас в виде легенд и сказаний, являются в высшей степени ценными памятниками истории развития человечества. Три великих периода, на которые принято разделять всемирную историю, а именно, древние, средние и новые века, различаемые нами на основании мировоззрения и уклада жизни народов, отличаются между собою также и по характеру космографических воззрений и по обширности географического горизонта.

По верованию древних арийцев, населявших некогда Индию и являющихся отдаленными предками европейских народов, Земля представляет собою большое бремя, возложенное на спину исполинского слона, который считался древними индусами символом мудрости и познания. Громадная черепаха, олицетворявшая грубые силы природы, водит это большое животное по молочному морю, безбрежному, как бесконечность.

Позднее представление индусов о Земле изменяется в зависимости от различных эпох и религиозных воззрений. Когда жители Индии узнали лучше расположение своего полуострова и окружающих его островов, то они стали представлять себе Землю в виде чудесного цветка лотоса, распустившегося на лоне вод. Два полуострова Индии и другие азиатские страны, это—распустившийся цветок: острова, разбросанные в океане,—едва раскрывающиеся бутоны, а далекие земли, плавающие на воде, листья с нежными очертаниями. Гатские горы и Нильгери суть тычинки цветка, а поднимающийся среди них великий Гималай—священный пестик чудесного цветка, где вырабатываются семена мира. Человек, подобно маленьким насекомым, для которых цветок розы является уже бесконечным, построил свои незаметные города около тех частей цветка, где был скрыт божественный нектар; иногда человек отваживался распускать крылья своих кораблей и осмеливался скользить по морям. Стебель этого ги-

гантского цветка, по верованию индусов, исчезает в глубине океана и, переходя из бездны в бездну, пускает свои корни глубоко в сердце Брамы.

Гораздо ниже этого поэтического вымысла, который придает Земле движение и жизнь, стоят представления о Земле древних египтян, сирийцев и вавилонян. Для древних египтян той эпохи, когда не было ни морских экспедиций, ни походов в соседние страны, Египет был целым миром; он оканчивался на юге у Сиены, на севере—у Средиземного моря, а на востоке и на западе—в высотах Аравийской и Ливийской пустынь. Вся лежащая между этими пустынями узкая полоса Египта разделялась священной рекой, начало которой древние египтяне помещали в Элефантине. Такому географическому представлению египтян о Земле соответствовало подобное же представление и о небе. Небо казалось египтянам плоской крышей такой же величины, как и Земля, и опиралось на горы, расположенные на границах Египта. С небесного свода в виде ламп свешивались звезды; солнце проплывало мимо них в челноке подобно тому, как сами египтяне плавали по волнам Нила. У Абидоса вечером оно уходило в преисподнюю, чтобы утром начать снова свое путешествие.

Не менее наивно было представление о Земле и у вавилонян; оно перешло от них к персам, сирийцам и, отчасти, к древним грекам. По представлению этих азиатских народов, Земля является неподвижной массой, крепко опирающейся на громадные каменные или металлические столбы, основания которых теряются в бездне хаоса. Эти древние и грубые теории впоследствии были заменены мифом эллинов, согласно которому земной шар покоится на плечах гиганта.

Представления о Земле, основанные на действительном наблюдении земной поверхности, возникают впервые лишь у древних греков, которые познакомились с побережьем Средиземного моря. Представления древних греков о Земле мы находим в песнях Гомера. Согласно Гомеру, Земля представляет собою большой диск, или, вернее, имеет вид круглого выпуклого щита, омываемого океаном, который в виде широкой реки окружает всю землю. «Неизмеримая Земля,—говорится у Гомера,—имеет вид круглой равнины, окраины которой омываются первобытными водами океана—тихо текущей глубокой всемирной реки [1]). На одном острове, посреди этой

[1]) С развитием географических знаний у древних греков, р е к а Океан позднее превратилась в м о р е Океан, на поверхности которого

реки, недалеко от крайней границы Земли, живут на западе киммерийцы, во мгле и мраке; не пользуясь благотворными лучами Гелиоса (солнца), они живут близ входа в царство мертвых, которое тянется под Землею в глубокой тьме. На

Мир по представлению Гомера.

столбах, поддерживаемых на западе Атлантом, покоится, словно медный свод, вечное небо; оно распростерло свой блистающий купол над материками и морями, а с противоположной стороны, под Землею, ниже ада, расстилается мрачный

поднимается в виде громадного острова «обитаемая Земля» или по-гречески «Эйкумена», имеющая форму овального диска, или пращи, т.-е. овального метательного камня.

тартар. Посредине Земли высится могучий, обильный пропастями Олимп, на высокой вершине которого восседают бессмертные боги Эллады. С вершины Олимпа боги могут одновременно созерцать весь полуостров Греции, белые острова Архипелага, берега Малой Азии, долину Египта, горы Сицилии, населенные дикими циклопами, и Геркулесовы столбы, стоящие на рубеже мира».

Это изображение Земли в виде круглого щита оставалось долгое время никем не оспариваемым. Только в V веке до Р. Х. путешественник и историк Греции, Геродот, высказывает свое сомнение относительно того, что Земля похожа на диск; по его мнению, границы Земли неизвестны, и только на западе она ограничена океаном. Сомнения Геродота относительно вида Земли, быть может, зародились отчасти под влиянием учения философа Пифагора, который первый из древних греков высказал мысль, что «Земля должна иметь форму шара». Пифагор обосновывал это положение чисто теоретически, признавая, что Земля должна иметь наиболее совершенную форму, а таковою является, по его мнению, правильный шар.

Несколько позднее величайший ученый древнего мира, Аристотель, собрал все доказательства о шарообразности Земли и утверждал, что только при шарообразности Земли можно об'яснить, почему в разных частях Земли солнце и звезды восходят на небе не на одинаковую высоту, и почему в северных странах видны звезды, совершенно невидимые в южных, и наоборот. После Аристотеля греческий ученый Эратосфен, живший в Александрии, признавая шарообразность Земли, задумал узнать величину земного шара и гениально разрешил эту задачу. Основываясь на том факте, что в день летнего солнцестояния, в городе Сиене, на юге Египта, солнце в полдень находилось в зените, и его лучи падали вертикально, тогда как в Александрии, на севере Египта, в полдень этого же дня, солнце отстояло от зенита на 7 градусов и 12 минут, что составляет одну пятидесятую часть полной окружности, деленной на 360 градусов, Эратосфен заключил, что расстояние от Александрии до Сиены равно также одной пятидесятой части всей земной окружности, а так как расстояние между Александрией и Сиеной равнялось 5000 стадий, то, следовательно, величина земной окружности по его вычислениям равнялось 250.000 стадий. Переводя это число на километры, мы получим 39.816 километров, то-есть немного меньшую величину окружности земного шара, чем ее определяют в настоящее время современные астрономы.

В эту же эпоху некто Кратес из Маллюса пытался впервые сделать изображение Земли в виде глобуса, изобразив на нем не только известные в его время страны, но и четыре неизвестные еще в то время части света, на которые должен был делиться, по мнению древних греческих ученых, земной шар (terra quadrifida).

Однако все эти попытки остались бесплодными, и человечество еще много столетий после этого продолжало жить, не имея правильных понятий о Земле. Лишь постепенно, шаг за шагом, благодаря путешественникам и мореплавателям, открывавшим новые страны и области, складывалось истинное представление о поверхности земного шара и о народах, населяющих Землю.

На страницах нашей книги мы и попытаемся рассказать историю этих великих географических открытий и путешествий и показать читателям, с каким трудом и лишениями были добыты человечеством современные географические знания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитие географических знаний в древнее время и знаменитые путешественники до-христианской эры.

I.

Египет—как колыбель европейской цивилизации. — Путешествия древних египтян в Азию и в центральную Америку.

До сих пор наука еще не может утвердительно сказать, в какой стране зародилась первичная цивилизация, послужившая зародышем нашей европейской культуры. Однако, основываясь на новейших исследованиях, мы можем предполагать, что первые проблески культурной жизни возникли на нашей планете в Египте. В долине реки Нила уже за много тысячелетий до начала нашей эры развилась цивилизация, распространившаяся отсюда на восточные и северные берега Средиземного моря и в страны Малой Азии. В Египте среди развалин древних городов мы находим многочисленные свидетельства того, что древние египтяне достигли высокого культурного развития. До нашего времени от древне-египетской культуры сохранились многочисленные так называемые иероглифические надписи, которые были расшифрованы европейскими учеными, воссоздавшими по этим надписям жизнь древних египтян.

На основании этих свидетельств, мы можем сказать, что еще в то время, когда жители Европы по своему развитию были гораздо ниже, чем современные негры или папуасы, египтяне обладали уже некоторыми астрономическими и географическими знаниями, имели понятия о геометрии, числах и мерах. В сохранившихся до нашего времени папирусах и на барельефах каменных памятников Верхнего Египта мы находим элементы наших наук, наших религий и нашей морали. Из Египта мы получили письмена, видоизмененные позднее финикийцами и сообщенные ими всем народам, оби-

тавшим на берегах Средиземного моря,—самый склад нашего мышления получил начало в благословенной долине р. Нила.

Конечно, мы не можем категорически утверждать, что цивилизация впервые возникла на Земле именно в Египте, но у нас нет возможности проследить ее зарождение в доисторические эпохи, предшествовавшие египетским иероглифическим надписям.

Среди древне-египетских памятников и папирусов, дошедших до нашего времени, мы встречаем несколько рассказов полулегендарного характера, повествующих о путешествиях египтян в другие страны и передающих географические познания древнего Египта.

Египетские папирусы свидетельствуют, что древними египтянами совершались далекие путешествия. Так в царствование фараона Асса пятой династии, то-есть в эпоху, отдаленную от нас более чем на шестьдесят столетий, египетский военачальник по имени Урдуду, проник в далекую страну Пунт, откуда вывез карлика, одного из представителей тех племен акка, которых открыли вторично наши современные путешественники. Другой египетский путешественник, по имени Киркуф, отправившись в южные страны, проник еще далее, чем Урдуду, и открыл «Страну счастливых», откуда также вывез карлика, вид которого «вселил радость и любовь в сердце фараона». Об этом мы читаем в так называемой надписи Киркуфа, открытой в 1892 году Скиапарелли в окрестностях Ассуана.

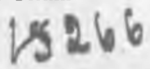
При фараонах одиннадцатой династии, за две с лишним тысячи лет до Р. Х., экспедиции в страну Пунт снаряжались неоднократно. Так, при последнем фараоне этой династии, Санхкара, одна экспедиция дошла до берегов Красного моря и Аденского залива. Фараоны двенадцатой династии проникли далеко вверх по Нилу, и фараон Узертезен Третий повелел построить на берегу Нила, у Семнека, крепость и воздвит здесь каменный пограничный столб с надписью: «Это южная граница. Ни один негр не должен переступать эту линию ни пешком, ни водою, направляясь к северу. Если же они появятся для торговли в стране Акент (Экен), или у них будет там какое-нибудь дело, то им за это ничего не будет; но через Хэ ни одно судно их не должно проходить».

Далекий и таинственный юг, откуда струился благодатный Нил, приносивший египтянам жизнь и изобилие, не переставал манить египтян и в позднейшие эпохи. За полторы тысячи лет до Р. Х. опекунша Тутмозиса Третьего, Хаджеп-

сут, послала даже из северной гавани Красного моря флот, чтобы исследовать чудесные страны Пунт. О продолжительности этого путешествия мы не имеем никаких сведений, но до нашего времени сохранились яркие и живые картины той страны чудес, которую посетила экспедиция. Эти рисунки были изображены на стенах храма царицы Хаджепсут по ее повелению.

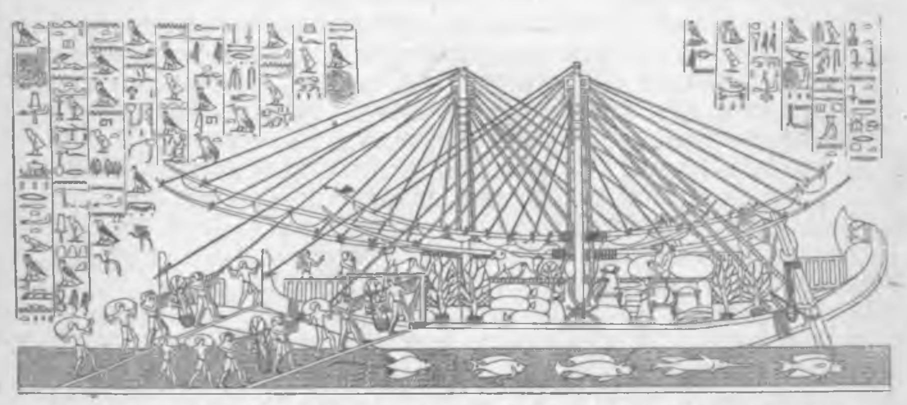
Эта экспедиция древних египтян носила мирный характер и можно сказать—«чисто научный» или, вернее, коммерческий характер; целью экспедиции, повидимому, было отыскание благовонных смол и растений, которые высоко ценились египтянами и употреблялись при бальзамировании. Участников этой экспедиции, по всей вероятности, сильно поразила густая тропическая растительность побережья, резко отличавшаяся от египетской; с неменьшим изумлением входили они в жилища туземцев, которые должны были показаться им совершенно необыкновенными. Маленькие, похожие на плетеные ульи, эти жилища стояли под большими деревьями на сваях; только при помощи приставных лестниц можно было добраться до входа, имеющего вид дыры. Египетский художник XV века до Р. Х., которому было поручено увековечить путешествие этой экспедиции на стенах храма Дер-эль-Бари, с большой точностью и подробностью нарисовал все мелочи и украшения жителей страны Пунт. Любопытно отметить, что на этих рисунках мы видим негров в том одеянии, какое носят и теперь, спустя 3400 лет, туземцы отдаленных областей Африки.

Однако египтяне не могли упрочить свое владычество на юге; в Нубии они основали лишь царство Напата, но и оно просуществовало недолго, и египтянам не удалось удержать свое господство над нубийцами. Географические открытия египтян на севере имели несравнено большее значение, чем на юге. Уже гробницы первых египетских фараонов содержат в большом количестве предметы, которые, очевидно, не египетского происхождения и могли попасть в Египет лишь из северных стран. Так, например, «дерево фараонов», то-есть доски гробниц, в которых покоились мумии, сделаны в большинстве случаев из тиссового дерева; это дерево не только не растет в Египте, но и не может там расти вследствие сухости египетского климата. Следовательно, это дерево должно было привозиться в Египет из каких-либо других стран, и, как указывают данные ботанической географии, такой страной могла быть лишь Киликия. Мы видим здесь прямое доказательство тому, что уже с самых первых исторических

времен существовала некоторая морская торговля между Египтом и заморскими странами.

Однако законы и обычаи Египта запрещали египтянам предпринимать морские путешествия, и поэтому морская торговля Египта велась другими народами, а именно финикийцами. Города Финикии, в течение значительного периода существования этой коммерческой страны, подчинялись с большой охотой верховной власти фараона, бывшей для них чрезвычайно выгодной, так как в таких случаях река Нил являлась открытой для финикийских судов, и вследствие этого финикийцы могли свободно совершать обмен товаров

Экспедиция царицы Хаджепсут: нагрузка двух судов. (С древне-египетского барельефа.)

с внутренней частью страны. Кроме того, находясь в вассальной зависимости у египтян, финикийцы владели монополией торговли между Востоком и Египтом.

Что касается путешествий египтян на восток, в Сирию и Палестину, то, по всей вероятности, такие экспедиции совершались нередко. Многие египетские фараоны предпринимали походы в Малую Азию с завоевательными целями: описания этих походов и побед сохранились на многих египетских памятниках. Но, кроме этих военных экспедиций, в Сирию и Палестину путешествовали многие отдельные египтяне. До нас дошел папирус, содержащий описание одного такого путешествия. Этот папирус известен под названием «Приключение Синухита». В нем рассказывается, как в царствование фараона Аменемхета Первого (около 2000 лет до Р. Х.), один египетский вельможа тайно покинул Египет и

бежал в страну Кедем [1]), входившую в состав верхнего Тону.

Описывая свое невольное путешествие, Синухит образно передает свои приключения. Несколько дней он блуждал по пустыне, не встречая ни жилища, ни людей. Наконец, говорит он, «напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался; мое горло пылало и я сказал: «это — вкус смерти». Я «поднял» свое сердце и «собрал» свои члены, когда я услыхал звук блеющих стад; я заметил незнакомых людей; это были жители Азии. Один из них, посещавший Египет, узнал меня. Он дал мне воды, сварил для меня молока. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо».

Далее Синухит пишет, что «страна передавала его стране» и только через полтора года он попал к Аммиенше, князю верхнего Ретену. (Так египтяне обычно называли горную Сирию, то-есть Северную Палестину.) Аммиенша оказал египетскому эмигранту хороший прием и сказал ему: «Тебе будет у меня хорошо—ты услышишь египетскую речь». Интерес рассказа Синухита заключается для нас в описании им страны, в которой он поселяется, и ее обычаев. «Повелитель Тону,—говорит Синухит,—поставил меня во главе своих детей, женил меня на своей старшей дочери и дал мне выбрать участок из лучшей части своей области на границе соседней земли. Это—превосходная земля. Айя имя ее. Там есть смоковницы и виноград, вина больше, чем воды, большое изобилие меда, множество маслин и всяких плодов на деревьях. Ячмень и пшеница в изобилии, а различного скота бесчисленное множество...».

Окончание рассказа Синухита происходит уже не в Азии, а в Египте. Фараон услыхал о жизни Синухита в Сирии и просил его вернуться в Египет, обещая ему прощение; при этом фараон соблазнял своего бежавшего царедворца тем. что устроит ему в день смерти торжественные похороны. «Возвращайся в Египет,—писал фараон,—чтобы увидать двор, при котором ты находился, облобызать землю у двух великих врат, занять место среди приближенных. Ведь ты уже начал стареть. Вспомни день погребения, отшествия. Тебе будет посвящена ночь с благовонными маслами и погребальными пеленами из рук богини Таит. Устроят для тебя тор-

[1]) Название Кедем у древних семитических народов обозначало просто «восток»; в частности, страною Кедем называлась, вероятно, область к югу от Дамаска. Эта страна упоминается и в Библии (Бытия, 29, I. Числа, 23, 7).

жественное шествие в день погребения, сделают чехол для мумии из золота и исполнят пляску «муу» у врат твоей гробницы. Ты умрешь не на чужбине, не азиаты проводят тебя

Отрывок папируса, содержащий начало древне-египетского рассказа «Приключения Синухита».

к могиле, тебя не завернут в баранью шкуру... всего этого не случится с тобою. Позаботься о своем теле и приди».

Позднее, в царствование фараона Тутмеса Первого, около 1500 года до Р. Х. египтянами были предприняты победоносные походы, которые через Сирийские горы привели их в долину Иордана и оттуда к берегам Евфрата и установили их владычество над этими областями на несколько столетий.

Когда власть египтян над этими странами укрепилась, внимание египтян направилось в другую сторону: прежде всего на реку Евфрат, в которой, согласно описанию, данному фараоном Тутмесом Первым на плите Томбоса, «вода, повернувши вспять, течет назад, поднимаясь вверх по течению». Этими словами Тутмес хочет сказать, что река Евфрат течет к югу, в обратном направлении, чем Нил, а так как египтяне привыкли видеть только свой Нил, текущий на север, то их и поразил тот факт, что Евфрат течет на юг, то-есть «вверх по течению» реки Нила.

Достигнув области Ливанских гор, египтяне были также поражены видом заоблачных горных вершин, и на одной надписи сохранился рассказ о том, как царедворец Сенофри, один из приближенных фараона Тутмеса Третьего, водрузил свою палатку «над облаками». Этот же царедворец вывез из Палестины в Египет большие кедры ливанские «по шестидесяти локтей» длины (около пятнадцати саженей).

Все военные экспедиции египтян народная фантазия разукрасила легендарными рассказами и приключениями, но описанию стран и их обитателей уделяется очень мало места в древних египетских повествованиях. Очерк нравов или географическое описание новых стран не интересует ни самого писателя, ни египетского читателя.

После падения египетского владычества в Малой Азии путешествия египтян не прерываются; это доказывает один папирус, где описывается путешествие в Финикию около X века до Р. Х. «В пятом году царствования фараона Рамзеса XII, когда верховный жрец Амона, Герихор, был уже у власти в Фиваиде, некий Унамоху, хранитель гипостиля в Карнаке, отплыл по Сирийскому морю (Средиземному) за строевым лесом для ладьи Амона-Ра». Унамону последовательно заходит в Дору, на севере от Яффы, затем в Тир, в Библос, и, наконец, в страну Алязия (место которой не установлено). Унамону совершал путешествие на судне, экипаж которого состоял из сирийцев [1]).

---

[1]) **Описание путешествия Унамону изложено в Голенищевском папирусе, находящемся в Москве, в Музее Изящных Искусств.**

Заканчивая обзор путешествий и географических открытий древних египтян, мы должны сказать несколько слов но вопросу «о великой тайне Нила», то-есть об истоках этой реки. Мы не имеем никаких сведений о том, предпринимали ли египтяне экспедиции к истокам этой великой реки, которая оплодотворяла египетскую почву своим илом и называлась египтянами «отцом Египта». Без сомнения, египтяне не могли не интересоваться тем, откуда течет эта благодатная река. Но вопрос об этом составлял великую тайну, и только одни жрецы, вероятно, знали место истоков Нила. По словам Геродота, это знал только один верховный жрец при храме в Саисе.

II.

Ассиро-Вавилония и ее культура.—Вклад вавилонян в географическую науку.

К востоку от Египта, в равнинах Месопотамии, или Междуречья, то-есть области, расположенной между реками Евфратом и Тигром, в глубокой древности образовался второй очаг культуры и цивилизации.

Несомненно, культура Египта оказала большое влияние на культуру народов, живших на равнинах Месопотамии.

Древнейшие памятники ассиро-вавилонской цивилизации, расшифрованные современными учеными, говорят нам, что уже в самой глубокой древности существовали оживленные сношения между Египтом и Вавилонией.

В то время как Египет представляет собою оазис, отделенный от остального мира песчаными пустынями, скалистыми горами, морями и обширными болотами, Месопотамия является как бы связующим центром между странами Востока и Запада. Уже за несколько тысячелетий до начала нашей эры несколько военных и торговых путей расходились из Вавилона и Ниневии в разные концы земли. Вавилонские караваны совершали далекие путешествия на юг, на запад, на север и на восток.

Без сомнения, древние ассиро-вавилонские путешественники посещали не только Египет, но и Индию, Персию и даже, быть может, некоторые области нашей Европы. К сожалению, сохранившиеся до нашего времени немногочисленные памятники ассиро-вавилонской письменности не упоминают ни об одном значительном путешествии. Мы находим лишь одно упоминание, что царь Саргон (около 700 лет до Р. Х.) совер-

шил поход на запад и проехал по морю «Заходящего Солнца», т.-е. по Средиземному морю.

Несмотря, однако, на это, ассиро-вавилоняне внесли если не прямо, то косвенно большой вклад в науку о земле.

Так, например, мы все знаем, что наши глобусы и географические карты делятся на 360 градусов, но очень немногим известно, что деление круга на 360 градусов заимствовано европейцами, через посредство древних финикийцев и греков, от ассиро-вавилонян. Вавилонские мудрецы были также творцами науки о небесных светилах или астрономии. Астрономия и знакомство со звездным миром дали возможность мореплавателям находить правильный путь в далеких экспедициях, и таким образом астрономия очень сильно способствовала прогрессу географической науки. Развитие эти двух наук в древности шло параллельно друг с другом. Очень многие ученые предполагают, что астрономия зародилась в Месопотамии среди пастушеских племен, которые, проводя ночи вместе со своими стадами, под ясным звездным небом, невольно стали наблюдать за движениями звезд и тем самым положили основы астрономической науке. Такой взгляд, по моему мнению, не соответствует исторической правде; вернее будет предположить, что вавилонские мореплаватели, плавая по Персидскому заливу, стремились найти для ориентирования какие-либо вехи, и так как в море, вдали от берегов, таких вех на поверхности моря найти было нельзя, то вавилонские мореходы невольно обратили свой взор на небо и во время дня стали ориентироваться «по солнцу», а после его захода приучились плавать «по звездам».

Для того, чтобы лучше запомнить расположение звезд на небесном своде, они начали группировать их в созвездия; этим созвездиям вавилоняне давали названия древних священных животных и предметов, которым когда-то поклонялись их предки, как, например, Рак, Скорпион, Телец, Лев, Овен, Пес, Весы, Стрелец и т. д.

Наблюдая небесный свод, вавилоняне заметили, что все звезды вращаются вокруг одной точки, и таким образом они открыли небесный полюс, при чем находящаяся на месте этого полюса звезда служила вавилонским морякам путеводным знаком. Эти астрономические познания были заимствованы у вавилонян финикийцами, от которых они перешли к древним грекам, а позднее сделались достоянием европейских мореходов.

Но, несмотря на сравнительно высокую степень ассиро-вавилонской культуры, познания древних вавилонян о Земле

Небо и земля по представлению вавилонян. Над землей возвышается небесный свод, опирающийся на фундамент. На востоке имеются ворота, из которых восходит солнце. Земля представляет собою высокую круглую гору, которая покоится на мировом океане. На востоке расположена светлая гора, под которой находится «место собрания богов», «храмина судеб». Внутри земли помещается город мертвых, окруженный семью стенами.

были очень примитивны. Вавилонские мудрецы учили, что мир состоит из трех частей: неба, суши (земли) и воды. Каждым из этих трех элементов управляет свой бог: бог неба—Ану, бог земли—Эн-лиль Бел, бог океана (воды)—Эа или Оанес.

Суша, или земля, по учению вавилонских мудрецов, покоится по средине мирового океана, а над нею, как огромная чаша, опрокинуто небо, где живут небесные боги, солнце, луна и звезды. Выше небесного свода находится небесный океан, воды которого сливаются с водами земного океана и составляют единый мировой океан. По этому мировому океану плавает солнце, совершая свой путь вокруг Земли в двадцать четыре часа. Вечером солнце опускается через особые ворота на западе в подземный мир, а утром оно выплывает через другие ворота на востоке. В недрах Земли находится подземный мир—царство умерших, где царствует злой дух Эрешкигаль.

Такое представление о строении Земли и вселенной перешло от вавилонян к другим народам и с некоторыми изменениями было усвоено и древними евреями, культура и религия которых послужила одним из основных элементов нашей европейской цивилизации.

III.

Палестина и евреи.—«Земля обетованная».—Географический кругозор древних евреев.

Небольшая область, расположенная между Египтом и Ассиро-Вавилонией и примыкающая своей западной стороной к Средиземному морю, явилась естественным образом преемницей всех культурных завоеваний Египта и Ассиро-Вавилонии. Страна эта, получившая название Палестины по имени первобытного народа, населявшего ее — «филистимлян» [1]), была завоевана приблизительно 3300 лет тому назад кочевыми семитическими племенами, родственными древним ассиро-вавилонянам и получившим от них наименование «евреев» [2]).

Библейское предание говорит, что одно племя еврейских кочевников, а именно племя Израиля, во время сильного голода переселилось из земли Ханаанской в Египет, где евреи сделались рабами фараонов. Живя в Египте, евреи заимствовали от египтян их обычаи и верования и под влиянием этого сильно изменили свои нравы. В Египте евреи научились также владеть плугом и возделывать землю.

Предание рассказывает, что когда гнет фараонов сделался невыносим для евреев, среди них явился вождь, по имени Моисей, который, постигши всю науку и мудрость египетскую, не забыл, однако, своего народа и его страданий и решил вывести его из египетской неволи. Моисей сказал евреям, что «бог отцов» обещал дать евреям во владение землю, «текущую молоком и медом»; этой «обетованной землей» и была Палестина.

Под влиянием рассказов Моисея, израильтяне решили покинуть Египет и, несмотря на угрозы фараона, вышли с Мои-

[1]) Филистимляне в еврейском произношении «пелештим», а уже отсюда древние греки и образовали слово «палестина», которое и вытеснило собою древнее название Палестины — Ханаан.

[2]) Слово «еврей» (гебре) значит «человек с другого берега», в данном случае с другого берега реки Евфрата.

сеем на Синайский полуостров. Однако прежде чем попасть в «обетованную землю», евреи долгое время кочевали по Синайскому полуострову и прилегающей к нему пустыне, ведя кровопролитные войны с кочевыми племенами.

Блуждая по пустыне, евреи под предводительством Моисея образовали сильное и сплоченное племя, которое в конце концов завоевало всю Сирию и основало еврейское государство. Царь Давид и его сын Соломон (приблизительно за 1000 лет до Р. Х.) об'единили все колена израилевы и мечтали о завоевании морского побережья, чтобы можно было ввозить золото из далекого Офира. Расположенная на великих мировых путях между странами востока и запада, между Вавилонией, Египтом, Ираном и странами Малой Азии, Палестина вместе с узкой прибрежной полосой, получившей наименование Финикии, сделалась в древности местом скрещивания древних культур.

Однако евреям не удалось, по многим причинам, всецело овладеть западным побережьем Средиземного моря, и здесь родственные евреям племена финикийцев оказывали евреям целые столетия упорное сопротивление. В течение целых шести веков израильтяне боролись без всякого успеха с филистимской лигой «Пяти городов», во главе которых стояли крупные приморские города—Тир и Сидон.

Таким образом, благодаря тому факту, что евреи целые столетия жили в узкой полосе долины реки Иордана, их географический горизонт был не широк. Они имели очень смутное представление о других странах, о море, об устройстве кораблей и т. д. Из библейского рассказа о всемирном потопе, сказание о котором евреи заимствовали у вавилонян, видно, что евреи очень плохо представляли себе устройство ковчега, т.-е. корабля, в котором Ной, по преданию, спасся от наводнения [1]). Они не понимали также и значения выпускания Ноем голубя при спаде вод,—древние евреи не знали, что голуби служили вавилонским мореходам, плававшим в Персидском заливе, своего рода компасом для определения того направления, в котором они могут найти сушу [2]).

[1]) В книге Бытия название ковчега передано еврейским словом tebah, что означает «сундук», а не «судно». Таким образом древние евреи представляли себе корабль в виде большого ящика или сундука.

[2]) Вавилонские моряки, а после них и финикийские, находясь в открытом море, выпускали голубей и следили за направлением их полета. Голуби, поднявшись в воздух, если замечали на горизонте сушу, то направлялись к ней, и это служило мореходам указанием, куда следует направлять корабль.

Географический горизонт древних евреев ограничивался на западе Средиземным морем, на востоке—долиной реки Тигра, на севере—горами Армянского Тавра, а на юге—Ассиро-Вавилонией, Аравийской пустыней и Египтом. На этом сравнительно небольшом пространстве, по учению еврейских мудрецов, обитали 70 «языков» или 70 народов, говорящих на 70 различных языках. И эти народы составляли все население Земли.

Расширение географического горизонта древнего мира выпало на долю не евреев, а родственного с евреями племени,—филистимлян или финикийцев.

IV.

Финикийцы.—Путешествие финикийцев по Средиземному морю.—Финикийские колонии.—Путешествие Ганнона вокруг Африки.—Путешествие Гимилькона.

Древние египтяне, как и древние ассиро-вавилоняне, хотя и предпринимали морские путешествия, но тем не менее не решались удаляться далеко от берегов. Народы древности смотрели на вечно волнующееся море с некоторым страхом, и их фантазия населяла неведомые заморские страны страшными чудовищами. Развитие и прогресс мореплавания в древнем Египте тормозились еще и тем, что в Египте не было строевого корабельного леса, и поэтому древние обитатели Египта не могли строить больших и прочных кораблей.

Первыми мореходами древности суждено было стать финикийцам, которые заселяли узкую прибрежную полосу Палестины. Финикийцы, обладавшие смелостью и предприимчивостью, могли в изобилии добывать огромные корабельные кедровые деревья из гор Ливана; из этого материала они научились строить сравнительно большие суда, выдерживавшие морскую качку и длинные плавания.

Совершенно неизвестно, к какой эпохе относится начало мореплавания финикийцев; можно с достоверностью лишь сказать, что уже за 1.500 лет до начала нашей эры финикийцы имели свои колонии на Кипре, Родосе и на многих островах Эгейского моря. Историческими разысканиями установлено также, что еще за двенадцать веков до Р. Х. финикийцы ездили на своих галерах по всему Средиземному морю вплоть до «столбов Мелькарта», как они называли Гибралтарский

пролив, и даже выходили через этот пролив в Атлантический океан.

Финикийцы перевозили на своих галерах продукты Малой Азии и выменивали на них у первобытных народов Европы и Северной Африки золото, серебро, олово и т. п. Благодаря своей развитой торговле, финикийцы могли построить

Колонии финикиян и известные им побережья.

большие и богатые города по всему побережью Средиземного моря. Эти города были предметом восхищения древних народов, и во многих местах Библии мы встречаем указания на необычайную роскошь и богатство финикийских городов Тира и Сидона. Пророк Исаия между прочим восхищался финикийскими кораблями и сравнивал их флотилии с стаями голубей, «несущихся к домам своим».

Подобно современным англичанам, финикийцы имели всюду на Средиземном море свои колонии, и купцы Тира и Сидона стремились захватить каждый пункт морского побе-

режьям, который мог быть полезен, как удобная стоянка для кораблей, или как рынок для сбыта товаров, или, наконец, как стратегический пункт, необходимый для владычества над побережьем или морскими проливами. Так, финикийцы завладели Босфором, где они основали крепость, носившую название Кальта, переименованную впоследствие греками в Калхедон. В самом центре Средиземного моря финикийцы завладели островом Мальтой, где они также основали большую крепость. Они заняли и далеко выдающийся в Средиземное море мыс Африканского материка и здесь заложили город Карфаген [1]), сделавшийся позднее еще более могущественным, чем сами метрополии Тир и Сидон. Тиряне основали много колоний и еще далее к западу, на большей части тех пунктов средиземноморского побережья, которые обладали особыми преимуществами в качестве торговых рынков: так, на северном берегу Средиземного моря, в области галлов, они основали город Марс-Эль, что на их языке означало «Гавань бога». С той эпохи этот город стал играть выдающуюся роль благодаря своей прекрасно защищенной гавани и благодаря своему местоположению при выходе к морю богатой долины реки Роны.

За столбами Мелькарта, которые позднее от греков получили название столбов Геркулеса, т.-е. за Гибралтарским проливом, также были рассеяны по берегам как Европы, так и Африки небольшие финикийские колонии, где корабли финикиян могли останавливаться и забирать продовольствие; эти колонии простирались на север до Оловянных островов (нынешней Великобритании) и на юг—до архипелага Счастливых островов. Одной из таких отдаленных финикийских колоний на берегу Атлантического океана в Европе был Гадес, существующий и в наши дни под именем Кадикса.

Финикияне имели также гавани и по берегам Красного моря; они посещали берега Африки, Азии, острова Зондского архипелага и даже—как о том свидетельствуют финикийские надписи, найденные в Режанге и относящиеся к эпохе, отдаленной от нашего времени на 22—23 века—были на острове Борнео. Они также часто посещали страну Офир, каковою была либо изобилующая золотыми россыпями страна Софала, либо город Абхира, находившийся у устья реки Инда, где финикийцы могли получать богатейшие товары, стекавшиеся сюда со всего Индостана.

---

[1]) По-финикийски Картхада, что значит новый город—«Новгород»

Финикийцы предвосхитили на двадцать веков открытие Диаза и Васко-де-Гамы и совершили, по приказанию египетского фараона Нехо Второго, плавание вокруг всего африканского материка от Красного моря к Средиземному. По рассказу Геродота, эти мореплаватели выехали из Красного моря на юг, два раза встречали осень, сеяли хлеб и после жатвы ехали дальше. «Так прошло в плавании два года,—говорит Геродот,—и только на третий год они обогнули Геракловы Столбы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю,—прибавляет Геродот, а—другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикияне имели солнце с правой стороны...» [1]).

Это указание Геродота, заставившее его сомневаться в достоверности рассказа финикийских мореплавателей, является для нас как раз доказательством того, что такое путешествие вокруг Африки было действительно совершено. На самом деле, финикийцы, огибая Африку, пересекли экватор и попали в южное полушарие. Здесь солнце в полдень было у них уже не на южной, а на северной стороне неба. Этот факт Геродот и выражает словами «имели солнце с правой стороны» (следует прибавить, «если человек смотрит солнцу вслед и стоит лицом к западу»). Для Геродота этот факт кажется невероятным, ибо жители нашего северного полушария привыкли видеть солнце в полдень всегда на юге, или, иначе, став лицом к западу, имеют солнце на левой стороне. Геродот не подозревал, что на земле существуют области, где солнце в полдень бывает не на южной стороне неба, а на северной. На основании этого он отвергает и достоверность рассказа финикийцев о плавании кругом Африки.

Географические открытия финикийцев постигла та же судьба, как и их культуру; о них не сохранилось ни подробных описаний, ни памятников; результаты их географических открытий пропали почти без следа для последующих поколений: их морские экспедиции вокруг Африки, в «страну олова» и т. д., не освободили человечество от необходимости повторить еще раз эти открытия.

Однако тем не менее заслуги финикийцев в области географии значительны. Прежде всего финикийцы дали наименование двум материкам Старого Света—Европе и Азии. Плавая по Средиземному морю, они первые стали называть страны, лежащие к востоку от этого моря, общим именем а с у

---

[1]) *Геродот.* История. Пер. с греч. Мищенко. М. 1888 г. Том I, стр. 321.

(что означает в о с х о д), а страны, расположенные в северо-западной части Средиземного моря именовали э р е б о м (з а к а т). Из этих названий древние греки позднее и произвели имена—Азия и Европа.

Кроме этого, привозя в Галлию на Иберийский полуостров и на острова Великобритании изделия Передней Азии, финикийцы способствовали пробуждению у первобытных европейских дикарей техники и стремления к более культурной жизни. Финикийцы доставляли в Западную Европу металлические изделия и посуду еще в то время, когда европейские жители умели делать лишь грубые орудия из камня.

Древние финикийские купцы.

Являясь первыми в роли мореходов в древнюю эпоху, финикийцы занимали такое же место и в качестве промышленников. Особенно славились они, как фабриканты тканей; они же были в древности и наилучшими и почти единственными фабрикантами стеклянных изделий; их металлические инструменты и глиняные сосуды пользовались большим спросом во всех странах, до которых доходили финикийские корабли. Несомненное превосходство их над другими народами в торговле и промышленности, и лучшее качество их товаров, по сравнению с грубыми произведениями других стран, позволяли им вести торговлю в широких разме-

рах и всюду находить сбыт для своих товаров. Финикийцам принадлежит еще другая заслуга, стоящая в связи с тем, что во время частых путешествий в далекие страны к народам, говорившим на разных языках, им приходилось воспроизводить эти чуждые звуки; вследствие этого финикийцы первые изобрели способ упрощения древнего иероглифического письма и заменили иероглифы буквами алфавита, в котором каждый знак имел значение определенной комбинации звуков.

Потомки древних финикийцев, карфагеняне, продолжали дело географических открытий и смело выходили из Средиземного моря в Атлантический океан. Но так же, как и о самих финикийцах, о карфагенянах мы почти ничего не знаем, потому что даже раскопки, продолжавшиеся целые годы на месте Карфагена, дали только малоинтересные памятники позднейшей римской эпохи. Исторические известия о жизни карфагенян сохранились лишь, начиная с VII века до Р. Х., когда пунический мир пришел в соприкосновение на Средиземном море с миром греческим.

Через посредство Греции до нас дошли сведения о большой морской экспедиции карфагенянина Ганнона, который был послан в 470 году до Р. Х. карфагенским сенатом для исследования западных берегов Африки. Экспедиция Ганнона состояла из шестидесяти карфагенских пентеконтер, т.-е. пятидесятивесельных галер. Весь экипаж экспедиции состоял из тридцати тысяч людей. История этой экспедиции была написана на пуническом языке и переведена на греческий; она носит название: «Описание морского путешествия Ганнона».

Ввиду того, что это «Описание» было первым отчетом о путешествии, дошедшим до нас с древности, мы воспроизводим его здесь в переводе. Ганнон описывает свое путешествие так: «Отчалив и выехав за Столпы (Мелькарта), мы плыли два дня и затем основали первый город, который назвали Фимиатирием: вокруг него простиралась большая равнина. Затем, направившись далее на запад, прибыли к Солоису, ливийскому мысу, покрытому густым лесом. Здесь основали храм Посейдона и снова двинулись на восток на полдня пути, пока не пришли к озеру, расположенному недалеко от моря и наполненному многочисленным и высоким тростником. Были тут и слоны и много других животных, которые паслись. Отсюда мы поплыли еще на день пути и посетили приморские города, называемые Карикон-тих, Гитта, Акра, Мелитта и Арамвий. Отплыв отсюда, мы прибыли к большой

реке Ликсу, текущей из Ливии. Около нее ликситские пастухи пасли стада; у них мы пробыли некоторое время, как друзья. За землей ликситов живут негостеприимные эфиопы, населяющие землю, полную зверей и покрытую большими горами, из которых, как говорят, вытекает Ликс; у гор же живут разные люди, называемые троглодитами; ликситы говорят, что они в беге быстрее лошадей.

«Взяв у ликситов переводчиков, мы поплыли вдоль пустыни на два дня к югу, а затем на день к востоку. Там нашли мы внутри залива небольшой остров пяти стадий в окружности. Его мы заселили, назвав Керной. Мы предположили, что он лежит соответственно Карфагену: путь от Карфагена до Столпов равняется пути от Столпов до Керны. Отсюда, проплыв мимо большой реки по имени Хрит, мы прибыли к озеру, на котором было три острова, больших, чем Керна. Отойдя от них на день пути, мы прибыли к концу озера, над которым высились громадные горы, полные диких людей, одетых в звериные шкуры; бросая камни, они отгоняли нас, препятствуя высадиться на берег. Плывя отсюда дальше, мы прибыли к другой реке, большой и широкой, полной крокодилов и гиппопотамов. Вернувшись отсюда, снова прибыли на остров Керну. Отсюда поплыли на юг, и через двенадцать дней прошли мимо земли, которая вся была заселена эфиопами, бежавшими от нас. Язык их оказался непонятен и для бывших с нами ликситов. В последний день причалили к большим лесистым горам. Стволы деревьев были разнообразны и душисты. Проплыв мимо них два дня, мы очутились в морском заливе, на обоих берегах которого была равнина. Отсюда ночью мы заметили по всем направлениям с промежутками сверкающие огни то больше, то меньше. Запасшись водою, плыли дальше пять дней вдоль берега, пока не прибыли в большой залив, который, по словам переводчика, называют Южным Рогом. В этом заливе оказался большой остров, а на острове—соленое озеро, а на озере—другой остров. Сюда мы причалили, но целый день ничего не видали, кроме леса, а ночью много зажженных огней; слышали звуки флейт, кимвалов и тимпанов и сильные крики. Нами овладел страх, и оракулы велели оставить остров. Поспешно отплыв, мы прошли мимо знойной страны, полной благовоний. Из нее громадные огненные потоки вливались в море. Страна эта была недоступна вследствие жара. Поспешно мы отплыли оттуда в страхе. Плыли мы затем четыре дня и ночью увидали землю, полную пламени. В средине был весьма высокий огонь, больший, чем другие; казалось, что он касался звезд. Днем

это оказалось высочайшей горой, называемой «Феон Охима» («Колесница богов»). Через три дня, проплыв пламенные потоки, мы прибыли в залив, называемый «Южным Рогом». В глубине залива был остров, полный диких людей. Более многочисленны были женщины с телами, покрытыми шерстью; переводчики-ликситы называли их гориллами. Мужчин мы преследовали, но не могли поймать—все они убежали, цепляясь за скалы и защищаясь камнями. Трех женщин мы захватили, но они, кусаясь и царапаясь, не захотели следовать за ведшими их. Убив их, мы сняли с них шкуры и привезли их в Карфаген. Дальше мы не плавали: у нас не хватило припасов».

Таково описание этого путешествия древности, предпринятого с целью исследования земли. По своем возвращении, Ганнон, согласно тогдашнему обычаю, поставил в храме Хроноса каменную доску, на которой и было высечено вышеприведенное описание его путешествия «вокруг света» (Periplus); рядом с этим описанием были выставлены в храме и три шкуры убитых самок горилл, принятых Ганноном и его спутниками за диких женщин. Эти шкуры висели в храме еще во времена Сципиона.

По мнению большинства ученых, Ганнон должен был через Сенегал доехать до Сиерра-Леоне, а не внутрь Гвинейского залива, как думали раньше. Его наблюдения достаточно интересны и подтверждаются в некоторых отношениях современной этнографией этой области. Огнедышащая гора, виденная Ганноном, является, по всей вероятности, горою Сагрес на берегу Сиерра-Леоне.

Гораздо менее знаем мы о путешествии другого карфагенянина—Гимилькона. Согласно свидетельству Плиния и Феста Авиена, Гимилькон одновременно с Ганноном отправился через Столпы Мелькарта; но по выходе в океан, он направился не на юг, а на север. Четыре месяца был он в пути, густые водоросли, ил, темнота и страшные морские чудовища сломили бодрость спутников Гимилькона; кроме того, море по направлению на запад представлялось необозримым; казалось, что «никому не проникнуть в эту даль, где нет ни попутного ветра, ни путеводной звезды, и где туман и тьма даже днем окутывают неподвижные воды». Быть может, такие сведения о путях на север распространялись карфагенянами намеренно, чтобы не возбуждать стремления у других народов проникнуть к таинственным Оловянным островам, откуда карфагеняне привозили этот металл, необходимый для выработки бронзы.

На материке Африки карфагеняне почти не расширили своих политических владений; но зато они много сделали в области исследования Европы. Они открыли Иберийский полуостров и принесли сюда зачатки культуры и цивилизации. Подобным же образом великий поход Ганнибала через Пиринеи, Галлию и Альпы в 218 году до Р. Х. расчистил римлянам путь в эту страну.

V.

Географические открытия древних греков. — Легендарные путешествия греков. — Аргонавты. — Гомер и его познания о земле. — Приключения Одиссея.

Древние египтяне не могли, в силу географических условий, распространить свои владения далеко за пределы Египта, так как сам Египет являлся почти замкнутой страной, окруженной с запада, востока и юга обширными пустынями. Египтяне имели выход лишь на север, на побережье Средиземного моря, но здесь они встретили уже энергичных мореходов финикийцев, которые захватили все берега Малой Азии. Финикийцы, заимствовав у египтян много ценных культурных завоеваний, явились, в свою очередь, проводниками цивилизации через Средиземное море на его северные берега.

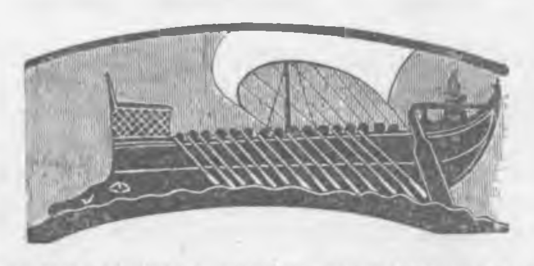
Вполне естественно, что финикийцы, начав колонизацию Средиземного моря, прежде всего обратили свое внимание на побережье Греции и на острова греческого архипелага, как расположенные ближе всего к берегам Малой Азии. Таким образом острова Родос, Милос и Сирос уже с глубокой древности принадлежали финикийцам; но наиболее важным пунктом, приобретенным торговцами Тира в качестве военного, коммерческого и промышленного пункта вне пределов континентальной Греции, был остров Кифера, самое название которого, повидимому, семитического происхождения.

Овладев таким важным пунктом у самого южного берега Пелопоннеса, на границе Эгейского и Ионического морей, финикийцы приобрели полное господство над Средиземным морем. Кроме того, остров Кифера был чрезвычайно богат пурпуром, что помогало финикийским промышленникам широко развивать свое производство драгоценных крашеных тканей. Остров этот в течение некоторого периода своей истории получил наименование Порфирузы—«острова пурпура», так как его берега были усеяны скоплениями раковин пур-

пурницы, употреблявшейся финикийцами для приготовления пурпуровой краски для окраски тканей.

Финикийцы колонизовали также острова и полуострова северной части Эгейского моря; быть может, их колонии находились и на берегу другого моря, которое позднее стало называться Ионическим. Таким образом финикийцы явились первыми цивилизаторами кочевых племен Греции. Спустя несколько столетий после начала колонизации финикийцами греческого побережья, греки сами, в свою очередь, стали искусными мореплавателями, предпринимавшими большие путешествия.

Развитию мореплавания в Греции способствовало и само географическое устройство страны; побережье Греции изре-

Изображение древне-греческого корабля, нарисованное на древней вазе, хранящейся в Парижской Национальной Библиотеке. (Это изображение является наиболее древним из всех рисунков греческих кораблей, известных в настоящее время.)

зано многочисленными бухтами и заливами, удобными для стоянки кораблей, а окружающие Грецию моря усеяны многочисленными островами. Море, лежащее между Грецией и Малой Азией—Эгейское,—сравнительно спокойно. Только зимою на нем бывают бури: древний греческий мореход уводил на это время свои суда в глубокие бухты. Он прекращал свои плавания, когда на небе показывались Плеяды, приносившие, по верованию древних греков, дождь.

Предания греческого народа сохранили воспоминание о нескольких больших морских путешествиях древних греков: к числу таких принадлежат легендарная экспедиция аргонавтов и приключения Одиссея, одного из греческих вождей, участвовававших в Троянской войне. Приключения Одиссея, а также и самый поход греков на завоевание Трои,—города, находившегося недалеко от входа в Дарданелльский пролив, были увековечены знаменитым певцом древней Герции, Гомером, в его поэмах «Илиада» и «Одиссея». Прежде, чем гово-

рить о географическом содержании этих поэм, мы остановимся на путешествии аргонавтов.

Легенда о походе аргонавтов создалась, вероятно, под влиянием какого-нибудь действительного путешествия древних греков. Как бы то ни было, она резюмирует все географические познания греков в ту эпоху, которою начинается исторический период всего средиземноморского мира. Она является историческим документом величайшей важности, и дополнением к этой легенде может служить легенда о приключениях Одиссея.

По предположению некоторых исследователей, путешествие аргонавтов имело место около 1350 г. до Р. Х. Причиной, вызвавшей это путешествие, послужило, согласно легенде, сказание «о золотом руне» барана, которого подарил бог Гермес богине облаков—Нефеле. На этом золотом баране Нефела послала через моря и земли своих детей Фрикса и Геллу. Пролетая над морем, Гелла упала и потонула в проливе, который с тех пор и называется по ее имени «Морем Геллы», или Геллеспонтом. Фрикс же благополучно прибыл в Колхиду, в царство короля Айета. Здесь Фрикс принес золотого барана в жертву Зевсу Крониду, а его золотое руно подарил королю Айету. Айет же посвятил руно богу войны Аресу и повесил его в священной роще, приставив к нему для охраны чудовищного дракона. Переводя поэтический, образный язык легенды на обыкновенный, многие исследователи предполагают, что причиной путешествия аргонавтов были поиски каких-либо золотых россыпей, на существование которых у древних греков существовали смутные указания.

Имея вождем Язона, а кормчим Тифиса, одушевляемые игрой и пением Орфея, аргонавты отплыли из Пагасской гавани на корабле «Арго». Обогнув Халкедонский полуостров, они миновали Самофракию, затем буря занесла «Арго» к берегам острова Лемноса. После многих приключений аргонавты вступили в Черное море и в конце концов достигли устья реки Фазиса, орошавшей Колхиду. Слева у них, говорит легенда, простирался Кавказ и столица Айета, а направо виднелись поле и роща Ареса, где зоркий дракон, не смыкая очей, сторожил золотое руно.

Возвращение аргонавтов в Грецию, по одним сказаниям, совершилось тем же путем, каким они прибыли в Колхиду; но, согласно рассказу Аполлония в «Аргонавтике», Язон со своими товарищами проплыли к Истру (Дунаю) и, поднявшись по нему вверх, попали в Адриатическое море, откуда они поплыли вверх по реке Эриданус, или Падус (По), а затем

через реку Роданус (Рону) снова попали в Средиземное море. Аргонавты проходят таким образом. страны лигурийцев и кельтов, посещают остров Эльбу и, благополучно миновав Сциллу и Харибду (Мессинский пролив), прибывают в страну феакийцев. Отсюда аргонавты, наконец, возвращаются в пагасскую гавань—место своего отправления.

Столкновение интересов и соперничество народов, обитавших на европейском и азиатском берегу Эгейского моря, привело в конце концов к великой Троянской войне, продолжавшейся, согласно Гомеру, десять лет. К какому времени относится эпоха этих воинственных столкновений, навсегда запечатлевшихся в памяти человечества благодаря поэмам Гомера, известно нам лишь с точностью до нескольких столетий. Александрийские хронологи считают, что Троянская война происходила с 1193 по 1184 год до Р. Х. Таким образом, благодаря поэмам Гомера, мы можем составить себе понятие, каков был географический горизонт греков за двенадцать веков до начала нашей эры.

Оставляя в стороне описание самой Троянской войны, что завело бы нас далеко от нашей темы, мы сделаем здесь лишь краткий пересказ приключений Одиссея, так как его путешествие дает нам возможность познакомиться с теми странами, какие были известны древним грекам эпохи Троянской войны. Согласно поэме Гомера, Одиссей, один из предводителей греков под стенами Трои, отправившись после окончания войны к себе на родину, на остров Итаку (Итака—один из островов близ Греции в Ионическом море), проблуждал по Средиземному морю целых десять лет, посетив за это время многие страны и острова.

Вот что рассказывает Гомер об его странствованиях и приключениях. Одиссей после разрушения Трои отправился на свою родину со своими двенадцатью кораблями. Но буря его загнала далеко от берегов Греции и привела корабли Одиссея в страну одноглазых циклопов, диких великанов, живших в горных пещерах. Одиссей и несколько его спутников, неожиданно для себя, попали в плен к циклопу Полифему, и только благодаря хитрости Одиссея ему удалось вырваться из этого плена. После этого корабли Одиссея пристали к острову, где жил Эол, бог ветров, который отсюда посылал ветры во все страны света. Эол ласково принял Одиссея, подарил ему мех, в котором были спрятаны ветры, и послал ему попутный западный ветер. Но в открытом море Одиссей крепко заснул на своем корабле, а его спутники в это время из любопытства раскрыли завязанный мех и из него вылетели все

ветры; поднялась буря, и целых шесть суток носились корабли Одиссея по морю; из двенадцати кораблей одиннадцать погибло в волнах, и только корабль самого Одиссея был прибит к острову, на котором жила волшебница Цирцея. После разных приключений Одиссей снова пустился в море, чтобы попасть в родную Итаку. Волшебница Цирцея указала Одиссею путь, сказав, что ему придется плыть мимо страшных чудовищ Сциллы и Харибды, поглощающих корабли. Цирцея также сказала, что Одиссей должен проплыть мимо острова Тринакрии (треугольного), где пасутся лучшие стада бога Гелиоса.

Избежав благополучно Сциллы и Харибды, Одиссей потерпел крушение в море за то, что его спутники убили на острове Тринакрии несколько быков, посвященных Гелиосу. После этого крушения спасся только один Одиссей, приплыв на обломке мачты к острову, где жила богиня Калипсо. Эта богиня продержала Одиссея на острове целых семь лет. Только по повелению Зевса, Калипсо, наконец, отпустила Одиссея, который построил себе лодку и отправился в море, «держа свой путь по звездам». Но и на этот раз Одиссею не удалось добраться до Итаки, так как бог Посейдон, мстя Одиссею за ослепление своего сына Полифема, разбил лодку Одиссея, и сам Одиссей был выброшен на берег острова Схерии, где обитал торговый народ феаки. Царь феаков, Алкиной, снарядил корабль, который и доставил Одиссея в Итаку, где он нашел верную жену Пенелопу и своего любимого сына Телемака.

Если мы отбросим в приключениях Одиссея легендарный вымысел, то мы легко можем проследить весь путь Одиссея по Средиземному морю. Остров Эола, по всей вероятности, был один из островов Липарских, называющихся ныне также Эолийскими. Эти острова вулканического происхождения; высоко поднимавшийся дым их вулканов служил древним морякам признаком для того, чтобы узнавать предполагаемое направление ветра; вот почему, вероятно, эти острова и получили наименование Эоловых. Остров Тринакрия является островом Сицилией, а страшные чудовища Сциллы и Харибды—не что иное, как сильные водовороты в Мессинском проливе; здесь и теперь возвышаются еще утесы, носящие название Харибды и Сциллы. Что касается острова Схерии, то Фукидид, а в новейшее время Фосс и Нибур, отождествляли Схерию с Керкирой.

Таким образом, согласно песням Гомера, древние греки уже за двенадцать столетий, или по крайней мере за десять столетий до начала христианской эры, знали главнейшие

острова Средиземного моря. Позднее фокейцы, милетцы и представители других греческих племен совершали путешествия в Италию и к берегам Испании, завязывая всюду торговые сношения. Греческие колонии на берегах Средиземного моря мало-по-малу вытеснили финикийские колонии, и греки заняли господствующее положение в древнем мире.

VI.

Геродот и его путешествия.—Посещение Геродотом Египта, Ливии, Эфиопии, Финикии, Аравии, Вавилонии, Персии, Мидии, Колхиды, Скифии и Фракии.

Одним из великих путешественников древности является Геродот, грек по происхождению. После карфагенского исследователя Ганнона, о котором говорилось выше, Геродот был самым знаменитым путешественником древности. Однако Геродот более известен, как историк и его называют «отцом истории», так как он первый написал большое историческое сочинение, доставившее ему широкую известность в древнем мире. Но тем не менее его географические исследования также имеют огромную ценность, так как он первый из греков совершил путешествие по всем известным в его время областям и оставил потомству подробное описание этих стран.

Прежде чем говорить о путешествиях Геродота, мы скажем несколько слов о нем самом. Геродот родился в Галикарнасе, в малоазиатском городе, за 484 года до Р. Х.; он был племянником поэта Паниазиса, стихи которого соперничали в то время со стихами Гомера и Гезиода. Гонимый тираном Галикарнаса, Лигдамидом, Геродот в возрасте двадцати лет вынужден был бежать из родного города и переселился на остров Самос. Отсюда он, по всей вероятности, направился сначала в Египет, где посетил Мемфис, Гелиополис и Фивы. В Египте Геродота более всего поразили разливы Нила.

Геродот подробно описывает обычаи египтян, их игры, бальзамирование; далее он составляет историю страны от первого царя Египта, Минеса; он рассказывает о сооружении пирамиды в царствование фараона Хеопса; говорит о лабиринте, построенном у озера Мериса, остатки которого были открыты в 1799 году; Геродот описывает самое озеро Мерис и две пирамиды, поднимавшиеся над поверхностью его вод; с удивлением рассказывает он о храмах Минервы в Саисе, Изиды в Мемфисе и о знаменитом колоссе из целого камня, над пере-

возкой которого из Элефантины в Саис работали две тысячи человек в продолжение трех лет.

Согласно Геродоту, выше Элефантины уже обитают эфиопы. Действительно ли Геродот путешествовал по этой стране? Или же он записал сведения о ней со слов египтян? Неоспоримо, что Геродот плавал к Тиру в Финикию. Там он восхищался двумя великолепными храмами Геркулеса. Затем он посетил Фазис и пользовался сведениями, почерпну-

Геродот. (Снимок с древне-греческой камеи.)

тыми на месте, для составления краткого очерка о Финикии, Сирии и Палестине.

Из этих стран Геродот спускается на юг в Аравию, в страну, называемую им азиатской Эфиопией, т.-е. в ту часть Южной Аравии, которую он считает последней обитаемой страной. Затем мы встрчаем Геродота в странах, называемых им неопределенно то Ассирией, то Вавилонией. Записки об этих странах Геродот начинает подробным описанием Вави-

лона, в котором жили цари со времени разрушения Ниневии и развалины которого представляются теперь разбросанными холмиками по обоим берегам Евфрата, на расстоянии семидесяти восьми километров к югу-востоку от Багдада.

Изучив Вавилон, Геродот отправился в Персию, и так как целью его путешествия было собрать точные сведения о греко-персидских войнах, то он и посетил те места, где происходили эти войны, дабы воспользоваться данными о них на месте. Эту часть своей истории Геродот начинает с описания обычаев персов, не придававших богам человеческой формы, не воздвигавших им ни храмов, ни жертвенников, а довольствовавшихся исполнением своих религиозных обрядов на вершинах гор. Геродот отмечает их домашнюю жизнь, их отвращение к мясу, любовь к фруктам, страсть к вину, их любознательность по отношению к чужестранным обычаям, их пристрастие к удовольствиям, военные доблести, строгое отношение к воспитанию своих детей, их уважение к праву на жизнь каждого, даже раба, их отвращение ко лжи и к долгам, их презрение к прокаженным, болезнь которых, по мнению персов, доказывает, что «несчастный согрешил против солнца».

Затем неутомимый Геродот отправился в Мидию, где составил историю мидян, первых свергнувших иго ассириян. Мидяне основали огромный город Экбатану, который был окружен семью рядами стен. Переваливши через горы, отделявшие Мидию от Колхиды, греческий путешественник проник в страну, прославленную подвигами Язона, и изучил со свойственной ему добросовестностью ее нравы и обычаи.

Геродот, повидимому, был хорошо знаком с Каспийским морем, он говорит, что «это море—само по себе и не имеет никакого сообщения с другим морем». Каспийское море, по словам Геродота, ограничено на западе Кавказскими горами, а на востоке обширной пустыней, населенной особым народом «массагетами». Эти массагеты поклонялись солнцу. Геродот говорит о двух больших реках, впадающих в Каспийское море (вероятно, он подразумевает Урал и Волгу). Ему был известен также большой торговый путь из Европы в Индию, проходивший к северу от Каспийского моря, и, по всей вероятности, через долины Оксуса (Аму-Дарьи) и Инда.

С берегов Каспийского моря Геродот отправился через степи, простирающиеся между Каспийским и Черным морями; эту обширную страну Геродот называет Скифией, а ее жителей—скифами. Скифы, по определению Геродота, живут отдельными племенами и занимают все пространство между Ду-

наем и Доном, т.-е. значительную часть Европейской России. Наиболее многочисленными и сильными Геродот называет племя «княжеских скифов», занимавших берега реки Танаис (Дона). Далее Геродот называет племена скифов-кочевников и скифов-земледельцев. Племена скифов-земледельцев жили по берегам реки Борисфена (нынешнего Днепра). Геродот подробно описывает обычаи скифов и их наружность; Геродот говорит, что скифы были храбры, добродушны, беспечны и общительны, но склонны к излишествам и разгулу. К северу от Скифии, по словам Геродота, жили сарматы. Геродот определяет размеры Черного моря, Пропонтиды, Босфора и Азовского моря и его определения почти верны. Он перечисляет большие реки, впадающие в Черное море: Истер, или

Изображение скифов на древней вазе, найденной в могильном кургане Куль-Об близ города Керчи.

Дунай, Борисфен, или Днепр, Танаис, или Дон.

Из Скифии Геродот прибыл во Фракию, а затем сделал путешествие по всей Греции, посетив те местности, где происходили войны греков с персами; в числе этих местностей он посетил Фермопильский проход, Марафонское поле, Платею и затем возвратился в Малую Азию, где проехал через все прибрежные страны, исследуя многочисленные колонии, основанные там греками.

Вернувшись на родину, в Галикарнас, Геродот принял участие в народном движении против тирана Лигдамиса и содействовал его свержению. В 444 году до Р. Х. он присутствовал на Панафинейских празднествах и прочитал там отрывки из своих путешествий, вызвав всеобщий энтузиазм. Под ко-

нец своей жизни Геродот удалился в Италию, в Туриум, где и умер за 406 лет до Р. Х., оставив по себе славу знаменитого путешественника и еще более знаменитого историка.

Мы не будем описывать путешествий великого греческого философа Платона, который посетил также Египет, Италию и Сицилию. Платон не оставил нам описания своих путешествий, но его товарищ по путешествиям, некто Евдокс из Книды, изложил свои наблюдения в труде, который он озаглавил: «Путешествие вокруг света»; это сочинение представляло собою путеводитель по всем известным в то время странам. К сожалению, оно не дошло до нашего времени, и о нем мы знаем лишь по сообщению древне-греческого географа Страбона.

VII.

Пифеас Марсельский.—Его путешествия на север.—Открытие им Альбиона (Англии).

После Геродота наиболее выдающимся путешественником древнего мира считается Пифеас Марсельский, который был, как и Геродот, греком, хотя и родился в финикийской колонии Марсели. Пифеас был одновременно путешественником, географом и астрономом. В 340 г. до Р. Х. Пифеас на одном корабле предпринял плавание по Атлантическому океану. Вместо того, чтобы, как это делали большинство финикийских мореплавателей, следовать вдоль по африканскому берегу к югу, Пифеас направился на север. Исследовав берега Иберийского полуострова и побережье страны кельтов вплоть до гранитного мыса, называемого и теперь Финистер (конец земли). Пифеас вошел в бурный пролив Ламанш и пристал к берегам Англии, которой он дал название Альбиона (Белого острова) за ее меловые утесы.

Приставая во многих местах острова, Пифеас входил в общение с жителями Альбиона, которые, по его словам, отличались добродушием, честностью и умеренностью; они вели торговлю оловом, за которым сюда приезжали торговцы из отдаленных стран.

Пифеас, подвигаясь от берегов Англии дальше к северу, открыл острова Аркадские, расположенные у северной оконечности Шотландии, и поднялся к северу на такую широту, что «летом ночь не превосходила двух часов». После шестидневного плавания по Северному морю, Пифеас достиг земли, которую он называет Фуле; это была, вероятно, Исландия или

Норвегия. Дальше к северу Пифеас не мог плыть, так как «дальше,—говорит он,—не было ни моря, ни земли, ни воздуха». По всей вероятности, этими словами Пифеас хотел сказать, что на своем пути к северу он встретил густые туманы, скрывшие и море, и землю, и воздух и препятствовавшие дальнейшему путешествию.

Это путешествие Пифеаса на север Британских островов не было его единственным большим путешествием; он предпринял после этого второе путешествие к берегам северо-восточной Европы, и, снова проехав через Ламанш, он переплыл через Северное море, а затем через пролив Зунд попал в Бал-

Карта путешествия Пифеаса. Путь Пифеаса из Марселя показан пунктирной линией.

тийское море; исследуя берега этого моря, Пифеас доехал до устья большой реки, которую он называет Танаисом (вероятно, это была Висла или Западная Двина). Отсюда Пифеас отплыл обратно в Марсель, и возвратился в него через год после того, как покинул родной город. Замечательный путешественник, Пифеас был не менее замечательным ученым; он первый доказал влияние луны на морские приливы и отливы и заметил, что полярная звезда не занимает в небесном пространстве пункта, который бы приходился над самым земным полюсом, что и доказано было позднейшими учеными. Пифеас оставил после себя два сочинения, в которых изложил оба свои путешествия. Первое сочинение названо Пифеа-

сом «Описание Океана» и содержит описание первого путешествия Пифеаса в северные страны, а второе называлось «Период»; в нем Пифеас изложил свое путешествие в Балтийское море. Эти сочинения сохранились только в отрывках, и были собраны и изданы в 1824 г. в Упсале (в Швеции), а в 1848 г. в Мерзебурге.

VIII.

Походы Александра Македонского и их значение для географии.—Исследование Неархом побережья Азии от Евфрата до Инда.

Расширению географического горизонта древних греков много способствовали походы Александра Македонского (356—323 г.г. до Р. Х.). Завоевание Александром Ближнего Востока, Персии и стран, прилегающих к Каспийскому морю, познакомило греков с народами ближней Азии, а поход Александра в долину Инда открыл греческому миру таинственную Индию. Для развития географических познаний имели большое значение морские экспедиции, которые Александр снаряжал для исследования новых стран. Особенно большое значение имела экспедиция начальника флота Александра Македонского—Неарха, которого Александр послал из устьев Инда исследовать морское побережье вплоть до устья реки Евфрата в Персидском заливе.

Экспедиция Неарха была снаряжена Александром Македонским в 326 году до Р. Х. на берегах верхнего Инда, куда Александр привел свои победоносные войска. Целью этой экспедиции являлось отыскание морского пути из Индии в Месопотамию и Вавилон. По приказу Александра было выстроено около 800 судов, на которых находилось две тысячи человек матросов. Этот флот под начальством Неарха спустился вниз по Инду в Индейский океан, после чего Неарх поплыл вдоль берега, составляющего границу Белуджистана.

Неарх пустился в море второго октября, т.-е. за месяц до того времени, когда зимний муссон мог бы благоприятствовать его плаванию своим попутным направлением. Вследствие этого в первые сорок дней своего путешествия Неарх едва проплыл восемьдесят миль на запад. Первая его стоянка была сделана в Стуре и в Кореестисе. Далее он приплыл к острову Крокала, составляющему современную бухту Карантийскую. Разбитый бурями, флот Неарха. обогнувши мыс

Монзе, укрылся в природной гавани, которую Неарх должен был укрепить для защиты от нападения варваров.

Двадцать четыре дня спустя Неарх опять поднял паруса и пустился вперед. Сильные бури заставляли его прибегать к частым остановкам на различных местах берега и защищаться от нападений арабитов, которых восточные историки изображают, «как варварский народ, носящий длинные волосы, отпускающий бороды и похожий на фавнов или медведей».

После разнообразных приключений, после мелких стычек с прибрежными дикарями, Неарх пристал к земле оритов, носящей в современной географии название мыса Морана.

Карта путешествия Неарха от реки Инда до устьев Евфрата.

«В этой области,—говорит Неарх в описании своего путешествия,—солнце в полдень освещало все предметы вертикально, так что предметы не отбрасывали тени». Но Неарх, очевидно, ошибается, потому что в это время солнце находилось в южном полушарии на тропике Козерога, а не в северном полушарии; кроме того, корабли Неарха плыли всегда на расстоянии нескольких градусов от тропика Рака, следовательно, даже летом в этих областях солнце в полдень не могло освещать предметы вертикально.

После почти шестимесячного плавания, Неарх прибыл благополучно в устье Евфрата, и таким образом был открыт морской путь из стран Малой Азии в Индию. Неарх составил подробный отчет о своем путешествии, но, к сожалению, этот отчет не дошел до нашего времени. Об экспедиции Неарха мы знаем лишь из книги греческого историка Флавия Арриана «История Индии», которая дошла до нас только в отрывках.

IX.

Состояние географических познаний перед началом христианской эры.—Город Александрия и ее роль в развитии науки.—Эратосфен и его «Географика».—Гиппарх вводит в географию определение мест на земной поверхности по долготе и широте.

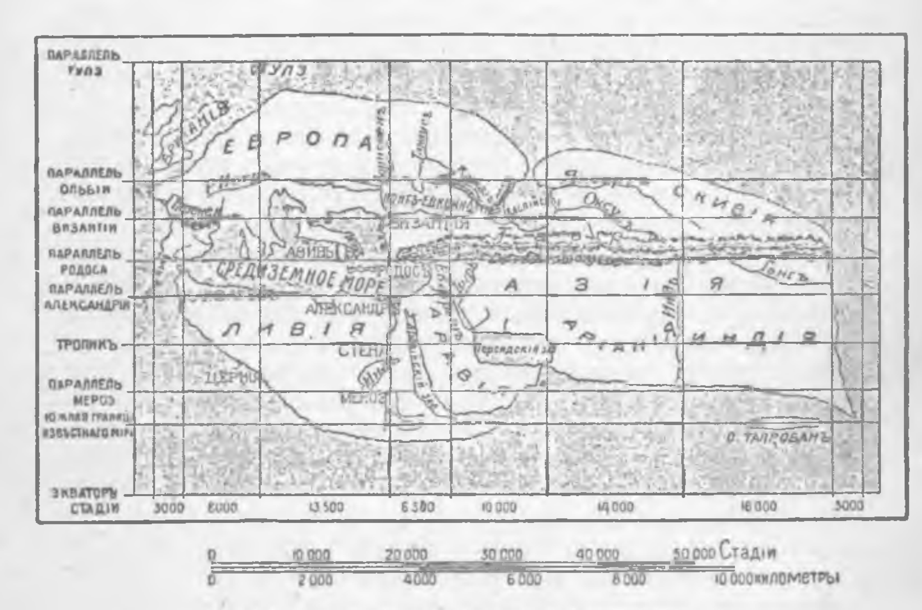
После смерти Александра Македонского, хотя основанная им огромная империя и распалась, культурное влияние греков распространилось на весь известный тогда мир. С этого времени наблюдается сильное взаимное влияние восточной и греческой культуры, благодаря чему духовный горизонт человечества той эпохи значительно расширился. В последние два столетия до Р. Х. научная мысль сделала большой шаг вперед. Центром тогдашней науки стал основанный Александром новый город при устье реки Нила и названный им в честь себя Александрией.

В Александрии был устроен особый дворец Муз, который стал называться «Музеумом» и служил местом собрания ученых и философов. Вокруг этого «Музеума» возникли многочисленные учебные заведения, в которых обучали различным наукам. Здесь же образовалась и первая величайшая библиотека древнего мира; в этой библиотеке были собраны все книги, рукописи и свитки предшествовавших веков на всех известных тогда языках.

В первое время своего существования Александрийский Музеум насчитывал среди своих обитателей большое число выдающихся ученых, между которыми особенно выделялись Герофил, Эвклид и Эратосфен.

Эратосфен (276—194 г. до Р. Х.), бывший крайне разносторонним ученым, особенно много способствовал развитию географической науки. Эратосфен первый сделал попытку определить величину земли, и эту попытку он выполнил блестящим образом. Признавая вместе с величайшим ученым древнего мира—Аристотелем, что наша земля представляет огромный шар, Эратосфен вполне верно предполагал, что солнце в разных областях земли кажется в один и тот же момент на различной высоте благодаря именно круглой форме земли. Рассуждая дальше, Эратосфен пришел к заключению, что если вычислить разницу высоты солнца в полдень на небе в двух различных городах, находящихся на одной и той же полуденной линии, и затем узнать расстояние между этими двумя городами, то можно вычислить и размер земного

шара. Он так и сделал. Определив, что в день летнего солнцестояния в городе Сиенне (Ассуане), в верхнем Египте, в полдень солнечные лучи падают вертикально, так что прямо воткнутая в землю палка не дает тени, Эратосфен высчитал, что в этот же день, в городе Александрии, находящемся к северу от Сиенны, солнце отстояло в полдень от зенита на одну пятидесятую часть окружности. Вследствие этого Эратосфен вывел заключение, что расстояние от Александрии до Сиенны

Мир, известный во времена Эратосфена.

и равно одной пятидесятой части всей земной окружности, а так как расстояние между этими двумя городами определялось в 5000 стадий, то, следовательно, окружность земли и равна 5000 стадий × на 50, т.-е. 250.000 стадий, что составляет около 39.500 километров. (Современные ученые определяют окружность земного шара в 40.000 километров.) Так была вычислена за двести лет до Р. Х. величина нашей земли.

Эратосфен изложил свои познания о земле в специальном сочинении, которое он озаглавил «Географика», т.-е. «описание Земли». Таким образом Эратосфен первый употребил новое слово для обозначения науки о земле, и поэтому он может справедливо считаться «отцом географии». К сожалению,

сочинение Эратосфена не сохранилось до нашего времени, и о нем мы можем судить лишь по отрывкам, цитированным Полибием, Страбоном, Плинием и Клеомедом. Все эти отрывки были соединены в одно целое немецким ученым Бернгарди и изданы в 1822 г. под заглавием «Эратосфеника».

Следует добавить, что Эратосфен приложил к своей «Географике» карты, на которых он впервые нанес две перпендикулярных линии, одна из которых шла с запада на восток, а другая—с севера на юг. Линия, шедшая в западно-восточном направлении, была названа Эратосфеном «диафрагмой», и разделяла Средиземное море на две половины—северную и южную.

«Географика» Эратосфена вытеснила более древнее сочинение Дикеарха «Описание Земли» и в течение почти целых четырех столетий была единственным произведением по географии, пользовавшимся широкой известностью.

Однако произведение Эратосфена было подвергнуто суровой критике другим александрийским ученым, астрономом Гиппархом, который впервые указал, что при нанесении на карту того или иного пункта необходимо определить его местоположение астрономически. Гиппарх предложил чертить на географических картах не две только линии, как это сделал Эратосфен, а целый ряд перпендикулярных линий, соответствующих градусам земного шара. Так как в то время область суши, известная людям, была гораздо *длиннее* по направлению с запада на восток, чем с севера на юг, то Гиппарх и назвал градусные расстояния того или иного места по направлению к востоку и западу географической *долготой*, а расстояние данного пункта от экватора к северу—географической *широтой*. Эти названия удержались до нашего времени.

Из больших географических экспедиций Александрийской эпохи следует упомянуть о смелой попытке Евдокса Сизикского, географа, жившего за 146 лет до Р. Х. при дворе Птоломея II Эвергета. Посетив Египет и берега Индии, Евдокс решил об'ехать вокруг всей Африки—мысль, которая была приведена в исполнение только шестнадцать веков спустя Васко-де-Гамой. Как далеко удалось Евдоксу проникнуть к югу и было ли совершено это путешествие—об этом до нас не дошло никакого известия.

X.

Римляне и их географические открытия.—Юлий Цезарь.— Завоевание Галлии.

Расцвет греко-александрийской культуры продолжался очень короткое, сравнительно, время. Около начала нашей эры политическая мощь перешла к Риму, который сделался наследником всех духовных завоеваний древнего мира. В то время, как взоры Александра Македонского были обращены всецело в сторону таинственного востока, на Апеннинском полуострове складывалась другая воинственная нация римлян, легионы которых позднее прошли победным маршем почти по всем странам известного тогда мира.

Рим счастливо ускользнул от завоевательных стремлений македонского честолюбца, и когда, после его смерти, обширная империя распалась на многие царства, Рим начал свои завоевания. Покорив первоначально весь Апеннинский полуостров, римляне в половине III века до Р. X. завоевали Сицилию, Сардинию и Корсику, затем разрушили богатый Карфаген, а к началу христианской эры владели уже почти всей средиземноморской областью. Сделавшись таким образом почти полным властителем всего древнего культурного мира, Рим начал мечтать о всемирном господстве, и его цезари двинули свои легионы в самые отдаленные уголки света.

С географической точки зрения походы римлян, особенно походы Юлия Цезаря, много способствовали расширению географического горизонта и познанию стран мира. До римлян вся Западная и Центральная Европа были неизвестными легендарными странами, находившимися вне культурных влияний того времени. Римляне же приобщили Западную Европу к общемировой жизни и принесли полуварварским народам Европы свет знания и цивилизации.

Вторжение римлян в страны Западной Европы было долго задерживаемо стеною Альпийских гор, отделявших Апеннинский полуостров от материка самой Европы. Даже в ту эпоху, когда римляне сделались властителями обширного полукруга стран, прилегающих к Альпам, эти горы служили долгое время препятствием для римлян и не позволяли им прокладывать пути для своей торговли и для своих завоеваний. Вследствие этого римляне первоначально нашли в Европу обходные пути к западу и к востоку от Альп, но мало-по-

малу, по мере ознакомления с Альпийскими перевалами, римляне стали следовать указаниям самой природы и стали избирать пути через горы, которыми до них пользовались туземные горные жители.

Спустившись победителями с высот Западных Альп в долины их северного склона, римляне, освободившиеся от своих опасных соперников, карфагенян, заключили союз с большинством тех народностей, которые обитали в горах, и эти союзные договоры позволили им расширить постепенно вокруг Марселя первоначально узкую полосу береговой «Провинции»; затем, перейдя через Рону, римляне прочно утвердились в Нарбонне. Вдоль средиземноморского побережья им оставалось лишь восстановить дороги и города финикийцев. Финикийцы, греки и карфагеняне, проводили всегда вдоль своего морского пути колесные дороги; такие дороги были проведены по всему побережью Испании и Галлии; города и торговые фактории их были все связаны между собою от Альп до Пиренеев либо дорогами, идущими по самому берегу, либо путями, обходившими прибрежные болота и мысы; в опасных местах дорога высекалась карнизом в уступах скал.

Сделавшись полными господами на северном побережье Средиземного моря, римляне увидели, что перед ними раскрывается другой путь, не прегражденный никакими естественными препятствиями,—именно путь по бассейну реки Оды и по долине Гаронны к океану. Один из отважных римских полководцев, консул Сципион, воспользовался удобством этого пути и попытался прорваться с своими легионами вплоть до Тулузы.

Прочно утвердившись в Южной Галлии, римляне часто, однако, подвергались нападению варварских племен, обитавших на севере Галлии и на севере Центральной Европы—это были галлы, кимвры и тевтоны. Чтобы уничтожить опасность нападения этих народов на богатые провинции Рима, римский полководец Юлий Цезарь решил завоевать всю Галлию и предпринял свой знаменитый поход в эту страну. Завладев центральной частью Галлии, римские легионы победоносно прошли почти по всей Западной Европе, от устья Луары до реки Эльбы. После этого Галлия казалась столь прочно завоеванной, что Цезарь не боялся перенести войну на острова Британии, лежащие за проливом. Возвратясь из этой страны, относительно которой в то время не было даже известно. «остров ли это, или другой мир», Цезарь двинул свои легионы в Иллирию.

Походы Цезаря с географической точки зрения имели то положительное значение, что они дали возможность римлянам познакомиться с Западной Европой. Сам Цезарь составил свои знаменитые записки «О Галльской войне», где он описывает народы и области Западной Европы. Из этой книги мы узнаем, что «Галлия вся делится на три части: в одной живут бельги, в другой аквитаны, а в третьей кельты, или собственно галлы». «Из этих трех народов, говорит Цезарь,

Изображение древне-римского корабля. Снимок с древней мозаики из храма Фортуны в Палестрине (близ Рима).

храбростью отличаются преимущественно бельги». Кроме этих народов, область Альпийских и Юрских гор была населена гельветами и секванами, а за рекою Рейном жили многочисленные германские племена — гаруды, маркоманны, трибокки, вангионы, неметы, седузии, свевы и другие.

Очевидно превосходство римлян в смысле их цивилизации дало им возможность ввести во всей Западной Европе по ту сторону Рейна римские обычаи. Таким образом после завоевания римлянами Галлии между этой страной и Римом создалось как бы национальное родство, и язык победителей распространился от берегов Средиземного моря до берегов Ла-

манша. Этим языком стали пользоваться те из варварских племен, которые лишь с трудом понимали друг друга, и таким образом язык римлян сделался вскоре языком всех образованных испанцев, всех галлов, всех бретонцев, и мало-помалу наречие победителей стало проникать и в народные массы. Ни в какой другой стране, подвластной Риму, не привились с такою полнотой язык, законы и цивилизация римлян, как в Западной Европе.

Римские завоеватели вместе с римскими историками и агримензорами (землемерами) расширили сведения о Земле. Начиная с Римской эпохи, Западная Европа выступила вполне из тьмы доисторических времен; западная часть Средней Европы, северная часть Балканского полуострова и область Альпийских гор сделались впервые известными странами. Сумерки, которые царили над этими странами в эпоху расцвета Эллады, рассеялись, и перед народами того времени выступили в неясных, правда, очертаниях области по Висле, а также Скандинавия и Британия.

Резюмировать все географические познания римлян и описать все известные в эпоху возникновения христианства страны и области выпало на долю греческого ученого Страбона, который и считается наиболее знаменитым географом древности.

XI.

Страбон и его «География».—Путешествия Страбона.

Если Эратосфен ввел в употребление новое слово «география» для обозначения науки о земле, то Страбон, первый из ученых древности, сделал попытку создать научную географию и поставить ее в ряду других наук своего времени.

Страбон родился лет за 50 до Р. Х. в Амасии, в Малой Азии. Изучив в юности философию, он примкнул к школе стоиков и отличался широтой своих взглядов, возвышенностью мысли и здравым смыслом.

Изучая науки своего времени, он больше всего полюбил науку о Земле и решил написать полную географию всего мира. Под географией Страбон понимал всестороннее описание земного шара и всех его областей; уже на первых страницах своего произведения Страбон говорит о пользе географии для всякого просвещенного человека. «Мы полагаем,—пишет Страбон,—что география не менее всякой другой науки входит

в круг занятий философа... самая многосторонность сведений, с которой только и можно приступить к этому делу, свойственна лицу, обнимающему своим умом божеские и человеческие вещи...» [1]).

Задумав написать «Географию», Страбон тщательно собрал весь материал по описанию стран, все рассказы путешественников и кроме того решил посетить лично некоторые страны. Собирая письменные и устные рассказы путешественников о странах и населявших их народах, Страбон строго критически относится ко всему, что приходится ему видеть или читать, и у него мы встречаем гораздо меньше фантастических сведений, чем даже у Геродота. Так, в одном месте своей «Географии» Страбон говорит: «нельзя верить тому, что говорит народ,— так Посейдоний уверяет, что жители на прибрежьи океана утверждают, что когда солнце погружается в воду при заходе, то оно увеличивается в своем об'еме и заходит с величайшим шумом и свистом, как будто шипение моря происходит при погашении светила, так как последнее погружается будто бы в недра океана...».

«География» Страбона состоит из семнадцати книг и была написана им в царствование римского императора Августа.

Первые две книги своей «Географии» Страбон посвящает физико-математической географии, при чем говорит, что географа может интересовать только та часть земли, которая пригодна для обитания человека (эйкумена). «Эта последняя,— говорит Страбон,—определяется следующими границами: с юга параллелью через Киннамомофор, а с севера параллелью через Иерну» [2]). При чем Страбон поясняет, что Киннамомофор отстоит от Мероэ (в верхнем Египте) на три тысячи стадий (около 500 километров) к югу, а от экватора—на 8.800 стадий. Размер обитаемой земли Страбон определял в направлении с запада на восток, от крайней западной точки Иберийского полуострова (Испании) до восточной окраины Индии в 70.000 стадий (около 17.000 километров), а в направлении с юга на север—от южной оконечности обитаемой земли до северного пункта Иерны (современная Ирландия)—30.000 стадий. К северу от Иернии земля необитаема по причине сильного холода, а к югу от Мероэ люди не могут жить благодаря сильной жаре. В этом отношении Страбон расходился

[1]) Страбон. География. Русск. перевод Ф. Мищенко. Изд. Солдатенкова. М. 1879 г. стр. 1.

[2]) Страбон. География. Стр. 128.

со взглядами знаменитого александрийского астронома Гиппарха, который признавал, что люди живут и на самом экваторе. Говоря об этом мнении Гиппарха, Страбон пишет: «хотя и обитаема эта местность, как некоторые полагают, однако она составляет узкую полосу, врезывающуюся посредине необитаемой вследствие жаров земли» [1]).

Пятнадцать книг своей «Географии» Страбон посвятил описанию стран, при чем описание европейских стран занимает восемь книг, описание Азии—шесть книг, и одна книга, последняя, посвящена Африке. Описание европейских стран Страбон начинает с Иберии, (Испании), в которой уже тогда были цветущие города: Гадес (Кадикс), Кордуба (Кордова) и Гиспалис (теперешняя Севилья). Кроме этих городов, Страбон упоминает об иберийских городах на побережьи Средиземного моря—Сагунта, Тарракон (современная Таррагона) и Новый Карфаген (Картагена).

Говоря о размерах Иберии и общем виде страны, Страбон пишет: «Иберия может быть уподоблена бычачьей шкуре, разложенной в длину от запада к востоку так, однако, чтобы передние части были обращены к востоку...» [2]).

После Иберии Страбон описывает Галлию, разделяя ее, как и Цезарь, на три области: Бельгию, Кельтию и Аквитанию, называя эти страны по имени населяющих их племен. Говоря затем об острове Британии, Страбон придает ему трехугольную форму и описывает сочные луга этого острова, густые туманы, окутывающие Британию, и суровые нравы британцев. Страбон первый из географов упоминает о соседнем с Британией острове Иерн, называемый кельтами Эрин; этот остров, населенный, по свидетельству Страбона, людоедами, есть не что иное как остров Ирландия.

Британия и Ирландия были для Страбона концом мира, и он не верит рассказам Пифеаса Марсельского о еще более северных землях и туманной Фулэ. Вследствие этого Страбон ничего не говорит о Скандинавии и после описания Британии переходит к области Альп и затем к Италии (Галлия Цизальпинская). Он дает подробное описание Римской Кампаньи и самого Рима; затем говорит о Н[illegible]ле, о горе Везувии и о греческих колониях на побережь[illegible]нинского полуострова.

Что касается описания Стра[illegible] северо-восточной части Европы, то оно крайне неполно и неясно. Страбон говорит лишь очень кратко о племенах германцев, населяющих берега

---

[1]) Страбон. География. Стр. [illegible]

[2]) Страбон. География. Стр. 13[illegible]

Рейна и Эльбы. Он упоминает, что к востоку от германских земель протекает река Висла, на берегах которой живет племя лагов, получивших позднее наименование ляхов. Названия других народов, живущих в Восточной Европе, сообщаемые Страбоном, носят славянский характер, так что можно предположить, что в это время славянские племена уже занимали русскую равнину.

Говоря о странах Восточной Европы, Страбон упоминает о многих городах на побережьи Черного моря, основанных греками для торговли со скифами; так, он указывает, что при устье Борисфена (Днепра) находился город Ольбия, а на полуострове Тавриды—Пантикапея, Феодосия, Херсонес Таврический, развалины которого находятся ныне недалеко от города Севастополя.

После этого Страбон переходит к описанию Иллирии и Фракийского полуострова (Балканского), при чем очень подробно описывает Грецию, называя провинцию Аттику «любимым творением богов и героев». Описанием греческих островов в Ионическом и Эгейском морях Страбон заканчивает свою географию Европы и затем переходит к Азии. Описание Малой Азии у Страбона сделано особенно тщательно; здесь он не упустил ни малейшей подробности: строение поверхности, народы, религия, правительства, история Малой Азии—все это находит себе место на страницах «Географии» Страбона. По признанию многих авторитетных ученых география Малой Азии Страбона представляет собою наилучший образец древних сочинений, завещанных человечеству веками.

Говоря вообще, вся «География» Страбона, вместе с сочинениями Птоломея, о котором говорится ниже, составляет в высшей степени ценный труд. «География» Страбона оказала большое влияние на развитие географической науки. так как Страбон первый широко раздвинул рамки географической науки и первый указал, что географические условия имеют влияние на жизнь и характер людей. Так, например. Страбон указывал, что могущество Рима было обусловлено всецело его географическим положением. Точно так же, описывая Европу, Страбон первый из географов древности указал, что эта часть света, берега которой изрезаны бесчисленными заливами и бухтами, гораздо лучше, чем Африка и Азия, пригодна для развития культуры. Он отметил также, что разнообразие строения Европы, чередование равнин и гор способствуют и разнообразию быта населяющих Европу народов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитие географических познаний от начала христианской эры до падения Римской империи.

I.

Состояние географии в первые века христианской эры.—Плиний старший.—Тацит.—Помпоний Мела.

На заре христианской эры Римская империя достигла наибольшего могущества, и Рим включал в свои границы почти все известные тогда области и страны, т.-е. всю Западную Европу и, кроме того, часть южной окраины России, затем, почти всю переднюю Азию, Египет, Триполи, Тунис, Алжир и часть Марокко. Некоторые ученые утверждают, что римские легионы доходили даже до Центральной Африки, так как римские монеты находят в бассейнах рек Конго и Замбези.

Чтобы обеспечить империи целость и связать прочнее окраины с центром, а также чтобы иметь возможность перебрасывать быстрее свои легионы, римляне во всех завоеванных областях проводили шоссейные дороги. Во времена императора Траяна и его наследника Адриана шоссейные дороги представляли собою превосходную сеть, свидетельствовавшую о могуществе государства. Эта сеть римских дорог охватывала весь мир и простиралась до крайних пределов империи. Шоссейные дороги тянулись от одного моря до другого, от Брундузиума (нынешнего Бриндизи) на берегах Адриатики до Бононии (современная Булонь) на галльском берегу Атлантического океана. Большая шоссейная дорога шла также из Рима в Иллирию к берегам Эгейского моря и продолжалась в Малой Азии и в Сирии. Другая шоссейная дорога пересекала Юрские горы, центр Франции и Пиренеи, и соединяла Кадикс на берегу Атлантики с Виндобоной (Веной) на Дунае. Все дороги были тщательно измерены, сна-

бжены военными постами и станциями. На станциях имелись почтовые лошади, на которых перевозили римских сановников, военачальников, а также и почту. Большая часть древних римских дорог была сделана так хорошо, что ими продолжали еще пользоваться и в течение средних веков, несмотря на то, что они несколько столетий совершенно не ремонтировались.

Благодаря хорошим путям сообщения в древнем Риме широко развилась среди богатых классов страсть к путешествиям; богатые патриции считали своим долгом побывать и в далекой Галлии, и в Иберии, и в Лузитании; многие из них, соблазнившись рассказами о сказочных странах Востока, предпринимали поездки в Малую Азию и Египет.

Однако в эпоху расцвета римского могущества в Римской империи почти не было (за исключением грека Страбона) географов-исследователей и знаменитых путешественников, которые внесли бы солидный вклад в науку о земле. В продолжение первых двух веков христианской эры география как наука сделала некоторые успехи, но путешественников-исследователей было очень немного.

Среди этих немногих римских путешественников на первом месте следует поставить знаменитого натуралиста Плиния Старшего (родился в 23 г. по Р. Х. и погиб в 79 г., наблюдая извержение Везувия). Плиний лично посетил многие провинции Римской империи и в своей знаменитой «Естественной истории» посвятил географии целых четыре книги. Следует сказать, что у Плиния мы встречаем впервые общеизвестное в наше время доказательство шарообразности земли, именно, что, при отплытии от берега корабля, мачты этого корабля остаются видимы еще некоторое время после того, как корпус корабля скрылся за горизонтом.

В своей книге Плиний говорит, между прочим, и о Скифии, т.-е. о России. Он пишет, что в Скифии, у Рипейских гор (Уральских) очень холодно и что там зимой падает снег, похожий на перья. Плиний перечисляет также ряд русских рек.

Географическими вопросами интересовался также и знаменитый римский историк Тацит, живший также в первом веке нашей эры. Тацит прославился своим классическим сочинением «О происхождении германцев». В этом сочинении Тацит очень обстоятельно описывает страну германцев, их быт и нравы, но путешествовал ли сам Тацит лично по Германии, или же он пользовался для своего сочинения лишь литературными источниками и рассказами пленных германцев,—до сих пор точно не установлено.

Как географ, большой известностью пользовался в первом веке римлянин Помпоний Мела, живший в Испании и написавший в 43 году по Р. X. сочинение De situ orbis в трех книгах. В этом сочинении Помпоний Мела описывает последовательно все известные в то время страны, пользуясь для

Всемирная карта Помпония Мелы. (Рисунок из сочинения Помпония Мелы De situ orbis, хранящегося в библиотеке города Реймса).

этого литературными источниками. При описании Африки он довольно подробно останавливается на бытовых чертах жизни туземцев.

Из других сочинений по географии, вышедших в первые века христианской эры, следует отметить сочинение греческого историка Арриана—«Описание путешествия по берегам Понта Эвксинского» (т.-е. Черного моря). При перечислении городов Арриан упоминает о Херсоне таврическом о Пантикапее (Керчи), Феодосии, о порте Символов (Балаклаве).

II.

Клавдий Птоломей и его вклад в географическую науку.

Хотя упомянутые выше сочинения Плиния Старшего и Помпония Мелы были довольно широко распространены среди римской образованной публики первых двух столетий нашей эры, однако, наиболее известным и полным трактатом по географии того времени мы должны считать сочинение знаменитого египетского астронома, математика и географа Клавдия Птоломея.

Клавдий Птоломей, грек, живший в Египте в первой половине второго века после Р. Х., считается одним из величайших ученых древности. Познания Птоломея были, действительно, обширны, он был одновременно и астрономом, и физиком, и математиком, и географом.

Слава и известность Птоломея основана главным образом на его астрономических сочинениях. Его трактат по астрономии, названный им «Большое сочинение», был переведен в средние века арабами, которые переделали заглавие «Большое сочинение» в «Альмагест», что значит «Величайшее».

Действительно, этот труд Птоломея считался «величайшим» произведением человеческого ума, и изложенные в этом сочинении теории о строении мира считались истинными в течение почти целой тысячи лет. Птоломеева система вселенной признавалась учеными в продолжение всей эпохи Средних веков и наложила свой отпечаток на все мышление этого времени. Ввиду важного значения, какое имела теория Птоломея в истории развития наших познаний о мире и вселенной, мы кратко передадим сущность его учения.

Птоломей считал землю центром вселенной, вокруг которого двигались солнце, луна и звезды. Все эти светила

вращались вокруг земли по особым сферам, которых Птоломей насчитывал одиннадцать. Таким образом Птоломей признавал землю центром всего мироздания, и хотя допускал шарообразность земли, но считал ее неподвижной.

Учение Птоломея о строении мира, хотя и представляло шаг вперед по сравнению с предшествующими представлениями о вселенной, тем не менее на долгое время затормозило

Клавдий Птоломей, знаменитый математик, астроном и географ древности. Снимок с древнего рисунка.

прогресс человеческого истинно-научного миросозерцания. Гораздо плодотворнее и ближе к истине оказались чисто-географические взгляды Птоломея, которые сильно способствовали развитию географической науки. Если Страбона можно считать «отцом» географии как науки страноведения, то Птоломея мы можем назвать «отцом» математической географии и картографии.

В своем сочинении «Географический Путеводитель» Птоломей постарался определить точно широту и долготу всех известных ему местностей и городов. Без сомнения, многие опре-

деления этих широт и долгот были не верны, так как во время Птоломея географическая наука находилась лишь в зародыше и еще не было усовершенствованных приборов для определения географических широт и долгот.

Но заслуга Птоломея в области географии та, что он показал дальнейшие пути для ее развития и дал правильные основы для картографии.

Для своей географии Птоломей много заимствовал из сочинения греческого географа Марина из города Тира. Птоломей часто упоминает о нем в своей книге, но до нас это сочинение не дошло. В книге Птоломея мы находим в первый раз указание, что в Каспийское море впадает большая река, называемая Птоломеем «Ра», это — Волга. Птоломей говорит также о Каме, текущей из Уральских (Рипейских) гор, и называемой Птоломеем «Восточной Ра». Птоломей заменил название Скифии Сарматией. Сарматия простирается, по его мнению, от реки Танаиса (Дона) до берегов Вислы и Карпатских гор. Из других народов восточной Европы Птоломей называет боруссов (позднее пруссов), кареотов, венетов и вендов.

III.

Павзаний и его путешествие по Элладе.

Первым путешественником христианской эры, имя которого сохранилось в истории, был некто Павзаний, или правильнее П а в с а н и я, живший почти одновременно с Птоломеем. Павзаний был уроженцем Малой Азии и много путешествовал по странам Ближнего востока, а также по Элладе, Египту, Италии, Сардинии и Корсике. К сожалению, до нашего времени дошло только одно описание путешествия Павзания по Элладе. В этом сочинении он излагает все собранные им сведения о различных местностях, с указанием географических, исторических и мифологических достопримечательностей каждого места. Его сочинение считается очень важным источником для археологии и послужило во многих случаях указанием при раскопках в Олимпии и в Микенах.

Особенно тщательно и подробно описывает Павзаний Аттику и Афины, ее памятники, ареопаг, академию и колонны. От Аттики он переходит в Коринфию и исследует острова Эгинские и Эакские. Затем он подробно описывает Лаконию и Спарту, остров Киферы, Мессению, Элиду, Ахайю. Аркадию, Беотию и Фокиду; в своем описании Павзаний на-

зывает все дороги, улицы городов и т. д. Но, в общем, Павзаний не прибавил ни одного нового открытия к тем, которые были сделаны его предшественниками. Это был аккуратный путешественник, посвятивший свой труд точному исследованию уже открытых земель, а не открытию новых. Тем не менее, труд Павзания принес много пользы: все позднейшие географы и археологи пользовались этим трудом при своих исследованиях Эллады и Пелопоннеса.

Знаменитый археолог Шлиман при раскопках в Микенах руководствовался книгой Павзания и, без сомнения, без этого труда Павзания едва ли было бы возможно воссоздать историю развития греческого искусства.

IV.

Падение Римской империи.—Великое переселение народов.—Гунны и готы.

Достигнув мирового владычества на заре христианской эры, Римская империя вскоре стала клониться к упадку, вследствие внутреннего разложения. Падение Рима было ускорено также и нашествием в Европу и в пределы Римской империи огромных полчищ варварских племен, которые, как волны океана, начиная с четвертого века, стали заливать тогдашний цивилизованный мир. Одни орды варваров, теснимые другими, последовательно переходили с берегов Дуная и нижней Волги на берега Рейна и далее вплоть до Испании.

Под влиянием нашествия этих варваров вся римская цивилизация, как здание, потрясенное жестоким землетрясением, распалась на тысячи обломков. В 410 году сам гордый Рим, владевший бесчисленными миллионами людей во всех странах света, пал под натиском армий готского короля Алариха.

Нашествие варваров и разрушение ими Римской империи прервало на несколько столетий развитие европейской культуры; этот перерыв повлиял и на развитие географической науки. Начиная с третьего века вплоть до восьмого столетия, история не сохранила нам ни одного воспоминания о каком-либо великом путешествии этой эпохи, которое способствовало бы расширению географического горизонта народов того времени. Мрак средневековья густо навис над Европой; интерес к наукам, а тем более к путешествиям, пропал.

Путешествия сделались в первые века христианской эры опасными предприятиями; по Европе всюду бродили шайки

разбойников, и большая часть стран была занята полуварварскими племенами.

В эту эпоху великого переселения народов, так же как и в наши дни, средняя Европа была населена на значительном протяжении народами так называемой германской расы.

В V веке германские племена были в свою очередь потеснены нахлынувшими из степей Восточной Европы и Центральной Азии дикими ордами кочевых народов. Первым из этих народов были гунны, или «хун-ну». Пути гуннов по Европе были предначертаны заранее самой природой. Наиболее широкая полоса травянистых степей и в этой полосе самые плодородные пространства, как наилучшие места для стоянок, или богатейшие города, где можно было много награбить драгоценностей—намечали собою те этапы, по которым должны были двигаться завоеватели. Орды гуннов, не задержавшиеся в пределах Персии и Афганистана, должны были проникнуть в пределы Европы через проход, открывающийся на юге от Уральского хребта или севернее, через проходы, прорезывающие цепь Уральских гор. Попав в область равнин, орды эти оказались среди безграничного полукруга степей, окаймленного с запада течением Волги между нынешними Самарой и Царицыным; и им оставалось лишь переплыть реку на своих плотах из надутых бараньих шкур, чтобы завладеть теми немногими деревянными крепостцами, которые поднимались на «нагорном» берегу.

В 372 году, когда гунны появились на берегах Волги, они столкнулись там с аланами, народом, спустившимся сюда с горных долин Кавказа с целью завоевания. Как ни были, однако, храбры эти сарматские варвары, как ни были остры их мечи, они не могли устоять пред бесконечными толпами азиатских завоевателей. Одни из них обратились в бегство и стали искать помощи у более могущественных народностей, другие, будучи окружены со всех сторон массами гуннов, принуждены были спасать жизнь тем, что сами примкнули к толпам завоевателей.

После победы над аланами гунны должны были победить более могущественные племена «готтонов» или «готов». Эти племена, обитавшие прежде по берегам Балтийского моря, передвинулись постепенно по направлению к югу; в конце II века владения готов простирались от берегов Балтийского до берегов Черного моря. Восточные готы, или остготы (остроготы) продвинулись на восток до Дона, тогда как западные готы, или вестготы (вигиготы), достигли Дуная. Эти последние ближе соприкасались с римской империей и, соблазняе-

мые ее богатствами, постоянно стремились проникнуть в пределы римских владений в качестве наемников, союзников или же завоевателей. Остроготы, осевшие более прочно среди народностей, слишком слабых для того, чтобы от них освободиться, образовали полуцивилизованное государство, которое в середине IV века почти равнялось Римской империи.

На это царство остроготов и обрушился низвергающийся поток гуннов в V веке нашей эры. Однако работа разрушения царства готов оказалась для гуннов настолько трудной, что гунны подвигались вперед лишь с большой медленностью, рассеивая впереди себя встречные народы. Гунны, по описанию тогдашних историков, представляли собою каких-то чудовищ с огромными плоскими головами, с выдающимися скулами, с толстым и коротким туловищем и кривыми, вследствие постоянного сидения на лошади, ногами; готы часто называли их «сынами демонов» и, быть может, даже до некоторой степени верили в такое их происхождение. Рассеянные орды гуннов образовывали одну общую, резко выделяющуюся и ненавидимую всеми нацию,—вследствие чего одному из вождей гуннов, Атилле, легко было собрать их в одно целое и основать царство гуннов, очень недолговечное, правда, но бывшее еще более обширным, чем римское,—оно простиралось от Алтая до Альп.

Атилла, называемый «Бичом божиим», решил покорить всю Европу и направился через равнины Германии в Галлию, осаждая по пути города, опустошая плодородные пространства и увеличивая собственную армию за счет побежденных врагов. Он увлек за собою остроготов, аланов, герулов и гепидов, но против него вместе с галлами восстали вестготы и франконское племя, предводимое Меровингом;—это было новое столкновение Европы с Азией, и нападение Азии было отражено. Атилла не пошел далее Орлеана и Луары; он дал решительное сражение на равнинах «Каталаунских полей», которые, как предполагают историки, находятся близ Муаре в департаменте Об, в восточной Франции. Сражение это, носящее в истории название «битвы народов», было проиграно Атиллой; трупы сотен тысяч людей остались на обширном поле битвы, и сам царь гуннов вынужден был спасаться бегством. После этого Атилла прошел с остатками своих полчищ через Германию и Италию. Ему удалось разрушить город Аквилею, который в течение многих веков играл роль сторожевого пункта, охранявшего альпийские проходы у угла Адриатического моря; вскоре Атилла умер, оставив по себе память среди всех европейских народов как о самом жесто-

ком из всех завоевателей, свирепствовавших в пределах Европы. Память о гуннах в воображении европейских народов связывается всегда с представлением о массовых убийствах и об урагане смерти. Все погребальные курганы того времени, встречаемые до сих пор в Германии, называются еще и теперь одним общим именем—«гуннских могил».

После великой битвы народов на Каталаунских полях все воинственные народности Европы переместились по направлению к западу и к югу. Лишь один народ—вандалы—передвинулся к востоку на Средиземноморское побережье. Вандалы—народность по своему языку германская—жили до великого переселения народов на берегах Балтийского моря, к северу от реки Варты. Одно из полчищ вандалов, являвшееся авангардом готов, с которыми вандалы вступили в союз, напало на Галлию уже в III веке, но было разбито императором Пробом. Другие вандалы в начале V века перешли Рейн и, следуя естественному пути, ведущему вдоль по средней Луаре и Шаранте, прошли в Испанию. Но отсюда они были вытеснены вестготами и вынуждены были переселиться на берега Северной Африки, где и основали вандальское царство.

Другие германские племена—бургунды—переселились с берегов Вислы на берега Рейна, где и заняли обширные пространства. Что касается алломанов или аллеманов, «людей всех рас», которые теснили бургундов, то они завоевали у Рима также значительные области Центральной Европы. Племена франков, по имени которых была названа в средние века Галлия, завладели землями по берегам Рейна, Мааса и Шельды и в V веке образовали во главе с королем Хлодвигом «франкское» королевство, превратившееся позднее во Францию.

За германскими народами, которые уже оказывали давление на границы Римской империи, — позади остроготов, визиготов, вандалов, бургундов, аллеманов и франков, двигались другие племена, стремившиеся также захватить земли великой Римской империи; к этим племенам принадлежали «лангобарды» или ломбарды—«длиннобородые» или «воины с длинными секирами», англы и саксы, занявшие в V веке острова Британии.

В то время как варварские племена боролись между собою из-за областей Римской империи, эта последняя сохраняла все еще признаки жизни. После нашествия Алариха Рим снова отстроился, и римские императоры снова вернулись на

трон. Но, обессиленная и окруженная со всех сторон врагами, Римская империя не могла долго продолжать свое существование. В 455 г. Рим снова был взят вандалами, которые под предводительством своего царя Гензериха разграбили Рим до основания.

После этого нашествия, в 488 году, царь остготов Теодорих спустился с Альп в равнины Северной Италии и окончательно разбил последние римские легионы. Так кончилось всемирное могущество Рима.

V.

Китайцы и их роль в истории географии.—Китайский путешественник IV века Фа-Сян.

Описывая географические открытия и путешествия древних народов, мы не должны обойти молчанием китайцев, хотя географические познания китайцев и не оказали непосредственного влияния на развитие европейской географической науки, но тем не менее заслуги китайцев в области географии велики. Труды древних китайских географов и путешественников помогли новейшим исследователям Центральной Азии выяснить строение этой части.

Путешествия китайцев в древнее время вызывались главным образом стремлением найти рынки для сбыта своих товаров, преимущественно шелковых материй; с этой целью китайские купцы-путешественники проникали не только в Индию и современный Туркестан, но их встречали и в странах Малой Азии и в Палестине. Шелковые ткани китайцев высоко ценились всеми древними народами, и евреи, например, были знакомы с ними уже за 700 лет до начала нашей эры: об этом мы встречаем указание у пророка Исаии, который говорит о дорогих тканях «шерикот», представляющих не что иное как китайские шелковые материи.

Благодаря торговым путешествиям в Индию, китайцы познакомились с учением Будды, и около начала христианской эры многие китайские путешественники совершали паломничества на родину Будды. Описание одного такого путешествия сохранилось до нашего времени, и о нем мы скажем несколько слов.

Путешествие это было совершено одним китайским монахом-буддистом, по имени Фа-Сян, в IV веке нашей эры. Фа-Сян, отправившись на поклонение святым местам, где жил и про-

поведывал Будда, заинтересовался невиданными странами и в конце концов сделался профессиональным путешественником-исследователем, посетившим много новых стран и составившим подробное описание своих путешествий.

Фа-Сян в сопровождении нескольких монахов, задумав исследовать страны, лежащие на запад от Китая, перебрался через несколько горных хребтов и прибыл в страну, называемую теперь Кан-чу и лежащую недалеко от большой стены. Там к Фа-Сяну присоединилось несколько туземцев. Экспедиция Фа-Сяна перешла реку Ша-хэ и большую пустыню, которую Марко Поло исследовал восемьсот лет спустя. После семнадцатидневного путешествия Фа-Сян достиг озера Лоб.

Отсюда экспедиция Фа-Сяна направилась в Татарию, в Хотанское царство, в котором насчитывалось «несколько десятков тысяч монахов». Фа-Сян и его спутники были допущены в монастыри, и после трехмесячного пребывания в Хотанском царстве, они присутствовали при торжественном празднестве, во время которого по городам Хотанского царства возили изображения богов.

После праздника Фа-Сян и его спутники покинули Хотан и прибыли в другое царство, откуда направились на юг в страну Балистан. Это—холодная и гористая страна, в которой нет почти никакой растительности. Из Балистана Фа-Сян направился в Афганистан и целый месяц блуждал в горах, покрытых вечными снегами.

Перебравшись через эти горы, путешественники прибыли в Северную Индию. Здесь они исследовали истоки реки Инда и, пройдя У-чанг, Су-го-то и Кианто-вей, они прибыли в Фо-лу-ша, вероятно, теперешний город Пейшавер, расположенный между Кабулом и Индом. Отсюда они пришли в город Гило, лежащий на берегу притока реки Кабул.

Оставив Гило, Фа-Сян переправился через хребет Гин-дукуш. В этих горах экспедиция много страдала от сильных холодов, и несколько спутников Фа-Сяна замерзло. После многих затруднений, каравану удалось добраться до города Бану, который существует и теперь; затем, снова перейдя Инд в средней части его течения, Фа-Сян пришел в Пенджаб. Отсюда, спускаясь к юго-западу, он пришел, в «Центральное царство»—как он говорит. По словам Фа-Сяна, «люди этого царства честны и благочестивы и не имеют ни чиновников, ни законов, ни казней; они не употребляют в пищу никаких живых существ, и в их царстве нет ни скотобоен, ни винных лавок». Это царство—Индия.

В Индии Фа-Сян посетил много городов и местностей, где некогда ходил и жил Будда; он всюду собирал легенды и сказания о нем. Из Индии он переправился на остров Цейлон. затем на остров Яву, после чего отплыл в Кантон. Пробывши несколько времени в Нан-Кинге, он возвратился, после восемнадцатилетнего отсутствия в свой родной город Сиан-фу.

Таково в кратких словах описание этого путешествия, которое впервые перевел с китайского языка французский ученый Абель де-Ремюза. Фа-Сян в описании своего путешествия касается главным образом религиозной жизни и обычаев татар и индусов, что делает его сочинение ценным памятником для истории культуры.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Географические открытия средних веков.—Знаменитые путешественники эпохи Средневековья.

I.

Ранний период средних веков. — Географические взгляды отцов церкви. — Козьма Индикоплест.

Сильные потрясения, которые вместе с великим переселением народов и с падением Римской империи произошли на рубеже древнего мира и средних веков в Западной Европе и на Ближнем Востоке, оказали большое влияние на развитие географических познаний. В первые века христианства, как мы видели выше, экспедиции и путешествия с чисто научными целями совершенно прекращаются. Вместе с распространением христианства число путешествий хотя и увеличивается, но преемники апостолов и отцы церкви совершают путешествия ради одной определенной цели—распространения евангелия, и поэтому их мало интересуют сами страны, их природа и быт жителей. Уже в IV и V веках христианские проповедники направляют свои шаги в отдаленные, отчасти совершенно неизвестные страны; таким образом Нубия и Эфиопия до самого центра внутренней Африки были обращены в христианство. На востоке несториане и последователи других христианских сект распространили учение Христа через Мидию и Персию до самых границ Индии, а через долины Оксуса и Яксарта (Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи)—до далекого Китая. Вслед за проповедниками христианства в новые страны стали направляться и христианские купцы и посольства византийских царей, старавшихся установить связь с вновь обращенными народами. Некоторые из таких христианских путешественников составляли описания своих путешествий; из таких описаний до нас дошло известие о двух путешествиях VI века;—это были путешествия некоего Це-

марха и некоего Козьмы, называемого Индикоплестом, что значит «индийский путешественник», как переводит это наименование французский географ Шартон.

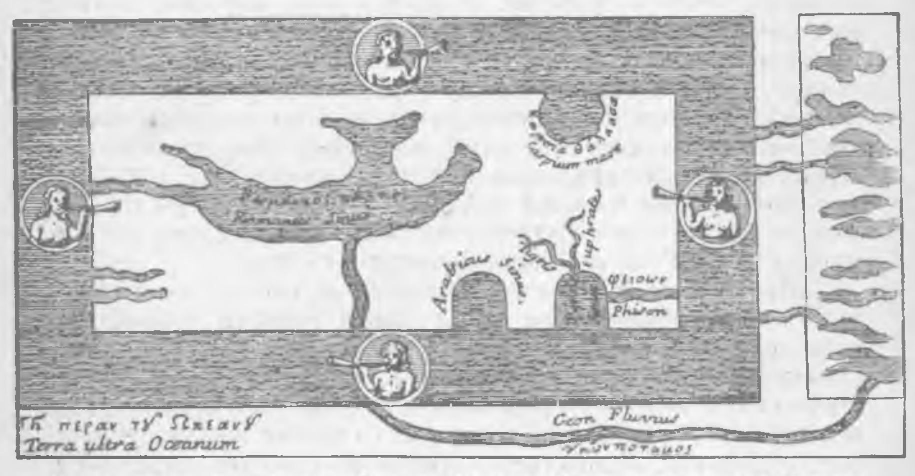
Путешествие грека Цемарха в 569 году было вызвано стремлением одной азиатской орды сделаться посредницей по продаже шелка между Китаем, с одной стороны, и Византией—с другой. С этою целью из Согдианы в Византию было отправлено посольство, после которого в Центральную Азию был послан Цемарх; Цемарх описывает, что ему удалось проникнуть в страны, «где люди жили в чудесных шатрах, поставленных на колеса, и где черкесские рабыни отдыхали на шелковых коврах». Цемарх, после больших лишений и опасностей, возвратился в Византию; его поездка не привела к установлению торговых сношений с Центральной Азией и не принесла пользы для географии. Еще целые столетия эти страны оставались неизвестными, как и раньше.

Козьма Индикоплест—александрийский купец, живший в VI веке, посетил Эфиопию, Индию и Западную Азию, оставив после себя большое географическое сочинение под названием «Христианская топография вселенной». Это сочинение было написано Козьмою в то время, когда он был уже монахом на горе Синае. Желая согласовать данные физического землеведения со священным писанием, Козьма всюду ставит выше всего авторитет Библии. Сочинение Козьмы Индикоплеста для понимания географического мировоззрения средних веков представляет в высшей степени ценный и важный памятник. «Христианская топография вселенной» ценна также многочисленными описаниями стран, народов, животных и растений Индии и других стран востока. Козьма Индикоплест первый из европейцев упоминает о Китае. который он называет Тсинницей.

Козьма отвергает учение греческих географов о шарообразности земли, как учение, несогласное с священным писанием. В своей книге он стремится доказать, что наша земля имеет форму Скинии Моисеевой. По его мнению, плоская четырехугольная суша окружена океаном, за которым лежит вторая земля, где находился некогда рай. Во время потопа праотец Ной перебрался в своем ковчеге на нашу землю, на которой с того времени и стали жить люди; другая же земля за океаном остается с тех пор недосягаемой. Вся земля, по учению Козьмы, огорожена высокими стенами, на которых и покоится небо, имеющее форму продолговатого четырехугольного ящика, опрокинутого над землей. Длина неба вдвое больше его ширины. Об этом размере неба Козьма заключает

также из слов Библии, где говорится, что стол Скинии имел два локтя в длину и один локоть в ширину. Вверху небо переходит в свод, который, однако, не парит над землею, а разделен на два этажа небосклоном; в верхней части неба помещается небесное царство Христа и блаженных.

Небесные светила, по мнению Козьмы Индикоплеста, передвигаются по кругам ангелами, назначенными для этого богом еще при сотворении мира. Для того, чтобы согласовать полукруговое движение солнца с плоской поверхностью земли, Козьма предполагал, что солнце на ночь скрывается за высокую гору, находящуюся на севере.

Карта земли по образцу Скинии Моисея. Рисунок из книги Козьмы Индикоплеста.

Географические познания известной эпохи лучше всего выражаются в географических картах. На географической карте данной эпохи зафиксировано все то, что собрали многочисленные наблюдатели и путешественники при помощи тяжелого труда и усилий. Смотря на дошедшие до нас немногие географические карты средних веков, мы сразу можем выяснить себе, на каком необыкновенно низком уровне находилась география в то время. Великие труды Птоломея в области картографии были забыты средневековыми географами, которые при составлении своих карт руководствовались всецело текстами Библии. Считая Палестину центром всей земли, средневековые ученые на своих картах в центре рисовали святую землю, с Иерусалимом посредине, где был даже от'-

искан «пуп земли», являвшийся центром всей вселенной. Кругом Палестины размещали области Африки, Европы и Азии, причем Азию, наследие благочестивого Сима, изображали в два раза больше по сравнению с Африкой и Европой, наследием Хама и Иафета. Азия отделялась от Европы рекою Танаис (Дон), а от Африки—рекою Нилом. На восток от Иерусалима рисовали «рай», основываясь на словах первой книги Библии: «и насадил господь бог сад в Эдеме, на востоке». На самом крайнем востоке помещались неизвестные страны, где жили таинственные народы Гога и Магога. Многие отцы церкви и космографы средних веков тщательно старались отыскать место жительства этих страшных народов, о которых говорит пророк Иезикииль и автор Апокалипсиса. Некоторые средневековые ученые считали народами Гога и Магога скифов, готов и гуннов. Позднее сложилась легенда, указывавшая, что Гоги и Магоги обитают за Кавказскими горами; эта легенда говорит, что царь Александр Македонский построил на Кавказских горах железные ворота, чтобы прекратить доступ этим народам в Азию и в Палестину; но эти железные ворота будут пробиты, согласно легенде, перед концом мира, и тогда Гоги и Магоги завоюют весь мир.

Страны Гога и Магога и указание на картах места рая—представляют только два характерных примера географических воззрений средних веков. Кроме этого, в географических книгах средних веков мы встречаем еще массу самых фантастических и нелепых представлений. Так, географы средних веков были убеждены, что в далеких странах живут одноглазые, однорукие, одноногие, безротые и безносые люди, люди с песьими головами, с лошадиными ногами и т. д. В одной средневековой книге по географии говорится, что на островах Каспийского моря живет народ фанезийцы, у которых такие огромные уши, что они ночью завертываются в них, как в одеяло.

II.

Путешествия христианских паломников в Святую Землю.—Крестовые походы.

С начала христианской эры в Европе возникает новый вид путешествий, это — паломничество христианских богомольцев в «Святую Землю». Хотя такие путешествия и не оказывали большого влияния на развитие географических познаний, но тем не менее описания паломниками Палестины и

Средневековая карта мира. Наверху находится восток и помещен рай. Кругом землю обтекает река Океан.

стран ближнего востока нередко способствовали пробуждению интереса к далеким странам и развивали любовь к чтению литературных произведений географического характера.

Одним из самых первых христианских паломников в Палестину, составивших описание своего путешествия, был французский епископ Аркульф, живший в конце VII века. Описание Аркульфа интересно тем, что оно представляет самое древнее описание Палестины. Произведение Аркульфа было довольно распространенной книгой в средние века.

Через несколько лет после Аркульфа путешествие по Палестине совершил также английский паломник Виллибальд. Виллибальд провел в путешествии около десяти лет, и этот подвиг считался в то время таким великим, что по возвращении Виллибальда в Европу папа Григорий III посвятил его в епископы Франконии [1]).

Завоевание Палестины мусульманами—сначала арабами. а затем турками—надолго прекратило паломничества европейцев в Палестину. Но, вместо этого, в XI и XII в.в. мы видим массовые путешествия европейцев на Ближний Восток с целью «освобождения святых мест» от ига «неверных». Это движение народных масс известно под именем «крестовых походов». Походы крестоносцев сыграли большую роль и в истории развития географических знаний, так как широко познакомили Западную Европу со странами Востока и восточными товарами и тем самым способствовали пробуждению в Европе интереса к Востоку, в частности, к Индии.

Нет необходимости говорить, что крестовые походы были вызваны не только чисто религиозным рвением освободить святую землю от рук неверных, но и целым рядом экономических причин, рассмотрение которых далеко отвлекло бы нас от нашей прямой задачи; здесь мы скажем лишь, что за идеей «освобождения гроба господня» из рук турок, скрывалась у очень многих крестоносцев жажда наживы, приключений и стремление к обогащению. Реальная и практическая цель участников крестовых походов, в особенности вождей, заключалась в стремлении воспользоваться богатствами сказочных стран Востока. В эту эпоху в Европе, вследствие почти непрекращавшихся войн и междоусобиц, огромные массы народа сильно бедствовали, и они-то, главным образом, отклик-

---

[1]) С распространением христианства в России этот вид путешествий был также вызван и у нас. Одним из первых русских паломников был некий Даниил, „игумен земли русской“, путешествовавший в Палестину в 1106—1107 г.г. и составивший любопытное описание своего путешествия под заглавием „Хождение в Св. Землю“.

нулись на призыв духовенства итти «освобождать гроб господень». Итальянские купцы, стремившиеся открыть азиатские рынки для торговли, сильно поддерживали идею крестового похода и взяли на себя перевозку крестоносцев из Европы в Азию.

Суда итальянских купцов из Генуи, Венеции, Пизы и Амальфи возвращались в Италию с грузом различных восточ-

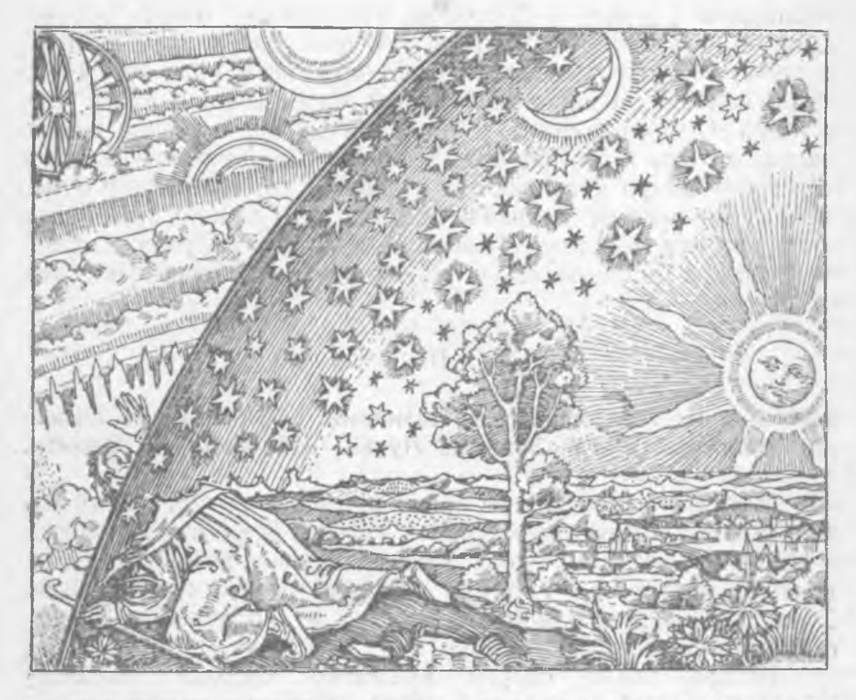

Рисунок из средневековой книги, где автор-путешественник говорит, что он дошел до края земли и встретил небесный свод, за которым находилось „царство блаженных“.

ных товаров: пряностей, благовонных масл, ладана, красящих веществ и т. п. В это время в Европу впервые были ввезены с Востока лимоны, шафран, рис, маис и тростниковый сахар. Все эти товары находили себе покупателей и развозились из Италии во все европейские страны, давая итальянским купцам огромные барыши. В обмен на эти товары итальянцы вывозили из Европы на Ближний Восток янтарь, сукна и другие продукты европейской промышленности

Вскоре дух торгашества охватил и значительную часть крестоносцев, которые совместно с итальянскими купцами быстро вытеснили еврейских и арабских торговцев, бывших до того времени посредниками между Востоком и Западом. Евреи со времени крестовых походов утратили все свое прежнее экономическое значение, и их торговая роль перешла к итальянцам, которые под именем ломбардцев сделались в конце средних веков наиболее энергичными торговцами в Зап. Европе. Благодаря торговле с Востоком, итальянские города республики, в особенности Генуя и Венеция, быстро разбогатели, и здесь впервые выросла новая социальная сила—денежный капитал, и народился новый общественный класс буржуазии. С этого момента в Западной Европе особенно усиливается страсть к обогащению; драгоценные металлы—золото и серебро—быстро повышаются в цене, и это заставляет очень многих стремиться в страны Востока, откуда в то время шли в Европу эти металлы. «Погоня за золотом» сыграла, как это мы увидим ниже, большую роль в истории географических открытий.

III.

Арабы и их географические познания.—Сулейман из Бассоры.—Массуди и его «Золотые Луга».—Ибн-Фодлан.—Эдризи.

В восьмом столетии на арену истории вступил новый народ—арабы. Область междуречья Тигра и Евфрата становится в VIII и IX столетиях снова, как за двадцать веков перед тем, центром культуры, влияние которой распространяется до Хивы и Балха, с одной стороны, и до Кордовы и Толедо, с другой.

Вскоре после смерти арабского пророка Магомета (в 632 г.) калиф Омар предпринял обширные завоевания, и воинственные полчища арабов хлынули из оазисов великой Аравийской пустыни в страны Малой Азии и Северной Африки. Омар покорил в 638 г. Египет и Сирию, распространяя владычество ислама среди покоренных народов. В конце VII столетия полумесяц ислама уже царствовал над всеми азиатскими странами от Кавказа до берегов Персидского залива, и, кроме того, арабам принадлежала почти вся Северная Африка.

Сделавшись властителями почти всего известного в то время мира, арабы предпринимали путешествия в Индию и в далекий Китай. Уже в конце VII века город Кантон в Китае

становится значительным портовым городом, благодаря торговле арабских купцов. В IX веке под влиянием арабов в Китае возникает дальше к северу от Кантона, недалеко от устья реки Янтзе-Кианга, торговый город Кан-фу. Кроме торговых целей, любовь к путешествиям развивалась у арабов и благодаря их религии. Коран предписывал паломничества в Мекку, а Магомет завещал арабам распространять ислам по всему свету.

Вследствие всего этого арабы сильно способствовали успехам землеведения, и в эпоху их владычества число путешествий значительно увеличилось. Но, что было более важным для развития географической науки, так это то, что среди мусульманских путешественников было много отличных наблюдателей и талантливых повествователей.

Наиболее известным арабским путешественником VIII столетия, сочинение которого дошло до нас, был, без сомнения, Сулейман, купец из Бассоры. Сулейман совершил путешествие из Персидского залива через Индийский океан в Китай, посетив попутно остров Цейлон, Суматру, Никобарские и Андаманские острова, заселенные людоедами. Затем Сулейман переплыл через море Сенф, между Моллукскими островами и Индо-Китаем, и благополучно прибыл в Кан-фу. Описывая свое путешествие в Китай, Сулейман приводит много интересных подробностей о быте и нравах жителей Китая.

Другой арабский путешественник, знаменитый историк Абуль-Гассан-Али, называемый обыкновенно Масуди, об'ехал еще больше стран, чем Сулейман; он путешествовал по Персии, Индии, Цейлону, Китаю, по берегам Каспийского моря, по Армении, Северной Африке, Египту и Греции. Современники сравнивали его с солнцем, проходящим над всеми странами земли с востока до запада, и сам Масуди, говоря о своих путешествиях, применяет к себе слова одного арабского поэта: «Я так далеко заходил на восток, что совершенно забывал о западе; я настолько углублялся в страны запада, что даже забывал название востока». Результаты своих путешествий Масуди изложил в 947 году в своей книге, названной им «Золотые Луга». Это сочинение представляет собою трактат по всеобщей истории, в котором географические сведения занимают несколько глав. «Золотые Луга» были одной из самых популярных книг среди мусульман всего мира, и даже еще и теперь эта книга пользуется известностью и считается ученой книгой у народов Ближнего Востока. Из книги Масуди мы узнаем, что арабы хорошо знали области Центральной Азии; Масуди, описывая Тибет, называет его

«благословенной страною, где жители от счастья не перестают смеяться».

Несмотря, однако, на значительный прогресс географических знаний у арабов, их книги и трактаты по землеведению полны обычных средневековью фантастических сведений. Арабские географы признают так же, как и христианские средневековые космографы, существование таинственных и грозных народов Гога и Магога, у арабов эти народы лишь превращаются в маджуди и яджуди, и место их обитания отодвигается дальше на северо-восток Европы, а арабский географ XII в. Эдризи считает местом жительства народов маджуди и яджуди далекий север Азии.

Говоря вообще, арабские географы и путешественники плохо представляли себе, какие народы населяют разные области земли: так, все народы центральной и восточной Азии, кроме китайцев, они соединяют под общим названием «тюрков», откуда позднее произошло наименование «турки».

В подразделении человечества арабы не пошли дальше Библии; известный арабский ученый Шемс-Эддин-Димаскви признавал, что когда потомство Ноя сильно размножилось, он стал просить бога разделить землю между тремя его сыновьями—Симом, Хамом и Иафетом. Бог согласился и послал на землю архангела Гавриила с тремя листками, на которых были написаны названия трех частей земли: Азии, Европы и Африки. Архангел Гавриил передал листки Ною и велел ему положить их в сосуд и дать затем вынуть каждому из сыновей. Симу, как более благочестивому и заслужившему любовь бога, досталась Азия, которая, по убеждению средневековых географов, равнялась Европе и Африке, взятым вместе, Иафету досталась Европа, а Хаму—Африка.

Таким образом арабские ученые и, в частности, географы не могли освободиться от грубых заблуждений своего времени и все еще находились под влиянием древних религиозно-богословских учений, повторяя в своих трудах самые фантастические басни о неизвестных странах и народах.

Но, тем не менее, арабские географы и путешественники в большой степени способствовали развитию и прогрессу географических знаний. В особенности ценны в этом отношении записки арабских путешественников десятого и одиннадцатого столетий; из арабских путешественников этой эпохи мы должны упомянуть об Ибн-Фодлане и Ибн-Хаукале, как о первых путешественниках, упоминающих о русском народе.

Ибн-Фодлан путешествовал в 921 г. вместе с посольством халифа Муктадира в страну волжских болгар и составил

подробное описание своего путешествия в виде докладной записки халифу. В этой записке Ибн-Фодлан довольно обстоятельно описывает жизнь и нравы болгар, хазар, башкир и русов.

К сожалению, описание этого путешествия полностью не дошло до нашего времени, сохранились лишь отрывки, помещенные арабским географом двенадцатого века Якутом в своей книге «Муджамуль-бульдан».

Одновременно с Ибн-Фодланом, путешествовал по России и мосульский купец Ибн-Хаукаль, который, проведя в путешествиях более тридцати лет, написал книгу под заглавием «Книга путей и государств». В этой книге он упоминает о хазарах, болгарах, славянах и русах.

На основании сведений и описаний всех арабских путешественников арабский географ и путешественник двенадцатого века Абу-Абдалла-Магомет Эдризи, известный под именем нубийского географа, составил обширное сочинение по географии с приложением карт; карты эти, хотя и не имеют градусной сетки и геометрически весьма не точны, тем не менее очень ценны, так как на них как бы зафиксированы все итоги географических завоеваний арабов.

В своем труде Эдризи говорит и о русских, пользуясь сочинениями Ибн-Хаукаля и арабского писателя конца IX века Аль-Джайгани, сочинения которого не сохранились. Эдризи говорит о разделении русов на три племени и упоминает о существовании трех больших русских городов; эти три города, вероятно, были Киев, Новгород и Смоленск.

IV.

Скандинавы.—Открытие ими Исландии и Гренландии.—Открытие норманнами Америки.

В то время, как арабы совершали завоевания на юге, и их путешественники и купцы были знакомы с областями и странами от столбов Геркулесовых на западе до берегов отдаленного Китая, на севере на арену истории выступили новые народы—скандинавы, или, как они сами себя называли, «норманны»—«северные люди». В ту эпоху Норвегия была бедная, но густо населенная страна. Значительная часть ее жителей была вынуждена искать счастья в других странах, которые могли бы доставить им больше средств к жизни, чем их родина. Когда кому-нибудь из норманнов удавалось найти страну, более удобную и богатую естественными произведе-

ниями природы, они, возвратившись к себе, собирали дружину и следующей весною уезжали вновь в сопровождении всех, кого увлекала жажда сражений и любовь к наживе.

Храбрые охотники и рыболовы, привыкнув с юности бороться с опасностями морских путешествий и бесстрашно раз'езжать по узким и глубоким фиордам, изрезывающим берега Норвегии, скандинавы пускались на своих дубовых кораблях, которые называли «морскими конями», по волнам Северного моря, и их появление заставляло дрожать берего-

Корабль скандинавских викингов IX и X веков.

вых жителей Фрисландии, Фландрии и Англии. Норманские морские короли, или «викинги», как часто называли этих завоевателей, жили на океане, почти никогда не водворяясь на земле; они опустошали богатые монастыри Франции, жгли и грабили замки, «не оставляя в живых даже собаки, которая лаяла бы им в след»; норманны спускались по рекам и доходили по Сене до Парижа; они прочно утвердились на берегах Ламанша и дали свое имя «Нормандия» всей северной части Франции.

Нужно сказать, что морское разбойничество в те эпохи восхвалялось скальдами и народными певцами, как подвиг храбрости и отваги. Действительно, нужно было много сме-

лости, чтобы на утлых небольших кораблях пускаться по волнам сурового моря в неизвестные страны. Много викингов со своими дружинами нашли свою могилу на дне моря, многие, захваченные бурями, погибли в безвестных странах. Но некоторым, более счастливым, удавалось приобрести большую добычу и в своих скитаниях по морю они открывали много новых островов и стран. Так, в 861 г. один норвежский пират по имени Надд-Одд, желавший из Швеции проехать на Фарэры, был отнесен бурей на северо-запад, к стране, покрытой снегом, которую он назвал «Сноландией» (снежной страной); позднее эта земля была названа Исландией (ледяною страною). Несколько лет спустя Ингольф водворился в этой стране и основал город Рейкиавик. В 885 году, когда Гаральд Гаарфагер покорил всю Норвегию, значительное число норманнов, не желавших подчиняться Гаральду, эмигрировало в Исландию. Эти переселенцы положили там основание такой же республике, какая существовала незадолго перед тем в самой Норвегии.

Смелые норманны, поселившись в Исландии и занимаясь охотой за тюленями, открыли вскоре еще новые острова. Один из норманнов, некто Эрик Рыжий, изгнанный из Исландии за убийство, отправившись на поиски новых земель, открыл Гренландию; бесплодность этой страны и ее льды побудили его направиться к югу и там искать места для своего жительства. Эрик обогнул мыс Фаравель на южной оконечности Гренландии и поселился на западном берегу, где построил для себя и своих товарищей обширное жилище, развалины которого нашел Іоргенсен. Эта страна в то время вполне заслуживала имя «Зеленой Земли» (Гренландия), данное ей Эриком.

В 986 году один норвежец Биарн Гериульфсон, прибывший из Норвегии в Исландию, чтобы повидать своего отца, узнал, что его отец отправился вместе с Эриком Рыжим в Гренландию, и в свою очередь отправился на своем корабле туда же. Но не зная хорошенько, где находится эта страна, Гериульфсон заблудился среди океана, и морское течение отнесло его к берегам неизвестной земли; некоторые историки утверждают, что эта земля была Новая Шотландия, другие же думают, что это был Ньюфаундленд. В конце концов Биарн добрался до Гренландии, где Эрик — этот могущественный норвежский «ярл»—упрекнул его в том, что он не исследовал с большей тщательностью страны, в которой он очутился «по дикой прихоти волн».

Сын Эрика Рыжего, Лейф, узнав об открытии Биарном новых земель, предпринял в 1001 году путешествие за океан

и, действительно, открыл обширную каменистую страну, которую назвал Геллуландом, и которая известна теперь под именем Ньюфаундленда. Отсюда он спустился к югу и открыл бухту Род-Эйленд; мягкий климат страны и реки, наполненные рыбой, привлекли Лейфа, и здесь он построил свое обширное жилище, названное им Лейфсбудир (Дом Лейфа). Он послал своих товарищей исследовать новую страну; найдя здесь дикий виноград, Лейф дал открытой им земле имя «Винландии». Нагрузив свои корабли кожей, виноградом, лесом и другими продуктами страны, Лейф отправился в Гренландию; он сделал, между прочим, ценное замечание, что самый короткий день в Винландии продолжается не менее девяти часов, и это обстоятельство дает основание предположить, что Лейф зимовал в Северной Америке под 41° 24′ 10″ сев. широты.

Чудесные рассказы о стране, открытой Лейфом, побудили его брата Торвальда отправиться туда с тридцатью товарищами. Перезимовав в Лейфсбудире, Торвальд исследовал берега к югу, осенью возвратился в Винландию и в следующем 1004 году исследовал берега к северу от Лейфсбудира. На возвратном пути норманны встретили в первый раз эскимосов и, без всякого повода с их стороны, безжалостно их убили. В ночь после этого убийства скандинавы увидели себя окруженными бесчисленной флотилией эскимосских лодок, с которых на них сыпались целые тучи стрел. Торвальд был смертельно ранен одной стрелой и вскоре умер. Товарищи похоронили его на одном мысу, которому дали имя мыса св. Креста.

В XVIII веке в Бостонском заливе была открыта каменная могила, в которой нашли скелет человека и железную рукоятку меча. Индейцам этот металл не был известен, поэтому скелет не мог принадлежать представителю индейских племен; археологи полагают, что это могила какого-нибудь скандинава, и весьма вероятно, что найденный скелет является останками Торвальда, сына Эрика Рыжего.

Весною 1007 года три скандинавских корабля, на которых помещалось сто шестьдесят человек и некоторое количество скота, покинули Гренландию и отплыли в океан. На этот раз норманны обследовали Геллуланд, Маркланд и Винландию, высадились затем на одном острове, построили свои жилища и приступили к обработке земли. Однако зимою норманны сильно страдали от недостатка припасов, и опять переселились на материк. В начале 1008 года они принялись разыскивать Лейфсбудир и основались в Мун-Гоп-Бее. Здесь они завязали некоторые сношения с туземцами, вероятно, эскимосами.

После трехлетнего пребывания в новой стране норманны возвратились в Гренландию. Мы не имеем возможности подробно останавливаться на всех экспедициях норманнов, следовавших одна за другою, которые они предпринимали в области, начиная с Гренландии и кончая Лабрадором и Соединенными Штатами. Однако с течением времени Гренландия перестала привлекать норманнов, и скандинавские колонии в Гренландии постепенно вымерли. Вследствие этого экспедиции норманнов в Америку также стали более редкими, и дальнейшие попытки колонизации Винландии прекратились; даже из более поздних путешествий с целью отыскания этой страны мы знаем только об одном, а именно, о путешествии Эрика Гнупсона, первого гренландского епископа, который, отправившись в 1121 году на юго-запад, в океан, не вернулся обратно.

По всей вероятности, норвежцы проникали довольно далеко внутрь американского материка; об этом свидетельствуют находимые в Сев. Америке каменные плиты с руническими письменами, которые в то время употребляли норманны. Так, в Чикаго хранится камень, найденный в штате Миннесота со следующей на древне-норвежском языке надписью: «восемь готов и двадцать два норвежца в путешествии из Винландии на запад. Наша стоянка была у двух скалистых островов, на расстоянии одного дня пути от этого камня. Утром мы отправились на рыбную ловлю. Когда же мы вернулись, то десять человек из наших спутников были найдены убитыми и в крови. Года 1362».

Гораздо больше значения, чем смелые поездки норманнов в северную часть Атлантического океана, имели их путешествия по Балтийскому морю и по северу Европы. Около 870 года из Гельголанда на западном берегу Норвегии отправился некто Отер или Отар вдоль по берегу на север, чтобы узнать, как далеко простирается материк в этом направлении. Три дня он плыл прямо на север, имея слева море, а справа пустынную страну. Проплывши еще три дня на север, Отер повернул вдоль берега на восток, и затем на юго-восток; на своем пути он встретил устье большой реки, где и бросил якорь. Нетрудно определить, что Отер об'ехал Нордкап и попал в Белое море, приехав к устью Северной Двины. Восточную область этой реки он не осмелился посетить, так как его окружили обитавшие здесь биармийцы (пермяки), которые отнеслись к нему враждебно. Отсюда Отер поехал обратно в Норвегию.

Открытие восточной части Балтийского моря принадлежит датчанину Вольфстану, который в IX веке обследовал

Балтику до устья Вислы. Скандинавские викинги, или варяги, как их называли жители балтийского побережья, основали на берегах Балтийского моря несколько поселений, и к X веку само Балтийское море получило название Варяжского. Многочисленные флотилии варягов поднимались вверх по рекам, впадающим в Балтику, и таким образом варяги проникали в бассейн Днепра, по которому спускались вниз в Черное море, а отсюда, через Босфор, доходили до самого Константинополя. Но эти экспедиции варягов носили большею частью военный характер и предпринимались обыкновенно с целью грабежа; варягов привлекала роскошь и богатство Византии, и ради него они переходили обширные пространства Западной России и блуждали по многочисленным русским рекам, ища дорогу в Грецию.

V.

Путешествия Вениамина Тудельского.

Из путешественников XII века наибольшей известностью пользуется Вениамин, испанский еврей из города Туделя, в Наваррском королевстве. Вениамин Тудельский посетил Марсель, Рим, Валахию, Константинополь, Палестину, Ниневию, Багдад, Вавилон, Шираз, Самарканд, Тибет, Цейлон, Красное море, Египет, Сицилию, Италию, Германию и Францию. Вениамин Тудельский в течение четырнадцати лет (1160—1173 г.г.) об'ехал почти весь известный тогда свет, и описание этого путешествия, в некоторых отношениях очень подробное, пользовалось большим авторитетом до XVI века.

Вениамин Тудельский отплыл из Барселоны в Марсель, а затем отправился в Геную. Из Генуи Вениамин прибыл в Рим, затем посетил Неаполь и другие южные города Италии. Из Италии Вениамин переправился в Грецию и в Константинополь. Он сообщает несколько подробностей об этой большой столице греческого царства. В то время в Греции императором был Эммануил Комнен, который жил в роскошном дворце на берегу моря. «Там возвышались,—говорит Вениамин,—колонны из чистого золота и серебра и золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, над которым золотая корона, свешивающаяся на золотых цепях, приходилась как раз на голове императора, когда он садился на престол. Камни, находившиеся в короне, были столь редки, что никто не мог их оценить, и ночью не было надобности в огне, так как было

совершенно светло от блеска, отбрасываемого этими драгоценными камнями».

Из Константинополя Вениамин переправился в Малую Азию, где посетил города Триполи, Бейрут, Тир, Сидон, Акру, Самарию, Наблус и Гаваон. Отсюда он отправился в Иерусалим, Вифлеем и Хеврон. После этого Вениамин прибыл в Дамаск, бывший в то время столицей турецкого царства. Дамаск произвел сильное впечатление на Вениамина своей роскошью и благоустройством. «Город, — говорит Вениамин,—окружен фруктовыми садами; на всей земле нет страны более плодородной. Город расстилается у подошвы горы Гермона, на которой берут начало две реки— Амана и Фарфар: первая протекает через середину города, и из нее проведена вода во все большие дома, на площади и рынки. Дамаск ведет торговлю со всем миром. У измаилитов есть в Дамаске мечеть, называемая Гоман-Даммесек, т.-е. храм Дамаска. В этом храме есть стеклянная стена, в которой находится триста шестьдесят пять отверстий. Солнце, спускаясь по двенадцати делениям, по числу часов в дне, входит каждый час в одно из этих отверстий, благодаря чему эти отверстия дают каждому возможность узнать, который час».

Из Дамаска Вениамин Тудельский посетил Баальбек— Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном; затем он приехал в Тадмор или Пальмиру, отсюда через Кариатин он прибыл в Газу. После этого Вениамин отправился в Месопотамию, посетив Моссул на Тигре, Ниневию и Багдад. Багдад, бывший резиденцией арабских калифов, поразил путешественника своею красотою.

Вениамин совершил также поездку к развалинам Вавилона и описывает остатки вавилонской башни в следующих выражениях: «там возвышается башня, построенная «рассеянными народами» до потопа; ширина ее основания около двух миль, здание занимает двести сорок локтей, а вышина его сто канн; через каждые десять локтей проложены дорожки к витым лестницам, ступеньки которых поднимаются до самого верха. С этой башни открывается вид на двадцать миль в окружности».

После описания развалин Вавилона Вениамин говорит о своем посещении синагоги пророка Иезекииля на Евфрате, «святая святых» евреев, куда стекаются верующие из всех стран, чтобы прочесть великую книгу, начертанную рукою пророка. Наконец, Вениамин попадает в город Бассору, лежащий на Тигре, у оконечности Персидского залива. Об этом

значительном торговом городе Вениамин не сообщает никаких подробностей. Оттуда он отправился в Карну, где посетил гробницу пророка Ездры; затем он вступил в пределы Персии и оставался несколько времени в Кужистане, который разделяется рекою Тигром на две части, богатую и бедную, соединенные между собою мостом, на котором, как символ справедливости, висит гроб Даниила, находясь таким образом ни на стороне богатых, ни на стороне бедных. Вениамин об'ехал почти всю Персию и через Хамадан, где находятся гробницы Мардохея и Эсфири, он приехал в Испагань, столицу страны, имевшую двенадцать миль в окружности.

Далее рассказ путешественника не отличается определенностью: следя за его записками, мы видим его в Ширазе, затем в Самарканде и, наконец, у подошвы Тибета. Отсюда Вениамин возвратился в Низапур и Кужистан на берегах Тигра, откуда, после двухдневного плавания, он достиг Эль-Ка-Хифаго—арабского города у Персидского залива. Переправившись через Оманское море, Вениамин прибыл в Хулан, теперешний Килон, на Малабарском берегу. Вениамин Тудельский был также в Индии, в царстве поклонников солнца,—детей Куша, созерцателей светил. По его словам, «в этой стране произрастают перец, корица, имбирь и другие пряности».

Перебравшись на остров Цейлон, Вениамин оттуда отправился в Китай. Но из описания путешествия не видно, достиг ли Вениамин этой страны.

После путешествия в Китай мы встречаем Вениамина снова на Цейлоне и вслед за тем на острове, по всем вероятиям, Сокотре, при входе в Аденский залив. Переправившись после этого через Красное море, он приехал в Абиссинию, которую он называет «Индией на суше». Оттуда, спускаясь вниз по течению Нила, и через пустыню, он приезжает в Завилу, Кус, Файум и Мизраим, т.-е. Каир.

Мизраим, по словам путешественника,—большой город, украшенный площадями и лавками; там никогда не бывает дождя, но Нил, выходящий ежегодно из своих берегов, орошает страну на пространстве «пятнадцати дней пути», чем и делает страну чрезвычайно плодородной.

Из Мизраима Вениамин проехал в Гизех, не обратив внимания на пирамиды, и далее в Айн-Хамс, Зефиту, Дамиру и в Александрию. «Александрия,—говорит он,—большой торговый город, куда с'езжаются торговцы со всех частей света. В море на целую милю от берега выдается плотина, на которой построена высокая башня, сооруженная Александром Великим; на вершине этой башни помещается стеклянное зер-

кало, в которое можно видеть находящиеся на расстоянии пятидесяти дней пути корабли, идущие из Греции или с запада». «Эта светящаяся башня,—добавляет Вениамин,—служит еще и теперь сигналом для всех, плывущих в Александрию, так как она видна за сто миль днем и ночью, благодаря большому горящему на ее вершине светильнику».

Из Египта Вениамин переправился в Италию, а оттуда, через Германию, он попал в Париж. Описанием Парижа Вениамин и закончил повествование о своих путешествиях. Несмотря на свои недостатки, это описание представляет ценный памятник географической науки половины XII столетия.

VI.

Путешествие Плано Карпини в Татарию.

Следуя хронологическому порядку, мы после Вениамина Тудельского должны назвать итальянского путешественника, монаха-францисканца Джиовани Плано Карпини; этот монах-путешественник совершил поездку в 1245 году в Центральную Азию, в Татарию, к великому хану. Всем известны завоевания и опустошения, сделанные монгольскими ордами под предводительством властолюбивого Чингис-хана. В 1206 году этот грозный завоеватель выбрал Каракорум—древний турецкий город в Татарии, на север от Китая, столицей своего царства. При преемнике Чингис-хана, Огадае, монгольское владычество простиралось до Центрального Китая, и этот хан, собрав шестисоттысячное войско, нахлынул в Европу. Россия, Грузия, Польша, Моравия, Силезия и Венгрия сделались местом кровавых битв, кончившихся в пользу Огадая. На монголов, не щадивших ничего на свете, европейцы смотрели, как на дьяволов, и дали им название «тартар» или «татар», то-есть «сынов тартара или ада».

Боясь нашествия этих диких орд на Западную Европу, римские папы, бывшие в то время могущественными властителями не только в области духовной, но и светской, решили оградить Европу от этого нашествия и задумали, если не заключить союз с татарами, то узнать их дальнейшие намерения. С этою целью папа Иннокентий IV и отправил к татарскому хану первое посольство, которое вернулось от него, получив высокомерный и мало успокоительный ответ. Тогда папа решил послать к хану второе посольство, избрав для этого фран-

цисканского монаха Плано Карпини, считавшегося очень умным человеком.

Плано Карпини отправился в свое далекое путешествие 6-го апреля 1245 года из Лиона, где тогда жили папы. Он отправился сначала в Богемию. Король этой страны дал ему грамоты к своим родным в Польшу. Карпини и его спутники, не встретив затруднений, достигли владений русского князя, где, по совету последнего, приобрели меха бобров и других животных, чтобы принести их в дар татарским вельможам. С этими подарками Карпини направился на северо-восток и прибыл в Киев. Здесь Карпини видел все ужасы татарского нашествия, от которых, как говорит он, «мог бы прослезиться антихрист». «Когда мы поехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город (Киев) был раньше весьма большой и очень многолюдный, а теперь почти разорен совсем: едва существует там двести домов, а людей тех держат татары в тяжелом рабстве».

Киевский князь предложил Карпини переменить лошадей на татарских, привыкших находить траву под снегом, и они на хороших лошадях достигли города Данилова. Там Карпини опасно заболел. Поправившись, Карпини купил телегу и продолжал путь. Приехав в Канев на Днепре, послы очутились в первом селении Монгольского царства. Отсюда бывший здесь хан, смягченный подарками, приказал проводить их в татарский лагерь.

Эти варвары, встретивши послов сначала очень плохо, направили их к своему начальнику, а тот, в свою очередь, отослал их под стражей к Батыю, главному начальнику и самому могущественному после великого хана человеку. По пути для них были везде приготовлены свежие лошади, и путешествие совершалось днем и ночью без остановки. Таким образом Карпини проехал через всю страну, лежащую между Днепром, Доном, Волгою и Яиком, и прибыл, наконец, ко двору князя Батыя на границе Куманской земли.

«Прежде чем нас повели к князю,—говорит Карпини,—нас предупредили, что мы должны будем пройти между двух огней, так как сила огня очистит нас от дурных намерений и от яда, если мы имеем что-нибудь подобное относительно князя, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение».

Князь помещался в великолепной палатке из тонкого льняного полотна, окруженный штатом своих приближенных. Карпини и его спутник, Стефан Богемский, были приняты

Батыем в день страстной пятницы. Папская грамота была переведена толмачами на славянский, арабский и татарский языки, и ее содержание было прочитано Батыю. После приема послов отвели в особую палатку, где им был приготовлен обед, состоявший всего из маленькой мисочки вареного проса.

На другой день Батый призвал к себе обоих послов и приказал их отвезти к великому хану. Они выехали в первый день Пасхи в сопровождении двух проводников. Только 22-го июля Карпини и Стефан Богемский прибыли в резиденцию хана. Здесь путешественники прожили более месяца, ожидая провозглашения нового хана, так как царствовавший перед этим хан Огадай умер весной этого года. Карпини, живя в орде, изучал быт и нравы татар, и описание их обнаруживает у Карпини большую наблюдательность. Карпини так рисует татар: «глаза и щеки у татар отделены друг от друга большими расстояниями, и скулы выдаются сильно вперед; нос маленький и плоский, глаза тоже маленькие, а ресницы приподняты до бровей. Они очень худощавы и тонки в поясе, роста по большей части среднего; бороды почти у всех очень маленькие и редкие. Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери».

После целого месяца ожидания в орде татарский хан, наконец, принял послов. Узнав содержание папской грамоты, хан написал ответное письмо, которое кончалось словами: «Мы поклоняемся богу и с его помощью разрушим весь мир от востока до запада».

Только осенью Карпини и Стефан выбрались из орды и в продолжение всей зимы пробирались по снежной пустыне. Весною, в день Вознесения, они прибыли ко двору Батыя, снабдившего их пропуском. Лишь за две недели до праздника св. Иоанна Крестителя (24 июня) 1247 года они добрались до Киева. Карпини с благодарностью рассказывает о приеме их киевлянами; он пишет: «киевляне, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, и поздравляли нас, как будто мы восстали из мертвых; так принимали нас по всей Руссии, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь господина папу

своим преимущественным господином и отцом, а святую римскую церковь владычицей и учительницей; об этом они послали с нами господину папе свою грамоту и послов».

Таково в общих чертах содержание описания путешествия Карпини к татарам.

VII.

«Путешествие в восточные страны» Гильома Рубруквиса.

Спустя шесть лет после возвращения Плано Карпини другой французский монах, Гильом Рубруквис, или Рубрук, родом бельгиец, был послан к татарам французским королем Людовиком Святым. Новое посольство было вызвано следующим обстоятельством: в это время Людовик вел войну с арабами в Сирии, и в то время, как он преследовал их в Сирии, монгольский хан Эркалтай напал на арабов со стороны Персии и тем самым оказал услугу Людовику. После этого Людовик решил узнать более подробно о монголах и, если возможно, попытаться обратить их в христианство. С этою целью и был послан Рубруквис в Монголию.

В июне 1253 года Рубруквис и его спутники отправились в Константинополь, откуда через Черное море и Азовское они достигли устьев реки Дона, где встретили готов, потомков германских племен. По приезде к татарам посланные французского короля были приняты очень недружелюбно; но после пред'явления ими грамот губернатор Загафал, родственник великого хана, дал им лошадей для дальнейшего путешествия. Отсюда путешественники направились на восток через бесплодные степи Куманской земли, через которую несколько севернее проходил уже Карпини. Оставив за собою горы, лежащие на юге и заселенные черкесскими племенами, Рубруквис, после утомительного двухмесячного путешествия, прибыл в лагерь хана Сартака, расположенный на берегу Волги. Рубруквис и его спутники просили доложить Сартаку об их приезде, и Сартак позвал Рубруквиса к себе. Путешественники, одевшись в свои монашеские одежды, разложив на подушке Библию, псалтырь, требник, распятие и кадило, с пением молитв вошли в палатку Сартака. Сартак с любопытством рассматривал монахов и их одеяние, но в переговоры с ними не вступил, предложив им отправиться к его отцу, хану Батыю. Однако и Батый не захотел вступить в переговоры

с посланниками французского короля, а отослал их к великому хану Мангу, жившему в Каракоруме.

На пути в Каракорум Рубруквис прошел через землю башкир, затем через землю Органу, где лежит озеро Балкаш, и через землю уйгуров, после чего он приехал в Каракорум— столицу татар, перед которой Карпини останавливался, но в которую он не вошел. Этот город, по словам Рубруквиса, был обнесен земляными стенами, в которых было четверо ворот. Две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания этого города.

Великого хана в это время не было в столице, и поэтому Рубруквис со своими спутниками должен был отправиться в его резиденцию, находившуюся по ту сторону гор, в северной части страны. На другой же день по их прибытии они представились ко двору хана; следуя правилу французских монахов, они шли босые, при чем отморозили себе пальцы, так как в это время был мороз. Татары ввели монахов к Мангу-хану, и путешественники увидели перед собою «курносого человека среднего роста, лежавшего на большом диване и одетого в мех, блестящий как шкура тюленя». Хан был окружен соколами и другими птицами. Послам французского короля были предложены разные напитки: арак, кумыс и мед. Но послы воздерживались от питья, сам же хан скоро опьянел, и аудиенция должна была прекратиться.

Рубруквис провел несколько недель при дворе Мангу-хана, где он встретил большое число немецких и французских пленников, которых заставляли изготовлять оружие, домашнюю утварь и т. д. После нескольких аудиенций у великого хана Рубруквис получил позволение удалиться в Каракорум и там переждать зиму. Во время своего пребывания в Каракоруме, Рубруквис собрал интересные сведения о китайцах, о их нравах, письме и проч. Затем, покинув монгольскую столицу, он поехал обратно тою же дорогой; но, достигнув города Астрахани, расположенного близ устья Волги, Рубруквис направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум, Кесарию и Иконию достиг порта Керчь, откуда на корабле отправился в свое отечество.

Описывая свое путешествие по степям Руссии, Рубруквис говорит, что он испытывал сильный страх, так как «русские собираются по двадцать и по тридцать человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают своих плохих лошадей на хороших,

а иногда просто угоняют несколько лошадей с собою». Рубруквис говорит о Волге, что «она в четыре раза шире Сены в Париже»; он замечает также, что «река Этилия (Волга) разливается весною, как Египетский Нил».

Описывая быт татар, Рубруквис говорит, что «они не имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собою всю Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца». Жилищем для татар служат кибитки из плетеных прутьев и покрытые войлоком. Когда татары остановятся в степи, то они ставят свои кибитки воротами к югу. Внутренность кибитки делится на две половины—восточную и западную. Восточную половину занимают женщины, а западную—мужчины. Мужчины, входя в кибитку, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. Над постелью хозяина всегда ставится изображение, как бы кукла из войлока, называемая братом хозяина; другое изображение над постелью хозяйки именуется братом госпожи.

Описывая прием у Батыя, Рубруквис говорит: «наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Батый, а тогда говорили бы кратко. Нас проводили до средины палатки Батыя, и мы стояли перед ним столько времени молча, во сколько можно произнести псалом «Помилуй мя, боже». Сам Батый сидел на длинном троне, широком, как постель, и позолоченном. Рядом с Батыем сидела женщина. При входе в палатку стояла скамья с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами. Батый внимательно осмотрел нас, а мы его. Лицо Батыя было покрыто красными пятнами. Наконец, он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как пред человеком. Тогда Батый сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразив, что молюсь богу, так как стоял на коленях, начал свою речь с молитвы, говоря: «Государь, мы молим бога, от которого исходят все блага, и который дал нам сии земные, чтобы после этого он даровал нам небесные, так как первые без последних ничтожны». Он внимательно выслушал, и я прибавил: «Знайте наверное, что вы не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал бог: «кто уверует и крестится, спасен будет. Кто же не поверит,—будет осужден». При этом слове Батый улыбнулся, а другие монголы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой переводчик оцепенел, так что мне надо было ободрить его, чтобы он не боялся.

Затем, когда настала тишина, я сказал: «Я прибыл к вашему сыну Сартаку, так как мы слышали, что он—христианин, и я привез ему грамоту от господина короля франков. Он сам меня послал сюда к вам. Вы должны знать—по какой причине». Тогда Батый приказал мне встать, спросил меня об имени короля, моем, моего товарища и толмача, и приказал все записать. Затем он приказал нам сесть и дал выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ними кумыс в его доме. Затем мы вышли, и спустя немного к нам пришел проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: «Господин король ваш просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Батый не может сделать без ведома Мангу-хана, поэтому следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану, а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартака, ожидая там твоего возвращения». Тогда мой толмач начал скорбеть, считая себя погибшим, а товарищ мой стал говорить, что пусть ему лучше отрубят голову, чем он отделится от меня. И я сказал, что не могу отправиться без товарища, прибавив, что мы очень нуждаемся в двух служителях, так как кому случится захворать, то другой не может оставаться одиноким. Тогда он, вернувшись ко двору, передал эти слова Батыю. Тогда тот приказал: «Пусть отправляются два монаха и толмач, а их слуга пусть вернется к Сартаку ».

Описывая свое путешествие по степям Татарии, Рубруквис перечисляет многие страны, через которые он проезжал и называет народы, населявшие эти страны: так, он говорит о югурах, тангутах и тибетцах, при чем относительно последних замечает, что они «пожирают своих умерших родителей, так как, по чувству сыновней любви, они не признают для них лучшей могилы, кроме самих себя, т.-е. своего желудка».

За тибетцами, по словам Рубруквиса, «живут народы Лонга и Соланга, а за их землею находится далекая Катайя (Китай), жители которой, как я полагаю, назывались в древности серами, ибо от них привозятся самые лучшие шелковые ткани, называемые по-латыни по имени этого народа «серичи». Я достоверно узнал, добавляет Рубруквис, что в этой стране есть город с серебряными стенами и золотыми башнями. В этой земле есть много областей, большинство которых не повинуется монголам. Эти катаи—люди маленького роста, при разговоре они усиленно дышат ноздрями; у всех жителей востока то общее, что они имеют небольшое отверстие для глаз. Катаи отличные работники во всяком ремесле, и их медики очень хорошо знают действие трав...».

Говоря о жителях Китая, Рубруквис замечает, что китайцы «пишут кисточкой, которой рисуют живописцы, и у них одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово; ходячей монетой у катаев служит бумажка из хлопка шириною и длиною в ладонь, на которой изображают знаки, как на печати хана». Тут же Рубруквис добавляет: «ходячей монетой русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок».

Прожив в стране Мангу-хана целую зиму, Рубруквис и его спутник решили просить хана отпустить их обратно во Францию. Мангу-хан согласился отпустить Рубруквиса, но просил его передать королю франков грамоту и привезти от него ответ. Содержание грамоты было таково: «Существует заповедь вечного бога: на небе есть один только вечный бог, а над землею есть один только владыка Чингис-хан, сын божий, Демучин Чингей (т.-е. «звон железа»). Вот слово, которое вам сказано от всех нас, которые являемся монголами, найманами, меркитами, мустельманами; повсюду, где уши будут слышать, прикажите прочесть наше слово; с тех пор как они услышат мою заповедь и поймут ее, но не захотят верить и захотят вести войско против нас, вы услышите и увидите, что они ослепнут, и когда они пожелают итти, они будут без ног; это—вечная заповедь божия. Во имя вечности силы божией, во имя великого народа монголов, это да будет заповедью Мангу-хана для государя франков, короля Людовика и для всех других государей и для великого народа франков, чтобы они поняли наши слова...».

Само собою разумеется, что король Людовик оставил эту грамоту без ответа, и Гильом Рубруквис ограничился только одним путешествием в Монголию.

Именами Карпини и Рубруквиса мы можем закончить перечисление путешественников, получивших более или менее широкую известность в средние века; однако известность этих путешественников бледнеет и меркнет перед славой венецианского путешественника Марко Поло, который справедливо считается самым знаменитым путешественником эпохи Средневековья.

VIII.

Марко Поло и его путешествие в Китай и Индию.

Венецианские и генуэзские купцы, достигшие в XIII веке торгового могущества на Средиземном море, и сосредоточившие в своих руках всю торговлю восточными товарами, стали

стремиться установить непосредственные сношения с Восточной Азией—Китаем и Индией. С этой целью в половине XIII века два крупных венецианских торговца, предприняли путешествие в Восточную Азию. Эти два венецианца принадлежали к семейству Поло, родом из Далмации. Два брата Поло, Николо и Матео, жившие несколько лет в Константинополе, где у них была торговля, отправились в 1260 г. с значительным количеством товаров в Крым к своему старшему брату Андрео Поло, имевшему там свою контору. Отсюда Николо и Матео направились на северо-восток, в страну татар.

Братья Поло прожили целый год среди татар, затем они отправились в Бухару, где прожили три года. После этого они поехали еще дальше на восток, ко двору Кублая-хана; Кублай-хан был четвертым сыном Чингис-хана и в то время считался китайским императором и жил в Монголии, на границе Китайского царства. На путешествие из Бухары в Монголию братья Поло употребили целый год, пробираясь через многочисленные хребты гор Центральной Азии. Кублай-хан был рад приезду иностранцев и с большим интересом расспрашивал у венецианцев о событиях, происходивших в то время на Западе Братья Поло, владевшие хорошо татарским языком, обстоятельно познакомили Кублая с жизнью и обычаями западноевропейских народов.

После разговоров с венецианцами, Кублай-хан задумал войти в сношения с Западом и решил послать посольство к папе, прося обоих братьев Поло быть его представителями перед папой. Поло согласились на эту миссию и в 1266 году, в сопровождении ханского посла Когатала, отправились в Европу. Проживши в Венеции два года, братья Поло передали новому папе Григорию X послание хана и, получив от него ответ, решили снова совершить путешествие в Монголию. На этот раз Николо Поло взял с собою своего молодого, семнадцатилетнего сына Марко, которому и суждено было стать позднее знаменитым путешественником.

Марко Поло вместе со своим отцом и дядей Матео начали свое путешествие с Армении, высадившись в одном небольшом портовом городе на берегу Черного моря.

Из Армении путешественники направились в королевство Моссул и прибыли в город того же имени, расположенный на правом берегу Тигра; затем они посетили Багдад, где жил калиф всех сарацин в мире. Марко Поло говорит, что из Багдада лежит путь к берегам Персидского залива и в страну фиников. Из Багдада венецианские путешественники попадают в Тавриз—персидский город в провинции Азербейджан.

Отсюда путешественники снова спустились к югу, до города Иезда, а затем они прибыли в провинцию Кирман, проехав целых семь дней по великолепным, изобилующим дичью лесам. Покинув город Кирман, Марко Поло и его спутники приехали в город Комади, окруженный прекрасными рощами финиковых пальм и фисташковых деревьев.

После пятидневного путешествия к югу Марко Поло достиг долины Кормозо, нынешнего Ормуза. Спустя два дня путешественники прибыли к берегам Персидского залива. Эта местность, богатая финиками и пряностями, показалась им очень жаркой и чрезвычайно нездоровой; город Ормуз был тем не менее крупным торговым городом, сюда привозились для продажи шелковые ткани и парча, слоновая кость, финики и хлеб.

Из Ормуза Марко Поло, поднимаясь к юго-востоку, направился через обширную степь и спустя семь дней достиг города Кабиса. Продолжая дальше свое путешествие, Марко Поло встретил в горах племя хасхисхинов, во главе которых стоял старшина, называемый «горным стариком». Это племя отличалось страшной жестокостью по отношению к иностранцам, но Марко Поло и его спутникам удалось благополучно миновать владения «горного старика».

После этого Марко Поло пересек цветущую долину Кашемира и, перейдя с большим трудом горные страны, после сорокадневного путешествия достиг провинции Кашгар. Из Кашгара Марко Поло повернул на запад с целью посетить Самарканд, большой город, населенный христианами и сарацинами. Затем, возвратившись опять в Кашгар, Марко Поло направился в Яркенд—город, посещаемый караванами, ведущими торговлю между Индией и Северной Азией; далее, проехав город Хотан, столицу области того же названия, Марко Поло достиг границы великой пустыни Гоби. После пятидневного путешествия по песчаной и безводной равнине, он прибыл в город Лоб; здесь Поло и его спутники отдыхали восемь дней, готовясь для путешествия через пустыню, простиравшуюся на восток, «пустыню, такую длинную,—говорит Поло,—что нужен целый год, чтобы проехать ее вдоль; пустыню, обитаемую духами, и где раздаются звуки невидимых барабанов и труб».

Выбравшись из пустыни, Марко Поло со своими спутниками направился к северо-западу, к городу Амиль, и добрался оттуда до города Гинхинталаса, населенного идолопоклонниками, магометанами и христианами-несторианцами. Из Гинхинталаса Марко Поло возвратился в Хатгу и оттуда решил

Портрет Марко Поло. С рисунка XIII столетия.

посетить Каракорум, эту знаменитую столицу Монголии, в которой жил Рубруквис в 1254 году. Чтобы посмотреть на этот город, Поло не остановился перед тем, что нужно было в течение сорока дней ехать по безлюдной пустыне и снова возвращаться через нее. Спустя некоторое время мы видим его снова в городе Хатту.

Из Хатти Марко Поло прибыл в Пекин. Марко Поло прожил в Пекине довольно долго. Он очень понравился великому хану своим живым умом, сметливостью и способностью легко усваивать местные наречия. Вследствие этого хан давал Марко различные поручения и посылал его не только в разные области Китая, но и в Индийские моря, на остров Цейлон, на Коромандельские и Малабарские острова и в Кохинхину. В 1280 г. Марко Поло был назначен правителем города Янг-тчу и еще двадцати семи городов, входящих в его область. Благодаря ханским миссиям, Поло об'ехал большую часть Китая и передал в своей книге много ценных как в этнографическом, так и в географическом отношениях сведений.

Марко Поло совершил также путешествие и по Тибету, который, по словам Поло, «населен львами, медведями и всякими хищными животными, от которых путешественникам по Тибету было бы трудно защищаться, если бы там не рос в изобилии бамбук. Купцы и путешественники, проезжающие ночью эту страну, зажигают бамбук, который при горении сильно трещит, и этот треск так пугает зверей, что они уходят далеко и никогда не решаются приблизиться к костру».

Покинув Тибет, Марко Поло направился в царство Генду и оттуда, переправившись через большую реку,—может быть, Иррравади, — достиг Каражана, вероятно, современной провинции Юн-нан.

От Каражана, направляясь на юг, Поло вступил в провинцию Зардандан, столица которой Носиан составляет теперь город Юнг-Шанг. Из этой провинции Марко Поло, следуя по большой дороге, служащей торговым трактом между Индией и Индо-Китаем, проехал Бамо и после пятнадцатидневного путешествия верхом на лошади по лесам, изобилующим слонами, единорогами и другими дикими животными, он достиг города Миены в царстве Бирмы.

Посетив эту провинцию, Марко Поло спустился до Бангалы, нынешней Бенгалии, которая в то время, в 1290 году, еще не принадлежала хану Кублаю. Войска хана были в это время заняты покорением этой страны, очень плодоносной, богатой хлопчатником, имбирем, сахарным тростником. От-

туда Поло отправился в город Консигу, главный город провинции того же названия. Жители этой провинции татуируют свое тело, рисуя на своем лице, шее, животе, руках и ногах изображения львов, драконов, птиц; они считают человека, который имеет больше всех рисунков на своем теле, самым красивым из людей.

Из Кансигу Поло направился на северо-восток и через области Аму, Аннам и Тон-кин, приехал в провинцию Толоман, теперешний округ Тайпинг. Там он нашел красивых людей со смуглым цветом кожи; эти люди жили на горах в сильных крепостях и почти все были воины. Покинув Толоман, Марко Поло следовал двенадцать дней вдоль реки, на берегах которой часто встречались многочисленные и большие города и селения. Путешествуя по этой стране, Поло был поражен множеством диких зверей, в особенности львов; «в этой стране,—пишет Поло,—такое количество львов, что нельзя спать вне дома из опасения попасть к ним в челюсти. Даже во время плавания по реке нужно останавливаться далеко от берега, иначе львы приходят ночью на лодку, схватывают, человека и пожирают его».

Из этой провинции Марко Поло направился в Синзи-фу, главный город провинции Сы-чуан, откуда он прежде отправился в Тибет. Возвращаясь по той же дороге, он вернулся к хану Кублаю, успешно выполнив его поручения.

Вскоре после этого Марко Поло принял участие в экспедиции на Индийские острова, и по возвращении из этого путешествия в Пекин составил подробный отчет о плавании по Индийскому океану и по Японскому морю. В книге Марко Поло мы находим также обстоятельные подробности об островах Ципанго (Японии), но достоверно неизвестно, был ли Поло сам лично на этих островах.

После двенадцати лет службы у Кублай-хана Марко Поло, его отец и дядя Матео решили возвратиться в Венецию, но хан не хотел ни за что отпустить их от себя. Вскоре, однако, один случай помог венецианцам выбраться из Китая. Монгольский князь Архун, царствовавший в Персии, прислал к хану Кублаю послов с просьбой выдать за Архуна дочь Кублая-хана. Кублай согласился и решил отправить невесту с большой свитой и с богатым приданым в Персию к Архуну. Но страны, которые нужно было пройти из Китая в Персию, не были безопасны. Персидские послы, узнавши про Марко Поло, что он искусный мореплаватель, стали просить Кублай-хана доверить ему принцессу Когатру, чтобы он довез ее к жениху через море, где было меньше опасности.

Кублай-хан после долгих колебаний приказал снарядить флот из четырнадцати четырехмачтовых кораблей и снабдить экипаж запасами на два года. На некоторых из этих судов помещалось до двухсот пятидесяти человек. Матео, Николо и Марко Поло отправились во главе этой экспедиции. Экспедиция находилась в пути почти полтора года, и Марко Поло так описывает это путешествие: в 1291 году флот покинул порт Заитем на юге Китая и отсюда направился прямо к обширной стране Сианба, на юге Кохинхины; далее флоти-

Прибытие Марко Поло в Ормуз. Рисунок из рукописной книги XIII века под заглавием „Книга Чудес", где описывается путешествие Марко Поло.

лия направилась к небольшому острову «Малой Явы», которым Кублай-хан никак не мог завладеть; на этом острове росли в изобилии перец, мускатные орехи, гвоздика и другие дорогие пряности. После путешествия по Малайскому архипелагу Марко Поло пристал к острову Цейлону.

От Цейлона Поло направился к берегам Индии. В своей книге Поло сообщает интересные сведения о нравах индусов, о похоронах индийских царей, в честь которых знатные особы бросаются в огонь, где сжигается умерший, о религии индусов и т. д. Посетив город Сан-Тома, лежащий в нескольких милях от Мадраса, Марко Поло исследовал Малабарское царство и провинцию Лар, откуда вышли на свет все индийские

«абраямены» (вероятно, браманы). «Эти люди,—говорит Марко Поло,—очень долговечны, благодаря трезвости и воздержанию. Некоторые из них живут до полутораста и даже двухсот лет; они питаются исключительно рисом и молоком; они не убивают ни одного живого существа и поклоняются быку, который считается у них священным животным».

От берегов Индии флот Марко Поло снова возвратился к Цейлону, куда в 1284 году хан Кублай отправил посольство доставившее ему мнимые останки праотца Адама. «Если верить преданию сарацинов,—говорит Поло,—то могила нашего общего праотца Адама находится на вершине утесистой горы, называемой горою Адама». Из Цейлона Марко Поло отправился в Каил, а затем, обогнув мыс Коморин, мореплаватели прибыли в Коилум, нынешний Кулам, представлявший в XIII веке важный торговый пункт. Здесь производилась торговля сандальным деревом, индиго и пряностями, и сюда приезжало много торговцев с Запада и Востока.

Продолжая плавание к северу, вдоль Малабарского берега, плот Марко Поло достиг берегов королевства Эли; жители этого королевства занимались собиранием перца, имбиря, шафрана и других пряностей. Посетив затем Суменат,— главный город полуострова, и Кесмакоран,—последний город Индии на северо-западе, Марко Поло вместо того, чтобы подняться к Персии, где его ждал жених татарской принцессы, направился к западу через обширное Оманское море.

Желание увидеть новые страны было настолько сильно у Марко Поло, что он уклонился на пятьсот миль в сторону, к берегам Аравии; он остановился здесь близ островов Мужчин и Женщин, названных им так потому, что на первом острове жили одни мужчины, а на втором женщины, и только в марте, апреле и мае мужчины имели право посещать остров Женщин. От этих островов флотилия Поло направилась к острову Сокотора, лежащему у входа в Аденский залив.

Спустившись затем к югу на тысячу миль, Поло направил свои корабли к берегам Мадагаскара. На Мадагаскаре Марко Поло более всего был поражен птицей огромных размеров, которую он называет именем грифа; эта чудесная птица была, вероятно, «эпиорнис максимус», яйца которой и теперь иногда находят на Мадагаскаре.

Поднимаясь от этого острова к северо-западу, Марко Поло приплыл к Занзибарскому берегу, откуда он направился к африканскому побережью. Здесь Марко Поло посетил Абиссинию; затем его флот достиг порта Зеила, почти при входе в Баб-эль-Мандебский пролив и пошел далее, следуя

вдоль берегов Иемена и Гадраумата; он останавливался последовательно в Адене, в Эециэре, в Дафаре и, наконец, в Кормозе, нынешнем Ормузе, который Марко Поло уже посетил раз, когда ехал из Венеции ко двору татарского хана.

Здесь кончилось плавание Марко Поло, и татарская принцесса, наконец, ступила на твердую землю, пробыв в морском путешествии по воле Марко Поло целых восемнадцать меся-

Марко Поло. Рисунок из книги Генри Юля „Book of Sir Polo", изд. в Лондоне в 1874 г.

цев. Ко времени прибытия царевны в Персию князь Архун уже умер, и в персидском царстве происходили междоусобия. Марко Поло доставил княжну сыну Архуна, князю Гассану, который боролся из-за престола отца своего с братом Архуна, своим дядей.

После этого Марко Поло, захватив с собою отца и дядю, ставших уже стариками, поспешил в свое отечество. Путь их лежал на Трапезонд, Константинополь и Негропонт, откуда они и отплыли в Венецию.

В 1295 году, после двадцатичетырехлетнего отсутствия, Марко Поло увидал родной город. Три путешественника, опа-

ленные знойными лучами солнца, в грубых татарских одеждах, почти забывшие родной язык, не были узнаны даже самыми близкими родными. К тому же в Венеции давно уже ходили слухи о их смерти, и все считали троих Поло погибшими в Монголии. Три путешественника направились в квартал Иоанна Златоуста, где находился их дом, но они нашли его занятым родственниками. Последние встретили путешественников с большим недоверием и не придали никакой веры странным рассказам Марко Поло. Однако путешественники настояли на том, чтобы их впустили в дом, которого они были законными владельцами. Спустя несколько дней братья Поло устроили пир, на который они пригласили всех самых знатных граждан Венеции. Когда гости собрались, Марко Поло, его отец и дядя распороли на глазах у всех свои поношенные татарские одежды, оторвали подкладку, и из рубища стали сыпаться на стол рубины, сапфиры, карбункулы, изумруды, бриллианты и другие драгоценные камни. Под этими лохмотьями братья Поло унесли из Китая несметные богатства. Скоро Марко Поло стал именитым гражданином Венеции и был избран в члены городского совета. Говоря о своих приключениях на Востоке, он часто упоминал о «миллионах» великого хана, который управлял «миллионами» подданных, и сограждане прозвали самого Марко Поло *«господином Миллионом»*.

В 1296 г. между республиками Венеции и Генуи возникла междоусобная война. В этой войне принял участие и Марко Поло. В морском сражении 5-го сентября 1296 г. венецианцы были разбиты генуэзцами, и Марко Поло, тяжело раненый, попал в плен и был заключен в тюрьму. Находясь в тюрьме. Марко Поло продиктовал описание своих путешествий и приключений своему сотоварищу Рустициану из города Пизы. Это описание было составлено Рустицианом на французском языке и носило заглавие «Книга сира Марко Поло относительно царств и чудес Востока». Вскоре оно было переведено на латинский и другие европейские языки. Почти вплоть до второй половины XVIII века книгой Марко Поло пользовались для установления торговых путей в Индию, в Китай и в Центральную Азию. Но еще большую роль сыграло описание путешествий Марко Поло в истории открытия «Нового Света»: увлекательные рассказы Поло о чудесных странах Востока, изобилующих всевозможными сокровищами и драгоценными пряностями, побудили многих путешественников направить свое внимание на установление морского пути в Индию и на Дальний восток Азии.

IX.

Арабский путешественник-исследователь Ибн-Батута. — Его путешествие на Восток и по Африке.

Рассказы Марко Поло о Китае и Индии способствовали пробуждению в Европе интереса к этим странам, и в четырнадцатом веке по пути, указанному Марко Поло, почти регулярно стали следовать торговые караваны франкских купцов. Об этих экспедициях мы встречаем указания в записках агента флорентинского банка Барди-Бальдуччи Пеголотти. Кроме купцов, в Китай предпринимали путешествия и многие католические монахи-миссионеры. Так, не прошло еще двадцати лет после возвращения Марко Поло из Китая, как один из братьев францисканского ордена предпринял путешествие в Китай с целью проповедывать там евангелие. Он проехал в 1313—1330 г.г. от берегов Черного моря до крайней границы Китая, при чем посетил Трапезонд, гору Арарат, Вавилон и остров Яву. Но к его сообщениям нельзя отнестись с достаточным доверием. То же можно сказать и о фантастических путешествиях Жана Мандевиля, о котором Коолей замечает, что он «издал сочинение, изобилующее таким количеством лжи, что подобного ему нет ни на одном из известных языков».

Как на достойном последователе Марко Поло, мы остановимся на арабском путешественнике Ибн-Батуте.

Ибн-Батута, или Абд-Алла-Эль-Ловати, араб по происхождению, родился в 1304 г. в городе Танжере в Северной Африке. Получив богословское образование, Ибн - Батута в 1324 г. решил отправиться на поклонение в Мекку.

Мекка, как известно, является «сердцем ислама», средоточием всего мусульманского мира; сюда стекаются еще и теперь караваны паломников и купцов со всех концов мира, а во времена Ибн-Батуты, в эпоху расцвета владычества ислама, в Мекку приходили богомольцы даже из Китая, Центральной Азии, Индии, Африки и Египта. Увидав в Мекке людей с разных концов земли, Ибн-Батута заинтересовался их рассказами о невиданных им странах и предпринял целый ряд путешествий вместе с караванами богомольцев. Посетив Центральную Африку и познакомившись со всеми странами Малой Азии, Ибн-Батута направился на север и, переплыв Черное море, совершил путешествие по Крыму и степям Южной

России, добравшись до города Булгар, лежавшего на берегах Камы, недалеко от Волги. Затем он спустился вниз по Волге и прибыл в Астрахань, где была зимняя резиденция татарского хана.

Из Астрахани Ибн-Батута поехал в Константинополь, откуда снова возвратился в Астрахань. Из Астрахани Ибн-Батута направился через бесплодные пустыни Туркестана в город Хоросан, затем посетил Бухару. Спустя несколько времени, мы встречаем его в Самарканде, а затем в Бале, откуда он достиг города Герата, пробравшись с большим трудом через горную страну Кужистан. Отсюда Ибн-Батута решил повернуть к востоку и добраться до восточных пределов Азии. Он пустился в путь и, следуя по Кабулу и по границе Афганистана, достиг берегов Синдги, нынешнего Инда, по которому спустился до его устья. Побывав в городе Лагоре, путешественник направился в Дели, большой и прекрасный город, жители которого почти все разбежались, вследствие жестокостей тамошнего властителя Магомета.

Однако хан принял Ибн-Батуту очень благосклонно; он осыпал его милостями и назначил его судьею в Дели, с предоставлением земель и поместий. Скоро, однако, хан заподозрел Ибн-Батуту в заговоре, и Ибн-Батута вынужден был бежать и, чтобы избежать мщения Магомета, сделался факиром. Но Магомет простил его и назначил посланником в Китай. Итак, судьба еще раз улыбнулась мужественному путешественнику, и он мог добраться до отдаленнейших стран при очень удобных и сравнительно безопасных условиях. В сопровождении двух тысяч всадников он повез подарки китайскому богдыхану.

Во время этого путешествия на отряд Ибн-Батуты напали разбойники, и сам Ибн-Батута попал в плен. Но он не потерял присутствия духа и однажды ночью успел бежать. В продолжение семи суток он скитался по лесам и степям и, наконец, встретил какого-то негра, который привел его в Дели, ко двору Магомета. Магомет снарядил новую экспедицию. На этот раз экспедиция благополучно перешла через мятежные области и достигла Малабарского берега. Через некоторое время Ибн-Батута вступил в Каликут. Здесь он оставался три месяца, ожидая попутных ветров. Этой невольной остановкой Ибн-Батута воспользовался для изучения морской торговли китайцев, посещавших этот город. Он с восхищением говорит о китайских джонках, о пловучих садах, в которых китайцы выращивают имбирь и овощи.

Благоприятная погода, наконец, наступила. Ибн-Батута нанял тридцать джонок, на которые и нагрузил подарки для китайского богдыхана. Но разыгравшаяся ночью буря разбила все суда, и подарки погибли в море. По счастливой слу-

Ибн Батута в Египте.

чайности, сам Ибн-Батута оставался на берегу, чтобы присутствовать при богослужении в мечети. После этой второй катастрофы Ибн-Батута уже не рискнул предстать пред властителем Дели и отплыл на Мальдивские острова.

Поселившись на Мальдивских островах, Ибн-Батута женился на трех женах и скоро приобрел известность; царица

этих островов назначила Батуту судьею, но у Батуты явился недоброжелатель—великий визирь, и Батута вынужден был бежать и отсюда. Сев в лодку, Ибн-Батута, надеялся добраться до Коромандельского берега, но ветры отнесли его судно к острову Цейлону. Здесь Ибн-Батута был принят с большим почетом и получил от короля разрешение подняться на священную гору Серендид, или Адамов пик. Ибн-Батута хотел лично посмотреть на чудесный отпечаток человеческой ноги в камне, который был оставлен, как говорят индусы, Буддою при его вознесении на небо; магометане называют этот отпечаток «стопою праотца Адама». В своем сочинении Ибн-Батута говорит, что отпечаток имеет одиннадцать пядей в длину.

Из Цейлона Ибн-Батута добрался до Коромандельского берега; перейдя южную оконечность Индийского полуострова, он достиг другой стороны берега, откуда опять отправился в море. На этот раз Ибн-Батуту ожидало снова несчастье; на его судно напали пираты, и Ибн-Батута едва спасся, добравшись вплавь до берега. Ограбленный и совершенно изнуренный, Ибн-Батута добрался до Каликута. Однако никакое несчастье не могло ввергнуть его в отчаяние. Он принадлежал к числу тех сильных людей, которых несчастье лишь укрепляет. Благодаря помощи нескольких купцов из Дели, которые узнали Батуту, ему удалось снова добраться до Малединских островов. Отсюда он переправился на Суматру, где был принят местным королем с большим почетом. Ибн-Батута очень понравился королю Суматры, который дал ему возможность поехать в Китай.

Ибн-Батута купил на средства, данные королем, китайскую джонку и пустился в дальнее плавание по «тихому морю». Через семьдесят один день он достиг благополучно гавани Каилук, столицы какой-то таинственной страны, где жители, красивые и мужественные, выделывали превосходное оружие. Из Каилука Ибн-Батута проехал несколько китайских провинций. Ибн-Батута посещал многие города этой обширной империи, изучая обычаи китайцев, их промышленность и торговлю. До великой стены на севере Китая Ибн-Батута не добрался, хотя он и упоминает о ней в своем сочинении, называя эту стену «препятствием Гога и Магога». Восстания вспыхнувшие в Китае, заставили Ибн-Батуту покинуть этот город, и он отплыл обратно на Суматру, откуда, после остановок в Каликуте и Ормузе, возвратился в 1348 году в Мекку, об'ехав Персию и Сирию.

В следующем году он направился в свой родной город

Танжер, куда благополучно и прибыл, пробыв в чужих краях целых двадцать пять лет. Через несколько времени Ибн-Батута предпринял новое путешествие в Испанию, в Марокко, а затем проник в сердце Судана, об'ехав страны, орошаемые Нигером, пробрался через великую пустыню Сахару и, наконец, вступил в город Тимбукту, расположенный среди пустыни.

Это было его последнее путешествие. В 1353 году, спустя двадцать девять лет после того, как Ибн-Батута в первый раз покинул Танжер, он возвратился в Марокко и поселился в Феце, где и занялся обработкой своего сочинения, которое он назвал «Подарок любознательным». Так как путешествия в эту эпоху были в высшей степени опасны и рискованны, описание Ибн-Батута произвели сильное впечатление на современников, и он заслужил известность самого отважного путешественника XIV века.

X.

Жан де-Бетанкур и открытие им Канарских островов.

В средние века в Европе пользовались широким распространением различные легенды и рассказы о существовании в Атлантическом океане таинственных островов, где в изобилии произрастали всевозможные плоды.

Рассказы об этих «Счастливых островах» заставляли даже многих средневековых картографов наносить на карты в том или ином месте Атлантического океана эти «острова блаженных», руководствуясь сочинениями Птоломея или основываясь на рассказах мореходов.

Подобные же легенды заставляли многих мореплавателей предпринимать морские экспедиции в Атлантический океан на запад, и еще в тринадцатом веке две генуэзские галеры, снаряженные на счет некоего Дория и братьев Вивальди, были посланы в Атлантический океан; эти галеры не вернулись обратно и пропали бесследно в Атлантике.

В конце четырнадцатого века на поиски таинственных островов решил отправиться один французский барон Жан де-Бетанкур. В 1402 г., снарядив хорошие корабли и взяв с собою значительный отряд солдат, Бетанкур, в компании с другим рыцарем Гадифером, отправился в плавание из гавани Ля-Рошель.

После двухнедельного плавания по океану, флотилия Бетанкура достигла одного из островов Канарской группы, которому Бетанкур дал наименование «Грациоза». Вскоре мореплаватели увидали другой остров названный ими Лансерот. На этом острове Бетанкур и его спутники встретили людей,

Жан Бетанкур, норманский рыцарь.

которые были хорошо сложены и большого роста. Туземцы ходили почти без всякой одежды.

Через несколько дней плавания Бетанкур открыл еще несколько островов, покрытых роскошными лесами и лугами. Все эти острова Бетанкур назвал Канарскими [1]), хотя и не встретил здесь собак. Лишь впоследствии на одном большом

[1]) Слово „Канарские"—значит: Собачьи. Бетанкур назвал эти острова так потому, что еще Плиний старший в своей „Естественной Истории" упоминал, что против берегов Африки в Атлантическом океане существует остров, заселенный собаками, почему Плиний и дал этому предполагаемому острову название „К а н а р и и".

острове, в лесах, путешественники, действительно, встретили большие стада диких собак. Возможно, что этот остров и был известен римским или греческим мореходам, от которых он и получил наименование «Канарии», заимствованное затем Плинием.

Бетанкур, восхищенный прекрасным климатом Канарских островов и их богатой растительностью, решил колонизовать их и привез сюда из Франции много разных мастеров и ремесленников. Туземное население Бетанкур обратил в христианство, хотя и встретил при этом упорное сопротивление. Так было положено начало европейской колонизации.

XI.

Португальцы в Африке.—Поиски морского пути в Индию.—Принц Генрих Мореплаватель. — Открытие португальцами острова Мадейры, Зеленого мыса, Азорских островсв, Гвинеи и Конго.

Рассказы арабских путешественников о чудесной стране Индии, а также книга Марко Поло о далеком и богатом Китае вызвали у европейских мореплавателей, главным образом у португальцев, которые ближе всех приходили в соприкосновение с арабами, стремление отыскать морской путь в Индию.

В начале пятнадцатого века необходимость найти морской путь в Индию становилась все настоятельнее, благодаря тому, что весь ближний восток был завоеван полудикими турками и сухопутная дорога в Индию была сопряжена с огромным риском и большой опасностью. Все эти причины заставляли европейцев все более и более думать о том, чтобы найти свободный морской путь к берегам богатой Индии, откуда европейцы вывозили не только дорогие материи и драгоценные камни, но различные пряности, как, например, перец. имбирь, корицу, гвоздику и т. п. Все эти пряности потреблялись в Европе в средние века в большом количестве, и торговля ими приносила огромные барыши.

Поставив себе задачу найти морской путь в Индию, португальцы, естественно, думали, что в Индию можно попасть, обогнув африканский материк. С этой целью португальцы начали еще в XII веке борьбу с арабами за африканское побережье с тем, чтобы здесь иметь свои гавани. В 1415 г. португальцы завоевали у арабов крепость Цеуту, недалеко от Геркулесовых Столбов, и, утвердившись здесь, предприняли не-

лый ряд экспедиций для исследования западного африканского побережья.

Раньше, чем говорить об этих путешествиях португальцев, нам необходимо сказать несколько слов о самих географических вопросах, разрешение которых предстояло мореплавателям. Древние греческие и латинские писатели, авторитет которых стоял высоко в средние века, высказывали относительно об'езда Африки два совершенно противоположных мнения. Так, Эратосфен совершенно правильно предполагал, что Индийский океан соединяется с Атлантическим, и что Африку можно об'ехать. Однако это мнение оспаривалось Полибием и отрицалось великим астрономом Гиппархом, которые утверждали, что Индийский океан не соединяется с Атлантическим. Знаменитый географ и астроном начала христианской эры, Клавдий Птоломей, также держался этого взгляда и поэтому признавал, что, направившись вдоль западного берега Африки, нельзя попасть в Индийский океан. Таким образом эти взгляды не способствовали пробуждению энергии у мореплавателей, а поддерживали в них неуверенность и сомнение.

Кроме того, средневековые мореплаватели страшились пускаться далеко на юг еще и по другим причинам. В средние века среди географов и путешественников было очень распространено учение о климатических поясах; они признавали, что поверхность земли разделяется на пять поясов, из которых только в двух могут жить люди. У каждого из полюсов находится холодный и мертвый пояс; рядом с ними идут в южном и северном полушарии умеренные пояса. Северный умеренный пояс представляет «обитаемый мир»; южный умеренный пояс также обитаем людьми, называемыми антихтонами или антиподами, но о них мы ничего не знаем, потому что в средине между ними находится жаркий пояс, пройти который невозможно. Так, средневековый ученый Макробий утверждал, что южная граница обитаемого мира находится в 850 милях к югу от города Сиены в Египте; дальше этого пункта, по его мнению, нельзя итти, не подвергаясь опасности от жгучей атмосферы. Ни один корабль не мог итти дальше этой широты, не рискуя быть поглощенным в кипящем омуте. Таково было общее мнение до великих путешествий португальцев.

Кроме этого страха перед жарким поясом, другое фантастическое препятствие стояло перед мореплавателем, который задумал бы путешествие на юг. Средневековые мореплаватели замечали, что корабль, удаляющийся в океан, кажется иду-

щим вниз, так как, когда весь корпус корабля уже скрылся из вида, зритель на берегу продолжал видеть мачты, которые, в свою очередь, скоро пропадали из вида. Вследствие этого многие мореплаватели боялись пускаться в неизвестные области океана, думая, что если они отойдут далеко от берега, то не смогут подняться обратно из морской пучины. Другое опасение, не столь легко об'яснимое и менее распространенное, но крайне интересное, состояло в том, что в Индийском океане находилась будто бы магнитная гора, которая и мешала мореплавателям достичь жаркого пояса, так как притягивала к себе все железные гвозди из корабля, и таким образом корабли разваливались. Эта воображаемая гора послужила поводом для серьезных географических обсуждений астрологу Пиетро д'Абано в его книге «Conciliator Differentiarum», написанной около 1312 года.

К опасностям южного плавания, перечисленным выше, следует еще добавить, что люди средних веков населяли все отдаленные и неизвестные страны моря страшными чудовищами. На средневековых картах на месте неисследованных областей в Африке и Азии рисовались различные чудовищные фигуры «горгон, гидр и страшных химер». Такие изображения были весьма красноречивым свидетельством чувств средневекового человека, внушаемых ему неизвестностью. Безлюдные пустыни «моря мрака», т.-е. Атлантики, возбуждали в средние века безотчетный ужас. Когда мы вспомним об этом и примем во внимание, что стремления образованных начальников экспедиций никак не могли быть поняты невежественными матросами, мы можем составить себе некоторое представление о тех затруднениях, которые пришлось испытать храбрым португальским мореходам, искавшим морского пути к далеким берегам Индии и Китая.

Кроме этих воображаемых и фантастических препятствий к плаванию в далекие страны, для дальнейшего плавания служило препятствием также плохое состояние судостроения. Испанские и португальские «каравеллы» средних веков мало были пригодны для далеких путешествий; эти тяжелые суда могли двигаться только очень медленно при боковых ветрах. В силу недостатка металлической обшивки подводной части каравеллы доски днища у каравеллы скоро истачивались различными моллюсками и червями, так что суда часто тонули. В довершение всего моряки, пускаясь в далекое плавание на парусных судах, рисковали умереть с голода, так как противные ветры могли их легко унести и задержать вдали от земли. Вследствие всего этого неудивительно, что первые

шаги в деле морских открытий были очень медленны и трудны.

Большим препятствием для развития мореходства в средние века служило также и то, что мореплаватели совершали путешествия по морю почти без всяких инструментов и приспособлений. Первый из инструментов, без которого невозможно далекое плавание — магнитный компас — был введен в Южной Европе и начал употребляться бискайскими и каталонскими моряками лишь в XII веке. Крестоносцы впервые узнали о свойстве магнитной стрелки от арабов, которые, повидимому, сами получили это сведение от китайцев. Арабы пользовались магнитной стрелкой при путешествиях по пустыне. Предполагают, что один итальянец, из Салерно, или из Амальфи, живший в XIII веке, первый придумал укрепить магнитную стрелку в ящичке, на дне которого был нарисован круг, разделенный на 360 градусов. Но это только предание, не опирающееся на точные свидетельства.

Повидимому, компас не вошел еще в употребление в средине XIII века. В 1258 году знаменитый Брунетто Латини, впоследствии учитель Данта, посетил Роджера Бэкона и при описании этого посещения, в письме к своему другу Гвидо Кавальканти говорит, между прочим, о компасе следующее: «Бэкон показал мне между другими вещами некрасивый черный камень, называемый магнитом, который имеет удивительное свойство притягивать к себе железо. Если потереть об этот камень иголку и потом прикрепить ее к соломинке так, чтобы она плавала на воде, то иголка будет постоянно обращена намагниченным концом к северу, как мы ни будем поворачивать сосуд с водою, где плавает иголка. Поэтому как бы ни была темна ночь, хотя бы не было видно ни луны, ни звезд, моряк может при помощи этой иголки правильно вести свой корабль. Это открытие, пишет Латини, столь полезное для всех путешествующих по морю, должно оставаться до поры, до времени скрытым, потому что ни один хозяин корабля не посмеет пользоваться им из боязни, чтобы его не обвинили в колдовстве; да и матросы не решатся плыть под командой хозяина, который возьмет с собою инструмент, который, по всей видимости, может считаться сработанным по наущению какого-нибудь злого духа. Придет время, когда подобные предрассудки, составляющие столь великое препятствие для исследования тайн природы, будут побеждены; тогда человечество пожнет плоды трудов таких ученых, как монах Роджер Бэкон, и воздаст справедливость прилежанию

и разумности, за которые он и другие теперь не получают иной награды, кроме ругательств и упреков».

Такое время, действительно, наступило очень скоро; уже в конце XIII века компас вошел в общее употребление, и с его помощью можно было наблюдать за направлением корабля как в хорошую, так и в дурную погоду. Для определения положения солнца в XIII веке стали пользоваться грубыми астролябиями, при посредстве которых опытный наблюдатель при определении широты данного места мог ошибиться не больше, как на два или на три градуса. Но при определении долготы ошибка могла быть больше, так как в то время не было точных приборов для измерения времени. Приходилось поэтому полагаться на приблизительный расчет и обыкновенно плыли сначала к северу или к югу от параллели места назначения, а затем уже поворачивали под прямым углом к западу или востоку. Ошибки в восемь или десять градусов были делом обычным, так что к концу продолжительного путешествия корабль мог оказаться на сто или более миль к северу или к югу от той местности, куда он направлялся. При подобных условиях дальние морские экспедиции в то время представлялись делом, требующим больших умственных способностей, большой силы воли и энергии.

Вот почему подвиги мореплавателей пятнадцатого и шестнадцатого столетий представляют изумительные по своей смелости и отваге примеры человеческой храбрости. Эти предварительные замечания помогут нам лучше понять и оценить географические открытия эпохи конца средних веков.

Мореплаватели португальцы первой половины XV столетия первые предприняли большие океанские экспедиции, ставя своей целью отыскание морского пути в Индию. Португальские мореплаватели нашли себе покровителя в лице принца Генриха прозванного «Мореплавателем» (род. 1394 г. ум. 1463 г.), благодаря которому им удалось сделать много важных открытий и расширить географический горизонт своего времени.

В 1415 году принц Генрих принимал участие во взятии арабской крепости Цеуты и с этого времени решил посвятить свою жизнь на исследование африканского побережья. С этою целью принц Генрих построил себе замок на берегу моря на мысе Сагрес в провинции Альгарвии, недалеко от порта Лагос, из которого постоянно отправлялись корабли на юг. В своем замке он устроил астрономическую обсерваторию и школу мореплавания, чтобы подготовлять опытных и образованных моряков.

Еще во время войны с маврами в 1415 г. принц Генрих собрал в Марокко некоторые сведения относительно внутренней Африки: он узнал об оазисах Сахары, о далекой реке Гамбии, о караванной торговле между Тунисом и Тимбукту, при посредстве которой золото, находимое на Гвинейском берегу, перевозилось в арабские порты Средиземного моря. Принц Генрих тогда же создал план—достигнуть Гвинейского

Принц Генрих Мореплаватель. Рисунок из португальской книги, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке.

берега морем и попробовать конкурировать с арабами в их торговле с африканскими странами. Кроме того, принц Генрих предполагал, что за Золотым берегом лежит путь в Индию, в страну, где Португалия могла бы приобрести громадные владения.

Первым делом в области исследования западного побережья Африки предстояло открытие берегов и островов, лежавших в Атлантическом океане. До принца Генриха ни один корабль не осмеливался проникать по африканскому берегу дальше мыса «Кап Нон»—мыса, названного таким именем потому, что дальше этого мыса мореплаватели не отваживались проникать к югу; у португальских моряков существовала даже

поговорка: «Quem passar o Cabo de Nao ou voltara ou n a o», т.-е. «кто пройдет мимо мыса «Нет», тот в е р н е т с я, либо н е т». Выше мы видели, что в 1402 году нормандский рыцарь Жан де-Бетанкур, отплыв с Канарских островов, достиг мыса Боядор, т.-е. был дальше мыса Нон и таким образом подготовил путь позднейшим мареплавателям. В 1419 г. два португальца, Иоанн Гонсальвес Сарко и Тристан Вас Тейхейра, были унесены бурей далеко в океан, и их корабль пристал к одному острову, который был открыт еще римскими моряками и был назван ими Порто-Санто. В 1420 г. Сарко и Тейхейра возвратились на Порто-Санто; заметив на юго-восточном горизонте «темное пятно», они направились к нему и увидели покрытый лесом остров, которому и дали название Мадейры, т.-е. «Лесного».

После этого открытия прошло целых двенадцать лет в тщетных попытках об'ехать мыс Боядор; этому препятствовали сильные бури, почти постоянно свирепствовавшие около этого мыса, и матросы ни за что не хотели плыть дальше на юг. Только в 1433 году капитан Жиль Иннес, человек с необыкновенно сильной волей, сделал три попытки и прошел мимо этого страшного места. При первой попытке ему, как и его предшественникам, не удалось обогнуть мыса. При второй он обогнул его, а при третьей проплыл на двести миль дальше.

Этот подвиг Жиля Иннеса составляет эру в истории мореплавания, он был началом великих открытий; по его следам смело пошли другие мореплаватели, и мыс Нон, или Крайний, за которым, по мнению средневековых ученых, невозможно было плавание по причине жары, остался далеко позади. В 1436 году Альфонсо Гонзалес достиг Рио-дель-Оро и тропика, за которым он заметил следы существования людей. В 1441 г. Нуньо Тристан достиг мыса Бланко, а в 1443 г. он же открыл Аргуинский залив. В 1442 г. Антонио Гонсальвес привез с Рио-дель-Оро, реки, отстоящей на 400 миль к югу от мыса Боядора, золото и рабов-негров. Это было началом торговли неграми. Принц Генрих одобрил эту роковую торговлю. Она представлялась ему прежде всего средством обращения негров в христианство; он хотел, чтобы негров привозили в Португалию, учили их там истинам христианской веры и обычаям цивилизованных народов, а затем отсылали бы их обратно на родину обучать их братьев язычников; португальские короли должны были основать христианскую империю в Африке, а с течением времени принц Генрих думал распространить христианство и в самой Индии. Поэтому принц Генрих просил

папу о пожаловании Португалии всех языческих земель, которые могут быть открыты при дальнейших путешествиях за мыс Боядор, включая сюда и Индию. Папа Евгений IV удовлетворил эту просьбу, а последующие папы подтвердили это пожалование.

Эта мера, а также нахождение золота на африканском побережье сильно способствовали оживлению морских плаваний за мыс Боядор. В 1442 году Нуньо Тристан, достигнув этого мыса, направился еще далее на юг и достиг другого мыса, который назвал за его белый цвет Мысом Бланко (Белым мысом). В 1443 году тот же Нуньо Тристан проник на несколько сот миль далее мыса Бланко и привез в Португалию много невольников. Начиная с 1444 года из Лагоса начали отправлятья на юг целые флотилии за невольниками. Не подлежит никакому сомнению, что охота за неграми была главным побуждением многих португальских мореплавателей той эпохи. К сожалению, эти люди не понимали всей гнусности своего дела и не видели в этом ничего безнравственного. У одного писателя-португальца, описывавшего путешествие в Африку, мы находим по этому поводу даже такие слова: «Наконец-то господу богу, воздателю добрых дел, угодно было за многие на службе его перенесенные бедствия даровать мореплавателям победоносный день, славу за их труды и вознаграждение за убытки, так как в этот день было захвачено 165 голов мужчин, женщин и детей».

Когда в порт Лагос возвращались каравеллы с невольниками, все население выходило встречать их на набережную, и слава об отважных мореходах переходила из уст в уста. Однако не всегда счастье и победа были на стороне португальцев, и нередко негры, вооружившись палками и камнями, прогоняли белых. Так, в 1445 году азанаги напали на Гонзаго де-Чинтра, при чем женщины негритянки ослепили его песком, и, пронзенный копьями туземцев, он пал со всеми своими спутниками.

Впрочем, не все португальские путешественники пускались на юг ради ловли невольников или жажды завоеваний; многие из них стремились просто узнать новые страны; к таким мореплавателям принадлежал Денис Диаз, паж короля Иоанна I. В 1445 г. он отправился в дальнее плавание вдоль берегов Африки. Миновав мыс Бланко и Аргуинские острова, он спустился далеко к югу и прошел до южного большого мыса, которому он дал название «Зеленого» за его роскошную растительность. Путешествие Диаза имело важное значение потому, что оно разрушило ложное учение о необита-

емости тропического пояса. Дело в том, что Аристотель утверждал, что пространство между тропиками лишено всякой растительности и живых существ, потому что изнурительный зной отвесных солнечных лучей изсушает всякую растительность. Это утверждение основывалось отчасти на наблюдениях действительности. На самом деле, обширный пустынный пояс, начинаясь от Сахары, продолжаясь в Аравии, тянулся через Иранское плоскогорие, соединялся с пустынями Средней Азии и как бы подтверждал такое предположение. Птоломей также утверждал, что под экватором лежат спаленные и пустынные области. Даже арабские географы, которым известны были селения под двадцатыми градусами сев. широты признавали тропический пояс пустынею.

Путешествие Дениса Диаза и открытие им Зеленого мыса и берегов Сенегала доказало, что под тропиками возможна роскошная растительность. Это неожиданное открытие произвело большое впечатление на принца Генриха и его современников, и, таким образом, поколебало авторитет Птоломея. По этому поводу до нас дошел один любопытный отзыв португальского моряка, который, описывая растительность на зеленом Иоллоферском берегу, саркастически прибавляет: «Все это я пишу с позволения его величества Птоломея, писавшего очень хорошие вещи о разделении мира, но весьма ошибавшегося в одном случае. Он разделял известный нам мир на три части, а именно, на обитаемый, средний, и необитаемые пояса—полярный, необитаемый по причине холода, и тропический, необитаемый вследствие зноя. Теперь же оказалось иначе: под экватором обитают во множестве черные племена, а деревья достигают здесь невероятного роста, благодаря теплоте».

Открытие Дениса Диаза еще более укрепило в принце Генрихе убеждение, что, следуя вдоль берега Африки и, обогнув этот материк, можно достичь Индии. Вследствие этого он предпринял еще более энергичную посылку экспедиций в южные страны. В 1447 году Лансерот достиг устья реки Гамбии, а в 1456 году Луиджи Кадамосто, венецианский капитан, состоявший на португальской службе, дошел до Рио-Гранде. В 1460 г. Диего Гомец открыл острова Зеленого Мыса, а в 1462 году Пиедро де-Чинтра достиг гор Сиерра Леоне, названных португальцами так потому, что волны прибоя, разбиваясь о подножие этих гор, порождали сильный шум, напоминавший рев тысячи львов. В это же время были открыты Азорские острова (Соколиные) и путешествия в «Море мрака» перестали возбуждать в европейцах неописуемый ужас.

Однако принц Генрих не дошел до осуществления своей главной мечты—до обхода африканского материка. Он умер в 1463 году, и в это время его корабли не дошли дальше того места, где две тысячи лет тому назад финикиянин Ганнон ви-

«Падран», каменный столб, воздвигнутый португальскими моряками XV века на берегу Африки.

дел горилл и горящую гору. Но дело исследования африканского побережья не прекратилось со смертью принца Генриха. После 1462 года было совершено несколько путешествий, из которых мы можем упомянуть только о путешествиях, отмечающих новые стадии в эпохе открытий. В 1471 году два португальских рыцаря Жоао де-Сантарем и Педро де-Эскобар проплыли мимо Золотого берега и перешли экватор. Через три года через него прошел Фернандо По, открывший остров, названный его именем. В 1484 году Диего Кам или Кано в три

последовательных путешествия исследовал Африку дальше своих предшественников и пересек не только экватор, но почти достиг тропика Козерога; самым крайним пунктом его путешествия был мыс Кросс, лежащий под 21° 50′ южн. широты. Таким образом почти весь тропический пояс был пройден, и легенды о нестерпимой жаре под экватором были разрушены. Диего Кам воздвиг на мысе Кросс, следуя обычаю, каменный столб «падрао» или «падран», найденный следующими путешественниками. На возвратном пути он посетил короля Конго в его столице и привез с собою в Лиссабон посланника Касуту с многочисленной свитой из африканцев.

Негритянский посланник рассказал королю Иоанну, что за тысячу миль к востоку от реки Нигера живет великий государь, управляющий многими народами; негры также говорили, что у этого короля эмблемой власти служит медный крест. Король португальский и его географы вывели из этих слов заключение, что этот таинственный король есть не кто иной, как «пресвитер Иоанн», царство которого лежало на востоке, по соседству с Китаем и островами Пряностей. Легенда о царстве «пресвитера Иоанна» создалась еще в XIII веке и говорила следующее: после того, как в 1291 году последняя христианская крепость—Птолемаида подпала под власть турок и вся Палестина сделалась турецким владением, некий пресвитер Иоанн, собрав несколько тысяч верных, удалился в глубину Азии и там основал христианское царство. В средние века было несколько попыток отыскать это таинственное царство; его искали то в Армении, то в Туркестане, то в Монголии и, наконец, даже в Китае; когда же оказалось, после путешествия Марко Поло, что и в Китае нет этого царства, то фантазия средне-вековых писателей перенесла его в Африку. Слова негритянского посла как раз подтверждали эту легенду и ставили на очередь разрешение нового вопроса—нахождение христианского царства в Центральной Африке. Король португальский тотчас же решил выяснить этот вопрос и снарядил две экспедиции, которые должны были направиться на поиски царства «пресвитера Иоанна» с двух разных сторон. Он отправил Педро де-Ковильгаму через Египет в Аден, а Бартоломея Диаза с тремя судами вдоль западного берега Африки, приказав Диазу, если возможно, обогнуть на этот раз африканский материк и узнать о нахождении неведомого христианского царства.

Путешествие Ковильгамы было полно интересных приключений. Он достиг Адена, а затем отплыл в Индию и на возвратном пути посетил Абиссинию, о которой, вероятно, и

говорил негритянский посол с берегов Нигера. Абиссинский король так полюбил Ковильгаму, что не хотел отпускать его, и Ковильгама остался в Абиссинии, прожив там более тридцати лет; он посылал иногда с караванами известия о себе в Португалию и сообщил таким путем сведения относительно Восточной Африки — сведения, оказавшиеся впоследствии весьма полезными португальцам при их плавании по Индийскому океану. Результаты плавания Бартоломея Диаза были еще более значительны: путешествие Диаза открыло морской путь в Индию.

XII.

Путешествие Бартоломея Диаза. — Открытие мыса «Доброй Надежды». — Диаз вступает в Индийский океан.

Три каравеллы Бартоломея Диаза отплыли из Лиссабона в августе 1486 года; пройдя благополучно до тропика Козерога, флотилия Диаза была унесена ветрами прямо к югу, при чем в течение целых тринадцати дней мореплаватели не видали земли. По окончании бури Диаз направил свои корабли к востоку, надеясь скоро достигнуть берега; проплыв некоторое время на восток и не видя земли, Диаз повернул к северу и скор пристал в устье одной реки, на берегу которой португальцы увидели пасущихся коров под надзором пастухов, скрывшихся в горы при приближении кораблей. Эта бухта, названная Диазом, благодаря встреченным здесь коровам, «Коровьей», находилась более чем в 200 милях к востоку от мыса Доброй Надежды, мимо которых буря пронесла флотилию Диаза. Диаз, заметив, что берег идет по направлению к востоку, справедливо заключил, что он обогнул африканский материк. Запасшись в Коровьей бухте пресной водою, экспедиция Диаза направилась снова на восток и достигла бухты Сан-Блаз, а оттуда, идя вдоль берега, достигла залива Альгоа и небольшого острова, названного Диазом «Островом Креста», так как на нем португальцы воздвигли большой каменный крест. Отсюда берег материка начал поворачивать к северо-востоку, и португальцы решили, что они находятся в Индийском океане. Диаз хотел продолжать путь далее, но его спутники, утомленные трудностями пути и изнуренные от недоедания и голодовки, запротестовали и заявили, что дальше они не поедут. Диаз собрал совет из офицеров и капитанов двух других кораблей, но все подали голос за возвращение. Диаз вынужден был согласиться, но с условием,

чтобы еще трое суток продолжать плыть вперед, с целью убедиться не повернет ли берег к северу. Но в этот короткий срок корабли Диаза не успели обойти всей южной оконечности Африки, а дошли только до р. Бушменов. Бартоломей Диаз с грустью повернул свою флотилию обратно. На обратном пути Диаз и его спутники прошли мимо самой южной оконечности Африки, и единогласно дали название этому пункту—«Мыс Бурь» (Торментозо). По прибытии в Лиссабон в декабре 1487 года, когда Диаз доложил об этом королю Иоанну, последний сказал: «Нет, назовем его лучше «Мысом Доброй Надежды», так как теперь есть основание надеяться, что португальцы нашли давно искомый морской путь в Индию».

Хотя это предположение оказалось совершенно верным, оно было еще не доказано, и никто не мог с полной уверенностью сказать, что африканский берег, если следовать вдоль него к востоку от «Большой Рыбной реки», откуда Диаз повернул обратно, снова не повернется к югу и не дойдет таким образом до полюса, преградив путь в Индию. Полное доказательство было получено только спустя десять лет после этого, когда Васко де-Гама достиг берегов Индии.

Это путешествие Бартоломея Диаза было наиболее продолжительным из всех португальских путешествий, совершонных до этого времени. Экспедиция Диаза была в пути шестнадцать месяцев и семнадцать дней. От Лиссабона до устьев «Большой Рыбной реки» на юге Африки и обратно, считая все береговые извилины, расстояние, пройденное кораблями Диаза, было не меньше тринадцати тысяч миль. Путешествие это окончательно разрушило теорию существования необитаемого жаркого пояса; оно привело европейцев в южный умереный пояс, где, по мнению Мелы, находились антиподы; оно нанесло также окончательный удар «континентальной» теории Птоломея, и успех Диаза подготовил умы европейцев для еще более смелых предприятий. Здесь не лишним будет упомянуть о том, что в числе сотоварищей Диаза в этом путешествии находился образованный генуэзский моряк Бартоломей Колумб, младший брат Христофора Колумба. Присутствие этого человека в экспедиции, искавшей морского пути в Индию, ставит обход Южной Африки как бы в связь с открытием Америки. Нужно также заметить, что Бартоломей Колумб, вернувшись из плавания, в следующем же году отправился в Англию просить короля Генриха VII о помощи для выполнения необычайно смелого плана, задуманного его старшим братом Христофором.

Несмотря на громадное значение путешествия Диаза, он

не только не получил никакой награды за этот отважный подвиг, но попал даже в опалу. Ему не поручалось больше начальство ни над одной экспедицией и, несмотря на все его просьбы, ему разрешено было сопровождать в 1497 году Васко де-Гаму только до крепости Сан-Жорж де-ля-Мина, на Золотом берегу в Африке. Ему пришлось только выслушать рассказ о чудесном открытии Васко де-Гамы, которому он подготовил путь. Позднее Бартоломей Диаз принимал участие в качестве простого капитана в экспедиции Кабраля в Бразилию. Но и здесь ему не суждено было испытать радости созерцания берегов, к которым он указал дорогу. Едва португальский флот покинул американский берег и направился к мысу Доброй Надежды, 23-го мая 1500 года, на океане поднялась страшная буря; четыре корабля были опрокинуты и в числе их был корабль, капитаном которого был Диаз. Он погиб со своим кораблем в волнах Атлантического океана. Знаменитый португальский поэт, Камоэнс, намекая на этот трагический конец Диаза, вложил в уста духа Адамастора, гения, охранявшего мыс Бурь, следующее мрачное пророчество: «Я дам страшный урок первому флоту, который будет проходить мимо этих утесов, и жестоко отомщу тому, кто первый осмелится обеспокоить меня в моем неприступном жилище».

XIII.

Путешествия Николо ди-Конти.—Хождение за три моря русского путешественника Афанасия Никитина.

Заканчивая наш обзор географических открытий и путешествий в эпоху Средних веков, мы должны еще упомянуть о двух путешественниках, которые хотя и не оказали большого влияния на развитие географических знаний, но путешествия которых тем не менее принадлежат к числу выдающихся по перенесенным путешественниками трудностям. Эти два путешественника пятнадцатого века были—венецианец Николо ди-Конти и наш русский тверской купец Афанасий Никитин.

Нет никакого сомнения, что необычайные приключения Марко Поло вызвали много попыток со стороны венецианцев и генуэзцев установить торговые сношения со странами востока. Но большинство итальянских торговцев-путешественников на восток не вели никаких записей о виденных ими странах, или же делали заметки исключительно коммерче-

ского характера. Образцом такого рода литературы может служить путеводитель итальянца Франческо Пеголлотти, который был издан в 1340 г. и один экземпляр которого (рукописный) хранится в наше время в библиотеке св. Марка в Италии.

Итальянские и вообще европейские купцы, отправляясь в страны востока, нередко проводили в путешествиях целые десятки лет и иногда даже погибали или же обращались в рабство и должны были служить при дворе какого-нибудь индийского раджи или татарского хана. О жизни и опасностях, каким подвергался в средние века европейский купец в восточных странах, мы можем составить себе понятие, познакомившись с записками о путешествии Николо Ди-Конти.

Николо ди-Конти, венецианский купец, отправился на восток в 1424 г. Прожив некоторое время в Дамаске, он изучил арабский язык и затем отправился с караваном в Аравию и Халдею. Оттуда Конти попал в Ормуз и на корабле переехал в Индию. В Индии он посетил почти все города Декана, затем Цейлон, Мадрас, устье Ганга; прожив некоторое время в Индии, Конти предпринял путешествие на Яву, Суматру, откуда намеревался добраться до Китая. Неизвестно, был ли Конти в Китае, так как он лишь упоминает об этой стране, не говоря прямо о том, был ли он там лично.

На возвратном пути в Италию Конти снова посетил Индию, а затем с Малабарского берега отправился в Аден, оттуда перебрался на Синайский полуостров и через Египет вернулся в Венецию.

Путешествие Конти продолжалось целых двадцать пять лет; во время путешествия он вынужден был отказаться от христианской веры и принял магометанство. Возвратясь в Италию, Конти отправился к папе просить отпущения своих грехов. Рассказы Конти о своих приключениях настолько заинтересовали папу, что он приказал секретарю своему, Поджио Браччиолини, составить со слов Конти описание его путешествий. Это описание по необычайности приключений очень многими считалось неправдоподобным, но позднейшие открытия вполне доказали его истинность.

До нашего времени сохранилось также любопытное описание путешествия в Индию почти современника Конти, нашего русского купца Афанасия Никитина. Описание это, озаглавленное Никитиным «Хождение за три моря», должно быть поставлено выше описания Конти, так как Никитин писал о своих впечатлениях сам лично и во время путешествия, тогда

как Конти диктовал Поджио по памяти и, вероятно, очень многое ускользнуло от его внимания.

Записки Никитина о его путешествии по Персии и Индии в 1466—1472 г.г. не дошли до нас в отдельном списке, а включены в Софийской летописи под 1475 г.; в примечании летописец говорит: «того же году обретох написание Офонаса Тферитина купца, что был в Индеи четири годы».

Свое путешествие, продолжавшееся шесть лет, Никитин называет «Хождением за три моря», подразумевая под этими тремя морями Каспийское, Индейское и Черное. Все путешествие Никитина между этими тремя морями естественно разделилось на три части: первая—путешествие от Каспийского моря через Персию до берегов Персидского залива, вторая—путешествие по Индии, продолжавшееся почти три года, и, наконец, обратный путь через Персию и Турцию к берегам Черного моря. Никитин не вернулся домой и умер на дороге, не доезжая до Смоленска.

В своих описаниях Никитин упоминает все города и местности, в которых он побывал, и отмечает все, что наиболее привлекло его внимание. Так, на побережьи Персидского залива его очень поразили финиковые пальмы и дешевизна фиников. Никитин отмечает, что «батман» [1]) фиников продается там по четыре алтына и что финиками кормят там «животину».

Описывая первый индийский город, в который он попал, он говорит: «здесь земля Индейская. Люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни грудей, босые, заплетая свои косы в одну вервь. У князя есть покрывало на голове и бедрах, у княгини и бояр фата на плече и на бедрах, у других только на бедрах, а дети до семи лет остаются и совершенно голыми. И все черны. Куда я ни пойду, всюду за мной толпа людей, и дивятся белому человеку».

Интересуясь религией индусов, Никитин много расспрашивал жителей Индии о их вере и пришел к заключению, что все индусы «веруют в Адама, которого называют «Бута» (Будда). Он даже ходил с индийскими паломниками в город Парват, где построен большой храм Будды «каменный, величиной с половину Твери». Около храма находится «двенадцать венцов с изображениями деяний Буты, какие он творил чудеса, как являлся в разных образах, в первый раз — просто человеком, во второй—человеком с хоботом слона, в третий раз—человеком с лицом обезьяны, но всегда—добавляет Никитин—с хвостом. Главное изваяние Буты, пишет Никитин,

---

[1]) Батман—старинная русская мера веса, равная 10 или 12½ фунтам.

очень велико, из камня; одежды на нем нет ни какой, кроме ширинки у живота; лицо обезьяны, хвост в сажень... другие Буты совсем наги. Тут и Бутовы жены и дети. Перед Бутом стоит большой вол из черного камня, весь позолоченный; во время службы его целуют в копыто, и осыпают его и Бута цветами...»

Из животных Индии внимание Никитина привлекли слоны, буйволы, верблюды, змеи и мамоны (обезьяны). «Мамоны—говорит Никитин—обезьяны, живут в горах, по скалам и по лесам. У них есть и свой «князь обезьянский»; детей у них родится много; если какие родятся ни в отца, ни в мать, то они мечут их по дорогам, а индейцы хватают их и учат всякому рукоделью и пляске, или продают, а если продают, то ночью, чтобы не умели назад убежать».

В записках Никитина есть заметки и о климате Индии, характеристика индейской зимы, которая становится в Индии «с Троицына дня» и состоит в том, что «ежедень четыре месяца всюду вода да грязь».

Записки Никитина о его путешествии в Индию по своим географическим, этнографическим и обще-культурным сведениям представляют весьма ценный исторический памятник пятнадцатого века и должны быть поставлены на ряду с такими же описаниями путешествий на восток Марко Поло и Николо ди-Конти.

XIV.

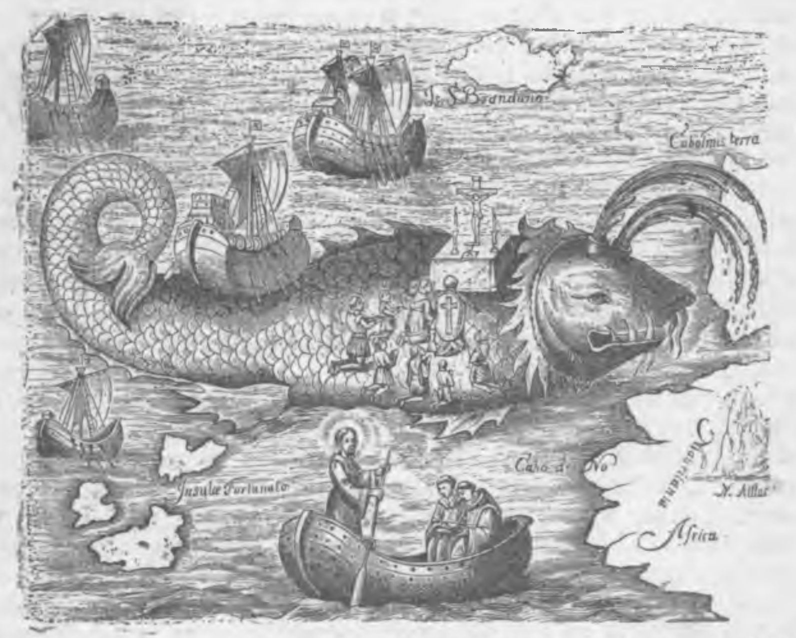
Состояние географической науки в конце Средних веков.— Научное землеведение схоластиков. — «Изображение мира» Петра Д'Алььи.—Альберт Великий.—Роджер Бэкон.

Последние три столетия средневековья, несмотря на значительный прогресс мореплавания, были эпохой застоя в области географической науки. В физической географии действительные наблюдения были заменены лишенной всякой критики верой в чудеса. Схоластики упорно придерживались древних теорий, и авторитеты Аристотеля и Птоломея считали непогрешимыми, признавая их взгляды, как и текст библии, не подлежащими никакой критике. Закрывая путь беспристрастному исследованию действительности, средневековые ученые неизбежно должны были давать свободу своей фантазии, и поэтому, говоря о малоизвестных странах, они населяли их страшными чудовищами. Писатели-космографы средних веков создали целый ряд описаний несуществующих зе-

мель и островов и выдавали эти описания за истинные. Так, например, создалась легенда об островах святого Брандана, на западной стороне Атлантического океана. Средневековые космографы, смотря на уходящий за горизонт океан, справедливо предполагали, что этот океан, в конце концов, должен быть ограничен сушей, и поэтому они помещали на далеком западе все неизвестные и легендарные страны. Сюда же был отнесен и остров св. Брандана. Свое название этот остров получил от жившего в VI веке ирландского монаха Брандана, который, наслушавшись от другого монаха рассказов о путешествиях, отправился и сам с четырнадцатью спутниками на поиски «обетованной земли». Целых семь лет носились монахи по волнам безбрежного Западного моря от одного острова к другому и испытали множество приключений. Самым любопытным из них было следующее: однажды вечером Брандан и его спутники пристали к небольшому острову, лишенному всякой растительности. Брандан распорядился привязать судно к острову и остался на ночь на нем. Утром Брандан отслужил на острове литургию, а затем его спутники вынесли с корабля припасы, развели огонь и стали готовить обед. Но как только костер разгорелся, остров, к величайшему удивлению монахов, начал двигаться. Все это произошло так быстро, что монахи едва успели перебраться на корабль и обрубить канаты; как только Брандан и его спутники попали на борт своего корабля, остров, на котором они ночевали, погрузился в море, а затем снова появился на поверхности воды и быстро удалился к западу. Пораженные виденным, монахи молча следили за удалявшимся островом и не знали, чем об'яснить это чудо. Но святой Брандан разрешил их сомнения и сказал, что, по милости божией, он знает тайну этого острова: то, что они считали за сушу, было в действительности громадной рыбой, и на спине этого чудовища они развели костер.

В средние века не раз делались попытки открыть остров Брандана и поместить его на картах, но, конечно, этот плод фантазии невозможно было отыскать в океане; остров Брандана был лишь одним из тех воздушных замков, которые строило человечество, стремясь вообразить себе лучшие, но недостижимые страны. Такая же участь постигла и другой, почти столь же знаменитый фантастический остров Антиллью, называемый также «Островом семи городов». Происхождение легенды об этом острове еще древнее легенды об острове святого Брандана; эта легенда говорит, что в 711 году после битвы при Херес де-ла Фронтера, когда пал король Родерик и

Иберийский полуостров перешел в руки мавров, архиепископ города Опорто и шесть других епископов бежали за океан на отдаленный остров громадного Западного моря, и здесь каждый из семи беглецов основал по городу, вследствие чего остров и получил название «Острова семи городов». Существование этого острова признавалось всеми учеными сред-

Св. Брандан и его спутники, принявшие по ошибке большую рыбу за остров и служащие на спине этой рыбы литургию.

них веков, и в XV столетии для открытия этого острова неоднократно снаряжались экспедиции.

Насколько сильно была распространена вера в существование подобных островов даже в образованных кругах того времени, можно судить по грамотам и рескриптам португальских властителей, которые жаловали остров Антиллью тому, кто откроет его, с такою же уверенностью и благосклонностью, как будто дело шло о действительно открытых странах. Даже величайший географ XV века, Паоло Тосканелли, ничуть не сомневался в существовании этого острова и вполне ясно ссылался на него в своем знаменитом письме к канонику Мартинецу; наконец, Антиллья играла выдающуюся роль даже в планах Колумба: именно на ней знаменитый генуэзец наде-

ялся встретить гостеприимный приют и найти опорный пункт для своего дальнейшего путешествия на запад.

Кроме островов святого Брандана и Антиллльи, средневековые ученые более позднего периода признавали существование в великом Западном море еще целого ряда других сказочных стран, как, напр., Бразилии, которая показана на многих картах XIV и XV столетий, и название которой перешло потом на открытую в действительности Южную Америку, как имя Антиллья перешло на Антильские острова. В 1480 году для открытия Бразилии выходили далеко в море на запад и на юг даже английские корабли, принадлежавшие городу Бристолю.

Наиболее полную картину географического мировоззрения последнего периода средних веков мы видим у знаменитых схоластиков Альберта Великого, Роджера Бэкона и Петра д'Альи. Альберт Великий и Роджер Бэкон вновь занялись вопросом о величине земли и о соотношении моря и суши. Оба они пришли к заключению о небольшом протяжении моря и о малом расстоянии между востоком Азии и западным берегом Европы. Альберт Великий пришел к этому выводу, весьма важному для истории открытий, лишь на основании того, что, согласно указаниям Аристотеля, слоны существуют одновременно на отдаленнейшем Востоке, в Азии, и в Западной Африке, а это, по его мнению, можно только об'яснить незначительностью расстояния между этими странами. Бэкон же основывает свой взгляд на словах Сенеки, который говорит в своих «Естественных вопросах», что от крайних берегов Испании всего несколько дней пути до Индии при попутном ветре.

Это мнение о сравнительно небольшом расстоянии восточных берегов Азии от западных берегов Европы было принято также французским схоластиком Петром д'Альи, которое он и приводит в своей книге «Изображение Мира». Эта книга была настольной книгой Колумба, и экземпляр ее, с собственноручными заметками Колумба на полях, до настоящего времени находится среди сокровищ Колумбовой библиотеки в Севилье. Очень возможно, что чтение этой книги породило в уме Колумба идею о западном пути в Индию.

Переходя к разбору других космографических идей этих двух знаменитых схоластиков, мы должны отметить, что во многих областях землеведения Альберт Великий является, действительно, оригинальным и выдающимся ученым. Правда, он часто слишком верит в знание древних, посту-

паясь своими более правильными выводами, но он тем не менее может считаться первым основателем географии растений и климатологии. Он первый сделал чрезвычайно смелую для того времени попытку определить северную границу пшеницы и первый употребляет выражение «вечные снега»; он первый устранил ошибку всей древности и средневековья, что пространство между тропиками необитаемо, простым указанием, что между тропиком Рака и экватором живут эфиопы и индейцы. О полярных странах Альберт Великий имел более смутное представление и говорит, что, хотя они и обитаемы, но жители их не могут обходиться без постоянного огня.

Еще более интереса представляют антропогеографические взгляды обоих великих схоластиков. Уже Бэкон высказал мысль, что различные страны являются не просто географическими понятиями, но что они своей особенной природой влияют на людей и на их нравы. Альберт Великий также разделяет эту мысль и говорит, что «в холодных странах водятся медведи и зайцы белые, а в более теплых—эти животные бывают темные. Жители севера, как, например, готы и дакийцы, имеют также вследствие холода белую кожу, а в жарких странах преобладают сухость и черная окраска: например, в перце, а также и в человеке. Негры уже в утробе своей матери принимают черную окраску; у них выпяченные губы, а глаза и веки красны от жары. Сухой воздух, в котором они живут, производит то, что кожа их богата порами и суха; вследствие этого они сильно потеют и очень подвижны, в противоположность готам и дакийцам, сжатое от холода тело которых сохраняет всю свою влагу».

Для развития географии идеи Альберта Великого и Роджера Бэкона имели весьма важное значение, так как, благодаря им, взгляды Аристотеля и Птоломея о большом протяжении материка с запада на восток и узости моря, лежащего между Восточной Азией и Западной Европой, вновь стали доступны всем. Это учение схоластиков, ставшее известным Колумбу, как мы сказали выше, благодаря книге Петра д'Алльи, способствовало, вместе с книгой Марко Поло о Китае и Индии, открытию Нового Света и всем дальнейшим великим географическим открытиям. Таким образом Альберт Великий и Роджер Бэкон могут с полным правом считаться одними из основателей географической науки позднейшего периода средних веков.

XV.

Картография средних веков.—Первые средневековые карты.— Географические карты последнего периода средних веков.

Географические познания известного народа или известной эпохи в самой сжатой и вместе с тем в самой определенной и наглядной форме выражаются в географических картах. Все, что узнали многочисленные исследователи и путешественники при помощи тяжелого физического и умственного труда, все это занесено на карту; последней, правда, недостает оживляющего духа устного или писанного слова, но зато географическая карта имеет то преимущество, что на ней определенно и ясно зафиксированы все географические данные и поэтому, смотря на карту какой-либо эпохи, мы можем сразу увидать, каковы были географические познания данной эпохи.

Если мы будем рассматривать географические карты средних веков, то нам очень скоро выяснится факт,—на каком чрезвычайно низком уровне находилась география того времени. В космографических воззрениях первых веков средневековья авторитет Библии был поставлен выше всего, а вследствие этого было совершенно выброшено за борт учение о шарообразности земли. Боровшийся с этим учением один из отцов церкви, Лактанций, прозванный «христианским Цицероном», писал: «возможно ли, чтобы были еще столь нелепые люди, которые признавали землю шаром и верили в существование людей, которые ходят на другой половине земли вверх ногами, а головой книзу, чтобы деревья и кусты росли вверх корнями, а дождь, снег и град падали вверх? И хотя висячие сады, продолжает он, считаются одним из чудес света, возможно ли, чтобы поля, моря и города на другой стороне земли, вися в воздухе, могли оставаться в равновесии?»

Отрицая шарообразность земли, средневековые христианские писатели считали землю за обширный диск или круг; некоторые, как, например, Козьма Индикоплест, предполагали, что земля имеет четырехугольную форму. Но придерживавшиеся того и другого мнения признавали центром земли Палестину, собственно, Иерусалим, как место страданий и смерти Христа. Этот город, следовательно, составлял центр мира. Это учение служило основанием для черчения географических карт в средние века. На всех средневековых картах, четырехугольных (более ранних) и круглых (позднейших)—

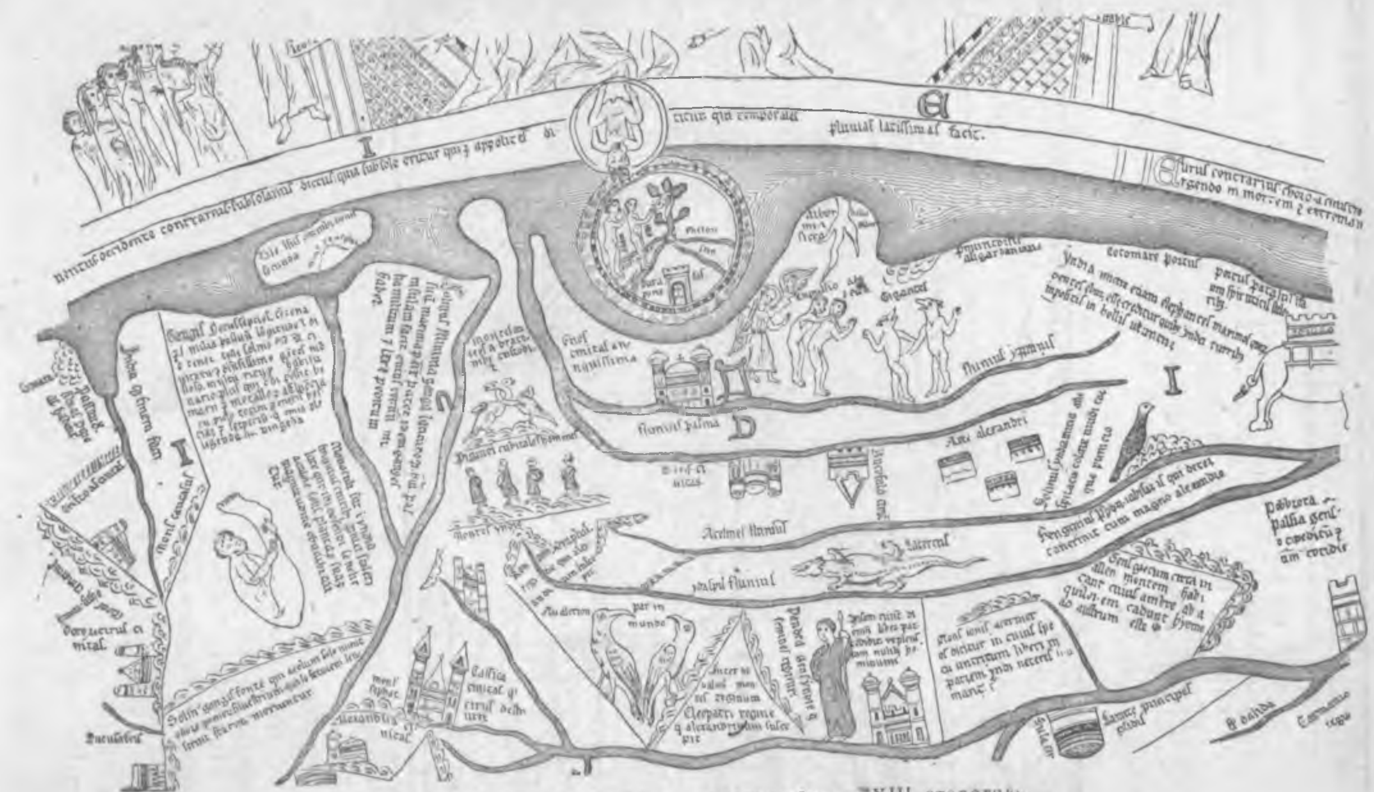
святая земля с городом Иерусалимом образует центр всей земли. По учению Козьмы Индикоплеста, четырехугольную землю омывает океан, от которого в сушу врезываются четыре больших залива—моря: с запада очень длинное Средиземное море, с севера—Каспийское, с юга—Аравийское море и Персидский залив.

Вокруг океана, обтекающего землю, Козьма и другие средневековые космографы помещали другую заокеанскую землю, где, по их мнению, находился в древние времена рай. Позднее некоторые космографы переносили рай на обитаемую землю, и помещали его на востоке Азии. Для отыскания рая в средние века предпринимались неоднократно экспедиции, и еще в XIV веке Иоанн Мариньоли, епископ города Бисинии в Калабрии, путешествовавший в Китай, описал в своем сочинении местонахождение рая. Он говорит, что рай находится неподалеку от острова Цейлона и что ему пришлось слышать «щум райских водопадов». Насколько серьезно занимались вопросом о рае в средние века, доказывает тот факт, что даже Христофор Колумб интересовался этим вопросом и помещал рай в верховьях реки Ориноко в Южной Америке.

На востоке же, а иногда на севере, средневековые космографы помещали страну таинственных народов Гога и Магога. Сведения об этих народах получены христианскими космографами также из Библии, где говорится о нашествии перед концом мира сильных и жестоких народов Гога и Магога. На всех картах и в космографиях средних веков мы постоянно встречаемся с вопросом об этих народах.

Страну Гога и Магога мы находим и на знаменитой карте X века, хранящейся ныне в Британском музее в Лондоне; на этой карте местожительство Гога и Магога указано на перешейке между Черным и Каспийским морями. Упоминания о Гоге и Магоге мы встречаем и у Альберта Великого и у Марко Поло в XIII веке.

Начиная с VIII века, на-ряду с четырехугольными картами, появляются и круглые карты, которые постепенно вытеснили четырехугольные карты. Но как на тех, так и на других, Азия была равна Европе и Африке, взятым вместе. Такая пропорция основывалась опять-таки на тексте Библии, где говорится, что Ной разделил всю землю между тремя своими сыновьями, при чем старшему, благочестивому Симу, дал всю восточную половину земли, т.-е. Азию, а Хаму и Иафету—западную половину; таким образом, Хам, получив в свое владение Африку, а Иафет—Европу, владели каждый только одной четвертой частью земли. Почти все средневековые карты рисо-

Часть географической карты, относящейся к XIII столетію.

вались так, что восток приходился в верхней части карты. Такое расположение основывалось на том факте, что Азия, т.-е. восточная половина земли, была колыбелью христианства, и, кроме того, на востоке был рай, почему восток и должен был находиться вверху, как бы господствуя над всеми остальными странами.

Компасная карта из средневекового издания «Географии Птоломея».

Арабы, значительно способствовавшие своими открытиями и переводами книг Птоломея и Аристотеля прогрессу географической науки, мало внесли нового в картографию; их географические карты немного разнятся от христианских средневековых карт; разница видна только в том, что арабы помещали в центре мира город Мекку, а не Иерусалим. Арабы, познакомившись с сочинениями Птоломея, не заимствовали у него метода черчения карт и тем самым отказались от верного изображения известных им частей земной поверхности. Они, при определении очертаний стран и морей, руководство-

вались лишь своей фантазией, и поэтому все путешествия и исследования арабских путешественников не принесли никакой пользы для картографии.

Некоторый прогресс картографии мы наблюдаем лишь в XIII веке после того, как европейские мореплаватели ознакомились с употреблением компаса. Компас, дав новый способ для более точной с'емки берегов, послужил причиной появления карт нового типа, так называемых компасных карт, или портуланов, на которых изображались лучеобразно расходящиеся линии компасных румбов, проводившиеся от известных пунктов. Пользуясь компасом, итальянские моряки составили впервые верные карты всех берегов Средиземного моря.

Но компасные карты составлялись обыкновенно только для прибрежных стран; для внутренних же областей материков географические карты составлялись прежним спосо-

Фантастические изображения людей из «Космографии» Мюнстера XVI века.

бом; чтобы заполнить пустые места неизвестных стран, авторы этих карт рисовали здесь разных «дивьих» людей, людей с песьими головами, фантастических чудовищ и т. п. Такова знаменитая карта XIII столетия Ричарда Гальдингама в Герефорде (часть этой карты изображена на рисунке, помещенном на стр. 135-й нашей книги).

В XIV веке, благодаря путешествиям в Восточную Азию Плано Карпини, Рубруквиса, Мариньоли и других, на географических картах появляется много изменений, но принцип черчения карт остается все-таки прежний. Лишь Роджер Бэкон сделал попытку дать изображение стран, в осно-

ве которого лежала мысль—распределить местности земного шара по их долготе и широте; но это была лишь попытка.

Для развития картографии имело большое значение то обстоятельство, что в XIV веке начали употреблять способ, применявшийся раньше только для известных приморских местностей; этот способ состоял в том, что на картах изображались на месте городов их гербы, а на месте стран помещались рисунки растений и животных, действительно находящихся в этих странах. Таким образом возникли большие разрисованные карты, образцом которых может служить так называемая Каталонская карта мира, составленная в 1375 г. одним моряком, уроженцем острова Майорки, для Карла V, короля французского; эта карта хранится в Национальной библиотеке в Париже.

В XV веке картографы возвращаются к способу черчения карт Птоломея, то-есть начинают употреблять градусную сетку и размещают города и страны по их географической широте и долготе. Но средневековые картографы не сразу переходят к способу Птоломея; так, например, знаменитый космограф XV века, Фра Мауро, из Венеции, на своей карте мира, хранящейся в настоящее время во дворце Дожей в Венеции, еще сохранил старую форму, но соответственно новым требованиям помещает Иерусалим уже не в центре, как прежде. Интересно отметить, что на карте Фра Мауро 1459 г. впервые были помещены на севере страны Сибирь, Пермия и Россия. Сам Фра Мауро говорит, что при составлении карты он старался проверить географические сведения распросом людей, посетивших те или иные страны, но, находя всюду противоречия, он в конце концов добавляет: «посему предоставляю премудрости господа меру его дела, которую он единый знает в точности».

Карта Фра Мауро была начерчена без градусной сетки, хотя в это время некоторые космографы уже начинают применять в картографии метод, указанный Птоломеем. Борьба между двумя направлениями в картографии продолжается вплоть до конца XV века и только с устройством глобуса Мартыном Бегаймом победа переходит на сторону Птоломеева способа черчения географических карт. Это произошло в 1492 г. Таким образом год открытия Нового Света имел важное значение и для картографии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Открытие Америки.

I.

Христофор Колумб и его путешествия.—Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию.

1492 год—знаменитый год в летописях географической науки. Это достопамятный год открытия Колумбом Нового Света. Это событие имело огромное значение в области землеведения; в то же время открытие Нового Света Колумбом представляет великий поворотный пункт в истории всего человечества, и Христофора Колумба справедливо считают одним из самых знаменитых людей всех веков.

Выше мы видели, что главной географической задачей XV столетия являлось открытие морского пути в Индию. Так как Индия находилась на восток от Западной Европы, то вполне естественно, что большинство мореплавателей того времени стремилось достигнуть этой богатой и таинственной страны, стараясь обогнуть африканский материк, чтобы затем следовать на восток. Но в конце XV века в уме одного мореплавателя созрела другая идея относительно достижения берегов Индии и вообще Восточной Азии, а именно, идея западного пути. Этот мореплаватель был генуэзец Христофор Колумб, или, по-испански, Кристобаль Колон.

Колумб, признавая, что наша земля представляет собою большой шар, пришел к заключению, что если отправиться через Атлантический океан на запад, то, в конце концов, можно достигнуть берегов Восточной Азии и Индии. Он предполагал, что этот путь в Индию будет короче и легче, чем путь вокруг Африки. Решившись выполнить этот план, Христофор Колумб посвятил ему многие годы своей жизни, перенес много горя и насмешек. Но ничто не могло сломить его энергии, и он, в конце концов, достиг осуществления своей мечты о путешествии на запад Атлантического океана. Ему

первому из европейских мореплавателей (если не считать норвежцев, об экспедициях которых мы говорили выше) удалось переплыть этот океан с востока на запад и действительно открыть за океаном землю. Но эта земля не была, как предполагал Колумб, Восточной Азией, а совсем другою частью света, неизвестною до того времени. Впрочем, сам Христофор Колумб был уверен, что открытые им земли составляли часть побережья Восточной Азии, и среди островов Караибского моря он тщательно разыскивал таинственный остров Ципанго, или Японию, о которой говорил еще Марко Поло.

Христофор Колумб родился, вероятно, в 1436 году, близ Генуи. Мы говорим «вероятно» потому, что год рождения Колумба не удалось установить точным образом, хотя большинство историков останавливается на 1436 году.

Он был старшим из трех сыновей небогатого ткача Доминика Колумба, или, по-итальянски, Коломбо. Биографы Колумба говорят, что он был отправлен отцом в университет в город Павию для обучения грамматике, латинскому языку, географии, астрономии и мореплаванию. Но достоверно неизвестно, сколько времени пробыл Христофор в этом университете; по всей вероятности, очень недолго, так как уже четырнадцати лет Христофор Колумб поступил на морскую службу. О жизни Колумба с этого времени до 1487 года сохранилось очень мало сведений. Мы знаем лишь, что он участвовал в нескольких торговых плаваниях по Средиземному морю и приобрел славу отважного морехода.

Жизнь моряка на Средиземном море состояла в ту эпоху из ряда опасных приключений. Простая коммерческая экспедиция в то время походила на нынешнюю военную; купеческое судно часто принуждено было вступать в бой с пиратами и с судами враждебных стран.

Во время перерыва своих морских путешествий молодой Колумб жил в Генуе, где добывал средства к существованию составлением географических карт. Около 1470 года, сделавшись известным по своему искусству в области составления карт, Колумб вместе со своим младшим братом Бартоломеем отправился в Лиссабон, в Португалию. Португальцы были в ту эпоху первыми мореплавателями в свете, и Лиссабон сделался центром мореходной науки, привлекая к себе опытных и отважных мореплавателей и ученых географов.

Поселившись в Португалии, братья Колумбы занимались также составлением географических карт. Но, без сомнения, оба брата участвовали также и в нескольких морских плаваниях. Так, известно, что Бартоломей Колумб был участни-

ком экспедиции Бартоломея Диаза; сам же Христофор Колумб принимал участие в нескольких португальских путешествиях вдоль берегов Африки. При просмотре документов

Христофор Колумб.

того времени и записок самого Колумба мы можем сказать, что Колумб был несколько раз в Англии и даже, может быть, доезжал до Гренландии, так что, имея сорок лет отроду, он уже «об'ехал все, что об'езжали до него». Сохранились записки, говорящие о том, что в 1477 году Колумб совершил путешествие к берегам Исландии.

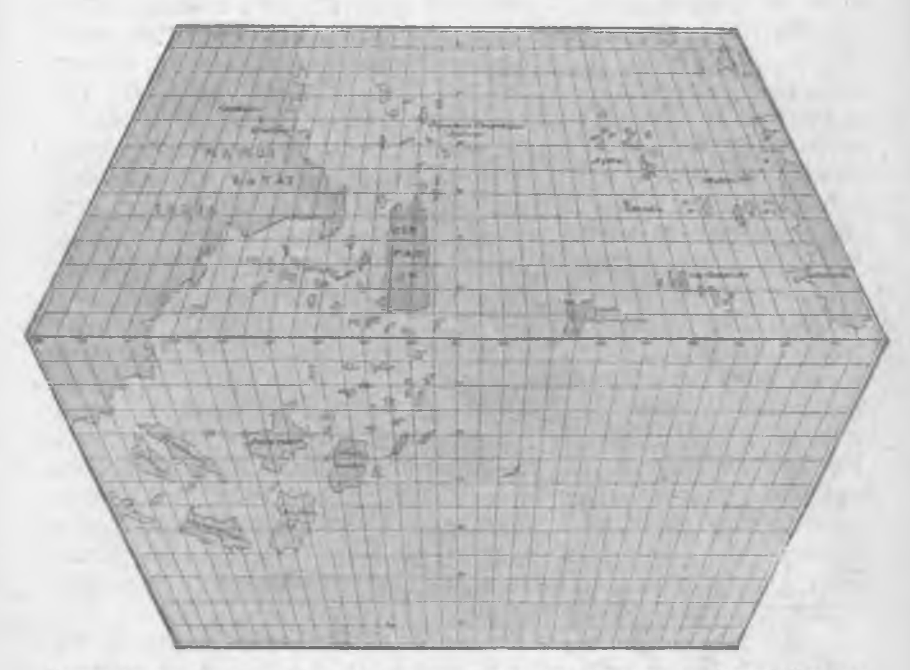
Живя в Лиссабоне, Христофор Колумб познакомился с дочерью одного итальянского моряка, Фелицей Мони де-Палестрелло. Ее отец считался при жизни принца Генриха одним из самых опытных мореплавателей и был губернатором острова Порто-Санто, где он основал колонию. Колумб вскоре женился на Фелице и поселился в доме своей тещи, на небольшом острове Порто-Санто, где отец Фелицы был губернатором. Здесь Колумб нашел после своего тестя Палестрелло много географических карт и заметок о путешествиях, которые он прилежно начал изучать. Предполагают, что именно в этот период жизни Колумба у него и зародилась мысль об открытии западного пути в Индию. ,

Неизвестно, сколько времени прожил Колумб на Порто-Санто, но, кажется, что он время от времени приезжал в Лиссабон, и затем переехал окончательно сюда со своей семьей, занимаясь изготовлением глобусов, географических карт и мореходных чертежей вплоть до 1484 года. В это же время Колумб пополнял пробелы в своем образовании и усердно изучал писания ученых того времени. Особенно большое влияние оказала на Колумба книга французского схоластика Петра д'Алльи «Изображение Мира». До нашего времени сохранился в Колумбийской библиотеке в Севилье экземпляр этой книги с собственноручными заметками Христофора Колумба на полях. На основании учения Петра д'Алльи о размерах суши Колумб признавал, что расстояние между западными берегами Европы и восточными берегами Азии не могло быть очень большим. Это убеждение Колумба еще более укрепилось под влиянием письма известного в то время флорентийского математика и космографа Паоло Тосканелли. Тосканелли в письме к кардиналу Мартинецу в 1474 году указывал, что восточные берега Индии находятся не так далеко от берегов Португалии. Колумб, заинтересовавшись этим, обратился к Тосканелли с письмом, на которое он получил от флорентийского космографа следующий ответ:

«Павел медик Христофору Колумбу привет. Получил известие о вашем благородном желании отправиться туда, где растут пряности. В ответ на ваше письмо посылаю копию с другого письма, написанного несколько дней тому назад моему другу, придворному всемилостивейшего короля Португальского в ответ на его письмо, писанное ко мне по приказу его величества. Отправляю вам также мореходную карту, подобную посланной ему; в ней вы найдете ответ на ваши вопросы. При сем копия упомянутого моего письма».

«Павел медик Фернандо Мартинецу, канонику в Лисса-

боне, привет. Рад слышать о близости и милости к вам вашего благороднейшего и светлейшего короля. Я раньше разговаривал с вами относительно более короткой дороги по океану в страну пряностей, чем та дорога, по которой вы ездите через Гвинею... Хотя я хорошо знаю, что существование такой дороги может быть доказано на основании сферической формы земли, тем не менее, чтобы сделать вопрос

Карта Паоло Тосканелли, на которую нанесены восточные берега Азии и острова Японии.

яснее и облегчить предприятие, я решился изобразить дорогу на мореходной карте. Потому отправляю его величеству карту, сделанную мною собственноручно [1]), на которой изображены ваши берега и острова, откуда вы должны начать плыть непрерывно к западу, и места, куда вы прибудете, и насколько далеко вы должны держаться от полюса или от

[1]) Эта карта была при Колумбе во время его путешествия, и он руководствовался ею при своем плавании.

экватора, и какое пространство или сколько миль вы должны проехать, чтобы достичь мест, где наиболее изобилуют всякого рода пряности и драгоценные камни. Не удивляйтесь, что я называю западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют востоком, потому что люди, плывущие постоянно к западу, достигнут этих стран плаванием по другой стороне земного шара. Тогда как, если вы отправляетесь сушей по этой стороне земного шара, то они будут на востоке. Прямые линии, проведенные вдоль карты, указывают расстояние от востока к западу, между тем как поперечные линии указывают расстояние от юга к северу. Я поместил на карте различные места, куда вы можете притти, для сведения мореплавателей в том случае, если, благодаря ветру или какой-нибудь другой случайности, они пристанут к какому-нибудь месту, куда не ожидали пристать, а частью затем, чтобы они могли доказать жителям, что они имеют некоторые сведения об их стране».

Далее Тосканелли делает выписки о Китае из книги Марко Поло и говорит, что от Лиссабона до китайского города Кинсея (современного Ханькоу) только 6500 миль. Колумб, получив письмо Тосканелли, с жаром принялся за составление плана экспедиции к берегам Восточной Азии, и в 1483 году сообщил свой план португальскому королю Иоанну II. Король, заинтересовавшись планом Колумба, созвал для рассмотрения этого плана особый совет, в который вошли двое ученых португальских космографов Родриг и Иосиф и королевский духовник Диэго Ортис Касадилла. Этот ученый совет об'явил план Колумба нелепым и несбыточным, и проект Колумба был отвергнут.

В это же время на Колумба обрушилось и другое несчастье: в конце 1484 года у него умерла жена, и он остался один с восьмилетним сыном Диего. Видя крушение своих планов в Португалии, Колумб решил покинуть эту страну и в 1485 году переселился в Испанию. Колумб в это время не обладал никакими средствами и вынужден был совершать длинное путешествие пешком, неся маленького Диего на руках. В Испании судьба сжалилась над Колумбом. Добравшись с Диего до небольшого города Палоса, в Андалузии, Колумб натолкнулся в окрестностях этого города на старинный францисканский монастырь девы Марии де-Рабида. Истомленный путешествием, он попросил у монастырского привратника немного хлеба и воды для своего мальчика. В то время, когда ему подавали эту скудную милостыню, настоятель монастыря Хуан Перец де-Марчена, проходя слу-

чайно, был поражен наружностью незнакомца, и, заметив по его виду и произношению, что он иностранец, вступил с ним в разговор, и скоро узнал от него все подробности его истории.

Настоятель оказался человеком очень образованным; он много занимался географией, и разговор Колумба сильно заинтересовал его. Он упросил Колумба остаться некоторое время в монастыре, затем дал Колумбу письмо к своему знакомому, духовнику короля Фердинанда и королевы Изабеллы. Этот духовник, настоятель монастыря Прадо, пользовался полным доверием королевской четы и поэтому мог оказать большую помощь Колумбу. Колумб отправился с письмом в Кордову, куда должны были прибыть король и королева, чтобы выступить отсюда в поход против мавров. Но на этот раз Колумб не мог добиться никаких результатов; духовник королевы, Талабера, не сумел изложить ясно проекты гениального мореплавателя, и поэтому Колумб не мог даже добиться аудиенции у короля и королевы.

Однако Колумб остался в Кордове, и, чтобы добывать себе средства к существованию, принялся снова за составление географических карт. Живя в Кордове, Колумб постепенно приобрел себе много друзей; так, он познакомился здесь с Алонзо Кинтаниллой, государственным казначеем Кастилии, который пригласил его к себе в дом и восторгался его великими планами. Он познакомился также с Антонием Джеральдини, папским нунцием, и братом его, Александром Джеральдини, наставником младших детей Фердинанда и Изабеллы; с помощью покровительства этих друзей, Колумб был представлен знаменитому и всесильному в то время Педро Гонзалесу Мендозе, архиепископу Толедскому и великому кардиналу Испании.

Кардинал Мендоза пользовался огромным влиянием при дворе; по ходатайству Мендозы, Колумб получил аудиенцию у Фердинанда и Изабеллы. Он явился пред всесильной королевской четой в скромном виде, но без замешательства, так как считал себя,—как сам он говорит в письмах,—«орудием, избранным самим небом для исполнения его великих предначертаний». Король и королева, выслушав планы Колумба, решили посоветоваться с учеными людьми своей страны и передали своему духовнику Фернанду Талабере поручение собрать астрономов и космографов для обсуждения с Колумбом его проекта. Этот совет собрался в монастыре святого Стефана в Саламанке.

Совет в Саламанке, составленный из монахов и духовных лиц, нашел планы Колумба противоречащими священ-

ному писанию и религии. Некоторые из ученых, бывших на совете, хотя и соглашались с Колумбом в вопросе о шарообразной форме земли и поэтому логически допускали, что если ехать по океану все время на запад, то можно достигнуть восточных берегов Азии, но признавали неосуществимость проекта Колумба потому, что обратно из Индии корабль никогда не может возвратиться, потому что «выпуклость шара представила бы ему род необозримой водной горы, на которую невозможно было бы подняться даже при самом благоприятном ветре».

Таким образом проект Колумба был отвергнут, и сам он едва не был об'явлен еретиком, колеблющим основы веры, которая сама была грубейшим заблуждением.

Колумб, видя свою неудачу в Испании, где он провел почти целых семь лет, решил снова отправиться в Португалию. Но прежде чем покинуть Испанию, Колумб снова направился в монастырь Рабида близ Палоса, чтобы взять там своего сына. Настоятель монастыря Хуан Перец, узнав о неудачах, старался утешить Колумба; он послал в Палос за своим ученым другом доктором Гарсией Фернандесом и за знатным гражданином Мартином Алонзо Пинзоном, прося их прибыть на совет. Все трое искренно сочувствовали Колумбу и считали его планы верными; Гарсия Фернандес и Алонзо Пинзон убедили Хуана Переца, бывшего некогда духовником королевы Изабеллы, написать последней письмо, прося ее не отпускать Колумба в другую страну.

Через несколько времени Хуан Перец получил ответ от королевы Изабеллы с просьбой приехать для переговоров ко двору. Настоятель монастыря немедленно же отправился в город Санта-Фе, где находилась тогда Изабелла. Получив аудиенцию у королевы, Хуан Перец с жаром защищал Колумба и изложил основания его проекта; он указал также на те выгоды, которые могла получить Испания от успешного осуществления планов Колумба и, наконец, упомянул о славе, которою покроет это предприятие самих государей и их королевство. Речи Переца произвели большое впечатление на королеву, и она потребовала снова Колумба к себе. Помня его бедность и убогую одежду, в которой он представлялся ей, королева распорядилась послать Колумбу в монастырь Рабида двадцать тысяч мараведисов (около 1200 рублей) на путевые издержки, на покупку мула и на все необходимое. Колумб с новой надеждой отправился в путь в королевский лагерь близ Гренады, которую осаждали в это время испанские войска.

Христофор Колумб на совете ученых в Саламанке.

Вскоре по прибытии Колумба ко двору Гренада пала, и последний мавританский царь, Боабдил, вышел из осажденного замка Альгамбры и смиренно вручил Фердинанду и Изабелле ключи от своей богатой столицы. После торжеств в честь освобождения Испании от власти мавров, король и королева назначили для заключения с Колумбом условий особых комиссаров, и в числе их опять Фернандо Талабера, возведенного в сан архиепископа Гренады. Колумб поставил следующие условия: он хотел, чтобы прежде от'езда его в путешествие, его облекли титулом адмирала и званием вице-короля всех стран, которые он откроет; далее он требовал одной десятой доли всей прибыли от своих открытий. Талабера и его товарищи с негодованием отвергли эти притязания. Талабера представил Изабелле, что «удовлетворить требования Колумба—значит помрачить блеск столь славной короны». Королева согласилась, что требования Колумба в самом деле непомерны и поэтому приказала передать ему, чтобы он предложил более умеренные условия. Но Колумб ничего не хотел уступать, и переговоры были прерваны. Колумб, простясь с своими друзьми, сел на своего мула и отправился, в феврале 1492 года, из Санта-Фе в Кордову, откуда он намеревался немедленно же отправиться во Францию, к королю Карлу VIII, чтобы там предложить свой план.

Когда немногие друзья Колумба увидали его твердое решение покинуть Испанию, они поняли, что этот от'езд может быть невозвратимой потерей для Испании. Один из друзей Колумба, Люис Сант-Анхель, сборщик церковных доходов Аррагонии, вместе с государственным казначеем Кастилии, Алонзо Кинтаннилой поставили Изабелле на вид все выгоды, которые может доставить это предприятие и для «пользы церкви—распространением христианской веры—и для увеличения владений Испании». «Какая будет скорбь для вашего величества,—говорили они,—какое торжество для врагов ваших, какая горесть для верных подданных, если это предприятие, отвергнутое вами, будет принято и выполнено какою-нибудь другою державою! Сколько славы и могущества приобрели другие государи своими открытиями! Вот случай превзойти их всех!»

Сант-Анхель и Кинтанилла убеждали королеву не полагаться на утверждения некоторых ученых, которые называли проект Колумба фантазией мечтателя; они доказывали, что Колумб—человек безупречного характера и здравомыслящий. Но пусть проект даже и не удастся,—продолжали они,—какое бесславие в этом для вас или для государства?» После

таких горячих речей Изабелла торжественно об'явила себя покровительницей предприятия. Королева тотчас же отправила посла за Колумбом, и курьер догнал его в двух милях от Гренады; на Пиносском мосту, в горах, знаменитых кровавыми битвами между испанцами и маврами.

Непосредственно после прибытия в Санта-Фе, Колумб был приглашен к королеве, и вскоре между Колумбом и королевской четой был заключен договор, содержание которого было следующее:

1) Колумб, со всем происходящим от него потомством,—сам на всю жизнь свою, а потомство на вечные времена,—возводится в звание адмирала всех земель и стран, которые он откроет или приобретет на океане.

2) Он назначается вице-королем и генерал-губернатором всех упомянутых стран и земель.

3) Имеет право на десятую часть всех перлов, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и всяких продуктов, найденных в открытых им странах.

Тридцатого апреля 1492 года Фердинанд послал приказ в город Палос, чтобы приготовили для Колумба две каравеллы со всеми нужными припасами и экипажем. Согласно договору, Колумб должен был снарядить третий корабль на свои средства. 12-го мая 1492 г. Колумб выехал из Санта-Фе в Палос, чтобы там лично наблюдать за снаряжением флотилии. На этот раз он поехал в Палос с радостным сердцем: его мечты были близки к осуществлению; но с каким трудом Колумбу удалось достичь этого! Прошло целых восемнадцать лет с того времени, как в уме его родилась в первый раз мысль об этом путешествии; почти все эти восемнадцать лет прошли в нищете, среди оскорблений и насмешек; лучшие годы Колумба погибли в этой бесплодной борьбе, и, когда, наконец, успех увенчал его мужественные усилия, ему было уже около пятидесяти шести лет.

Через несколько дней Колумб был у ворот монастыря Рабида. Его друзья встретили его с распростертыми об'ятиями. Богатый гражданин города Палоса, Алонзо Пинзон, и его брат Винцент Янес Пинзон с готовностью дали Колумбу средства для снаряжения третьего корабля, стоимость же самого корабля приняли на свой счет. Наконец, к началу августа 1492 г. все было готово, и три каравеллы—С а н т а - М а р и я, П и н т а и Н и н ь я стояли уже под парусами в гавани Палоса. Капитаном на Санта-Марии был сам Колумб, а на Пинте и Нинье Колумб поручил команду братьям Алонзо и Винценту Пинзонам. С эскадрой отправились еще три лоцмана—

Санхо-Рюис, Педро Алонзо Нино и Бартоломей Рольдан; кроме того, Родриго Санчес из Сеговии, в звании генерал-инспектора эскадры, Диэго Арана из Кордовы, в звании первого альгвазила, Родриго Эскобар—королевский нотариус, один врач, один хирург, несколько слуг и девяносто матросов: всего сто двадцать человек.

От'езд Колумба из Палоса 3 августа 1492 года.

Рано утром, 3-го августа 1492 года, три небольшие каравеллы Колумба подняли паруса и отплыли от Сальтской косы, против острова Гуэльвы, в неведомый океан, на открытие восточных берегов Азии и богатой Индии.

II.

Первое путешествие Колумба на запад.—Бунт на кораблях Колумба.—Земля! Земля!—Сан-Сальвадор.—Вступление во владение новыми землями.—Фернандина или Большая Эксума.—Изабелла или остров Лонг.—Куба.—Архипелаг Спасителя. — Остров Монте-Кристо. — Возвращение Колумба в Испанию.

Выйдя в океан, Колумб направил свою флотилию на юго-запад к Канарским островам, откуда он намеревался отплыть прямо на запад. Через девятнадцать дней плавания

флотилия пристала у острова Гомера. Здесь Колумб запасся дровами, водою и с'естными припасами, и 6-го сентября отплыл на запад. 9-го сентября, на рассвете, мореплаватели увидели остров Ферро, последний из Канарийских островов. Скоро этот остров скрылся из вида. Отсюда уже начиналась неисследованная область океана, и все участники экспедиции пришли в волнение. Большинство матросов были убеждены, что они никогда не вернутся обратно на родину; все плакали. Колумб употреблял все усилия, чтобы утешить своих спутников. Он описывал им богатые страны, в которые они плыли, острова Индейского моря, где в изобилии встречаются золото и драгоценные камни, он говорил им о богатом царстве Манги и таинственном Китае с его роскошными и великолепными городами, обещал им земли и богатства,— все, что могло возбудить их желание или воспламенить воображение.

Чтобы не волновать матросов дальностью пройденного расстояния, Колумб уменьшал в корабельных журналах количество пройденных миль. 13-го сентября, вечером, когда флотилия находилась почти в двухстах милях к западу от острова Ферро, Колумб заметил, что магнитная стрелка компаса, вместо того, чтобы показывать на север, уклонилась на северо-запад, на другой день она еще более отклонилась от севера. Пораженный этим обстоятельством, Колумб стал тщательно следить за компасом и убедился, что отклонение стрелки увеличивалось по мере того, как корабли подвигались вперед. Колумб хотел скрыть это явление, но оно скоро было замечено лоцманами и привело их в ужас. Им показалось, что уже самые законы природы изменились и что они вступили в новый мир, подчиненный неведомым влияниям. Они боялись, что компас утратит свою таинственную силу и тогда они без него не смогут найти путь в Испанию. Колумбу удалось успокоить свой экипаж, убедив своих спутников в том, что магнитная стрелка устремляется не к полярной звезде, а к некоторой неподвижной и невидимой точке. и что, следовательно, отклонение компаса произошло не от колебания стрелки, а от движения самой полярной звезды, которая, подобно другим звездам, совершает ежедневно путь около полюса.

14-го сентября матросы с каравеллы «Нинья» увидели цаплю и еще одну тропическую птицу, которые не залетают далеко в море; эти птицы обрадовали мореплавателей, так как предвещали близость земли. Однако земля не встречалась, а между тем восточный ветер уже несколько дней быстро

гнал корабли на запад. Матросы стали опасаться, что в этой области океана дуют только одни восточные ветры и поэтому корабли не могут никогда вернуться в Испанию. На тридцать пятый день плавания, 16-го сентября, на поверхности океана стали попадаться пучки водорослей, а в следующие дни около кораблей появились морские ласточки и другие птицы. Колумб, указывая взволнованным матросам на водоросли и на птиц, говорил, что близко земля.

Можно себе представить, с какою жадностью матросы и офицеры каравелл всматривались в западную сторону, где должна была находиться земля! Всякий был заинтересован в том, чтобы первому заметить неизвестную землю, так как Колумб обещал первому увидевшему землю награду в десять тысяч мараведисов (около 600 рублей).

В последние дни сентября месяца около кораблей появлялись стаи различных птиц, что снова возбудило надежду в мореплавателях. 7-го октября братьям Пинзонам, бывшим на борту «Ниньи», шедшей впереди, показалось. что они видят впереди землю. Они дали залп из пушки. Но вскоре обнаружилось, что они ошиблись. Однако, так как они утверждали, что видели попугаев, летящих к юго-западу, адмирал согласился изменить направление кораблей.

Корабли плыли по новому направлению три дня, но земля, так страстно ожидаемая, не показывалась. Каждый вечер солнце скрывалось все за тою же бесконечною линией океана. Экипаж Колумба начинал роптать. Признаки возмущения стали повторяться все чаще и чаще. и, наконец, 10-го октября матросы заявили, что они дальше не пойдут. Положение Колумба становилось затруднительным. Его уверениям о близости земли никто не верил. На счастье Колумба, 11-го октября матросы с корабля «Пинта» выловили в море свежеотломленную ветку и небольшую палку, обработанную руками человека. Матросы с корабля «Нинья» почти в то же время заметили плавающую ветку терновника в цвету. Эти предметы служили очевидным доказательством близости земли.

Наступившая ночь покрыла море мраком. «Пинта», самый быстроходный корабль из всей флотилии, держался впереди. Христофор Колумб в волнении почти все время проводил на борту своего корабля «Санта-Мария». В ночном тумане ему виднелись впереди, на горизонте, какие-то огни, то вспыхивавшие. то потухавшие. Однако вскоре огни пропали, и Колумба охватила мучительная тоска.

Таким образом корабли продолжали плыть до двух часов утра. Почти никто не смыкал глаз. Вдруг в два часа утра

с «Пинты» раздался пушечный выстрел. Матрос Родриго Триана увидел с мачты «Пинты» очертания берега. Через несколько минут берег стал ясно вырисовываться в пред-

Колумб ночью на корабле видит далеко на горизонте мелькающие огни костров на берегах Нового Света.

утреннем тумане. Паруса на каравеллах тотчас же были убраны, и корабли легли в дрейф, в ожидании утра.

Можно себе представить, что должен был чувствовать в эту минуту Колумб? Он сознавал, что, наконец, несмотря на все опасности, на все препятствия, он совершил свое дело. Великая тайна океана была открыта. Его теория, предмет стольких насмешек со стороны многих ученых, оправдалась.

Колумб, собрав весь экипаж на борт, приветствовал своих спутников.

Колумб увидал в первый раз берег Нового Света утром в пятницу 12-го октября 1492 года. Вместе с первыми лучами солнца на море, недалеко от кораблей, вполне ясно вырисовывался низменный остров. Несколько туземцев, совершенно голых, показались на берегу и смотрели на корабли. В сопровождении Алонзо и Янеца Пинзонов, контролера Родриго, секретаря Десковедо и еще некоторых других, Колумб сел в лодку и поплыл к берегу.

Держа в руке королевское знамя, Колумб торжественно вступил на берег и об'явил его владением короля и королевы Кастильских, назвав его Сан-Сальвадор, что значит Спаситель. Во время этой церемонии дикари острова окружили Колумба и его спутников. Вот как описывает эту сцену первого знакомства с дикарями сам Колумб в своих записках.

«Желая внушить туземцам дружественные чувства к нам, и убежденный, глядя на них, что они скорее доверятся нам и охотнее согласятся принять нашу святую веру, если мы обратимся к ним с кротостью, а не с силой, я велел раздать некоторым из них стеклянные бусы и разные безделушки; они выказали за это такую искреннюю радость и столько благодарности, что мы были поражены. Когда мы от'ехали на корабль, они пустились к нам вплавь и предлагали нам попугаев, клубки ниток, копья и много других вещей. Туземцы были совершенно наги и испещрены красками разных цветов. Цвет самого тела они имели медный... Они были среднего роста, хорошо сложены и большею частью казались около тридцати лет отроду».

Колумб, полагая, что он пристал к одному из островов, лежащих у пределов Индии, назвал туземцев общим именем индейцев. Это название удержалось за туземцами Нового Света и тогда, когда было обнаружено, что открытые Колумбом земли составляют совершенно особый материк.

Христофор Колумб с некоторыми своими спутниками отправился в глубь острова. Весь остров был покрыт великолепным лесом. Многочисленные попугаи с разноцветными перьями перелетали с дерева на дерево. При входе в селения туземцев, все жители, мужчины и женщины, выбегали навстречу белым людям, падали ниц на землю, как бы обоготворяя Колумба и его спутников. У многих дикарей испанцы видели золотые украшения. Колумб стал расспрашивать одного из туземцев, откуда они берут эти вещи, и туземец зна-

ками об'яснил, что, обогнув остров и плывя к югу, он попадет в страну, где золото встречается в изобилии. На другой день, на рассвете, Колумб распорядился плыть к указанной туземцем стране, изобилующей золотом, которая, по мнению Колумба, была не чем иным, как знаменитым островом Ципанго (Япония).

15-го октября, при заходе солнца, флотилия Колумба бросила якорь у западной оконечности другого острова, который Колумб назвал островом Зачатия Девы Марии. Отсюда Колумб направился еще далее на запад и открыл третий остров, названный им в честь короля Фернандиной (современный остров Большая Эксума). Всюду туземцы встречали Колумба приветливо и не производили никаких враждебных действий. Однако и на острове Фернандины испанцы не обнаружили тех богатств, которых они искали. Местные дикари об'ясняли Колумбу, что впереди находится большой остров Самоэту, и поэтому Колумб направился на этот остров. В пятницу ночью, 19-го октября, корабли Колумба пристали к этому острову, который Колумб переименовал в остров Изабеллы, в честь королевы испанской. Туземцы острова Изабеллы сначала разбежались в лес при виде испанцев, но затем постепенно собрались и рассматривали с любопытством никогда невиданных ими белых людей. На расспросы Колумба они об'яснили, что на запад от их острова лежит другой большой остров, называемый ими Куба. Колумб заключил, что этот остров составляет часть королевства Ципанго и не сомневался, что он в скором времени достигнет города Кинсай, или Хан-чу-фу, прежней столицы Китая.

При первом попутном ветре флот Колумба снялся с якоря и снова поплыл на запад. В четверг, 25-го октября, корабли прошли мимо группы из семи островов, а в воскресенье Колумб уже увидел берега острова Кубы. Приближаясь к этому острову, Колумб был поражен его обширностью и красотой, его воздушными горами, которые напомнили ему горы Сицилии. Пристав к острову, Колумб торжественно присоединил этот остров к владениям испанского короля и дал ему название острова Хуана, в честь принца Кастильского.

Высокие пальмовые деревья росли в изобилии на берегах острова, но здешние пальмы были непохожи на африканские и испанские пальмы. Колумб, исследуя побережье острова, встретил две хижины, оставленные устрашенными дикарями: в хижинах Колумб нашел несколько цыновок, сплетенных из волокон пальмовых листьев, деревянные батры,

костяные крючки и некоторые другие рыболовные принадлежности.

Колумб не сомневался, что теперь он достиг материка Азии и находится всего в нескольких десятках милях от Хан-чу-фу. Он так был в этом уверен, что стал готовиться

Открытие Колумбом Нового Света (Снимок со старинной испанской гравюры).

к отправлению посольства китайскому хану. Для этого он избрал одного из своих спутников Родриго Жереса и Люиса Торреса, еврея, который знал по-халдейски и по-арабски. В проводники им были назначены два дикаря—один уроженец острова Сан-Сальвадора, а другой—житель прибрежного селения на Кубе. Посланников снабдили бисерными ожерельями и другими безделушками. Они получили приказание сообщить владетелю страны, что Колумб прислан коро-

лем и королевой Испании для установления дружественных сношений между их державами и привез ему от них письма и подарок, которые вручит лично.

Оставшись ждать возвращения посольства, Колумб занялся исследованием побережья Кубы. Жители мало-по-малу привыкли к белым людям и вступали в обмен с испанцами; они рассказывали Колумбу о какой-то стране Богио, в которой жемчуг и золото имелись в изобилии.

6-го ноября возвратились посланники Колумба. Они рассказали, что, пройдя двенадцать миль они достигли селения, состоящего из пятидесяти домов, выстроенных точно таким же образом, как и хижины на берегу. В селении было не менее тысячи человек жителей. Дикари приняли испанцев с большой торжественностью, они считали их, по всей вероятности, за какие-то сверхестественные существа, целовали им руки и ноги. Никакого китайского хана посланники не встретили. Они не видали ни малейших признаков золота, ни других драгоценных предметов, и когда показали дикарям перец, корицу и другие пряности, то жители знаками об'яснили им, что в их стране нет ничего подобного, но есть очень далеко, на юго-запад.

В этом селении испанские послы Колумба увидали впервые необычайное зрелище: несколько дикарей расхаживали с горячими головнями и какою-то сухой травой в руках; эту траву они свертывали в трубочку, потом один конец зажигали, а другой брали в рот, и начинали втягивать в себя дым травы, который затем они выпускали через нос. Туземцы называли эти скатанные из травы трубочки табак. Испанцы были поражены при виде этого странного удовольствия. Но впоследствие испанские матросы переняли его и привезли обычай курения в Европу. Само растение, которое курили индейцы, испанцы назвали табаком, по имени свертков, и привычка курения табака распространилась во всей Европе.

Колумб направился вдоль берегов Кубы и встретил новый архипелаг островов, который он назвал архипелагом Спасителя. На многочисленных островах этого архипелага по ночам блестели огоньки рыболовов. Неоднократно испанцы высаживались на различных островах и водружали на их берегах кресты в знак взятия во владение.

Из разговоров с туземцами этих островов испанцы узнали о существовании какого-то острова Бабек, изобилующего золотом. Колумб решил отправиться туда. Мартин Алонзо Пинзон, командовавший «Пинтой», обогнал на своем корабле всю флотилию и 21-го ноября, на рассвете, совер-

шенно скрылся из виду. Этот поступок Пинзона сильно огорчил Колумба. Он продолжал исследование берега Кубы. Затем, 5-го декабря, Колумб открыл и самый остров, называвшийся дикарями Богио. Это был остров Гаити или Сан-Доминго. Вечером каравелла «Нинья», по распоряжению Колумба, вошла в гавань, которая была названа портом Богоматери (теперь порт св. Николая на юго-западе Гаити).

На следующий день каравеллы Колумба прошли мимо множества мысов и мимо одного островка, названного Колумбом островом Черепах. Затем Колумб встретил большой остров, растительность которого, равнины и холмы вызвали у Колумба воспоминание о видах Испании, почему он и дал этому острову наименование Испаньолы. Жители этого острова оказались очень боязливыми и недоверчивыми; с ними никак нельзя было установить сношения: при всякой попытке к этому со стороны испанцев дикари быстро убегали в лес.

15-го декабря Колумб отправился дальше, но ветер отнес его снова к острову Черепах. На другой день, лавируя посреди залива, Колумб заметил на море одного индейца на маленьком челноке. Этого индейца матросы Колумба взяли на борт; Колумб осыпал его подарками и затем высадил его в одной гавани острова Испаньолы, которой он дал название гавани Мира. Индеец показал подарки туземцам Испаньолы и говорил им о доброте испанцев. После этого к каравеллам Колумба собралось много дикарей. Явился даже вождь, или к а ц и к, этих дикарей. Колумб приказал оказать кацику почести, как королю; в благодарность за такое обращение, кацик сообщил Колумбу, что на востоке острова есть золото.

На другой день кацик снова явился к Колумбу и предложил в их распоряжение все сокровища своей страны. Колумб пригласил кацика к обеду. После обеда кацик дал Колумбу несколько тоненьких пластинок золота. Колумб, в свою очередь, подарил кацику несколько монет, на которых было изображение Фердинанда и Изабеллы.

На следующий день испанцы, поставив на берегу большой крест, покинули эту гостеприимную страну. Колумб открыл еще несколько островов, и всюду туземцы принимали испанцев за посланников неба и просили их остаться жить среди них. Кацик одного острова—Гуаканагари, властитель провинции Мариен, прислал Колумбу пояс с изображением животного с большими ушами; язык и нос этого животного были сделаны из золота. Когда Колумб расспрашивал туземцев острова о стране, в которой добывается золото, туземцы

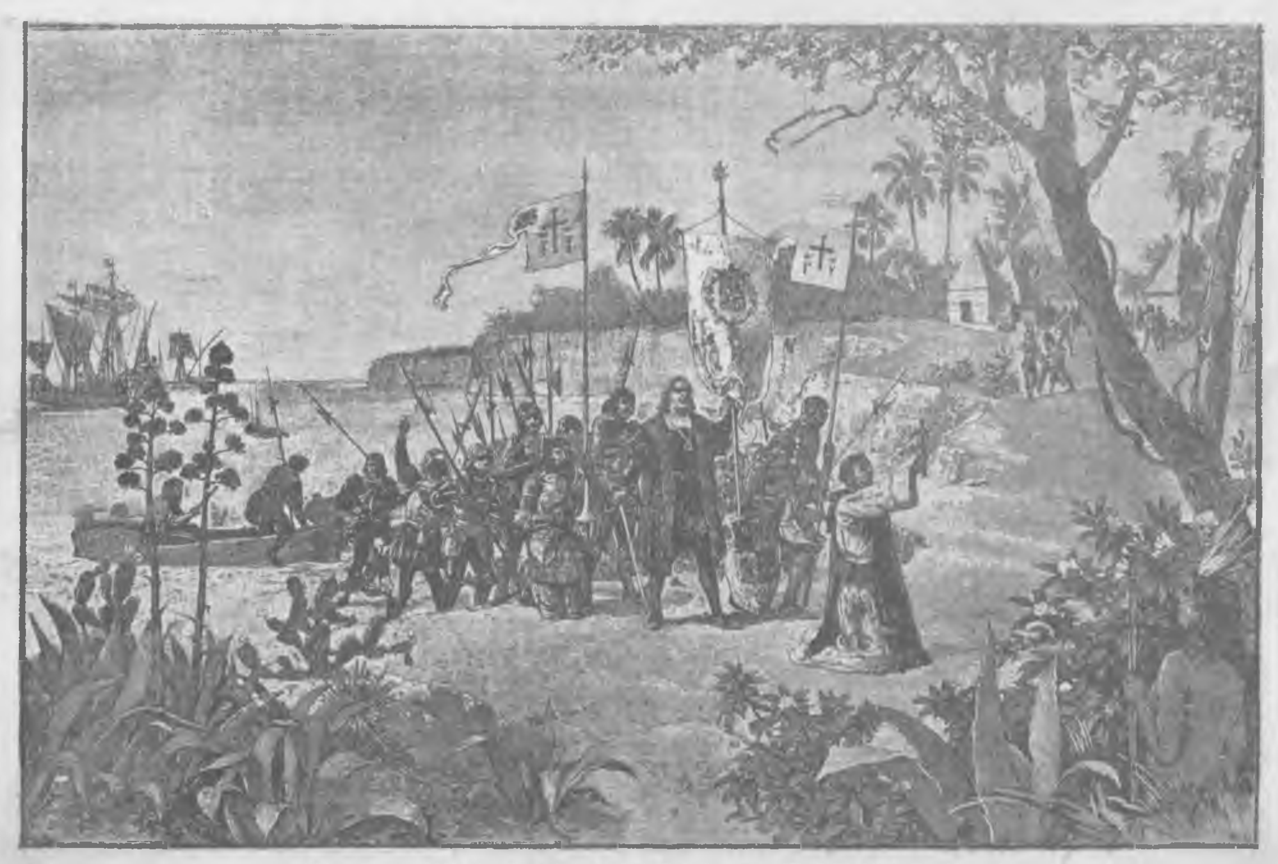
указывали на восток, произнося слово Цибао; Колумб полагал, что туземцы называли так Ципанго, т.-е. Японию.

В день Рождества произошло несчастие с кораблем Колумба. Неискусный рулевой управлял «Санта-Марией» во время плавания из залива Фомы. При наступлении ночи он попал в течение, которое отбросило его к скале. Корабль получил пробоину и затонул своей кормовой частью. Несмотря на то, что Колумб распорядился разгрузить «Санту-Марию», каравеллу не могли снять с мели, и весь экипаж перешел на другой корабль «Нинью». Кацик Гуаканагари, узнав о несчастьи белых людей, явился к Колумбу со своими людьми и предложил свою помощь по перегрузке припасов с «Санта-Марии» на «Нинью». Затем он дал в распоряжение Колумба три хижины для помещения припасов и имущества с «Санта-Марии».

Колумб, тронутый такой дружбой и преданностью, решил основать на этом острове небольшую крепость, в которой оставил несколько своих спутников, так как все матросы с «Санта-Марии» не могли поместиться на «Нинье». Желая укрепить в индейцах веру в могущество белых, Колумб приказал выстрелить в дерево из пушки; выстрел и особенно расщепленное ядром дерево произвели большое впечатление на кацика; он дрожал и боялся шевелиться. Но Колумб об'яснил ему, что он не будет стрелять в индейцев, так как считает их своими друзьями. Тогда кацик сказал, что на их остров иногда приезжают злые людоеды-караибы, которые увозят к себе подданных кацика, и поэтому он просит белого человека защитить его от караибов своим страшным оружием.

Колумб обещал ему свое покровительство и распорядился выстроить на берегу Испаньолы небольшую крепость, в которой он намеревался оставить несколько человек экипажа с «Санта-Марии»; сам же он решил возвратиться поскорее в Испанию, так как у него остался лишь один корабль; в случае аварии с этим кораблем, он был бы отрезан от Европы и его открытие не могло стать известным миру.

Через несколько дней после несчастия с «Санта-Марией» Колумб получил неожиданное утешение. Однажды к месту стоянки Колумба приплыла лодка с индейцами, которые привезли много золотых плиток и просили обменять их на погремушки. Колумб был обрадован этим событием. Кацик Гуаканагари показал знаками Колумбу, что недалеко в горах есть место, где этого металла так много, что на него никто не обращает внимания. Вскоре индейцы стали доставлять ежедневно Колумбу значительное количество золота.

Прибытие Колумба на остров Гуанахани (Сан-Сальвадор).

3-го января 1493 года Колумб решил отправиться в обратный путь. Небольшая крепость была готова, и на ее стенах были поставлены пушки с каравеллы «Санта-Мария»; эту крепость Колумб назвал фортом Навидад, т.-е. фортом Рождества Христова, в память того, что он спасся в этот день от кораблекрушения. Из числа из'явивших желание остаться на острове Колумб выбрал тридцать девять человек лучшего поведения и оставил им всяких припасов более чем на год, рассчитывая через год вернуться на Испаньолу.

Третьего января, после трогательных прощаний с касиком и с новыми поселенцами, Колумб отдал приказ поднять паруса, и «Нинья» оставила гавань. Вскоре Колумб открыл небольшой островок, на котором находилась высокая гора. Этот остров и гору Колумб назвал «Монте-Кристо». Недалеко от Монте-Кристо Колумб увидел в море каравеллу «Пинту». Вскоре капитан «Пинты» направил свою каравеллу к «Нинье» и стал оправдываться перед Колумбом за свою отлучку, уверяя, что эта отлучка была невольная. На самом же деле Пинзон ушел от Колумба вперед лишь для того, чтобы скорее попасть на тот остров, на котором, по словам индейцев, находилось в изобилии золото.

Седьмого января была сделана остановка с целью исправить течь, появившуюся на «Нинье». Колумб воспользовался этой остановкой, чтобы исследовать широкую реку, протекавшую на Монте-Кристо. В этой реке Колумб нашел золотые песчинки, почему и дал ей название «Золотой Реки». Колумб хотел было сделать еще некоторые исследования, но экипажи кораблей открыто высказывали свое недовольство и требовали, чтобы Колумб ехал в Испанию.

16-го января скрылся из вида последний мыс Испаньолы, и обе каравеллы направились на восток. Переезд по океану совершался быстро. Но 12-го февраля, когда Колумб уже думал скоро увидеть берега Испании, на океане разразилась сильнейшая буря. Эта буря продолжалась целых три дня, буря раз'единила оба корабля и унесла «Пинту» далеко на север. Колумб, оставшись на небольшой «Нинье», ожидал неминуемой гибели. Он написал свое завещание, изложил кратко свои открытия, и все эти бумаги завернул в непромокаемую клеенку, затем положил пакет в дубовый боченок и бросил его в море. В боченок Колумб вложил еще письмо, прося нашедшего доставить пакет королю Испании.

15-го февраля по-утру буря стала утихать, и сторожевой матрос закричал сверху большой мачты: «Земля!» Восторг экипажа при вести о прибытии к Старому Свету равнялся,

быть может, только тому, который был обнаружен при виде Нового Света четыре месяца перед этим. Вскоре остров стал ближе; это оказался один из островов Азорской группы; весь экипаж уже поздравлял друг друга с избавлением, как вдруг ветер опять повернул с северо-востока и начал относить «Нинью» от острова. Каравелла целых два дня не могла пристать к острову. Наконец, 17-го февраля Колумб бросил якорь и отправил шлюпку на берег, чтобы узнать, к какой земле пристала каравелла. Остров этот был «Св. Мария», самый южный из Азорских островов. Этот остров принадлежал португальцам.

На другой день Колумб отпустил на берег половину всех матросов. Но встреча, которая ожидала измученных мореплавателей, была совершенно не похожа на тот трогательный и дружелюбный прием, который оказали им дикари Нового Света. На берег явился губернатор острова с отрядом солдат и забрал всех испанцев в плен. Только после настойчивых требований Колумба его матросы были освобождены—через пять дней.

23-го февраля Колумб отправился в Испанию. Но на пути от Азорских островов каравеллу снова захватила буря, и только 4-го марта измученные мореплаватели увидали перед собою берега какой-то земли. Колумб узнал, что его каравелла находится против Чинтры, у берегов Португалии. Таким образом, буря пронесла каравеллу мимо берегов Испании. Около трех часов дня Колумб бросил якорь против города Растелло.

Португальцы оказали Колумбу хороший прием. Сам король пригласил Колумба к себе и, выслушав его подробно о вновь открытых странах, высказал предположение—не принадлежат ли в сущности вновь открытые земли португальской короне, в силу договора 1479 г. с королем и королевой Кастилии. Советники короля предлагали королю не выпускать Колумба из Португалии. Однако, король португальский не решился прибегнуть к такой мере и считал своей священной обязанностью не лишать свободы всякого чужестранца, принужденного судьбою искать убежища в португальских гаванях.

Таким образом Колумбу удалось свободно отплыть из Лиссабона 13-го марта. 15-го марта, ранним утром. каравелла «Нинья» прибыла к Сальтской косе, а в полдень того же дня вошла в гавань Палоса, из которой Колумб отправился третьего августа предшествующего года. Таким образом Колумб пробыл в путешествии семь месяцев и двенадцать дней.

Все жители вышли на набережную приветствовать Колумба. Город принял праздничный вид. Жители Палоса счи-

тали Колумба и его спутников давно погибшими и поэтому были сильно поражены его возвращением. В торжественной процессии Колумб направился в городской собор. Узнав, что королевский двор находился в это время в Барцелоне, Колумб хотел было немедленно отправиться на своей каравелле морем в Барцелону. Но, подумав об опасностях, которым он уже так долго подвергался, Колумб решил отправиться в Барцелону по суше. Он захватил с собою золото, привезенное из Нового Света, и шестерых индейцев, привезенных им с Испаньолы.

Вечером того же 15-го марта, в Палос пришла и вторая каравелла «Пинта», под начальством Мартина Алонзо Пинзона. Разлучась с Колумбом во время бури, Пинзон был унесен в Бискайский залив, где и пристал к Байонне. Оттуда Пинзон послал королю известие о своем открытии новых земель, так как он предполагал, что корабль Колумба погиб в океане. Но, входя в гавань Палоса, он был жестоко разочарован, увидев здесь «Нинью». Боясь Колумба, Пинзон тайно прибыл на берег и скрывался до тех пор, пока Колумб не уехал к королю, тогда он явился домой и через несколько дней умер.

Путь Колумба из Палоса в Барцелону представлял собою триумфальное шествие. Всюду в городах уже знали об открытии Колумба, и народ целыми толпами встречал счастливого мореплавателя, рассматривая краснокожих дикарей. В Барцелоне Колумбу был сделан великолепный прием, и он был встречен еще за городом депутацией знатных граждан. Король и королева ожидали Колумба во дворце, где были поставлены под балдахинами королевские кресла. Колумб вошел в Барцелону, окруженный своими спутниками и индейцами, впереди его несли живых попугаев разных пород, редкие растения, затем короны, золотые браслеты, золотые украшения, вымененные у индейцев, и все, что могло дать понятие о богатстве новооткрытых стран. Наконец, Колумб приблизился ко дворцу и вошел в громадную залу в сопровождении блестящей свиты рыцарей. «Он выделялся между ними,—говорит историк Лас-Казас,—высоким ростом, величавой осанкой и сединами, которые украшали его почтенное чело: все это вместе взятое придавало Колумбу величественную наружность римского сенатора».

Колумб изложил королю и королеве свое путешествие и описал открытые им острова; потом он показал им индейцев, неизвестные породы птиц и животных, редкие растения, золото в песке, в слитках и в украшениях. Король и королева выслушали Колумба с величайшим вниманием.

По окончании приема Колумб сказал, что его открытие только начало, только приступ к открытиям, несравненно важнейшим; тут же он подтвердил королю и королеве свой

Epistola Christofori Colom: cui etas nostra multū debet: de
Insulis Indie supra Gangem nuper inuētis. Ad quas pergrenn-
das octauo antea mense auspiciis et ere inuictissemorum Fernādi et
Helisabet Hispaniarum Regū missus fuerat: ad magnificum dn̄m
Gabrielem Sanchis eorundē serenissimorum Regum Tesaurariū
missa: quā nobilis ac litteratus vir Leander de Cosco ab Hispa-
no idiomate in latinum cōuertit tertio kal's Maii. M.cccc.xciii
Pontificatus Alexandri Sexti Anno primo.

Quoniam suscepte prouintie rem perfectam me consecutum
fuisse gratum tibi fore scio: has constitui exarare: que te
uniuscuiusque rei in hoc nostro itinere geste inuenteque ad-
moneant: Tricesimotertio die postquam Gadibus discessi in mare
Indicū perueni: vbi plurimas insulas innumeris habitatas ho-
minibus repperi: quarum omnium pro felicissimo Rege nostro
preconio celebrato et vexillis extensis contradicente nemine pos-
sessionem accepi: primeque earum diui Saluatoris nomen impo-
sui: cuius fretus auxilio tam ad hanc quam ad ceteras alias perue-
nimus. Eam hō Indi Guanahanin vocant. Aliarū etiam vnam
quanque nouo nomine nuncupaui: quippe aliā insulam Sancte
Marie Conceptionis. aliam Fernandinam. aliam Hysabellam.
aliam Joanam. et sic de reliquis appellari iussi. Cum primum in
eam insulam quam dudum Joanam vocari dixi appulimus: iu-
xta eius littus occidentem versus aliquantulum processi: tamque
eam magnam nullo reperto fine inueni: vt non insulā: sed conti-
nentem Chatai prouinciam esse crediderim: nulla tn̄ videns op-
pida municipiaue in maritimis sita confinibus preter aliquos vi-
cos et predia rustica: cum quorum incolis loqui nequibam. quare si-
mul ac nos videbant surripiebant fugam. Progrediebar vltra
existimans aliquā me vrbem villasue inuenturū. Denique videns
quod longe admodum progressis nihil noui emergebat: et hmōi via
nos ad Septentrionem deferebat: quod ipse fugere exoptabā: terris
etenim regnabat bruma: ad Austrumque erat in voto cōtendere:

Первая страница первого письма Колумба об открытии Нового Света. Латинское издание 1493 года. С копии Барлоу, хранящейся в Бостонской публичной библиотеке.

давний обет, что свою часть дохода от новых земель он посвящает на дело освобождения гроба господня в Иерусалиме из рук магометан.

Торжество Колумба было полным, и теперь перед ним заискивали и искали его дружбы даже те, кто еще недавно

осмеивал его и называл сумасшедшим. Сам кардинал Испании, всесильный Педро Гонзалес Мендоза, пригласил Колумба к себе на обед и приказал оказывать ему почести, как королю. Говорят, что во время этого обеда и произошел случай, о котором рассказывается в известном анекдоте о Колумбовом яйце. Один из приглашенных к обеду, завидуя славе Колумба, спросил его довольно грубо: «Не думает ли адмирал, что если бы он не открыл новые страны, то не нашлось бы человека, способного выполнить это». Колумб, как рассказывают, не дал прямого ответа на вопрос, но взял яйцо, бывшее на столе, и просил присутствующих поставить это яйцо на острый конец. Все по очереди пробовали установить яйцо на столе, но никому не удавалось. Когда все в один голос заявили Колумбу, что эта задача невыполнима, Колумб, взяв яйцо, ударил его концом об стол и таким образом установил его на разбитом конце. Когда Колумбу стали возражать, что так каждый сумеет сделать, то Колумб с улыбкой заметил: «Но ведь никто из вас сейчас этого не догадался сделать!» Этим примером Колумб хотел показать, что после его открытия Нового Света нет-ничего проще, как следовать по его пути. Но никто до него «не догадался» сделать это открытие.

Этот анекдот, приведенный впервые в книге итальянского историка Бенцони (книга Бенцони была издана в Венеции в 1572 г.), показывает находчивость Колумба и характеризует его практический ум.

III.

Второе путешествие Колумба в Новый Свет.—Открытие Ямайки.—Происки врагов Колумба. — От'езд Колумба обратно в Испанию.—Прибытие его в Кадикс.

Рассказы о приключениях генуэзского мореплавателя взволновали всю Европу. Король Португалии, которому Колумб предлагал первому свой план, был страшно недоволен успехом предприятия Колумба, так как благодаря этому открытию значительно возрастали сила и слава Испании. Едва только Колумб покинул 13-го марта Лиссабон, король Иоанн II созвал государственный совет, на котором было решено немедленно снарядить эскадру, чтобы воспрепятствовать испанским кораблям плавать в новые страны. В это же время король Испании просил у папы признания права вла-

дения за Кастильской короной на все земли и острова в западной части Атлантического океана.

Дабы предупредить всякие споры между Португалией и Испанией по поводу новых земель, папа Александр издал 4-го мая 1493 года буллу, согласно, которой «все области, острова или материки на запад от меридиана, проходящего на расстоянии ста испанских миль от Азорских островов или островов Зеленого Мыса, составляют собственность Кастилии, а земли на восток от этой линии—принадлежат Португалии». Таким образом эта булла разделила весь земной шар на две половины и дала одну половину Испании, а другую Португалии.

Чтобы укрепить за собою новые земли за океаном, король Испании приказал Колумбу снарядить новую экспедицию в Новый Свет. Колумб деятельно принялся за дело и к сентябрю 1493 года снарядил три больших корабля и четырнадцать каравелл. Он набрал с собою тысячу двести человек спутников, желавших увидать чудесные страны и даже остаться там. Колумб взял с собою лошадей, коров, много всякого оружия и орудий, зерновых хлебов,—словом всего, что необходимо для образования большой колонии. Из десяти привезенных в Европу индейцев пятеро возвращались с Колумбом на родину. Остальные трое были больны, а двое умерли.

Христофор Колумб был назначен главным начальником эскадры. 25-го сентября 1493 года семнадцать кораблей подняли паруса и при восторженных криках бесчисленной толпы народа вышли из гавани Кадикса. После двадцатитрехдневного плавания при благоприятном ветре и хорошей погоде Христофор Колумб увидал новые земли.

Третьего ноября, в воскресенье, при восходе солнца, кормчий адмиральского корабля «Маригалантэ» закричал: «Хорошие вести! Земля!»

Это был лесистый остров. Колумб прошел мимо него и еще нескольких небольших островов, и скоро увидел на горизонте другой большой остров. Первому острову он дал название Доминика, а второму Маригалантэ. Эти названия удержались и до нашего времени. На третий день плавания Колумб открыл третий большой остров. Когда испанцы под'ехали к этому острову, то Колумб узнал, что это остров диких людоедов или караибов, о которых он слышал от индейцев Испаньолы.

Отряд вооруженных испанцев, сойдя на берег, увидал селение из тридцати деревянных хижин круглой формы, покрытых пальмовыми ветвями. Внутри хижин были подве-

шены плетеные постели, которые индейцы Испаньолы называли гамаками. При приближении испанцев дикари разбежались и скрылись в лес. Матросы нашли в жилищах много человеческих костей, ног и рук, свежесрезанные головы. Остров этот Колумб назвал Гваделупой, вследствие сходства его с одной провинцией в Эстремадуре.

Восьмого ноября Колумб отдал приказ плыть дальше и направился со всей своей эскадрой к острову Испаньоле, где он оставил в первое свое путешествие тридцать девять человек в форте Навидад. Поднявшись к северу, Колумб открыл еще несколько новых островов, которым дал названия: Монсерат, Санта Мария де Ротонда, св. Мартина и св. Креста.

В пятницу 22-го ноября Колумб, наконец, увидел Испаньолу и приблизился к тому месту, где был построен форт Навидад. 27-го ноября, вечером, флот Колумба вошел в порт Навидад; но благодаря темноте Колумб не решился войти в гавань и бросил якорь на расстоянии одной мили от берега. В это время уже так стемнело, что на берегу ничего не было видно. Колумб, чтобы известить о своем приходе, приказал сделать два пушечных выстрела. Береговое эхо повторило звук; но крепостные батареи молчали. Колумб сильно взволновался и с нетерпением ждал рассвета, чтобы попасть на берег и узнать, что сталось с его прежними спутниками.

Около полуночи к флотилии под'ехали на челноке несколько дикарей; один из них повторял слово «адмирал», «адмирал»; их проводили к кораблю Колумба, и когда Колумб вышел на палубу, то увидал родственника кацика Гуаканагари; он привез Колумбу от Гуаканагари две маски, украшенные золотом. Первый вопрос Колумба был об испанцах, оставленных им на острове. Из сбивчивых речей дикарей можно было заключить, что многие испанцы умерли от болезней, а остальные удалились в другую часть острова, куда увели с собою много женщин. Родственник Гуаканагари также сказал, что недавно на остров сделал нападение Коанабо, свирепый кацик золотых гор Цибао, ранил самого Гуаканагари в бою и сжег его селение.

Из слов посланных Колумб заключил, что несколько человек из гарнизона живы и, без сомнения, узнав о приезде Колумба, поспешат явиться к нему и расскажут, что произошло за время его отсутствия. Но когда настал день, Колумба ждало разочарование. На берегу не было видно форта, и когда матросы, сошли на берег, то они увидели здесь одни развалины; кое-где виднелись разбитые сундуки и клочки одежды

испанцев. Колумб осмотрел развалины форта и приказал хорошенько осмотреть все окрестности. На некотором расстоянии от форта матросы натолкнулись на могилы, в которых нашли тела одиннадцати человек и по одежде узнали в них своих товарищей.

Среди дня на берегу начали показываться индейцы, но все они робко держались в некотором отдалении и обнаруживали сильную боязнь. Однако, при помощи дружелюбных знаков, Колумбу удалось их успокоить, и некоторые подошли к нему. Многие индейцы уже знали кое-какие испанские слова и имена всех людей, оставленных Колумбом. Они рассказали Колумбу о судьбе форта Навидад и о спутниках Колумба. По их словам, после от'езда Колумба среди испанцев начались ссоры, и часть гарнизона ушла в горы, на поиски золота. Там на них напал Коанабо, вождь караибов, который затем ночью сделал нападение и на форт, где перебил всех испанцев. После этого Колумб послал отряд для отыскания кацика Гуаканагари; его нашли в одном селении, больным: он сказал, что не может вставать, так как, защищая испанцев от Коанабо, получил рану в бою.

Через несколько дней Колумб сам навестил Гуаканагари и после его рассказа поверил его словам; однако, многие из спутников Колумба подозревали, что в уничтожении испанцев принимали участие и индейцы Гуанакагари. Как бы то ни было, между индейцами и испанцами уже не стало с этого времени тех хороших отношений, какие были раньше.

Несмотря на неудачу первой попытки, Колумб, тем не менее, решил основать колонию на Испаньоле. Дикари снова приносили Колумбу золото и обменивали его на погремушки, бусы и другие предметы. Многие из дикарей говорили о Цибао, где находилось много золота. Колумб послал Алонзо Гойеда и Карвалана с большим отрядом исследовать остров и отыскать местность Цибао. Эта экспедиция открыла на острове четыре реки с золотоносными песками и привезла самородок золота в девять унций весом.

Колумб, при виде этого золотого слитка, был убежден, что остров Испаньола и есть тот знаменитый Офир, страна золота, о которой говорится в библии. Он начал искать место для основания города и при устье одной реки в день Крещения Колумб заложил город, которому дал наименование Изабеллы, в честь королевы Кастильской. Вскоре после этого Колумб решил послать королю отчет о своем путешествии и, нагрузив двенадцать каравелл золотом и различными произведениями

страны, отправил этот флот под начальством Торреса в Испанию.

Как только в новом городе были построены жилища, Колумб, оставив здесь губернатором брата своего Диэго, отправился сам с пятьюстами человек в область Цибао, чтобы самому лично увидеть золотые рудники. Страна, по которой проходил Колумб, была крайне плодородна, различные ценные растения встречались на каждом шагу. Прибыв в область Цибао, Колумб приказал построить на холме форт из камня, окружил его глубоким рвом и назвал его фортом Св. Фомы, потому что некоторые офицеры, сопровождавшие Колумба, сомневались в существовании здесь золотых залежей. Однако, их сомнение было неосновательно. Вскоре многочисленные толпы дикарей начали приносить Колумбу золотые самородки и золотой песок и обменивали их на бусы и на бубенчики, серебристый звук которых страшно радовал индейцев. Эта страна была не только страною золота, но и страною благовонных веществ, а деревья, производившие их, составляли здесь целые леса.

Оставив в форте Св. Фомы пятьдесят шесть человек под начальством Педро де-Маргарита, Христофор Колумб в начале апреля отправился обратно в Изабеллу. При своем прибытии в Изабеллу он нашел здесь беспорядки: в колонии не было муки, так как солдаты и матросы не успели построить мельницу; все рабочие были сильно изнурены работой, но знатные гидальго и духовные лица не хотели оказать им помощи. Учредив в Изабелле совет из трех рыцарей и главного миссионера-священника под председательством Диего Колумба, Христофор Колумб отправился 24-го апреля в дальнейшее путешествие.

От Испаньолы он направился к югу, где вскоре открыл остров, который туземцы называли Ямайкой. Жители этого острова встретили Колумба очень недружелюбно и пробовали воспрепятствовать высадке испанцев. Однако, испанцы устрашили дикарей ружейными выстрелами, и скоро индейцы заключили с Колумбом мир.

Из Ямайки Колумб направился на запад. Он предполагал, что находится недалеко от Херсонеса, где древние греки предполагали местонахождение золотых россыпей. Сильные течения отбросили флотилию Колумба к острову Кубе, берег которого он исследовал на протяжении двухсот двадцати миль. Здесь он открыл более семисот островков.

В первых числах июня Колумб вынужден был сделать остановку в бухте одного островка, чтобы починить свои ко

рабли. Старый кацик, вождь индейцев этого острова, поднес Колумбу несколько фруктов и произнес речь, которую переводчики индейцы перевели так:

«Что ты делал теперь, то хорошо; мне передавали, что ты недавно прибыл в наши страны с большими силами и покорил много земель, и распространил великий ужас между жителями. Но не возгордись! Знай, что для души, когда она отделяется от тела, открыты две дороги: один путь ведет к печальному, нечистому и покрытому тьмою месту, приготовленному для тех, кто был в жизни несправедлив и жесток против подобных себе; другой путь ведет к месту света и радости, которое предназначено в удел тем, которые содержали мир на земле. Итак, если ты смертен, если готовишься умереть и веришь, что всякий получит воздаяние по делам своим,—старайся не наносить притеснений никому и не делать зла тем, кто не делает его тебе».

Колумб был растроган речью старого дикаря и велел ему об'яснить, что он, Колумб, послан своими государями для того, чтобы наставить народы в истинной вере, защищать их против всякой несправедливости и обиды и наказать страшных людоедов караибов; так что всем мирным жителям нечего бояться белых людей.

Эти слова очень обрадовали старого кацика, и он рассказал Колумбу о жизни и порядках своего племени. Земля у этих индейцев была, так же как свет, воздух и вода, общая. Мое и твое—эта причина всяких раздоров—среди них не было известно. «Они живут, как в золотом веке,—говорит Колумб в своих записках,—они не окружают своих владений и жилищ рвами, не строят заборов; сады у них открыты для всех; в стране нет ни законов, ни книг, ни судей; справедливые по своей природе, они считают дурным и несправедливым того, кто причиняет обиды другим».

Кацик был крайне поражен тем, что Колумб, которого он почитал самым великим и могущественным человеком на земле, был не более как простой подданный. Удивление его возросло еще больше, когда переводчик, бывший в Испании индеец с Испаньолы, стал ему рассказывать обо всех чудесах, какие он видел в Испании. Престарелый кацик просил Колумба взять его с собою, но Колумб, не желая подвергать его опасностям дальнего плавания, ответил, что он еще долго не поедет в Испанию.

Между тем в Испании многие недоброжелатели и враги Колумба говорили королю, что Колумб хочет захватить все новые земли себе и стремится сделаться независимым королем.

Офицеры, которых Колумб посылал с донесениями к королю в Испанию, обвиняли его в жестокости и несправедливости. Фердинанд, под влиянием этих наветов, послал в Испаньолу комиссара, Хуана Агуадо, расследовать дело. Комиссар этот оказался на стороне врагов Колумба и отправился на Испаньолу с предубеждением против Колумба.

Хуан Агуадо, прибыв в Изабеллу во время отсутствия Колумба, отнесся крайне высокомерно к брату Христофора Колумба, Диэго, губернатору Изабеллы. Не дожидаясь Колумба, Хуан Агуадо, собрал поспешно сведения и хотел было ехать обратно в Испанию. Но во время бури его корабли разбились о прибрежные утесы, и он вынужден был дожидаться возвращения в Изабеллу флотилии Колумба. Когда Колумб возвратился и узнал, в чем дело, он предложил Агуадо одну свою каравеллу, а на другой отправился в Испанию сам, чтобы оправдаться перед королем.

Колумб отплыл 10-го марта 1496 г. из Испаньолы, а 11-го июня благополучно прибыл в гавань Кадикса. Здесь он встретил три каравеллы под начальством Педро Алонзо Нино, готовые отплыть в Испаньолу с разными припасами. Колумб получил от Нино королевские письма, из которых было видно, что король и королева относятся к Колумбу по-прежнему благосклонно. Эти письма ободрили Колумба, и, отправив Нино в Испаньолу, Колумб, взяв с собою нескольких индейцев, большое количество золота и разных вещей с Испаньолы, направился в Бургос. Второе прибытие Колумба не было сопровождаемо такой торжественностью, как первое его прибытие из Нового Света, и сам Колумб носил в это время скромную одежду, похожую покроем и цветом материи на одежду францисканских монахов, подпоясывался веревкой и отрастил себе бороду.

Однако прием, оказанный Колумбу государями, был совсем не такой, как он ожидал: они приняли его довольно хорошо и ни слова не упомянули о доносах и жалобах на него. Ободренный участием, с каким слушали король и королева его рассказы о последнем путешествии вдоль берега Кубы и об открытии новых местонахождений золота, Колумб предложил королю снарядить новую экспедицию, в которую обещал сделать открытия еще более обширные и доставить в их владение богатый и прекрасный материк, началом которого Колумб считал Кубу. Для этого он просил восемь кораблей, с тем, чтобы два из них были отправлены в Испаньолу с припасами, а прочие шесть поступили бы под его начальство для исследования новых земель. Король и королева согласились

на предложение Колумба, однако война Испании с Францией, происходившая в то время, не дала возможности Колумбу скоро отправиться в третье свое путешествие за океан. Только с наступлением весны 1497 года, несмотря на противодействие делу Колумба председателя Совета Западной Индии, кардинала Фонсека, тайного врага Колумба, Фердинанд дал распоряжение снарядить шесть кораблей для Колумба, и дал ему сорок всадников, сто пехотинцев, шестьдесят матросов, двадцать рудокопов, пятьдесят земледельцев, двадцать ремесленников, тридцать женщин, докторов и даже музыкантов для заселения новооткрытых земель.

IV.

Третье путешествие Колумба.—Открытие острова св. Троицы (Тринидада).—Американский берег Венецуэлы.—Жизнь на острове Испаньолы в отсутствие Колумба.—Волнения в колонии.—Жалобы в Испанию.—Бобадилья посылается королем для следствия над Колумбом.—Колумб, закованный в цепи, в сопровождении своих двух братьев приезжает в Испанию.—Свидание Колумба с Фердинандом и Изабеллой.

Колумб отправился в свое третье путешествие за океан 30-го мая 1498 года из порта Сан-Лукар-де-Баррамеда. Отправляясь в это путешествие, Колумб чувствовал себя плохо от всех пережитых им неприятностей и, кроме того, сильно страдал от ревматизма. Но ни болезнь, ни усталость, ни человеческая несправедливость не могли сломить его энергии. Колумб еще до своего от'езда узнал, что в открытом море у мыса Св. Винцента его ожидает французский флот с целью захватить его эскадру в плен. Чтобы избежать этого, Колумб направился к острову Мадере, откуда он послал три каравеллы с припасами на Испаньолу, сам же с тремя другими каравеллами повернул к югу, намереваясь пересечь экватор и открыть новые страны южнее.

27-го июня маленькая флотилия Колумба прибыла к островам Сель и Сант-Яго, составляющим часть архипелага Зеленого Мыса. 4-го июля Колумб отплыл далее на юго-запад и плыл в течение трех недель, не встретив ни одного острова. 31-го июля на судах оставалось только по одному боченку воды, и Колумб находился в сильном беспокойстве, как около полудня матрос, по имени Алонзо Перец, увидал с мачты вершины трех гор, возвышавшиеся на горизонте, и закричал:

«Земля!» Колумб еще перед этим дал обещание назвать первую встреченную им землю в честь св. Троицы: увидав же перед собою три вершины одной горы, он был сильно поражен этим и принял это за предзнаменование свыше. Название острова св. Троицы (по-испански Тринидад). данное Колумбом этому острову, удержалось и до наших дней. Этот остров находится недалеко от северо-восточной оконечности материка Южной Америки.

Колумб ожидал, что с приближением к экватору он будет встречать лишь сухие и бесплодные страны, между тем его глазам представилась совершенно иная картина, когда он под'ехал близко к берегу острова. Весь остров был покрыт прекрасными пальмовыми лесами, в тени которых струились источники и ключи прозрачной воды. Берега острова были низменны и необитаемы; но вдали возвышались холмы, оживленные деревушками и покрытые возделанными полями. На другой день, 1-го августа, каравеллы Колумба остановились близ мыса Алькотраца, и Колумб послал нескольких матросов на берег, чтобы сделать запасы воды и дров.

2-го августа к каравеллам приблизилась большая лодка с двадцатью четырьмя туземцами. Эти индейцы были хорошо сложены и обладали более белым цветом кожи, чем дикари Испаньолы: на голове они носили хлопчатобумажные тюрбаны ярких цветов, а вокруг тела маленькие юбочки из такой же материи. Испанцы пробовали привлечь индейцев на борт, соблазняя их зеркалами и другими стеклянными безделушками; чтобы внушить им больше доверия, матросы стали плясать под звуки барабана; но индейцы, испуганные этими звуками, ответили градом стрел и быстро удалились на своей лодке от корабля.

Сделав запас пресной воды, Колумб снова отправился в плавание и вскоре открыл новый остров, которому он дал название Грация. Но то, что Колумб принял за остров, был в действительности американский берег, и именно та часть Венецуэлы, которая составляет устье реки Ориноко. Таким образом 1-го августа 1498 г. Колумб увидал впервые берега нового материка, который составлял предмет его горячих желаний. Но он не подозревал этого и решил повернуть к северу, тем более, что между этим берегом материка и островом Тринидадом море образует опасный залив Париа, в котором корабли вынуждены были бороться с сильными течениями. В письме к королю и королеве Колумб так описывает огромные волны, проходящие здесь:

«В час ночи, стоя на палубе, я услышал нечто вроде ужасного рева: я старался проникнуть своим взором во мрак ночи и вдруг увидел перед собою огромную водную массу, величною с целый холм и вышиною с корабль; эта масса надвигалась с юга на наши корабли. Навстречу этой водяной горе стремилось другое течение с страшным шумом. Я не сомневался, что мы будем поглощены, и еще теперь я испытываю при воспоминании об этом мучительный трепет. К счастью, течение и водяная гора прошли мимо и направились к устью канала, где после долгой борьбы, медленно утихли».

Спеша удалиться от этого опасного места, Колумб послал на другой день несколько шлюпок измерить глубину залива и узнать, могут ли суда пройти через него к северу. Матросы, возвратившись, донесли, что пролив имеет несколько саженей глубины и имеет выход. Пользуясь благоприятным ветром, Колумб тотчас же приказал поднять паруса и вышел в море.

Расстроенное здоровье Колумба и ослабевшее зрение требовали покоя, и поэтому Колумб решил не производить в этой области океана дальнейших исследований, а направился к Испаньоле. Он стал подвигаться вдоль берега Венецуэлы и входил в частые сношения с индейцами. Здешние индейцы отличались прекрасным телосложением и приятною наружностью; они жили в хижинах довольно удобных, и у них встречались грубые материи. Что касается местности, то она была очень красива; здесь всюду встречались реки, горы, громадные леса. Вследствие этого Колумб и дал название этой области—Грациа. Он предполагал, что эта страна была колыбелью человечества и что здесь некогда был земной рай, в котором жили Адам и Ева.

23-го августа, преодолев с большим трудом течение пролива, Колумб вышел из залива Париа через узкий проход, названный им «Пастью Дракона»,—название, сохранившееся и до нашего времени. Выйдя в открытое море, Колумб открыл остров Табаго, лежащий на северо-восток от острова Тринидада и, несколько севернее, остров Консепсион, нынешнюю Гренаду. Отсюда он повернул к юго-западу и вернулся к берегу материка. Следуя вдоль его, он открыл очень населенный остров Маргариту, и, немного дальше, остров Кубачу, лежащий около самого материка.

После пятидневного плавания в северо-западном направлении на горизонте появилась Испаньола. 30-го августа флот Колумба прибыл в устье реки Оземы, и брат, его Барто

ломей, губернатор Испаньолы, выехал ему навстречу. По приезде на остров Колумб походил более на тень, чем на самого себя. Долгие годы путешествий, страдания и удары судьбы подорвали, в конце концов, его физические силы, несмотря на хорошее от природы здоровье. В это последнее путешествие, Колумб, мучимый ревматизмом, лихорадкой и болезнью глаз, не оставлял ни на один час своего поста и командовал лично флотом. Прибыв в Испаньолу, он был бледен, изможден и почти слеп; но он все еще не переставал мечтать о новых открытиях.

Еще до своего от'езда из Испаньолы в Испанию Колумб уполномочил своего брата основать на Испаньоле другой город, кроме Изабеллы. С этою целью Бартоломей Колумб об'ехал различные части острова и, найдя в пятидесяти милях от Изабеллы прекрасную гавань у устья большой реки, основал здесь город, названный впоследствии Сан-Доминго. Этот новый город Бартоломей назначил своей резиденцией, в то время как его брат Диэго оставался губернатором Изабеллы. Таким образом оба брата Колумба сосредоточили в своих руках все управление колонией. Но с течением времени управление становилось все труднее и труднее; припасы, присланные из Испании, мало-по-малу истощались, но большинство испанцев не хотело работать, а требовало выдачи пайка. После от'езда Бартоломея Колумба для исследования Испаньолы один испанец, Франциско Рольдан, составил заговор против Колумбов, рассчитывая, что Христофор, уехавший в Испанию, впал в немилость у короля и больше не вернется в Испаньолу. Рольдан вступил в тесный союз с кациком караибов, братом увезенного в Испанию Колумбом кацика Коанабо. Под влиянием Рольдана многие индейцы подняли восстание; среди испанцев также начиналось брожение, так как припасы приходили к концу, а из Испании не было никаких известий.

В эту критическую минуту, когда недовольство грозило охватить всю колонию, Бартоломей Колумб получил известие о прибытии в Сан-Домингский порт Фернандеса Коронеля с двумя кораблями, нагруженными припасами.

Корабли Коронеля прибыли в Испаньолу 3-го февраля 1498 года. Это было спасением для колонии.

Рольдан и несколько зачинщиков бежали в другую область острова и там начали склонять туземцев к восстанию. В это время к тому месту, где находился Рольдан и его сообщники, пристали три каравеллы, посланные Колумбом на Испаньолу. Рольдан явился на эти три каравеллы и об'явил

себя начальником всего острова, требуя выдачи припасов и оружия, посланных Колумбом. Капитаны каравелл, не зная ничего о происходящем на острове, поверили Рольдану и дали ему часть оружия и припасов. Рольдан, получив подкрепление, грозил итти на Сан-Доминго и Изабеллу.

В этот момент на остров прибыл и Христофор Колумб из своего путешествия. Колумб обещал Рольдану и его сообщникам прощение, если они раскаются в своих проступках, но Рольдан с презрением отверг предложенное ему прощение и намекнул, что участь самого Колумба находится в его руках. Когда Колумбу передали этот ответ Рольдана, то он решил наказать непокорных и хотел было послать против них отряд войска. Но большинство солдат отказалось итти против Рольдана, ссылаясь, что в его отряде находятся их родные, братья и товарищи.

Между тем дела Колумба в Европе принимали дурной оборот. Враги Колумба стали говорить королю, что Колумб намеревается расторгнуть свой договор с Испанией, об'явить себя независимым владетелем открытых им земель, или передать их во власть какой-нибудь другой державы. Эта клевета, несмотря на свою явную нелепость, не могла не произвести сильного впечатления на подозрительного короля Фердинанда. Несколько времени, однако, король не предпринимал ничего против Колумба, потому что усилия врагов Колумба ослаблялись до некоторой степени его донесениями, где он писал искренно и правдиво обо всем, что происходило на Испаньоле.

Но беспрерывно повторяемая клевета, разочарование Фердинанда в богатствах Нового Света, так как доход из Испаньолы не покрывал расходов по отправке туда припасов и кораблей,—все это посеяло в душе Фердинанда сомнения и заставляло думать, что Колумб или обманул его умышленными преувеличениями богатств Испаньолы, или же употребляет во зло его доверие, утаивая большую часть доходов в свою пользу,—или, наконец, что он совершенно неспособен к управлению.

Сомнения в богатстве открытых Колумбом земель и вообще сомнение в том, что Колумбу удалось найти путь к берегам Индии, еще более увеличились среди испанцев в 1499 году, после того, как португалец Васко де-Гама открыл путь в Индию мимо берегов Африки. В открытии Васко де-Гамы не было ничего спорного. Он привез с собою мускатные орехи, перец, имбирь, корицу, рубины и изумруды, изделия из слоновой кости, блестящие шелковые материи и массу других ценных предметов. Какой контраст этого открытия с открытиями Ко-

лумба, доставившего в Испанию лишь небольшое количество золота и дикарей! Нельзя удивляться, что у Фердинанда и Изабеллы после открытия Васко-де-Гамой настоящей Индии в душе зародилось сомнение — не является ли неизвестный генуэзский моряк просто шарлатаном или сумасшедшим энтузиастом.

Вследствие всего этого король Фердинанд,—воспользовавшись случаем, что сам Колумб просил, чтобы для разбора его несогласий с Рольданом был назначен беспристрастный посредник,—решился послать для расследования дел на Испаньоле своего придворного вельможу и командора религиозно-военного ордена «Калатравы», дона Франциско Бобадилью. Бобадилья получил звание высшего судьи и главного губернатора Испаньолы. В действительности такое назначение означало низложение Колумба. Бобадилья, облеченный неограниченной властью, отплыл в Испаньолу на двух каравеллах в конце июня 1499 года. 23-го августа жители Испаньолы увидели две каравеллы, входящие в порт Сан-Доминго.

В это время Христофора Колумба и его брата Бартоломея не было в Сан-Доминго. Они были заняты сооружением крепости в округе Ксарагуа. В Сан-Доминго оставался только третий брат—Диэго. Бобадилья сошел на берег и потребовал к себе Диэго. Христофор Колумб, уведомленный о прибытии Бобадильи, поспешно прибыл в Сан-Доминго. Он ознакомился с верительными грамотами Бобадильи и согласился признать его за представителя правосудия, но не за главного губернатора колонии.

Тогда Бобадилья вручил ему письмо короля и королевы, заключавшее в себе следующие строки:

«Дон Христофор Колумб, наш адмирал за океаном!

«Мы приказали нашему командору дону Франциско Бобадилье об'явить вам нашу волю. Повелеваем следовать ему и исполнять все, что он скажет от нашего лица.

«Фердинанд и Изабелла».

Звание вице-короля, принадлежавшее Колумбу по торжественному договору с королем и королевой Испании, не было даже упомянуто в этом письме. Колумб, прочитав это письмо, подчинился Бобадилье. Бобадилья обвинил тотчас же Колумба в государственной измене и приказал заковать всех троих братьев Колумбов в цепи. Колумб переносил все оскорбления Бобадильи со свойственным ему мужеством. Не-

справедливость и неблагодарность короля и королевы глубоко взволновали его, хотя он и утешал себя, что рано или поздно истина откроется, и они сознают свою несправедливость по отношению к нему.

Бобадилья посадил братьев Колумбов в тюрьму, при чем строжайше запретил давать им свидания или сноситься письменно между собою. После краткого и пристрастного расследования, не сделав даже допроса самим братьям Колумбам, Бобадилья решил отправить свои донесения и самих обвиняемых в Испанию, в руки своего товарища, кардинала Фонсеки, врага Колумба. Для препровождения несчастных братьев и надзора за ними в пути был избран некто Алонзо де-Виллейо, офицер, прибывший с Бобадильей, и племянник кардинала Фонсеки. Когда Виллейо пришел со стражей в тюрьму, чтобы вести Колумба на корабль, он застал адмирала, погруженным в мрачное уныние. Христофор Колумб, опасался, чтобы они не посягнули на его жизнь, прежде чем он будет иметь возможность оправдать себя. Увидев офицера, вошедшего в сопровождении солдат, он подумал, что они пришли за ним, чтобы вести его на эшафот.

— Виллейо,—спросил он с содроганием в голосе,—куда вы хотите вести меня?

— На корабль, мы едем в Испанию,—отвечал Виллейо.

— В Испанию?—с живостью повторил Колумб. — Виллейо, правду ли вы мне говорите?

— Клянусь вам, что это совершенная правда,—ответил офицер.

Эти слова возвратили адмиралу все его мужество; он почувствовал себя как бы возродившимся.

Братья Колумбы были посажены на разные корабли. На их счастье погода стояла великолепная, и плавание было непродолжительно, а поведение стражи в отношении к несчастным братьям облегчало их положение. Виллейо, хотя и бывший родственником кардинала Фонсеки, был возмущен обращением с Колумбом; капитан каравеллы, Андрей Мартин, был также на стороне Колумба, и оба они обходились с адмиралом с глубочайшим уважением. Они хотели было снять с него оковы, но Колумб воспротивился этому. «Нет, — сказал он с горечью,—их величества писали мне, чтобы я повиновался всему, что прикажет Бобадилья; их именем он наложил на меня оковы, и я буду носить их до тех пор, пока они же не дадут повеления снять их с меня; но и тогда я сохраню эти цепи, как знак благодарности, полученный мною за мои заслуги».

«И он, действительно, сохранил их,—говорит сын его Фернандо,—они всегда висели на стене в его комнате, а по смерти он велел положить их с собою в гроб».

Колумб в оковах на пути в Испанию.

Прибытие Колумба в Кадикс, под стражей и в оковах, произвело почти столь же сильное впечатление на умы в Испании, как и торжественное его возвращение из первого путешествия. Вид цепей, оскорбительное обращение с Колумбом, как с преступником,—все это возмутило общественное мнение и возбудило к нему симпатию. Король и королева, узнав о прибытии Колумба в цепях, нашли это слишком жестоким и приказали освободить всех троих братьев. Король и королева

написали Колумбу письмо с приглашением явиться ко двору для об'яснений.

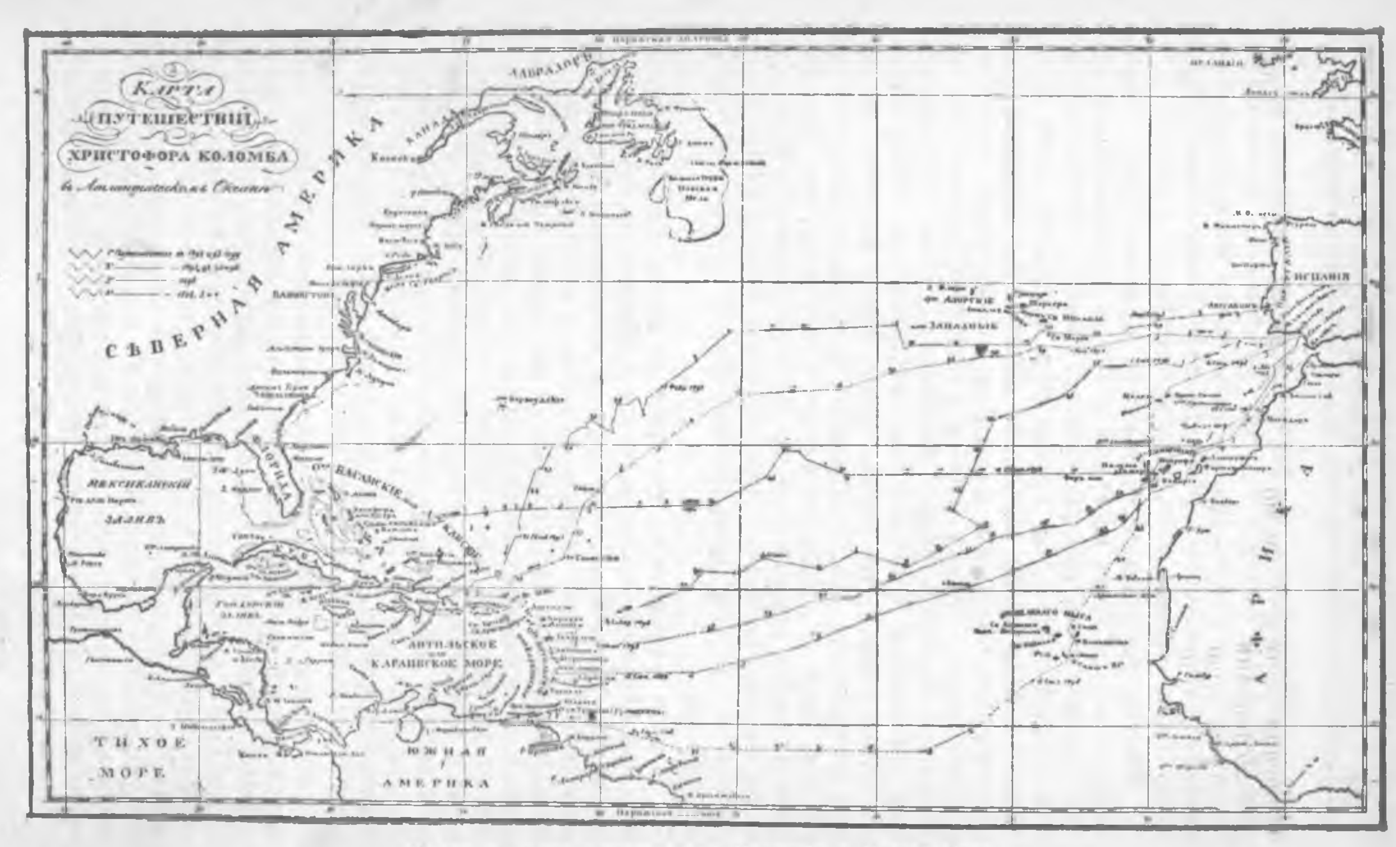
17-го декабря Колумб уже был в Гренаде, при дворе. При виде сильно постаревшего от горя и несчастий Колумба, вспоминая его заслуги, королева Изабелла растрогалась до слез. И Колумб, столь мужественно боровшийся с жестокостями судьбы, переносивший твердо все обиды и оскорбления, не мог удержаться от охватившего его волнения, он упал на колени перед королем и королевой и зарыдал. Фердинанд и Изабелла поспешно подняли его и осыпали уверениями в своей признательности, во всегдашнем расположении к нему. Когда Колумб немного успокоился, он начал оправдываться; он говорил о своем усердии к славе и благоденствию Испании; о том, что если он и впал в какие-нибудь ошибки, то причина их заключается в его неопытности в новом деле, в необыкновенных затруднениях, с которыми он должен был все время бороться, и т. п. Он, указывая на себя, говорил, что его обвиняют в властолюбии, в том, что он обогатился от управления колонией, тогда как на самом деле он ничего не имеет, и даже не знает, где преклонить голову.

Выслушав Колумба, Фердинанд и Изабелла высказали негодование против действий Бобадильи. Они обещали Колумбу восстановить его во всех его правах, вознаградить за все понесенные лишения и загладить свою вину. Король и королева просили Колумба только подождать некоторое время, пока общественное мнение не успокоится. Это обещание успокоило Христофора Колумба. Он остался доволен приемом, и в его уме снова зародились мысли о новых открытиях. Однако Колумбу суждено было испытать еще много огорчений, которые омрачили последние годы его жизни.

V.

Четвертое путешествие Колумба в Новый Свет. — Прибытие Колумба на Испаньолу. — Путешествие Колумба к берегам Центральной Америки.—Берег Верагуа.—Золотые прииски.— Возмущение испанцев против Колумба.—Возвращение Колумба в Испанию.—Смерть Колумба, 2-го марта 1506 года.

Открытие в 1497 году Васко-де-Гамой Индии сразу доставило Португалии несметные богатства, и в Испании всюду говорили о сокровищах Каликута, о жемчуге, золоте и серебре,

Карта четырех путешествий Колумба в Новый Свет.

амбре, слоновой кости, фарфоре, шелковых тканях и всякого рода пряностях. Колумб, слушая рассказы о путешествиях португальцев в Индию, решил предпринять новое путешествие за океан; он намеревался обогнуть открытые им земли и достигнуть таким образом восточных берегов Китая и Индии.

Колумб предполагал, что между берегами Кубы, которую он принимал за часть материка, и между берегами Парии должен существовать пролив, сообщающийся с Индейским морем. Колумб думал, что пролив этот находится в том месте, которое в наше время составляет Дариенский перешеек. Хотя против плана Колумба и выступили многие члены испанского правительства, однако король и королева решили дать ему несколько каравелл. Король Фердинанд, считая Колумба плохим правителем, ценил его как мореплавателя очень высоко и поэтому считал, что никто другой, кроме Колумба, не сможет осуществить это предприятие, обещавшее так много выгод для Испании. Прежнее мнение Фердинанда, что Колумб—увлекающийся энтузиаст, было разрушено тем, что Испаньола стала приносить за последние годы все более и более дохода. Золото в хорошо разрабатываемых рудниках добывалось в изобилии.

В свое четвертое путешествие за океан Колумб выехал 9-го мая 1502 года из Кадикса; его флотилия состояла из трех каравелл—«Сант-Яго», «Галлего» и «Вискаино», на которых было сто пятьдесят человек экипажа. В это путешествие Колумб отправился полубольным и разбитым человеком. Ему было в это время уже около шестидесяти шести лет. Его крепкое от природы здоровье сильно пошатнулось от трудов, перемены климатов, а более всего от нравственных страданий, которые ему пришлось перенести. В это далекое путешествие Колумб взял с собою своего верного советника и сотрудника, брата Бартоломея, и младшего своего сына Фернанда, которому было в это время тринадцать лет.

20-го мая корабли Колумба остановились у острова Большой Канарии, а 15-го июня они достигли острова Мартиника; затем Колумб заходил на острова Доминика, Св. Креста, Порто-Рико, и, наконец, 29-го июня, после благополучного плавания, он достиг острова Испаньолы. Колумб, по совету королевы Изабеллы, не хотел приставать к этому острову, откуда его так позорно изгнали. Но одна из его каравелл требовала починки, и поэтому Колумб послал на берег к губернатору острова, Овандо, сменившему Бобадилью, просить разрешения войти в порт.

Однако Овандо, основываясь на том, что появление Колумба на острове может вызвать беспорядки, отказал ему в его просьбе. Огорченный отказом, Колумб вынужден был держаться в открытом море. Между тем на острове грузили корабли золотом, чтобы отправить их в Испанию. На одном из кораблей губернатор Овандо отправлял своего предшественника, Бобадилью, так жестоко поступившего с Колумбом. Рольдан и его сообщники также отправлялись в Испанию и нагрузили корабли большим количеством золота. Погрузка была закончена к двадцать девятому июня, и флотилия была готова выйти в море.

Видя эти приготовления, Колумб отправил капитана одной из своих каравелл к губернатору Овандо, чтобы посоветовать ему задержать на несколько дней в порте корабли, готовые к отплытию в Испанию, так как, по мнению Колумба. через несколько дней должна разразиться сильнейшая буря на океане. Но и в этом случае совет Колумба не был принят во внимание. Для неопытных глаз ничто не предвещало бури; погода стояла тихая и ясная. Лоцманы и матросы, желая скорее отправиться на родину, смеялись над опасениями Колумба и упросили Овандо не задерживать флота; и вся флотилия, состоявшая из двадцати одного корабля, отплыла из гавани Сан-Доминго.

Сам же Колумб, не имея разрешения войти в порт Сан-Доминго, отправился вдоль берегов острова, стараясь отыскать какой-нибудь залив или уединенную реку, где бы его корабли могли укрыться. Между тем, действительно, скоро погода изменилась, и на море поднялся страшный ураган. Флот Бобадильи не успел даже достигнуть восточной оконечности Испаньолы, как разразилась буря. Корабль, на котором находились Бобадилья, Рольдан и другие враги Колумба, был разбит ураганом в щепки; другие корабли с золотом также погибли, и лишь нескольким кораблям удалось кое-как добраться обратно до Сан-Доминго.

Флотилия Колумба с наступлением бури укрылась было около берегов Испаньолы, но на другой день ураган усилился, и к вечеру наступила такая темнота, что корабли потеряли друг друга из виду. Колумб на своем корабле старался держаться как можно ближе к берегу,—и его корабль не потерпел ни малейшего повреждения. Капитаны же других кораблей, боясь, чтобы их суда не разбились о прибрежные утесы. удалились в открытое море. Здесь они были подхвачены ураганом и носились по океану несколько суток, ожидая неминуемой гибели. Однако, вскоре буря утихла, и все корабли

флотилии Колумба, хотя и с большими повреждениями, собрались около острова Ямайки. Колумб, узнав о бедственной участи своих врагов, пришел в ужас, и собственное свое спасение считал почти чудом.

От берегов Ямайки сильные течения понесли флот Колумба к островам, которые Колумб назвал «Сады королевы». Маленькая флотилия боролась с течением в продолжение шестидесяти дней и, наконец, была отброшена к берегу Кубы, что привело к открытию Колумбом островов Каймanских и острова Сосен. Отсюда Колумб взял опять направление на юго-запад и очутился среди морей, воды которых не прорезывал еще ни один европейский корабль. Судьба привела Колумба еще раз к берегу американского материка, и он 14-го августа пристал к мысу Гондурас, на Панамском перешейке.

Таким образом Колумб, не ведая того, уже во второй раз приставал к американскому берегу. Он следовал вдоль этого берега в продолжение девяти месяцев, составляя чертежи берегов. Каждую ночь он бросал якоря, чтобы не удаляться от берега. Обогнув мыс Грациа-а-Диос, Колумб был встречен здесь такими ветрами, что ему, старейшему моряку из всего экипажа, никогда не приходилось испытывать ничего подобного. В письме к королю Испании Колумб в следующих словах описывает это плавание: «В продолжение восьмидесяти дней волны продолжали свой штурм, и мои глаза не видели ни солнца, ни звезд, ни какой-либо другой планеты; мои корабли были без бортов, паруса разорваны, снасти, шлюпки, такелаж,—все утеряно; мои матросы, больные и унылые, предавались все время молитвам, ожидая с минуты на минуту конца своего существования. Я видел на своем веку много всяких бурь, но никогда не испытывал такой продолжительной и такой свирепой. Многие из экипажа, считавшиеся неустрашимыми матросами, потеряли мужество. Но что больше всего терзало мою душу, это—скорбь о моем сыне, хотя он оказывал мне много помощи. Несмотря на свою молодость, мой сын один зажигал мужество, будил терпение моряков в их тяжелых трудах. Можно было думать, глядя на него, что это моряк, состарившийся среди бурь. Я был болен и несколько раз видел приближение последней минуты...».

Во время этой бури корабли Колумба все время следовали вдоль берега, который в различных местах получил следующие названия: Гондурас, Москитос, Никарагуа, Коста-Рика (Богатый берег), Верагуа и Панама. 25-го сентября Колумб бросил якорь около небольшого острова, названного за

его плодородие Хуэрта (сад). Здесь Колумб приступил к починке своих кораблей и оставался три недели.

Колумб полагал, что он находится недалеко от устья реки Ганга; индейцы, встреченные Колумбом в этих областях. говорили ему о какой-то стране Цигуаре, окруженной морем и изобилующей золотом; индейцы об'ясняли, что эта страна находится дальше к югу. Колумб вследствие таких разговоров пустился снова в плавание и следовал вдоль лесистых берегов Верагуа. 26-го ноября его флотилия вошла в гавань Ретрето. Суда, из'еденные червями-древоточцами, имели жалкий вид и требовали починки. После нескольких дней стоянки в этой бухте Колумб вышел снова в море для дальнейших исследований. Но его скоро захватила буря. «В продолжение девяти дней,—писал он в своем дневнике,—у меня не было никакой надежды на спасение. Никогда никому не приходилось видеть море более ужасным; оно было все покрыто пеной; сильный ветер не давал возможности ни итти вперед, ни пристать к какому-либо мысу; буря не выпускала меня из моря, волны которого казались кровавыми; его валы кипели, как вода в огромном котле. Никогда я не видал столь грозного неба: пламенное днем и ночью, словно глубокое горнило, оно беспрерывно метало яркие молнии, и я каждую минуту ожидал, что море поглотит мои корабли. Во все это время, среди раскатов грома и молний, дождь падал с неба таким ливнем, что можно было думать, что происходит новый всемирный потоп. Мои матросы, изнуренные столькими испытаниями и опасностями, призывали смерть, как избавительницу от всех мук; корабли мои были открыты со всех сторон; лодки, якоря, снасти, паруса,—все было сорвано ветром и сброшено в море».

Во время этого продолжительного и тяжелого плавания корабли Колумба прошли около трехсот пятидесяти миль. Его экипаж выбился из сил, и Колумб вынужден был возвратиться по тому же пути к устью реки Верагуа. Но, не найдя здесь хорошо защищенной гавани для стоянки своих кораблей, он направился дальше, к устью другой реки, которую назвал Вифлеемской. Здесь он бросил якоря в день праздника Богоявления, в 1503 году. На следующий день поднялась снова сильная буря, сорвала корабли с якорей. и только с большим трудом Колумбу удалось спасти свой флот от гибели.

Во все это время Колумб, не забывая главной цели своего путешествия, устанавливал всюду сношения с индейцами, стараясь узнать у них об окрестных странах. Вождь ин-

дейцев в Верагуа сказал, что золото находится недалеко от устья Вифлеемской реки. 6-го февраля Колумб отправил на указанное кациком место отряд из семидесяти человек под начальством своего брата Бартоломея. Перейдя через холмистую местность, отряд испанцев пришел, действительно, к золотым залежам. Золото находилось здесь в таком изобилии, что золотые самородки встречались на каждом шагу. В продолжение четырех часов Бартоломей и его спутники собрали большое количество золота. Они вернулись к Колумбу, и последний, узнав о таком результате, решил построить на берегу небольшую крепость.

Рудники в этой области обладали, действительно, несметными богатствами; они казались неистощимыми. В своем письме к королю Колумб говорит, что «на Вифлеемском берегу он в первые два дня своего пребывания увидел больше золота, чем его было найдено на Испаньоле в продолжение четырехлетнего пребывания его там».

Между тем здоровье Колумба расстраивалось все более и более, поэтому он начал торопиться с от'ездом. Он хотел было оставить в Верагуа своего брата Бартоломея и отряд испанцев, но экипаж его был слишком малочислен, чтобы дробить его. Четыре каравеллы были все подточены червями. Одну из них за негодностью пришлось бросить совсем. В первый день Пасхи Колумб направился на Испаньолу, чтобы там починить свои корабли. Едва он успел отплыть на тридцать миль, как в одном из кораблей открылась течь. Колумб поторопился пристать к берегу и пристал к Порто-Белло, где бросил еще одну каравеллу, так как повреждения ее оказались неисправимыми. Теперь флотилия Колумба состояла всего из двух каравелл, без шлюпок и почти без провизии.

1-го мая Колумб снова вышел в море и направился к Испаньоле, где рассчитывал получить помощь. 10-го мая он находился уже в виду Каймaнских островов; но здесь он не мог справиться с ветрами, которые отнесли его на запад, к берегу Кубы. Здесь, в сильную бурю, среди мелей и подводных камней, Колумб потерял свои паруса, свои якоря, и оба его корабля были отброшены далеко к югу. Не в силах преодолеть сопротивление ветра, Колумб направился на своих разбитых кораблях к Ямайке и пристал 23-го июня в порте Санта-Глориа, известном ныне под названием бухты Дона Христофора. Отсюда Колумб хотел было снова направиться к Испаньоле, но его две каравеллы, совершенно источенные червями, «похожие на пчелиные ульи», не могли безнаказанно пуститься в это плавание на расстоянии тридцати миль.

После осмотра своих каравелл Колумб окончательно убедился в невозможности их починить; ему оставалось поселиться на берегу, среди индейцев, и ожидать случая, когда какой-нибудь испанский корабль случайно пройдет мимо Ямайки. Между тем припасы подходили к концу, и матросы выражали сильное неудовольствие против адмирала; а злополучный Колумб в это время не мог даже встать и все время лежал, страдая от ревматизма и общего упадка сил.

В таких обстоятельствах два храбрых офицера, Диего Мендес и Бартоломей Фиеско, предложили Колумбу свои услуги; они хотели отправиться на индейских пирогах из Ямайки на остров Испаньолу, чтобы дать губернатору Испаньолы, Овандо, известия о бедственном положении Колумба. Колумб, понимая всю рискованность этого путешествия на челноках через океан, после обсуждения положения с своим братом Бартоломеем, принял предложение Мендеса и Фиеско, так как с каждым днем положение мореплавателей становилось все серьезнее и серьезнее. Оба корабля затонули близ берега, и Колумб остался со своим экипажем на диких берегах острова почти совершенно без всяких припасов и без кораблей, отрезанный, таким образом, от всего света.

Вскоре после от'езда Мендеса и Фиеско на индейских челноках в Испаньолу, на Ямайке среди спутников Колумба разразилось волнение. Спутники адмирала, ослепленные своими бедствиями, вообразили, что Колумб не осмеливается возвратиться на Испаньолу, губернатор которой уже раз не допустил Колумба на берег этого острова. Они говорили, что губернатор, прогнав флотилию из порта Сан-Доминго, мог действовать так только по приказу короля. И вот 2-го января 1504 года капитан одной каравеллы и брат его, военный казначей, по фамилии Паррасы, стали во главе восстания. Оба брата Паррасы возмутили матросов и пошли с ними к палатке адмирала с криком: «В Кастилию, в Кастилию!».

Колумб был болен и лежал в постели. Его брат и сын Фернандо просили пощадить больного адмирала. При виде престарелого и больного Колумба толпа стихла и стала требовать, чтобы Колумб принял меры к возвращению в Испанию. Колумб просил подождать возвращения с Испаньолы Мендеса и Фиеско, но братья Паррасы кричали, что они решили покинуть остров во что бы то ни стало. Затем они вышли из палатки Колумба и, захватив у индейцев несколько челноков, направились к восточной оконечности острова. Там они разграбили одно индейское поселение и захватили несколько индейцев, заставив их грести. Братья Паррасы и

их товарищи успели уже от'ехать далеко от берега, когда на море разразилась буря, и ветер пригнал их челноки снова к берегам Ямайки.

Между тем Колумб, оставшись с больными и друзьями на острове, успел водворить порядок в своей маленькой колонии. Но нужда с каждым днем все усиливалась. Голод становился угрожающим. Индейцам, которые благожелательно относились к белым поселенцам, надоело кормить чужеземцев. Кроме того, индейцы увидели, что испанцы ссорятся между собою, и это обстоятельство разрушило все прежнее обаяние. Они поняли, что европейцы—простые смертные, и поэтому перестали их уважать и бояться. Влияние Колумба на туземцев уменьшалось с каждым днем, и нужен был какой-нибудь необыкновенный случай, чтобы заставить индейцев снова слушаться и доставлять припасы.

Колумб, придумывая, чем бы устрашить индейцев, вспомнил, что в скором времени должно быть затмение луны. За три дня до затмения Колумб послал своего индейца-переводчика ко всем главным кацикам индейцев Ямайки и просил их явиться в назначенный день вечером к себе для важного совещания. Когда кацики явились в определенное время, Колумб собрал их вокруг себя, и велел переводчику об'явить им, что «он и его люди почитают всемогущего бога, обитающего на небе; что этот бог покровительствует тем, кто делает добро и слушается приказаний, и наказывает нарушителей его законов; что пример тому они могли видеть на Диего Мендесе и Паррасе, из которых первому, отправившемуся в путешествие, по приказанию своего начальника, бог послал хорошую погоду, а Паррасу и его спутникам, в наказание за их возмущение, послал бурю и повелел ветру пригнать их челны обратно к берегу». Далее Колумб сказал, что «бог разгневан поведением индейцев, что они вопреки своему договору перестали снабжать припасами его верных служителей, и поэтому хочет наказать индейцев голодом и мором; он велел Колумбу, своему служителю, предупредить об этом индейцев, а чтобы они не остались глухи к его предостережению, бог в нынешнюю же ночь даст знамение на небе: луна переменит свой свет и, мало-по-малу, померкнет, и это будет предвестием ужаснейших казней, которые ожидают индейцев».

Это предсказание, произнесенное торжественным голосом, встревожило большую часть дикарей; другие же начали смеяться над словами Колумба. Однако, все ожидали наступления ночи в сильном беспокойстве. Наконец взошла луна, и индейцы внимательно смотрели на нее. Не замечая никакой

перемены на луне, индейцы начали уже говорить, что Колумб обманщик, как вдруг густая тень начала медленно закрывать светлый диск луны. Дикари затрепетали, и страх их увеличивался по мере того, как тень становилась все гуще и гуще. Наконец, когда таинственный мрак распростерся над всем островом, ужас индейцев не имел более границ. Они бросились к Колумбу с припасами и умоляли его упросить своего бога, чтоб он отвратил от них ужасные бедствия, которые хочет излить на них; они давали клятву, что впредь будут доставлять Колумбу все, что он пожелает. Колумб ответил, что он с своей стороны готов исполнить их просьбу, но прежде должен вопросить у бога о его намерениях. С этими словами он удалился в свою каюту и заперся в ней. Между тем окрестные леса и берега наполнились рыданиями и воплями индейцев и мольбами о помиловании.

Колумб пробыл в каюте все время, пока затмение не достигло всей полноты; затем он вышел на берег и об'явил индейцам, что он ходатайствовал за них перед своим богом, и упросил его простить индейцев, так как они раскаялись в своих проступках. В удостоверение этого бог сейчас снимет завесу с луны; и дикари, действительно, увидели, что вскоре луна начала постепенно показываться сквозь темную тень и, наконец, заблестела по-прежнему на небосклоне. Индейцы осыпали Колумба благодарностями за его посредничество и отправились по домам, радуясь и поздравляя друг друга с избавлением от столь великих бедствий.

С этой поры они смотрели на Колумба с почтением и с некоторою боязнью, как на человека, пользующегося особенной благосклонностью и доверенностью божества, который, находясь на земле, знает, что делается на небе; они старались снискать его благорасположение разными приношениями, и каждый день доставляли Колумбу такое множество припасов, что испанцам уже нечего было опасаться голода.

Пока эти события происходили на Ямайке, прошло уже восемь месяцев со времени от'езда Мендеса и Фиеско в Испаньолу, но об них Колумб не имел никаких известий. Некоторые из компаньонов Колумба, потеряв всю надежду на помощь из Испаньолы, решили во что бы то ни стало уехать с острова; несколько человек составили новый заговор и постановили захватить оставшиеся у Колумба челноки и попытаться достигнуть Испаньолы. Мятеж готов был вспыхнуть, когда однажды вечером испанцы увидели вдали парус каравеллы, которая шла, повидимому, к Ямайке. Скоро каравелла приблизилась к острову, и от нее отделилась шлюпка.

Каравелла оказалась посланной с Испаньолы. Мендес и Фиеско благополучно достигли Испаньолы и сообщили губернатору Овандо об ужасном положении Колумба и его спутников. Овандо задержал двух офицеров под предлогом выяснения положения дела и отправил на остров Ямайку только спустя восемь месяцев каравеллу под начальством Диего Эскобара, товарища Рольдана и врага Колумба.

Прибыв на Ямайку, Эскобар, не выходя на берег, передал с лодки письмо Колумбу от губернатора Испаньолы, затем выгрузил на берег боченок вина и немного свиного мяса и удалился на свою каравеллу. Из письма Овандо Колумб узнал, что в Испаньоле нет сейчас большого корабля, на котором Колумб мог бы поместиться со всем своим экипажем, и поэтому губернатор обещал, что, когда прибудет большой корабль из Испании, то он пошлет его на Ямайку за Колумбом. На другой день Эскобар опять с лодки об'явил Колумбу, что если он хочет послать письмо губернатору Испаньолы, то пусть не медлит, так как он скоро уезжает. Колумб просил Эскобара взять с собою хоть часть его спутников, но Эскобар отвечал на это отказом. Тогда Колумб поспешно написал к Овандо письмо, где он благодарил его за участие, представлял всю опасность своего положения и просил прислать как можно скорее каравеллы, чтобы перевезти его и товарищей с Ямайки на Испаньолу.

Поспешный от'езд и непонятное поведение Эскобара, имевшее некоторый вид таинственности, столько же испугали испанцев, сколько обрадовало их прибытие его судна. Сам Колумб был глубоко оскорблен, но старался сохранить свое спокойствие и уговаривал матросов не волноваться, уверяя, что скоро Овандо пришлет за ними другую каравеллу. Адмирал пытался привлечь к себе братьев Паррасов и других возмутившихся, которые, после неудачной попытки путешествия на Испаньолу, не переставали бродить по острову, грабя индейцев и жестоко обращаясь с ними. Колумб предложил восставшим мир, но они ответили на это нападением на жилище Колумба. Испанцы, оставшиеся верными Колумбу, вынуждены были взяться за оружие. Друзья Колумба храбро защищали своего начальника. Они потеряли только одного человека в битве с мятежниками и захватили в плен обоих братьев Паррасов. Остальные мятежники бросились перед Колумбом на колени, и он простил их.

Прошло еще целых четыре месяца после посещения Ямайки Эскобаром, а каравеллы с Испаньолы не показывались. Овандо, опасаясь, что Колумба снова сделают губернатором

Испаньолы, нарочно оставлял его без помощи на Ямайке, надеясь, что он погибнет там с голоду. Он присылал Эскобара единственно с целью узнать, в каком состоянии находится Колумб, и удостовериться—жив ли он еще или умер.

Наконец, только через год после от'езда Мендеса и Фиеско с Ямайки, перед островом показался корабль. Это был корабль, который удалось нанять самому Мендесу в Сан-Доминго на средства Колумба. Губернатор Овандо не смел открыто противодействовать Мендесу, надеясь, что Колумб уже умер на Ямайке. 24-го июня 1504 г. Колумб и его спутники—друзья и враги—сели на корабль и покинули, наконец, Ямайку, где Колумб перенес столько страданий. Пробыв несколько дней в Сан-Доминго, Колумб 12-го сентября отправился в Европу.

Едва корабль Колумба вышел из гавани Сан-Доминго, как страшный ураган сломил мачту и повредил в сильной степени весь корабль. Колумб вынужден был перебраться на корабль своего брата, а свой поврежденный корабль отослал обратно в Сан-Доминго. Таким образом Колумб пустился через океан на одном утлом корабле, рискуя, в случае аварии погибнуть в океане. Судьба преследовала Колумба до самого конца путешествия. В продолжение нескольких недель сряду на океане бушевала буря и бросала корабль из стороны в сторону, в то время как сильный ревматизм привязывал Колумба к постели. Наконец, 7-го ноября перед несчастными мореплавателями показались берега Испании, и корабль Колумба бросил якорь в порте Сан-Лукара. Из Сан-Лукара Колумб отправился, совершенно разбитый болезнью, в Севилью, где надеялся найти покой и восстановить свое здоровье.

Но жестокие испытания еще не кончились для Колумба. По приезде в Испанию он узнал, что королева Изабелла, его покровительница, умерла; король Фердинанд принял адмирала крайне сухо. Он предложил Колумбу отказаться от всех титулов и почетных должностей и взять вместо всего этого в свое владение небольшой городок в Кастилии, Камон де-лос-Кондес.

Такое предложение, неблагодарность и вероломство короля подкосили в конец престарелого Колумба. Его сильно расстроенное здоровье окончательно пошатнулось, и вскоре горе и печали свели его в могилу. Материальное положение больного Колумба было также незавидно. Его дела были запущены. и в его отсутствие доходы и следуемое ему жалованье не выдавались правительством. Испанцы думали, что он обладает несметными богатствами, а в действительности Колумб, вер-

нувшись в Испанию, почти ничего не имел. Все, что он получил на Испаньоле от своего управляющего, около двух тысяч кастильянов, Колумб издержал на перевозку своих спутников в Испанию; правительство не выдало этих денег Колумбу. Все это огорчало Колумба, и он справедливо жаловался, говоря: «Немного пользы принесла мне двадцатилетняя служба моя, исполненная стольких трудов и опасностей! Я не имею в Испании угла, где бы мог преклонить голову; и если хочу есть или спать, то должен итти в гостиницу, и там весьма часто не имею чем расплатиться».

Но холодный и себялюбивый Фердинанд равнодушно смотрел на страдания знаменитого человека; он имел в виду только одно—выиграть время; он знал, что еще несколько отсрочек, еще несколько ударов самолюбию больного Колумба, и развязка наступит неизбежно и, таким образом, избавит Фердинанда навсегда от справедливых требований человека, который, перестав быть полезным, казался ему только неотвязчивым просителем.

В 1505 году, весною, Колумб сам решил поехать в Сеговию, где жил тогда король, чтобы добиться, наконец, восстановления своих прав. Но он был принят королем только в августе месяце. Фердинанд был холодно-вежлив и оставался непреклонен. Чтобы отделаться от притязаний Колумба, он предложил разрешить дело третейским судом. Однако, Колумб согласился только установить третейским судом сумму ежегодного своего вознаграждения; что же касается своих привилегий, занесенных в королевскую грамоту, то Колумб ответил, что королевское слово, данное торжественно и официально, не подлежит третейскому разбирательству.

Из Сеговии Колумб поехал в город Вальядолид, где и поселился в небольшом домике. Он чувствовал, что силы его покидают, и что роковой конец приближается. Колумб составил подробное духовное завещание и назначил наследником после себя своего старшего сына Диэго, прося его выдавать определенную часть дохода его брату Фернандо. На завещании Колумб сделал приписку, что все его распоряжения и дарственные завещания фиктивны, если права его не будут признаны королем. «До сих пор,—говорит он,—у меня не было, да и теперь нет никаких определенных доходов». Составление завещания было последним его распоряжением; на следующий день, 20-го мая 1506 года, Колумб скончался.

Вокруг тела Колумба собрался лишь небольшой кружок его родных и друзей. Весть о его смерти не вызвала волнения

Смерть Христофора Колумба в Францисканском монастыре в Вальядолиде.

в Испании, и только король нашел в этой вести успокоение, надеясь, что теперь никто не посягнет на его богатства.

Тело Колумба было погребено первоначально в Вальядолиде, в монастыре св. Франциска. В 1513 г. его останки были перевезены в Севилью, в картезианский монастырь, а в 1536 г. гроб с прахом Колумба перевезли на Испаньолу, где его и предали земле в главном приделе собора Сан-Доминго. Позднее останки Колумба были перевезены на Кубу, в собор города Гаванны, а в 1897 г., после того, как Куба отошла к Соединенным Штатам, гробница Колумба была снова перевезена в Испанию и поставлена в Севильском соборе.

Существует предание, что при перевозке гроба Колумба в 1795 году из Сан-Доминго на Кубу настоятель собора, не желая тревожить прах великого мореплавателя, указал на гроб брата Колумба—Диего, погребенного там же, и этот гроб был перевезен на Кубу, а затем в Севилью.

Однако достоверность этого предания установить не удалось. Впрочем, вопрос о том, где находятся останки Колумба—в Сан-Доминго, или в Севилье,—не важен: имя Колумба и его слава известны всему миру, и заслуги Колумба признаны всем светом.

Географическая наука в ознаменование научных заслуг Колумба назвала его именем несколько областей и местностей на земном шаре, так, на материке Южной Америки имя Колумба носит республика, образовавшаяся из прежней испанской колонии Новой Гренады. В Северной Америке обширная область на западе Канады также называется Колумбией. Кроме этого, имя великого мореплавателя носят в Америке несколько городов и река, впадающих в Великий океан. Федеральный округ Северо-Американских Соединенных Штатов, где находится главный город Союза Вашингтон, резиденция союзного правительства и конгресса называется также Колумбией в честь Колумба.

Наконец, имя великого мореплавателя присвоено одному хребту в Центральной Азии, расположенному в горной системе Куэнь-Луня, и в честь его полярные исследователи назвали крайний северный мыс Земли Гранта в Северном Ледовитом океане.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Завоевание Индии и страны пряностей.

I.

Васко де-Гама.—Его путешествие вокруг Африки.—Открытие морского пути в Индию.

В то время, как Христофор Колумб искал западного пути к берегам Индии и таинственного Китая и, открыв Новый Свет, думал, что достиг восточных берегов Азии,—португальцы упорно преследовали свою цель—отыскать морской путь в Индию, обогнув для этого Африку и следуя затем на восток. Выше мы видели, что в 1486 году Бартоломею Диазу удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, и таким образом морской путь в Индию наполовину уже был открыт. Но смерть короля португальского Иоанна II в 1495 году временно прервала дальнейшие попытки в этом направлении, и только в 1497 году новый король Португалии Эммануил решил продолжать дело отыскания восточного морского пути в Индию. Для этой цели он призвал к своему двору молодого дворянина из провинции Алемтехо, Васко де-Гаму.

Васко де-Гама родился в Синесе, небольшом приморском городке Португалии, в 1469 году. Он уже с молодых лет почувствовал влечение к мореплаванию и участвовал в нескольких экспедициях вдоль африканских берегов.

Экспедиция Васко де-Гамы отправилась из Лиссабона 8-го июля 1497 года. Экспедиция состояла из четырех кораблей средней величины. Прочно построенные специально для долгого путешествия, они были снабжены тройной переменой парусов и канатов. Все бочки, предназначенные для воды, вина и масла, были скреплены железными обручами; всевозможные припасы: мука, овощи, лекарства, артиллерийские снаряды и т. п.—все это было взято в изобилии. Команда на кораблях была нанята по выбору, и начальство над кораблями было вверено опытным капитанам.

Адмирал эскадры, Васко де-Гама, командовал самым большим кораблем эскадры «Святой Гавриил»; брат Васко де-Гамы, Паоло де-Гама, командовал кораблем «Святой Рафаил». На каравелле «Беррио» капитаном был Николай Коельхо, опытный моряк, а на четвертой каравелле с припасами и товарами, предназначенными для мены с туземцами, капитаном был Педро Нуньес. Педро Алемквер, кормчий Бартоломея Диаза, плававший с ним до мыса Доброй Надежды, был взят для того, чтобы указывать путь к мысу Доброй Надежды. Весь экипаж флота состоял из ста шестидесяти человек.

Восьмого июля 1497 года, в субботу, при первых лучах солнца, Васко де-Гама, в сопровождении всего своего экипажа и при стечении громадного количества народа, напутствуемый пожеланиями успеха, отправился в путь. Одна каравелла, которою управлял Бартоломей Диаз, должна была сопровождать Васко де-Гаму до Сенегала.

Через неделю после от'езда эскадра Васко де-Гамы достигла уже Канарских островов, откуда она благополучно прибыла к островам Зеленого Мыса. Дальнейшее плавание совершалось без значительных приключений, и 4-го ноября Васко де-Гама бросил якорь у африканского берега, в бухте, которую он назвал бухтой Святой Елены. Эскадра оставалась в этой гавани восемь дней, и Васко де-Гама определил географическую широту места и подготовился к дальнейшему пути.

На берегу бухты Святой Елены португальцы впервые увидали готтентотов или босхисов. Эти дикари не знали ценности никаких предметов; единственная вещь, которую они, казалось, ценили, была медь, в ушах они носили маленькие цепочки из этого металла. Босхисы очень ловко владели копьями, концы которых они обжигали на огне; дикари были очень воинственны и даже набросились на португальцев.

Покинув бухту Святой Елены, Васко де-Гама направился снова на юг. Педро Алемквер, бывший кормчий на корабле Бартоломея Диаза, об'явил, что они находятся в тридцати милях от мыса Доброй Надежды. Действительно, через несколько дней перед взорами мореплавателей показался этот страшный и таинственный мыс Бурь, или, как его назвал король Иоанн, мыс Доброй Надежды, открывающий путь к богатым берегам Индии. 18-го ноября эскадра Васко де-Гамы благополучно обогнула этот мыс, а 25-го ноября корабли вошли в бухту Сан-Браз, где они оставались тринадцать дней.

На берегу бухты Сан-Браз Васко де-Гама воздвиг каменный столб в память своего пребывания. Река Инфанта, крайний пункт, достигнутый Бартоломеем Диазом, была вскоре пройдена и дальше Васко де-Гама начал плавание по неизвестным морям. В день Рождества, 25-го декабря, эскадра Васко де-Гамы уже находилась в виду Патальского берега. Некоторые корабли эскадры были сильно повреждены, и на кораблях почти не оставалось пресной воды. Вследствие этого

Васко де-Гама. (Снимок со старинной гравюры.)

Васко де-Гама зашел в первый попавшийся на пути порт и приказал пополнить здесь запасы. На берегу португальцы были встречены неграми. Вооружение их состояло из большого лука, длинных стрел и из копья, окованного железом. Это были кафры. С кафрами у португальцев установились хорошие отношения, и поэтому Васко де-Гама дал название этой области «Земля хороших людей». Бухта, где высадился Васко де-Гама в день Рождества, была названа им «Порт Наталь», т.-е. «Гавань Рождества».

Сильные течения замедлили плавание эскадры, и лишь 23-го января 1498 года португальцы достигли устья реки Замбези, где Васко де-Гама и пробыл целый месяц, готовясь

к плаванию через Индейский океан. Этот перерыв путешествия был крайне необходим, потому что во время неоднократных бурь корабли получили такую течь, что им нужна была большая починка. Кроме того, почти весь экипаж болел цынгою, а многие умерли от этой болезни. Дикари, жившие в этой местности, об'ясняли Васко де-Гаме, что за морем живут белые люди, плавающие на таких же больших кораблях, как и португальцы. Кроме того, Васко де-Гама встретил в море небольшое судно, на котором он увидал человека в чалме. Васко де-Гама решил, что он приближается к Индии и поэтому назвал реку, в устье которой он остановился, «Рекою добрых предзнаменований».

Плывя выше вдоль берега к северу, Васко де-Гама 7-го апреля утром увидел остров, на котором был большой город с плоскими крышами—это был Момбас.

Флотилия Васко де-Гамы бросила якорь около гавани, не рискуя войти в нее, несмотря на хороший прием, который оказали жители Момбаса португальцам. Арабы, прибывшие на корабль Васко де-Гамы, приглашали португальцев в город и говорили, что в их городе живет много христиан. Португальцы поверили было этим словам и обещали приехать на другой день в город. Однако они были встревожены ночью тем, что к их кораблям под'ехала большая лодка, на которой находилось несколько десятков вооруженных мавров. Видя, что португальцы бодрствуют, мавры поспешили удалиться.

На другой день момбасский король прислал Васко де-Гаме богатые подарки, предложил ему учредить в его столице факторию, и уверял его, что едва он вступит в гавань, ему будет готов груз пряностей и благовонных веществ. Васко де-Гама решил было войти в гавань и отдал приказ поднять якоря на другое утро. Но ночью к флотилии Васко де-Гамы снова приблизились мавры на лодках и хотели было обрубить канаты. Захваченные португальцами два араба сознались, что у них было условлено, что как только португальские корабли войдут в гавань, сделать на них нападение и португальцев взять в плен.

Вследствие этого Васко де-Гама распорядился скорее покинуть этот остров и отправиться дальше. В восьми милях от Момбаса португальцы захватили на море барку, нагруженную золотом, серебром и с'естными припасами. На другой день после от'езда из Момбаса, 14-го апреля, португальский флот подошел к Мелинде, богатому и цветущему городу, позолоченные минареты которого, сиявшие под солнечными лучами, красиво выделялись на голубом небе.

Султан Мелинды встретил португальцев вначале очень холодно, но затем согласился заключить с Васко де-Гамой дружественный союз. Васко де-Гама подарил султану драгоценное оружие, а взамен получил с'естные припасы и пряности. Сын султана, окруженный своею свитою, прибыл на корабль Васко де-Гамы и был сильно поражен величиною португальских кораблей. Более же всего туземцы были поражены стрельбою из пушек, так как они еще не знали употребления пороха. Несмотря на самые настоятельные приглашения, Васко де-Гама не решился выйти на берег, боясь засады. 22-го апреля он отплыл из Мелинды в дальнейший путь. Султан Мелинды дал ему лоцмана араба для указания пути к индийским берегам. Этот лоцман, по имени Малемо Кан, бывал в Индии и умел пользоваться компасом и картами; он оказал большие услуги Васко де-Гаме.

Благодаря искусству и честности этого лоцмана, а также благоприятным ветрам, корабли Васко де-Гамы, после двадцатитрехдневного плавания, 17-го мая 1498 года, увидали перед собою Малабарский берег и на другой день бросили якорь недалеко от индийского города Каликута. Город Каликут (его не следует смешивать с современной Калькуттой) был в то время самым богатым и крупным городом Индии. На его обширном рейде теснились суда всех наций Востока. Сюда привозились все произведения богатой «страны чудес», чтобы отсюда расходиться во все страны Европы и Африки.

Едва только португальские корабли бросили якорь, как к ним подплыли четыре лодки, и люди, сидевшие в них, приглашали матросов знаками высадиться на берег. Но Васко де-Гама, сделавшийся осторожным после событий в Мозамбике и Момбасе, послал на берег в качестве разведчика только одного матроса. Окруженный толпою любопытных, матрос был отведен толпою к одному мавру Мусаиду, который, как оказалось, знал по-испански. Матрос рассказал ему о прибытии португальских кораблей, и Мусаид отправился с ним к Васко де-Гаме.

Когда матрос в сопровождении мавра вошел на корабль Васко де-Гамы, то мавр, приблизившись к адмиралу, проговорил по-испански: «Добро пожаловать, воздайте благодарение богу, что он привел вас в богатейший край земли». Эта речь на испанском языке поразила Васко де-Гаму и его спутников и страшно обрадовала. Иметь с первого же раза хорошего переводчика было очень важно. От Мусаида Васко де-Гама узнал, что он жил долгое время в Тунисе и там научился испанскому языку. Мусаид рассказал португальцам.

что они пристали к индийскому берегу, и что все побережье, от мыса Коморина до Мангалора, принадлежит Самудри-радже, что значит «Властитель гор и моря»; резиденция этого властителя находилась в нескольких милях от берега.

На другой день Васко де-Гама послал к радже вместе с мавром двух португальцев с сообщением, что прибыл посол

Корабль «Св. Гавриил», на котором Васко де-Гама совершил путь в Индию. (Снимок с рисунка того времени.)

португальского короля и привез письма для индийского короля. На другой день на корабль Васко де-Гамы явился посол раджи и просил адмирала сойти на берег и явиться к радже. Васко де-Гама решил последовать за послом раджи. Прежде чем отправиться к радже, Васко де-Гама написал духовное завещание и приказал, если он не вернется, немедленно плыть на родину без него, чтобы Португалия, по крайней мере, могла узнать, что морской путь в Индию найден. Затем он простился со всеми своими спутниками и, взяв с собою двенадцать человек матросов, отправился на берег.

На берегу португальцы были встречены трубными звуками и громадной толпою народа. Жители Каликута имели большею частью бронзовый цвет лица; некоторые мужчины были с большими бородами и длинными волосами. До пояса все были обнажены, а вокруг бедер носили передники из бумажной материи. Женщины были большею частью некрасивы; на руках, в ушах и на груди они носили различные украшения из золота и драгоценных каменьев.

К своему удивлению, португальцы всюду встречали признаки высокой культуры страны. Всюду виднелись великолепные храмы и здания. Когда процессия подошла к одному храму, то из него вышли брамины и поднесли португальцам очистительную воду, принятую португальцами за святую. Они подумали. что храм этот христианский и поэтому вошли в него, чтобы помолиться. В темном углу храма стоял идол, называемый индусами Мари; некоторые из португальцев преклонили перед идолом колени, приняв его за изображение богоматери, так как они были уверены. что все индусы—христиане, обращенные в христианство еще апостолом Фомою.

Вскоре Васко де-Гама был встречен тремя тысячами воинов-телохранителей раджи, которые и повели их к своему властителю. Вид этого сильного конвоя смутил португальцев, и они с большим страхом шли ко дворцу. При входе во дворец португальцы были встречены браминами, которые облобызали их и приветствовали; затем португальцев провели в тронную залу, роскошно украшенную. «Властитель гор и моря»—Самудри-раджа, или, как переделали португальцы его имя. «Саморин», был уже пожилой мужчина; одежда его была осыпана драгоценными каменьями и жемчугом; он небрежно сидел на белых шелковых подушках. На низкий поклон Васко де-Гамы ответил он еле заметным кивком головы, но, тем не менее, пригласил португальцев сесть—высокая милость в стране, где с повелителем не говорят иначе, как повергаясь на землю. Затем раджа приказал подать прохладительные напитки и фрукты. После угощения «Саморин» удалился с Васко де-Гамою и переводчиком в соседнюю залу, чтобы без свидетелей, как на том настаивал Васко де-Гама, об'явить о причине своего приезда. Здесь Васко де-Гама торжественно заявил радже, что король Португалии, могущественнейший и богатейший властелин западных стран, прислал его заключить дружественный и торговый союз с властелином Каликута, главою индийских царей; в доказательство истинности своей миссии Васко де-Гама обещал радже доставить на дру-

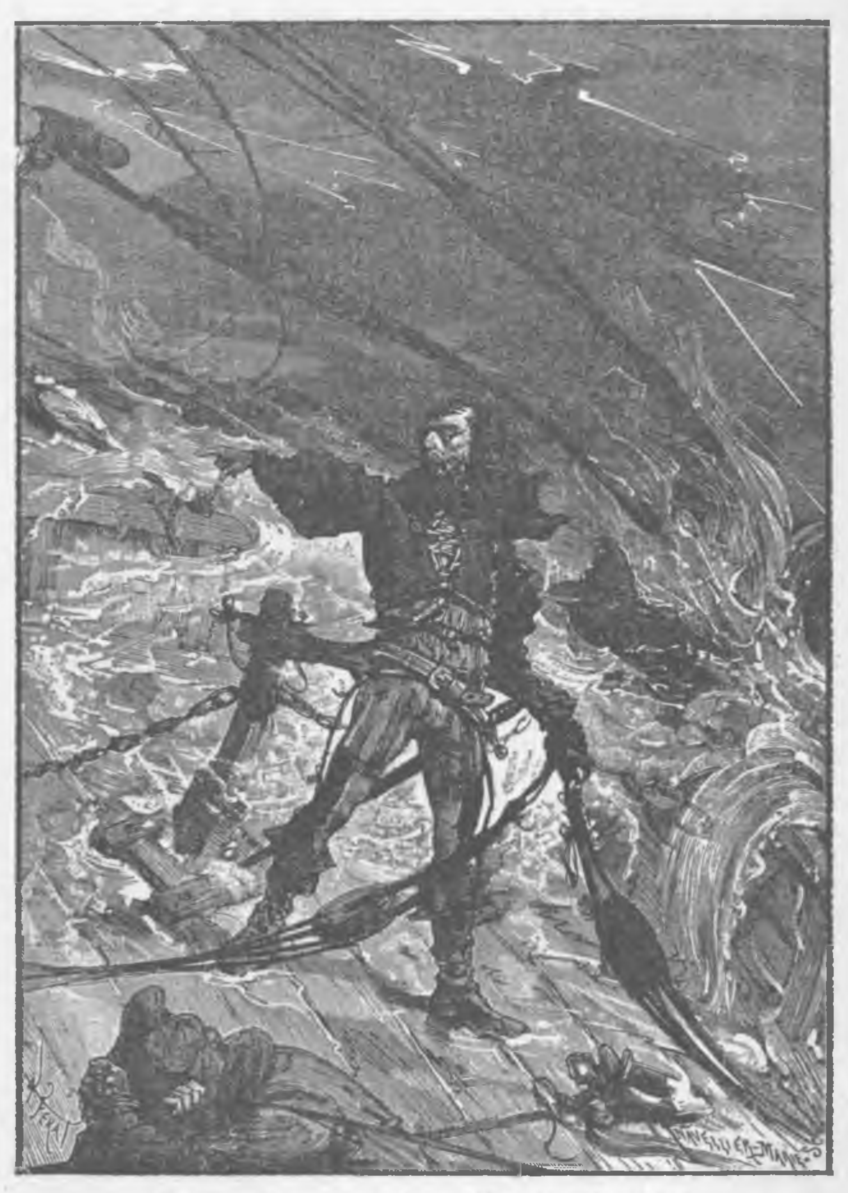
гой день верительные грамоты и подарки португальского короля.

Однако раджа очень подозрительно относился к Васко де-Гаме, тем более, что арабские купцы, видя в португальцах своих конкурентов, старались возбудить раджу против португальцев, распространяя слух, что португальцы приехали в Каликут только для того, чтобы хорошенько ознакомиться с городом, а затем возвратиться сюда с большим количеством войска и завоевать страну.

Вследствие враждебного отношения Каликутского раджи, Васко де-Гама поспешил отплыть из Каликута и отправился вдоль берега Деканского полуострова. Затем он направился к островам Лакедивским, где хотел произвести починку своих кораблей. Во время этой стоянки у Цейлона, к Васко де-Гаме явился человек, одетый по-индийски, и стал рассказывать ему на итальянском языке, что он еще в ранней молодости был продан в рабство в Индию; он сказал, что состоит на службе у местного раджи, который, узнав о приезде португальцев, послал его к ним, чтобы предложить португальцам в их распоряжение все, что имеется в этой стране. Такое отношение вызвало у португальцев подозрение, и они задержали человека у себя. В конце концов, он сознался, что пришел узнать силы португальцев, так как местный раджа хочет напасть на них. Васко де-Гама после этого поспешил скорее окончить ремонт и вскоре отплыл в обратный путь.

Вследствие штиля и отсутствия благоприятных ветров кораблям Васко де-Гамы понадобилось целых три месяца, чтобы добраться до восточных берегов Африки. Во время этого долгого переезда почти все матросы заболели цынгой, и тридцать человек умерло от этой болезни. 2-го февраля 1499 года португальские корабли прибыли наконец к африканскому берегу; но боясь повторения того же приема, какой был оказан португальцам в Мозамбике, Васко де-Гама решил направиться далее, к Мелинде.

Васко де-Гама пробыл пять дней в Мелинде, и его экипаж восстановил свои силы. Отсюда он спустился до Момбаса, где решил сжечь корабль «Сан-Рафаэль», так как численность экипажа была так ограничена, что не было возможности управлять тремя кораблями. Направляясь далее к мысу Доброй Надежды, Васко де-Гама открыл остров Занзибар, где остановился в бухте Сан-Браз. 20-го февраля, благодаря попутному ветру, флотилия Васко де-Гамы обогнула благополучно мыс Доброй Надежды, и таким образом португальцы очутились снова в Атлантическом океане. В половине марта

Васко де-Гама на своем корабле во время бури.

корабли Васко де-Гамы достигли острова Сант-Яго. Отсюда он послал на одном корабле своего спутника Николая Коельхо в Лиссабон, чтобы известить короля об открытии Индии.

Сам же он остался на несколько дней на островах Зеленого мыса, так как сопровождавший его брат, Паоло де-Гама, был сильно болен и не мог далее продолжать путь. Через некоторое время Васко де-Гама передал команду своим кораблем Жоао де-Сао, а сам нанял быстроходную каравеллу и отправился на ней вместе с больным братом в Португалию. Однако ему не удалось довезти больного на родину; Паоло де-Гама умер по дороге, не доезжая острова Терсеиры, на котором Васко де-Гама и похоронил его.

Васко де-Гама вернулся в Лиссабон один в конце сентября месяца 1499 года, пробыв, таким образом, в путешествии целых двадцать шесть месяцев. При своем возвращении Васко де-Гама был торжественно встречен всем населением Лиссабона, и король щедро наградил адмирала. Из ста шестидесяти человек, поехавших с Васко де-Гамой, обратно вернулись лишь пятьдесят пять, т.-е. одна треть.

Но гибель этих людей не была напрасна; их трудами была разрешена великая географическая задача — отыскание морского пути из Европы в Индию; этот путь был открыт через восемьдесят четыре года после того, как принц Генрих Мореплаватель отправил первых мореходов для отыскания его.

Таким образом Васко де-Гама достиг того, к чему стремился Колумб, и его торжество в Лиссабоне затмило славу Колумба. Открытие морского пути в Индию имело огромное значение в жизни европейских народов. После этого открытия Средиземное море опустело, и процветавшие до того времени Венеция и Генуя, в руках которых находилась торговля с Востоком, пришли в упадок: их место занял Лиссабон.

II.

Педро Альварес Кабраль. — Открытие Бразилии. — Жоао да-Нова.

Вернувшись из Индии, Васко де-Гама заявил королю, что если Португалия желает держать в своих руках торговлю с Индией, то она должна отправлять туда не только мирных купцов, но и воинов, которые могут сломить могущество мавров и подчинить Португалии самих индусов. Вследствие этого король Эммануил в марте месяце 1500 года снарядил

новую экспедицию в Индию, назначив начальником этой экспедиции Педро Альвареса Кабраля. Эта экспедиция состояла из двенадцати кораблей, на которых было 1500 солдат. С этой экспедицией король Эммануил послал нескольких монахов францисканцев для распространения среди индусов христианства.

9-го марта 1500 года экспедиция Кабраля отправилась из Лиссабона. В числе спутников Кабраля, в качестве капитана одного из кораблей, был Бартоломей Диаз, первый из мореплавателей обогнувший мыс Доброй Надежды. Около 22-го марта эскадра Кабраля и Диаза достигла островов Зеленого мыса; здесь сильная буря рассеяла эскадру. Кабраль с несколькими кораблями направился к югу, но быстрое морское течение отнесло его корабли далеко к западу, и мореплаватели через несколько дней плавания неожиданно увидели перед собою вершину какой-то горы, а затем перед ними показалась обширная земля. Это был берег материка Южной Америки, названный впоследствии Бразилией, по имени легендарного острова Бразиль, существование которого предполагалось на западе Атлантического океана.

Однако Кабраля нельзя назвать первым из европейцев, увидавшим берега Бразилии. Уже 26-го января 1500 года к этим берегам пристал один из спутников по первому путешествию Христофора Колумба, Винцент Янес Пинзон; отправившись на своем корабле и на свой собственный счет за океан, Пинзон первый открыл берега Бразилии, пристав здесь у мыса св. Августина, названного им «Мысом Утешения». Но об этом открытии Кабраль не имел никаких сведений, так как Пинзон вернулся в Испанию только 30-го сентября 1500 года.

Утром 21-го апреля Кабраль послал на берег одного из своих спутников, Коельхо, который, вступив на девственную почву страны, встретил здесь совершенно голых темнокожих людей с длинными гладкими волосами. На следующий день, в воскресенье, 22-го апреля, весь экипаж кораблей Кабраля вышел на берег. Вокруг португальцев скоро собрались толпы дикарей; они не проявляли никакого враждебного настроения и с любопытством рассматривали невиданных белых людей. Дикари этой земли жили в хижинах, построенных на сваях и покрытых большими пальмовыми листьями. Дикари не знали ни золота, ни серебра, но когда им показали медные вещи, то они пришли в восторг и, с своей стороны, тоже принесли несколько медных украшений, ценившихся ими, повидимому, очень дорого. Почти у всех дикарей, как у

мужчин, так и у женщин, были прорезаны нос, уши и губы, и в отверстия были вставлены косточки и палочки; вследствие этого португальцы назвали этих дикарей ботокудами (от португальского слова botoque—затычка).

1-го мая Кабраль торжественно присоединил эту страну к владениям Португалии и, считая ее за остров, назвал ее «Иль-да-Вера-Санта-Круц», т.-е. «Остров Истинного Святого Креста». Не имея времени продолжать исследование этой земли, Кабраль на следующий день снова поднял паруса, чтобы плыть в Индию, а в Португалию он отправил с известием об открытии Новой Земли на западе капитана Коельхо. Эта весть очень обрадовала короля, и он тотчас же послал новую экспедицию в новооткрытую страну. Уже первого января 1503 года одно португальское судно вошло в прекрасную бухту, названную португальцами «Январской бухтой»—Рио-де-Жанейро.

Между тем сам Кабраль 2-го мая покинул Бразилию и направился в Индию. Море было спокойно, и погода стояла ясная. Только в полдень 23-го мая мореплаватели внезапно заметили на горизонте темное облачко, спустившееся почти до поверхности моря. Это темное облако быстро увеличивалось и неслось навстречу эскадре. Скоро сильнейший ураган разразился над кораблями. В одно мгновение вся эскадра была рассеяна по безграничному простору океана, и четыре корабля со всем экипажем погибли в волнах моря. В числе погибших португальцев был и Бартоломей Диаз, ему так и не удалось увидеть берегов Индии, к которым он так страстно стремился. Целых двадцать суток свирепствовала эта буря, увлекая эскадру Кабраля, которая пронеслась мимо мыса Доброй Надежды, не видав его. Когда, наконец, буря утихла, и Кабраль собрал оставшиеся шесть кораблей, они оказались в таком плохом состоянии, что потребовалась вся его энергия и красноречие, чтобы уговорить измученных матросов продолжать плавание.

20-го июля корабли Кабраля подошли к Мозамбику, и отсюда он направился к Мелинде, надеясь там отдохнуть. Действительно, шейх и жители Мелинды встретили португальцев очень радушно, и Кабраль починил в Мелинде корабли, сделав запасы провизии и нанял хороших лоцманов, знавших путь в Индию. 13-го сентября 1500 года Кабраль уже увидел на горизонте Каликут и вскоре бросил якорь близ берега.

Благодаря богатым подаркам, привезенным Кабралем радже, путешественникам был оказан хороший прием, и

между португальцами и индусами установились было хорошие отношения. Раджа согласился на все предложения Кабраля: а именно, дать португальцам привилегию исключительной торговли пряностями и право конфискации кораблей, которые нарушат эту привилегию. В полном согласии прошло несколько месяцев, арабские купцы скрывали свое неудовольствие, не переставая, однако, возбуждать население Каликута против португальцев. Наконец, подготовлявшийся бунт против португальцев разразился; поводом послужило то, что Кабраль однажды захватил на море судно, думая, что оно везет пряности, но на судне были священные слоны для раджи в Каликуте. Португальцы убили одного слона для еды. Узнав об этом, индусы напали на факторию, где жили португальцы. Бывшие там спутники Кабраля успели запереться и поспешили поднять флаг, служивший знаком, что они находятся в опасности. Кабраль, бывший в это время на корабле, увидав флаг, поспешил на помощь и подступил к самому городу. В это время индусы разгромили факторию и убили около семидесяти человек португальцев. Видя, что после этого его пребывание в Каликуте невозможно, Кабраль направился далее к югу, чтобы отыскать другой город, где можно было бы установить мирные сношения.

Продолжая плавание вдоль Малабарского берега, Кабраль достиг города Кочина, раджа которого, бывший в зависимости у раджи Каликута, решил с помощью португальцев стать самостоятельным и поэтому заключил с Кабралем союз, оказав ему хороший прием. В Кочине Кабраль нагрузил свои корабли различными пряностями и затем посетил еще город Кананор, где также заключил союз с раджей. Из Кананора Кабраль отправился в обратный путь. Следуя вдоль берегов Африки, омываемых Индийским океаном, Кабраль открыл Софалу, и 13-го июля 1501 года прибыл в Лиссабон.

Еще до возвращения Кабраля в Португалию, король Эммануил послал в Индию новую экспедицию из четырех кораблей под начальством Жоао да-Нова, чтобы закрепить торговые сношения с Индией. Эта экспедиция обогнула благополучно мыс Доброй Надежды, открыла между Мозамбиком и Килоа незнакомый остров, названный по имени адмирала островом Жоао да-Нова. Прибыв в Мелинду, Жоао да-Нова узнал о том, что произошло в Каликуте с Кабралем. Не желая рисковать своим флотом, Жоао да-Нова направился прямо к Кочину и к Кананору, где нагрузил все корабли перцем, имбирем, корицей и другими пряностями.

На обратном пути в Европу Жоао да-Нова открыл в Атлантическом океане небольшой остров, названный им островом Святой Елены. Остров Св. Елены является первым пунктом в южном полушарии, где началась европейская колонизация. По этому поводу сохранилось следующее повествование: некто Фернандо Лопес, один из спутников Васко де-Гамы, приехав в 1499 году в Каликут, решил жениться на индуске, для чего принужден был перейти в мусульманство. После от'езда Васко де-Гамы Лопес остался в Каликуте. Но когда он узнал о прибытии в Кочин Жоао да-Нова, то он явился туда и просил адмирала взять его обратно на родину; он снова перешел в христианство. Когда Жоао да-Нова открыл остров Святой Елены, Лопес настоятельно просил Жоао да-Нова высадить его на берег. Уступая его просьбе, Жоао да-Нова высадил Лопеса на остров, оставил ему немного припасов, семена овощей и хлебных растений и дал ему некоторые орудия. Фернандо Лопес, оставшийся на острове, принялся с таким усердием за труд, что через четыре года на острове в изобилии произрастала пшеница, и разные овощи, и португальские корабли, во время длинных переходов от Европы до мыса Доброй Надежды, могли здесь пополнять свои запасы.

III.

Вторая экспедиция Васко де-Гамы в Индию.—Альфонс Альбукерк.—Тристан да-Кунья.—Альмейда.—Осада и взятие Маллаки.—Открытие Моллукских островов.

Неисчислимые богатства Индии возбудили у португальцев стремление завоевать эту страну. Так, за открытием последовало покорение. Хищнические инстинкты толкали людей на то, чтобы овладеть богатствами другого народа, даже при условии полной гибели самобытной культуры или целого народа. Совершивший открытие превращался в завоевателя, в конквистадора.

Португальский король, решив завоевать Индию, снарядил новую экспедицию с большим отрядом войска. Начальником этой экспедиции был выбран снова Васко де-Гама. Экспедиция состояла на этот раз из двадцати кораблей. Эскадра Васко де-Гамы отправилась из Лиссабона 10-го февраля 1502 года. С этой экспедицией географические исследования у португальцев отходят на второй план, главной же

целью становится завоевание Индии с целью воспользоваться ее богатствами.

Хотя эскадра Васко де-Гамы испытала и на этот раз сильную бурю, но в общем плавание было благополучно. В Софале и Мозамбике Васко де-Гама основал фактории и провиантские станции. 3-го октября 1502 года флот Васко де-Гамы был уже у берегов Кананора. По прибытии в Кананор Васко де-Гама был принят раджей, который разрешил португальцам основать в Кананоре факторию и построить небольшую крепость. После этого Васко де-Гама направился в Каликут, где он намеревался наказать раджу за нападение на португальцев три года тому назад. Хотя каликутский раджа и знал о прибытии в Индию своих врагов, но не принял никаких мер предосторожности. Поэтому Васко де-Гама свободно подошел к городу, овладел всеми судами, стоявшими в гавани и захватил около ста человек пленных; затем он дал радже четыре дня сроку, в которые тот должен был дать португальцам удовлетворение за убийство их товарищей и уплатить стоимость товаров разграбленных индусами.

После истечения назначенного срока, Васко де-Гама, не получив от раджи никакого ответа, начал бомбардировать город и в три дня превратил его в груду развалин. Сам раджа и большая часть населения бежали из города. После этого Васко де-Гама оставил в гавани Каликута Винцента Содреса с несколькими кораблями, а сам возвратился в Кочин. Здесь Васко де-Гама, оставив в построенной крепости отряд солдат и несколько судов, нагрузил свои остальные корабли пряностями и отправился обратно в Европу.

Эскадра Васко де-Гамы вернулась в Лиссабон 20-го декабря 1503 года. Возвращение Васко де-Гамы на этот раз было обставлено еще более торжественно, чем в первый раз. Перед Васко де-Гамой несли богатую добычу и многочисленные подарки индийских раджей; в числе этих подарков был скипетр, посланный в дар португальскому королю христианами-несторианами, так называемыми «последователями святого апостола Фомы». Кроме того, Васко де-Гама привез массивный золотой идол, со смарагдами вместо глаз и рубином на груди. Большая часть этих сокровищ была пожертвована на постройку нового храма в Белеме, близ Лиссабона. Васко де-Гама, передавая все эти предметы королю, торжественно произнес: «Португалия господствует в Индии без соперников».

Однако, в действительности, владычество португальцев в Индии было непрочно; горсти европейцев невозможно было подчинить себе такую населенную и культурную страну, как

Индия, и поэтому после второй экспедиции Васко де-Гамы понадобилась посылка еще многих экспедиций, чтобы удерживать несколько укрепленных пунктов на берегах Индии.

В 1504 г. король Эммануил назначил вице-королем Индии адмирала Тристана да-Кунью, но последний, внезапно ослепнув, принужден был сложить с себя полномочия. Вместо Тристана да-Куньи вице-королем был назначен Альфонс Альбукерк, который предпринял решительные шаги к покорению Индии. Скоро торговля индийскими пряностями окончательно сосредоточилась в руках португальцев.

Укрепившись на Малабарском берегу Индии, португальцы находились, однако, еще далеко от тех стран, где растет мускатный орех, гвоздика, камфора, перец и другие пряности; им приходилось покупать эти товары из вторых или третьих рук. Но португальцы знали уже, что все эти пряности привозятся на Малабарский берег из богатой Малакки, находившейся по ту сторону Индии, дальше к востоку. В 1511 г. Альбукерк предпринял завоевание Малакки и отправился туда во главе флотилии, состоявшей из девятнадцати кораблей.

Завоевав Малакку, Альбукерк отправил несколько кораблей на Моллукские острова. Эта экспедиция исследовала весь Зондский архипелаг, Суматру, Яву, Симбалу, Галам; затем, находясь недалеко от берега Австралии, она поднялась к северу и достигла островов Буру и Амбоина, входящих уже в группу Молуккских островов. Нагрузивши свои суда гвоздикой, мускатным орехом, сандальным деревом и жемчугом, португальцы направились в Малакку. Таким образом на этот раз была открыта действительная страна пряностей; оставалось только основать там фактории и вступить во владение ими, что вскоре и было исполнено португальцами. После завладения португальцами Молуккскими островами, португальцы установили торговые сношения с Сиамом и Китаем.

Однако хищнические стремления португальцев не дали им возможности установить прочные сношения с Востоком; в 1523 г. китайцы изгнали португальцев из своих владений; в 1567 г. против португальцев заключили союз все раджи Малабарского берега, а в 1578 г. против португальцев восстали Цейлон и Амбоин. Вследствие этого португальцы не могли упрочить свою власть в Индии, и их владычество на Индийском океане продолжалось только около ста лет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Завоевание Центральной Америки.

I.

Конквистадоры Центральной Америки. — Путешествие Гойеды.—Жуан де-ля-Коза.—Винцент Янес Пинзон.—Америго Веспучи.—Бастидас.—Диего де-Лепе.—Диаз де-Солис.

Таинственные заокеанские страны, открытые Колумбом, и рассказы об изобилии в этих странах золота и жемчуга возбудили большой интерес к Новому Свету во всех слоях испанского общества. После того, как 2-го июня 1497 года испанское правительство разрешило всем желающим свободное заселение открытых Колумбом стран, в Новый Свет потянулось огромное число испанских купцов, обедневших гидальго и всяких искателей приключений.

Едва Колумб, отправляясь в свое третье путешествие, покинул гавань Сан-Лукара, как почти одновременно были снаряжены за океан четыре экспедиции на счет богатых испанских судовладельцев, между которыми играли главную роль братья Пинзоны, спутники Колумба по первому его путешествию, и Америго Веспучи.

Первая из этих экспедиций состояла из четырех кораблей; она вышла из порта Санта-Мария 20-го мая 1499 года, под начальством Алонзо Гойеды. В качестве главного лоцмана в этой экспедиции был Жуан де-ля-Коза. Одним из участников этой экспедиции был флорентийский ученый и в то же время купец, Америто Веспучи.

Прежде чем передавать историю этого путешествия, мы несколько подробнее остановимся на этих трех личностях, из которых последний играет в истории открытия Нового Света роль тем более важную, что его именем был назван вновь открытый материк.

Алонзо Гойеда, родившийся в Куэнке около 1465 года, воспитывался в доме герцога Медины и участвовал в войне

против мавров. Когда Колумб подыскивал спутников для своего второго путешествия, Гойеда решил отправиться с ним и записался в число экипажа, как офицер. Во время путешествия Гойеда обратил на себя внимание Колумба спокойной решительностью, хладнокровием и находчивостью. Вернувшись в Испанию, Гойеда нашел поддержку у Фонсеки, главного министра по делам новооткрытых земель. Вероятно, с его помощью и поддержкой и была снаряжена экспедиция, начальство над которой было вверено Гойеде.

Старшим лоцманом экспедиции Гойеды был, как мы сказали, Жуан де-ля-Коза, родом из бискайского города Сантона. Жуан де-ля-Коза считался искусным моряком и совершал до этого времени неоднократные плавания к африканскому берегу; он был также одним из спутников Христофора Колумба в первых его двух путешествиях за океан. Жуан де-ля-Коза был в то же время картографом, и до нашего времени дошли две его очень интересные географические карты: первая из этих карт изображает все земли Африки, открытые португальцами до 1500 года, а вторая передает все открытия Колумба и его последователей за океаном.

Что касается Америго Веспучи, то его обязанности в экспедиции были неопределенны. По всей вероятности, он принимал денежное участие в снаряжении экспедиции, и сам поехал за океан с чисто научною целью. Америго Веспучи родился 9-го марта 1451 года во Флоренции в знатной и зажиточной семье. В молодости он получил хорошее воспитание и изучил математику, физику и астрономию под руководством своего дяди, Георгия-Антония Веспучи, ученого монаха монастыря святого Марка.

Америго Веспучи прибыл около 1492 года из Флоренции в Испанию и поселился в Севилье для надзора за коммерческими делами флорентийского дома Медичей. Живя в Севилье, Америго Веспучи познакомился с своим соотечественником Жуаното Берарди, имевшим в Севилье большое торговое предприятие. Торговый дом Берарди принимал участие в снаряжении второй экспедиции Христофора Колумба, и, по всей вероятности, в это время Веспучи познакомился с Колумбом. По смерти Жуаното Берарди, в 1495 году, наследники его пригласили Веспучи в качестве главного управляющего своими торговыми делами. В январе 1496 г. фирме Берарди испанское правительство отдало подряд на снаряжение четырех каравелл для заокеанской экспедиции. Во время исполнения этого подряда Америго Веспучи несколько раз имел свидания с Колумбом, с которым он повидимому находился

в дружеских отношениях, по свидетельству самого Колумба в письмах его к сыну своему Диего. Беседы с Христофором Колумбом и личное участие Веспучи в снаряжении экспедиции возбудили в нем желание увидеть таинственные страны, открытые Колумбом. Вследствие этого он и принял участие в экспедиции Гойеды. Полагают, что Веспучи участвовал в издержках по снаряжению этой экспедиции и отправился на каравелле, принадлежавшей фирме Берарди. Этим способом он приобрел право разделять выгоды и убытки этой экспедиции, так как испанское правительство строго воспрещало иностранцам производить торговлю с заатлантическими владениями.

Флотилия Гойеды, Жуана де-ля-Козы и Америго Веспучи в составе четырех каравелл вышла из порта Санта-Марии 20-го мая 1499 года и, держась юго-западного направления, достигла через двадцать семь дней американского материка. Побережье, куда прибыла флотилия, было названо Венецуэлой, вследствие того, что мореплаватели, войдя в Маракаибский залив, увидали на берегу индейскую деревню, построенную на сваях. Деревня эта была окружена водою, и жители ее сообщались между собою на лодках. Все это напомнило мореплавателям Венецию, и они назвали индейскую деревушку Венецуэлой, а от нее это название перешло и на всю прилегающую страну. Гойеда пробовал сблизиться с туземцами, но они при всяком приближении испанцев пускали в них тысячи стрел. Вскоре Гойеда отплыл от Венецуэлы и, проплыв затем восемьдесят миль к востоку от реки Ориноко, прибыл в залив Пария. Руководствуясь картами Колумба, Гойеда миновал пролив «Драконова пасть», отделяющий остров Тринидад от материка. Затем флотилия Гойеды приставала к Караибским островам, на которых Гойеда захватил множество туземцев с целью продать их в Испании. Наконец, 5-го сентября 1499 г. флотилия Гойеды бросила якорь у берегов Испаньолы.

Христофор Колумб, бывший в это время на Испаньоле, зная Гойеду и боясь, что он внесет с собою в колонию новый элемент раздора, послал к Гойеде сказать, чтобы тот не высаживался на остров. Однако Гойеда высадился на Испаньоле, и скоро около него собралась группа недовольных Колумбом лиц. Гойеда с товарищами постановили изгнать Колумба, так как знали, что Колумб уже перестал пользоваться расположением короля. Попытка Гойеды, однако, не имела успеха, и он решил покинуть Испаньолу. Гойеда забрал с Испаньолы много индейцев, которых он продал затем в Кадиксе. В фев-

рале месяце 1500 года Гойеда вернулся в Испанию, немного позднее Америго Веспучи и Рольдана, прибывших в Испанию 18-го октября 1499 года.

Америго Веспучи, вернувшись в Испанию, решил снова отправиться в Новый Свет, чтобы лучше познакомиться с новыми областями и, если будет возможно, отыскать пролив из Атлантического океана в Индейский. Однако для этого предприятия Америго Веспучи не нашел себе товарищей в Испании, и поэтому предложил свои услуги португальскому королю. Король Португалии, заинтересованный в том, чтобы отыскать прямой путь в Индию, снарядил под начальством Веспучи в 1501 году экспедицию в Новый Свет. В это свое путешествие Америго Веспучи исследовал берега Бразилии. открытой ранее Пинзоном и затем Кабралем. В 1503 году Веспучи снова совершил экспедицию к берегам Бразилии и решился на этот раз плыть вдоль бразильского берега до тех пор, пока не найдет пролива в Индейский океан. Эта экспедиция была, однако, неудачна, и Америго Веспучи, достигнув 23° южной широты, вынужден был вернуться в Лиссабон.

Во время своих путешествий вдоль берегов Нового Света, Америго Веспучи пришел к заключению, что вновь открытые земли представляют собою не острова Восточной Азии, а самостоятельный материк, неизвестный до того времени. Свои взгляды и результаты своих путешествий Америго Веспучи изложил в нескольких письмах к своим друзьям; эти письма вскоре были напечатаны и переведены на многие западноевропейские языки.

Идея Америго Веспучи о том, что Новый Свет представляет собою совершенно самостоятельный материк, нашла много защитников среди тогдашних ученых, и вскоре многие писатели-космографы, говоря о материке Нового Света, стали называть его Землею Америго Веспучи. В 1507 году космограф Мартин Вальдзеемюллер, называемый Гилаколимус, в своей книге, напечатанной во французском городе Сен-Дие под заглавием «Cosmographiae introductio, предложил дать новой части света название Америки в честь Америго Веспучи. Это название постепенно и было принято большинством ученых того времени.

В своей книге Гилаколимус, указав о разделении поверхности обитаемой земли на три части: Европу, Азию и Африку, говорит об открытии четвертой части следующее: «Теперь, когда эта часть открыта и исследована Америго Веспучи, ей можно дать название Америки, т.-е. страны Америго Веспучи, по имени открывшего эту страну...». Здесь необходимо

Америго Веспучи.

добавить, что Гилаколимус хорошо знал об открытиях Колумба, но, давая название «Америки» новому материку, он подразумевал не острова, открытые Колумбом, а ту часть южно-американского материка, которой несколько позднее было дано название Бразилии. Эти названия Америки и Бразилии были вначале тождественны и на одном глобусе 1520 года мы видим надпись между 10 и 20 градусами южн. шир. «Америка или Бразилия, или Страна попугаев».

На карте, составленной Баптиста Анезе в Венеции в 1536 году, названия «Америки» нет, и земля к югу от экватора на западе Атлантического океана названа Новым Светом и Бра-

Ame-rico

Nunc vero & heç partes sunt latius lustratæ / & alia quarta pars per Americū Vesputium (vt in sequentibus audietur) inuenta est: quā non video cur quis iure vetet ab Americo inuentore sagacis ingenij viro Amerigen quasi Americi terram / siue Americam dicendam: cum & Europa & Asia a mulieribus sua sortita sint nomina. Eius sitū & gentis mores ex bis binis Americi nauigationibus quę sequūtur liquide intelligi datur.

Страница из книги «Introductio Cosmographicae», где в первый раз заантлантические страны были названы именем «Америка».

зилией. На географической карте, составленной Себастьяном Мюнстером в 1540 году несколько ниже экватора написано: «Новый Свет, Атлантический остров, который называют Бразилией или Америкой». Название Америки, благодаря созвучию с названиями других частей света—Европы, Азии и Африки, постепенно вытеснило все другие названия, дававшиеся вновь открытым землям и в XVI веке распространилось даже и на северную часть нового материка.

Таким образом имя Америго Веспучи было увековечено в названии целой половины земного шара, хотя было бы более справедливо дать этой части света название Колумбии, в честь гениального мореплавателя, открывшего ее впервые для человечества.

Почти одновременно с экспедицией Гойеды и Америго Веспучи в 1499 году из Испании отправились в Новый Свет

еще три экспедиции. Первая, состоявшая из одной только каравеллы, вышла в июне 1499 года, под начальством Педро Алонзо Нино, сопровождавшего Христофора Колумба во время его двух первых путешествий. Он принял в товарищи себе севильского купца Христофора Гуэрру, на счет которого и была, вероятно, снаряжена экспедиция. Педро Алонзо Нино не сделал никаких новых открытий, но он привез в Испанию, в апреле месяце 1500 года, большое количество жемчуга. Вторая экспедиция в Новый Свет отправилась под начальством Винцента Янеса Пинзона, младшего брата Алонзо Пинзона, капитана каравеллы «Пинта».

Винцент Янес Пинзон, преданность которого Христофору Колумбу была так же велика, как ненависть его брата, также участвовал в экспедиции Христофора Колумба в 1492 году и был капитан третьей каравеллы «Нинья». Винцент Янес Пинзон выехал в декабре 1499 года с четырьмя судами, из которых только два возвратились в гавань Палоса в конце сентября 1500 года. Пинзон пристал к материку Нового Света немного ниже местности, куда несколько ранее высадился Гойеда. Он исследовал берег на протяжении 700—800 миль, открыл мыс, названный им мысом Св. Августа, под 8° 20' южной широты, затем плавал вдоль берега к северо-западу до Рио-Гранде, которую он назвал рекою «Святой Марии Тихого моря».

После Пинзона исследованием этих стран занимался в 1500 году Диего Лепе, который прибыл к берегам Нового Света лишь на двух небольших каравеллах. Когда Диего Лепе возвратился в Испанию, из Кадикса за океан вышла новая экспедиция. Эта экспедиция была снаряжена Родриго Бастидасом, богатым гражданином Кадикса; экспедиция Бастидаса имела цель, главным образом, коммерческую. Начальником экспедиции был Жуан де-ля-Коза, о котором мы упоминали выше. Этот мореплаватель, стремившийся открыть и исследовать еще неизвестные земли, много способствовал тому, что экспедиция открыла много новых островов. К несчастью экспедиция окончилась очень печально. Каравеллы погибли в заливе Ксарагуа, близ Испаньолы, и Бастидас с Жуаном де-ля-Коза едва добрались до Сан-Доминго.

После этой богатой результатами экспедиции, путешествия, имевшие целью новые открытия, становятся реже и реже. Вместо этого испанское правительство снаряжало экспедиции с чисто завоевательными целями, чтобы упрочить свою власть в уже открытых областях. Выше мы видели, что сам Христофор Колумб начал в 1493 году постройку го-

рода и крепости на Испаньоле. Два года спустя Колумб сам исследовал страну и заложил город Сан-Доминго. Бобадилья, а затем Овандо, губернаторы, сменившие Колумба, продолжали завоевание острова и обращали индейцев в рабство. Жестокое обращение с этим несчастным племенем с каждым годом становилось все ужаснее. При малейшем сопротивлении индейцев, испанцы их безжалостно убивали или сжигали на кострах. В 1511 году Диего Веласкез с отрядом в триста человек завоевал остров Кубу и навел панику на живших там индейцев. Чтобы выведать у индейцев, где находятся золотые россыпи, испанцы употребляли пытки, жгли на медленном огне, отрубали руки и т. п. Таким образом индейское население на островах Нового Света быстро уменьшалось. Немногие голоса гуманных людей раздавались в защиту индейцев, но никто не слушал их, и каждый испанец, попадавший в Новый Свет в погоне за богатой добычей, забывал, что индейцы такие же люди, как и европейцы.

Защитник индейцев Лас-Казас в своей «Истории завоевания Индии» приводит следующий рассказ, характеризующий взаимоотношения индейцев и испанцев: когда на острове Кубе испанцы взяли в плен кацика Гаттию, они осудили его на сожжение. Перед тем как зажечь костер, испанский монах-миссионер увещевал кацика принять христианство, чтобы умереть христианином, при чем монах обещал кацику вечное блаженство в раю.

— А что испанцы находятся в той стране наслаждений, о которой ты мне говоришь?—перебил индеец монаха.

— Да,—ответил монах,—но только те, кто оставался на земле добрым и справедливым.

— Лучший из них,—отвечал индеец с негодованием,— не может быть ни справедливым, ни добрым. Я не хочу итти туда, где встречу хоть одного человека из этого проклятого племени.

Разве недостаточно одного этого факта, чтобы охарактеризовать ту степень ожесточения, до которого были доведены эти несчастные племена так называемыми «христианами»?

В самом начале XVI столетия испанцы исследовали почти все побережье Центральной Америки. После этого многие испанские мореплаватели направлялись к югу и к северу от Антильских островов, исследуя берега самого американского материка. Так, в 1509 году, Жуан Диаз де-Солис и Винцент Пинзон, отправившись на юг к экватору, достигли до 40° южной широты и убедились, что материк Нового Света простирается к югу на огромное пространство. Они неодно-

кратно высаживались на берег, торжественно вступали во владение этими странами, но за недостатком средств и людей нигде не основывали крепостей. Одним из научных результатов путешествия Солиса—была более точная оценка величины южно-американского материка.

Первый, кому принадлежала мысль основать колонию на материке, был Алонзо Гойеда, о котором мы говорили выше. Гойеда совершил несколько путешествий в Новый Свет и в 1509 году основал колонию на берегу Дариенского залива.

В то же время Диего Никуеза, богатый поселенец с Испаньолы, снарядил экспедицию на свой счет к берегам Центральной Америки. Никуеза, встретившись с Гойедой на берегах Дариенского залива, решил разделить между собою управление этой страной. Но на этот раз «конквистадоры» имели дело с народами не столь простодушными, как жители Антильских островов. Индейцы Центральной Америки твердо решили воспротивиться захвату их страны, и поэтому при всяком удобном случае нападали на испанцев. Борьба происходила ожесточенная. В одной битве семьдесят спутников Гойеды были сбиты стрелами, концы которых были смазаны страшным ядом «кураре». Оставшиеся в живых немногие из спутников Гойеды устроили у Дариенского залива небольщую колонию Санта-Мария-эль-Антигуа; начальником этой колонии был избран некто Васко Нуньец де-Бальбоа, о котором мы скажем подробнее ниже.

Прежде чем говорить о Бальбоа, мы должны упомянуть об открытии испанцами новой страны, которая образует северную границу дуги, глубоко вдающейся в американский материк и носящий название Мексиканского залива. Эта страна была открыта следующим образом: в 1502 году на Испаньолу прибыл из Испании знатный гидальго Жуан Понче де-Леон. Он помогал Овандо завоевать индейцев Испаньолы, а затем в 1508 году открыл остров Сан-Жуан-де-Порто-Рико. Услышав от местных индейцев о существовании на острове Бимини чудодейственного источника, воды которого возвращают молодость пьющему их, Понче де-Леон отправился на поиски этого острова с чудесным источником.

Снарядив на свой счет три каравеллы, Понче де-Леон выехал из порта Сан-Жермен-де-Порто-Рико 1-го марта 1512 г. Он направился сначала к Лукайским островам, которые точно так же, как и Багамские, он тщательно исследовал, всюду разыскивая чудодейственный источник. Конечно, он не нашел этого источника, но зато он открыл землю, которую он назвал Флоридой, т.-е. «Цветущей», в честь того, что он от-

крыл ее в Цветное или Вербное воскресенье. После шестимесячного путешествия Понче де-Леон возвратился снова

Жуан Понче де-Леон, открывший Флориду.

в Порто-Рико, оставив во Флориде несколько человек своих спутников.

II.

Васко Нуньец де-Бальбоа.—Бальбоа открывает Великий или Тихий океан.

Васко Нуньец Бальбоа прибыл в Новый Свет вместе с Бастидасом. Он поселился на острове Испаньоле, где занялся сельским хозяйством. Однако его хозяйство не приносило ему никакого дохода, и он, задолжав в Сан-Доминго, решил скрыться от своих кредиторов. Но капитанам отправлявшихся из Испаньолы судов было строго запрещено принимать несостоятельных должников, и поэтому Бальбоа тайно пробрался на один корабль, отправлявшийся под начальством некоего Энцизо к берегам Центральной Америки. Когда корабль уже находился в открытом море, Бальбоа явился

к Энцизо и сказал, кто он. Энцизо хотел высадить Бальбоа на какой-нибудь необитаемый остров, но затем решил взять его с собою, так как Бальбоа, отличавшийся большой силой и смелостью, мог быть хорошим помощником.

Когда экспедиция Энцизо прибыла на побережье Дариенского залива, Бальбоа посоветовал Энцизо основать близ Рио-Гранде-дель-Дариен (современная река Агрото) колонию. Энцизо последовал совету Бальбоа. По прибытии в устье Рио-Гранде-дель-Дариен, испанцы напали на местных туземцев и овладели большой добычей: золотом, с'естными припасами и хлопком; вскоре испанцы построили здесь город, назвав его Санта-Мария-де-ля-Антигуа-дель-Дариен.

Влияние Бальбоа в этой колонии сильно возросло, и скоро ему удалось привлечь на свою сторону большинство экипажа Энцизо, и когда Энцизо вздумал поддержать дисциплину строгостью, то в колонии вспыхнуло восстание, и колонисты избрали алькадом или старшиной Бальбоа.

Вскоре после этого к берегу, где была расположена колония Санта-Мария-де-ля-Антигуа, приблизились две испанские каравеллы; это были суда королевского наместника этой области, Никуэзы. Колонисты, много слышавшие о строгости Никуэзы, решили не подчиняться ему, как наместнику. Они встретили Никуэзу с оружием в руках и кончили тем, что посадили его вместе с шестнадцатью его спутниками на худое судно и заставили его уйти в море, где он и погиб.

После этого Бальбоа послал своего прежнего начальника Энцизо в Испанию, обвиняя его в государственной измене, сам же ходатайствовал перед Диего Колумбом, сыном Христофора Колумба, губернатором Испаньолы, утвердить его наместником завоеванных им областей.

В ожидании ответа от Диего Колумба, Бальбоа со своими товарищами продолжал завоевание окрестных местностей. Однажды ему удалось захватить в плен одного богатого касика со всем его семейством; в этом Бальбоа помогли двое испанцев, которых касик незадолго перед этим гостеприимно приютил у себя. Когда Бальбоа схватил касика, последний спросил его: «Что я сделал, что ты обращаешься со мною и моими близкими так жестоко? Все приходившие ко мне бледнолицые находили у меня приют и дружеский прием! Разве я вышел против тебя с копьем в руке? Освободи меня и мое семейство, и будем жить в мире и согласии. Мы будем доставлять тебе пищу и укажем тебе сокровища страны. Ты мне не веришь? Вот смотри, это моя дочь, возьми ее себе в жены в залог моей верности!».

Бальбоа согласился на предложение кацика и освободил его и его семью; он сознавал, что лучше иметь среди индейцев союзника, чем врага, тем более, что корабли с провиантом из Испаньолы приходили очень редко.

Во время одного похода в глубь страны, Бальбоа со своими отрядом дошел до владений одного кацика, который, узнав о приходе белых людей в его царство, вышел торжественно со всей своей семьей навстречу испанцам и с большими церемониями ввел Бальбоа в свою деревню. Здесь испанцы к изумлению своему встретили такую высокую культуру, какой еще они не видели до этого времени среди индейцев. Большой дворец кацика был окружен каменной стеной, а в многочисленных комнатах дворца находилось много различных запасов, тканей, маиса, рыбы и фруктов. Кацик показал также испанцам «комнату мертвых», внутри которой вдоль стен висели высушенные мумии-скелеты прежних кациков, предков царствовавшего. Мумии были одеты в бумажные ткани и украшены золотыми пластинками и драгоценными камнями.

Кацик поднес Бальбоа и его спутникам богатые подарки. При дележе этих даров среди испанцев поднялся спор. Старший сын кацика с изумлением смотрел на споривших испанцев и сказал:

— К чему этот спор из-за пустяков! Если золото в ваших глазах имеет такую цену, что вы из-за него покинули родину и подвергаете свою жизнь опасностям, то я покажу вам страну, где вы найдете золото в изобилии. Вот за этими горами,— продолжал он, указывая на юг,—лежит большое море; вы увидите его с тех вершин; но, пока вы дойдете до берега, солнце шесть раз успеет взойти и зайти. На этом море плавают такие же большие корабли, как ваши, и там лежит страна, где много золота.

Это было первое известие о новом океане и о царстве Перу. Бальбоа, услышав об этой стране золота, решил тотчас же направиться туда, надеясь открытием этой страны добиться прощения короля и высоких почестей.

Для открытия новой страны, Бальбоа собрал отряд в 180 человек испанцев, самых здоровых и самых сильных из своих спутников, затем набрал шестьсот человек индейцев, которые должны были нести багаж и провизию. Наконец, первого сентября 1513 года Бальбоа выступил в путь.

Дариенский перешеек, который нужно было пересечь, чтобы добраться до берега неизвестного океана, имеет не более шестидесяти миль в ширину, но зато он на всем своем пространстве перерезан цепями высоких гор, у подножия кото-

рых образовались наносные плодородные земли, поросшие роскошной тропической растительностью. Вследствие всего этого поход был крайне труден и утомителен. Бальбоа и его спутникам приходилось итти все время через густые заросли вековых лесов. Испанцы шли по целым дням такими густыми лесами, что не было видно ни клочка синего неба; обремененные щитами и панцырями, они должны были взбираться на крутые утесы, осторожно переходить заросшие травою болота и трясины; им приходилось прорубать себе до-

Васко-Нуньец Бальбоа.

рогу сквозь колючие кустарники и лианы, переплывать на кое-как сколоченных плотах быстрые горные речки и в довершение всего страдать от москитов, которые целыми тучами кружились в воздухе.

С изумлением смотрели испанцы на гигантские пальмы, на высоких ветвях которых местные индейцы строили свои жилища, похожие на гнезда птиц. К препятствиям, щедро рассеянным природою по пути Бальбоа, нужно прибавить еще и недоброжелательство, с каким всюду встречали его дикари. Однажды на пути Бальбоа встретил огромное войско индейцев, которые были вооружены копьями и стрелами. Эти индейцы решительно вступили в битву с небольшим отрядом Бальбоа, но грозный залп из пищалей скоро убедил индей-

цев, как опасны эти чужеземцы, «носящие с собою гром и молнию».

После двадцати дней ходьбы и сражений, Бальбоа приблизился, наконец, к побережью Великого океана. 25-го сентября рано утром Бальбоа узнал от проводника индейца, что только одна гора отделяет их от моря. Узнав от проводника, что с вершины этой горы море уже видно, Бальбоа приказал своим спутникам сделать в полдень привал, а сам направился на гору, чтобы первым увидеть новый океан. Поднявшись на гребень горы, Бальбоа увидал перед собою обширную равнину, покрытую лесом, по которой струилось несколько речек; за лесом расстилалось необ'ятное лазурное море, сверкавшее под лучами солнца, то был залив, названный Бальбоа заливом Сан-Мигуель.

Вернувшись к своим спутникам, Бальбоа привел их на вершину горы, чтобы и они могли посмотреть на великолепную панораму, расстилавшуюся по ту сторону горы. Со слезами радости товарищи Бальбоа упали на колени и обещали Бальбоа быть ему верными до конца их путешествия. Они были поражены развернувшейся вдали картиной и перед этим открытием забыли о всех перенесенных ими лишениях.

Бальбоа в воспоминание этого события приказал соорудить на вершине горы большую пирамиду из камней, на верхушке которой он водрузил крест. С немым удивлением следили индейцы-носильщики за всеми этими странными действиями белых людей. Затем был составлен особый документ, в котором излагалась история сделанного открытия и который был подписан всеми испанцами. Среди спутников Бальбоа находился, между прочим, и Франциско Пизарро, будущий завоеватель Перу. После этого весь отряд испанцев направился к берегу вновь открытого океана.

Скоро Бальбоа и его отряд подошел к устью реки Саванны. Было время отлива, и устье реки почти просохло. Здесь Бальбоа приказал разбить лагерь, а сам в полном вооружении, держа в руке развернутое знамя, вошел по колени в океан и торжественно провозгласил:

— Да здравствуют светлейшие и всемогущие монархи дон-Фернандо и донна Жуанна, короли Кастилии, Леона и Аррагонии, во имя которых я вступаю во владение всеми этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами, со всем тем, что на них находится, городами и царствами, когда бы они ни были основаны — в прошлом, настоящем и будущем. И если какой-либо другой властитель или военачальник, к какой бы религии он ни принадлежал, будет ли

он христианин или язычник, — заявит какие-либо притязания на эти земли и моря, то я готов оспаривать эти притязания как настоящего, так и будущего от имени монарха кастильского, которому принадлежит высшая власть над этой Индией, так же, как северный и южный материк со всеми его морями от северного до южного полюса, как по ту, так и по эту сторону экватора, между тропиками Рака и Козерога, а равно и вне их. Все это составляет полную собственность их величеств и наследников их, как ныне, так и на все будущие времена, пока только существует мир, вплоть до второго пришествия!».

Васко де-Бальбоа и открытие Великого океана. (Снимок с гравюры XVI века.)

После этой «торжественной» речи Бальбоа подозвал своих спутников, пригласив их быть свидетелями того, что он законным образом вступил во владение вновь открытой страной, и заставил их дать клятву в том, что они обязуются защищать новое владение кастильской короны.

После того, как закончилась описанная церемония, все испанцы вошли в воду, и каждый, зачерпнув в пригоршню воды, попробовал, действительно ли вода вновь открытого океана столь же солона, как и вода Атлантического океана. Бальбоа выбрал на берегу три дерева, до которых доходила вода во время прилива, и вырезал на них кресты и другие знаки, которые должны были свидетельствовать о том, что вновь открытые земли принадлежат испанцам.

Затем отряд направился по берегу залива, которому дали наименование залива Сан-Мигуэля (Св. Михаила), по имени святого, память которого праздновалась в этот день. Это путешествие продолжалось два дня. В одном месте на берегу моря испанцы увидели три индейских челнока. Тогда один из испанцев, Алонзо Мартин, стащил один челнок в воду и поплыл на нем вдоль берега. Он просил своих спутников быть свидетелями того, что он первый плавал по вновь открытому океану. Так как Бальбоа пришел к новому океану с севера и этот океан находится по отношению к Антильскому морю на юге, то Бальбоа дал открытому им океану название «Южного моря».

Воспользовавшись индейскими челноками, испанцы предприняли первое плавание вдоль берегов Южного моря. С шестьюдесятью товарищами Бальбоа обогнул северный мыс залива Сан-Мигуэль, за которым расстилалась безбрежная гладь океана. Недалеко от берега Бальбоа нашел селение, в котором жил индейский кацик; испанцы напали на него ночью, разграбили его жилище, а через несколько дней заключили мир с побежденными.

Бальбоа с удивлением заметил, что у кацика даже весла на челноках украшены жемчугом; из разговоров он узнал, что жемчуг здесь добывается в изобилии. Действительно, во время отлива сами испанцы находили на берегу много жемчужных раковин. Индейцы добавляли, что на соседнем острове живет воинственный кацик, который часто нападает на прибрежных жителей. Бальбоа очень хотел побывать на этом острове, которому он дал название «Остров Сокровищ», но море в течение всего времени, пока здесь был Бальбоа, было слишком бурно, и было рискованно отправляться на остров на легких индейских челноках. Таким образом, чудесный остров остался недоступным для Бальбоа.

Пробыв некоторое время на берегу Тихого океана, или Южного моря, и узнав от местных индейцев, что далеко к югу находится сильное и богатое государство, Бальбоа решил вернуться в колонию Санта-Мария-де-ля-Антигуа, чтобы оттуда послать в Испанию к королю известие о своем открытии. Бальбоа решил итти обратно другим путем. Обратный путь Бальбоа снова сопровождался кровопролитными стычками с индейцами; но во всех этих стычках испанцы, несмотря на свою малочисленность, выходили победителями. 19-го января 1514 года, после более чем стодневного отсутствия, Бальбоа с товарищами вернулся благополучно в колонию Санта-Мария-де-ля-Антигуа.

Бальбоа тотчас же поспешил снарядить корабль в Испанию, чтобы сообщить королю о своем открытии. Он послал королю подробное донесение о новых владениях испанцев и вместе с тем послал также около двадцати тысяч кастильянов золота и триста жемчужин. Бальбоа рассчитывал, что обвинения против него будут преданы забвению, и что король утвердит его наместником в новых областях. Отправив в мае месяце 1514 года корабль в Испанию, Бальбоа начал готовиться к новой экспедиции на берега Южного моря. На этот раз он хотел захватить с собою корабельных мастеров, чтобы построить несколько каравелл в заливе Сан-Мигуэль, а затем отправиться на этих каравеллах к югу на завоевание таинственного царства, где, по словам индейцев, было в изобилии золото.

Однако, планам Бальбоа не суждено было исполниться. Почти в то же время, как Бальбоа отправлял корабль в Испанию с донесением и с подарками королю, из Испании вышел большой флот к берегам «Золотой Кастилии», как назывался тогда Панамский перешеек. На одном из кораблей этого флота находился вновь назначенный губернатор Педрариас. 30 июня 1514 года Педрариас прибыл в Санта-Марию, и Бальбоа вынужден был передать свою власть Педрариасу. Это был первый удар самолюбию Бальбоа.

Педрариас привез с собою на двадцати кораблях 1500 человек солдат. Тотчас же по прибытии в Санта-Марию Педрариас начал следствие над Бальбоа. Однако, суд оправдал Бальбоа, а благодаря заступничеству прибывшего с Педрариасом епископа Кеведо, Бальбоа было разрешено готовиться к новой экспедиции на берег Южного моря. С большим трудом Бальбоа заготовил материал для четырех кораблей и переправлял его с помощью индейцев на берег Великого океана. Там, в заливе Сан-Мигуэль, Бальбоа построил четыре каравеллы и готовился отправиться на завоевание Перу. Однако, сильные бури мешали ему выйти из залива.

Между тем в январе 1515 года скончался король Фердинанд, и в Санта-Марию пришло известие о предполагаемом смещении Педрариаса. Бальбоа стал опасаться, чтобы новый наместник не лишил его начальства над эскадрой, и поэтому решил тайно, без разрешения Педрариаса, выйти в море. Но Педрариас узнал об этом и тотчас же послал к Бальбоа с требованием, чтобы тот явился к нему. Бальбоа, не чувствуя за собою никакой вины, отправился с берегов Великого океана в Санта-Марию. По дороге он встретил своего прежнего спут-

ника и товарища Франциско Пизарро, посланного Педрариасом с тем, чтобы арестовать Бальбоа.

Пизарро не стал входить в переговоры с Бальбоа и доставил его, закованного в цепи, к Педрариасу. Педрариас обвинил Бальбоа в государственной измене и назначил над ним суд. За неимением другого предлога отыскали старые дела об Энцизо и Никуэзе; Педрариас настаивал на том, чтобы предать Бальбоа и некоторых его товарищей смертной казни. Несмотря на протесты главного судьи Эспинозы, не находившего никакой вины за Бальбоа, наместник одержал верх, и Бальбоа, вместе с своими мнимыми соумышленниками, Аргуэлио, Муньосом, Вальдеррабано и Ботелио, были обезглавлены на эшафоте.

Открытие Великого океана было одним из самых крупных событий, после открытия Колумба, во всемирной истории. Оно показало, что земля далеко не так мала, как думали раньше, и окончательно выяснило, что открытая Колумбом страна не имеет ничего общего с Индией, а представляет собою совершенно новую часть света. Правда, испанцы не имели никакого представления о величине открытого ими океана, но, тем не менее, открытие Бальбоа значительно расширило географический горизонт человечества и поставило перед исследователями новые задачи.

III.

Путешествие Грийальвы и открытие Мексики. — Открытие Никарагуа.

Если первыми сведениями о Перу мы обязаны Васко Нуньецу Бальбоа, то другой исследователь, Жуан Грийальва, первый доставил не менее важные сведения о Мексиканской империи, господство которой распространялось почти на всю Центральную Америку. Жуан Грийальва получил в 1518 году начальство над флотилией из четырех кораблей, снаряженных Диего Веласкезом, завоевателем Кубы. Веласкез послал Грийальву исследовать побережье Юкатана, открытого в 1517 году Фернандецом Кордовой, плантатором с Кубы. В сопровождении лоцмана Аламиноса, одного из участников экспедиции Понче де-Леоне к берегам Флориды, Грийальва отправился в путешествие, имея экипаж в двести сорок человек.

После тринадцатидневного плавания, Грийальва, поднимаясь вдоль берега Юкатана, обогнул мыс Коточе и углубился

в Кампешскую бухту. 10-го мая он высадился в Патахане, жители которого, несмотря на то, что были крайне удивлены появлением кораблей, которые они приняли за морские чудовища, и бледнолицых людей, «мечущих молнии», защищали, однако, так настойчиво свой город, что пятьдесят семь испанцев было убито и много ранено. Грийальва поспешил удалиться из этой области и снова продолжал плавание на запад вдоль Мексиканского берега. 17-го мая Грийальва вошел в устье большой реки, которую индейцы называли Табаско. Здесь он был окружен целой флотилией пирог с индейцами, которые были вооружены и намеревались вступить в бой. Благодаря благоразумию Грийальвы и дружественным из'явлениям, на этот раз испанцам удалось избежать кровопролитного столкновения.

Грийальва послал к индейцам несколько человек. Один из спутников Грийальвы, Берналь Диаз, автор наивной истории завоевания Мексики, говорит, что Грийальва поручил передать индейцам, что «все мы подданные великого императора, по имени Дон-Карлоса, которого и они должны признать за своего повелителя, и что тогда им будет хорошо. Они ответили нам, что у них есть уже повелитель, и что они удивляются, как мы предлагаем им другого, даже не ознакомившись с ним. Нужно сознаться, прибавляет Берналь Диаз, что в этом ответе было очень мало дикого».

Испанцы выменяли у индейцев на различные мелкие вещи хлеб из юкки, копаловую камедь, куски золота, имевшие форму рыб и птиц, хлопчато-бумажные материи и т. п. Так как индейцы, взятые Грийальвой с мыса Коточе в качестве переводчиков, плохо понимали язык жителей области Табаско, то Грийальва отправился в дальнейшее путешествие. Его флот прошел мимо реки Коатцакоалько; испанцы видели на берегу несколько снежных гор Сан-Мартина, и, наконец, флот Грийальвы бросил якорь в устье реки, которая была названа Рио-де-лас-Бандерас (Река Знамен) вследствие множества белых знамен, выставленных местными индейцами на берегу в знак мира с прибывшими чужеземцами.

При высадке Грийальвы на берег туземцы оказали ему божеские почести. Перед ним курили копаловую смолу и к его ногам положили маленькие золотые вещи, жемчуг и медные топоры. Провозгласив эту страну своим владением, испанцы отправились дальше и вскоре достигли острова, который они назвали «Островом Жертвоприношений», потому что на этом острове испанцы нашли нечто вроде жертвенника и на нем пять принесенных в жертву индейцев, у которых

была рассечена грудь, вырвано сердце, отрублены ноги и руки. Затем Грийальва подошел к другому острову, названному им Сан-Жуан, по имени святого, память которого праздновалась в этот день. К этому названию было еще присоединено слово «Кулуа», которое часто повторялось индейцами этого острова. Кулуа—было прежнее название Мексики; этот остров называется теперь Сан-Жан-Уллоа.

Приморская полоса земли, называемая туземцами Кулуа, или Улуа, принадлежала уже большому государству, глава которого Моктейзома или Монтезума, назывался даже императором. Послы Монтезумы встретили испанцев у Рио-де-лас-Бандерас, так как молва о белолицых пришельцах уже дошла до столицы Мексики, и там с тревогой ожидали появления этих загадочных людей. Но испанцы не поняли ничего из слов мексиканцев и не подозревали, что каждый их шаг записывается иероглифами и несколько раз в день о их поступках посылаются в столицу страны донесения. Между тем, в столице глава этой монархии с тоскливым чувством поджидал известий, так как древние предания и оракулы предвещали ему, что в скором времени в его земле появится бог, царивший здесь некогда. Приход бледнолицых чужестранцев как бы совпадал с этим пророчеством, тем более, что эти чужестранцы ездили верхом на четвероногих «змиях» (лошадях), ходили по морю на окрыленных кораблях и носили в своих оружиях гром и молнию.

19-го июня Грийальва высадился на материке и произвел обычное вступление во владение, затем была отслужена на берегу обедня, после которой Грийальва был приглашен старшиной ближайшего селения на обед. Все испанцы были оделены золотом и драгоценными каменьями. Многие из спутников Грийальвы требовали, чтобы он здесь основал колонию. Но Грийальва решил продолжать плавание согласно данным ему Веласкезом инструкциям.

Нагрузив на корабль все золото, которое ему удалось здесь собрать, Грийальва отправил его на Кубу к Веласкезу, сам же продолжал плавание. Он продолжал плыть до 28-го июня вдоль берега, где виднелись большие города и высокие горы, Наконец Грийальва достиг устья реки Пануко, названной испанцами Рио-де-Каноас (Лодочной рекой), так как здесь они встретили флотилию лодок, на которых были вооруженные индейцы, напавшие на них. Бой с индейцами не прекратился до тех пор, пока испанцы не потопили у индейцев три лодки. После этого лоцман Аламинос настойчиво советовал Грийальве воротиться, опасаясь, что благоприятство-

вавшие до сих пор течения затруднят обратный путь. Грийальва решил последовать совету Аламиноса, и флотилия снова поплыла к берегу Улуа. Когда испанцы прибыли к селению, где их щедро одарили золотом, они снова настаивали, чтобы Грийальва основал здесь колонию и оставил часть своих спутников. Но Грийальва решительно воспротивился этому и направился к берегам Кубы. 15-го ноября, после семимесячного плавания, Грийальва прибыл в порт Гаванны.

Результаты этого путешествия были значительны. Огромное пространство побережья, составляющее полуостров Юкатан—не остров, как предполагали раньше, и, кроме того, были исследованы в первый раз. Теперь люди узнали, что Юкатан—на остров, как предполагали раньше, и, кроме того, на этот раз испанцы собрали много сведений о могущественной Мексиканской империи. Особенно удивляло испанцев то обстоятельство, что в Мексике они встретили высокую степень цивилизации. Богатство Мексики не могло не возбудить среди испанцев Кубы желания овладеть этой страной. И когда Альварадо, посланный Грийальвой на Кубу к Веласкезу с золотом из Мексики, передал ему весть о чрезвычайных открытиях, Веласкез тотчас же начал снаряжать большую эскадру к берегам Мексики.

В это же самое время испанцы продолжали исследования западного побережья Центральной Америки со стороны Великого океана. После казни Бальбоа Педрариас воспользовался кораблями, построенными Бальбоа, чтобы совершить плавания вдоль берегов Центральной Америки, где в самом узком месте перешейка он основал в 1519 году город Панаму.

Достигши берегов Южного моря, сначала почти все исследователи направляли свой путь вдоль берега к западу и северо-западу, а не к югу, вследствие чего испанцы открыли сравнительно поздно царство Перу, хотя оно находилось не так далеко от залива Сан-Мигуэль. В том же западном направлении совершил свое путешествие в 1515 году и Гонзало де-Бадахос. Бадахос выехал из Дариена с экипажем в восемьдесят человек. Он намеревался перейти через перешеек около Номбре де-Диос близ современного Аспинваля, но его отряд пришел в ужас, когда испанцы увидали, что сделалось с колонией Никуэзы. На месте колонии они нашли лишь кладбище, где кресты и надгробные камни служили страшным предостережением. Бадахос приказал плыть далее на запад и высадился на берег в области Чамэ. В Чамэ

испанцы узнали от местных индейцев, что немного далее на запад в селении Ната живет очень богатый кацик. Бадахос отправил туда одного из своих офицеров, Алонзо Переса, с тридцатью солдатами. Нападение на Нату было, по обыкновению, сделано на рассвете. Однако, испанцев охватил страх, когда они очутились среди многочисленных вооруженных индейцев. Но сам Алонзо Перес не растерялся и направился со своим маленьким отрядом к жилищу кацика. Он захватил кацика в плен и, угрожая ему смертью, заставил его успокоить индейцев и сложить оружие. Индейцы повиновались своему вождю, и испанцы невредимые удалились обратно. Бадахос решил переждать в Нате дождливое время, после чего он направился далее, всюду отбирая у местных кациков золото, и называя этот промысел, как едко замечает Лас-Казас, «открытием».

В двенадцати испанских милях от Наты находилась область Кутатуры, где господствовал кацик Парита. Индейцы Наты, стараясь избавиться от испанцев, указывали на этого кацика, как на очень богатого человека, и Бадахос послал к нему несколько человек, прося позволения посетить его. Кацик вежливо извинился и приказал передать Бадахосу в виде подарка четыре плетеных сосуда с золотыми украшениями. Он просил испанцев удовольствоваться этими подарками и не входить в его область. Однако богатые подарки возбудили в испанцах только алчность к золоту, и Бадахос выступил с отрядом в сорок человек в поход против этого кацика. Узнав об этом, кацик собрал большой отряд и, пропустив Бадахоса в одну деревню, ночью напал на его отряд с тыла. Нападение удалось вполне. Деревня загорелась, часть прежде собранной добычи испанцев попала в руки индейцев; семьдесят человек испанцев и индейцев, бывших на службе у них, были убиты, а сам Бадахос с трудом спасся с немногими из своих спутников.

По пути, отступая к Санта-Марии при Дариене, Бадахос встретил, в области Комогре, большой испанский отряд под начальством Гаспара Эспинозы, посланный из Санта-Марии Педрариасом для сбора добычи. Узнав об утраченных Бадахосом сокровищах, Эспиноза тотчас же направился к западу и достиг Наты. Кацик в это время скрылся в горы и собирал войско для защиты своих владений. Но испанцы пришли на этот раз в большом количестве, и, кроме того, многие из них были на лошадях. Лошади, невиданные до этого времени индейцами, произвели на них более сильное впечатление, чем огнестрельное оружие. Один из индейцев указал Эспи-

нозе место, где кацик спрятал отнятые у Бадахоса сокровища.

Эспиноза вернулся с богатой добычей в Дариен как раз к тому времени, когда после казни Бальбоа было упразднено его начальство над флотом у Жемчужных островов. Педрариас поручил Эспинозе корабли Бальбоа с тем, чтобы продолжать открытия к западу по берегам Южного моря, так как добытые сокровища обещали еще более богатую добычу в тех краях. На трех каравеллах, предводимых лоцманом Хуаном де-Кастаньедой, Эспиноза от Жемчужных островов пошел вдоль берега, минуя полуостров Париту. Он открыл острова Себако и Коибу, обогнул мыс Пунто Бурико и достиг, наконец, другого залива Никойи. После двухлетнего путешествия он возвратился, привезя с собой сорок тысяч кастильянов золота.

Между испанскими мореплавателями этой эпохи пользовался большой известностью Андреас Ниньо, с которым находился в дружбе Бальбоа. В 1518 году Ниньо явился к испанскому королю, домогаясь начальства над четырьмя каравеллами, построенными Бальбоа на Великом океане, и которыми пользовался тем временем Эспиноза. Он избрал себе в товарищи двух испанцев, живших на Эспаньоле, — Андреаса де-Сереседу и Гиля Гонзалеса де-Авилу, который был королевским казначеем на Эспаньоле. Ходатайства Ниньо увенчались успехом, и король дал приказ Педрариасу передать каравеллы Бальбоа Ниньо и Гилю Гонзалесу. Инструкции, присланные Гонзалесу из Испании, ставили главной задачей экспедиции отыскать проход из Южного моря в Антильское или в Мексиканский залив. Тогда уже знали, что воды Атлантического и Тихого океана отделяются друг от друга узкою полосою земли, а потому все еще надеялись найти на этом перешейке узкий пролив, соединяющий оба океана.

Эскадра Ниньо и Гонзалеса достигла мыса Бурико, поднялась вдоль берега, который тянулся здесь более к северу, и вошла в залив Сан-Лукар. Эскадра пристала к берегу, и Гонзалес вступил в мирные сношения с вождем местных индейцев. Этот кацик одарил весьма щедро испанцев и уступил им своих маленьких золотых божков, а взамен того согласился принять крещение, или, как наивно выражались индейцы, «оросить голову». От этого вождя испанцы услыхали, что недалеко от берега находится богатая страна, где царствует кацик Никарагуа. Услышав об этом, Гиль Гонза-

лес с сотней своих спутников и индейскими носильщиками отправился в царство Никарагуа.

Испанцы вступили теперь в новый мир, в край, который казался им земным раем. Привыкнув до этого времени пробираться во влажной тени первобытных тропических лесов, они очутились здесь в озаренной солнцем долине, очищенной от зарослей трудолюбивым населением. Здесь испанцы встретили бесчисленные фруктовые деревья, хлебные поля; в пресных озерах было много рыбы. Всюду испанцы видели высокую культуру и встречали большие города.

Когда испанцы достигли столицы Никарагуа, кацик Никарагуа оказал им хороший прием и принес Гонзалесу в подарок много золота. Кацик Никарагуа беспрекословно вместе с народом своим принял крещение. Пробывши в столице Никарагуа около недели, Гонзалес направился дальше. Всюду жители встречали странных белых людей с почтением и принимали христианство. Весть о прибытии испанцев скоро дошла до отдаленной области Никарагуа, где царствовал кацик Дириахен. Он также явился к Гонзалесу с флейтами и знаменами, в сопровождении 500 человек воинов, и поднес испанцам подарок золотом, обещая вернуться дня через три и принять крещение. Он, действительно, вернулся через три дня, но с войском в несколько тысяч человек, вооруженными деревянными мечами, луками и стрелами и облеченными в толстые латы из хлопка.

Индейцы застали врасплох испанцев и бросились на них. Натиск был так силен, что некоторое время перевес был на стороне индейцев. Но когда Гонзалес пустил на индейцев четырех бывших с ним всадников на конях, то в рядах индейцев произошло смятение, и они стали отступать. Испанцы торжествовали победу, хотя и понесли значительные потери. Ожидая возвращения отступивших индейцев с новыми подкреплениями, Гонзалес решил поскорее вернуться на берег залива Никойи, где Ниньо уже поджидал его со своим флотом.

Ниньо во время отсутствия Гонзалеса исследовал значительную часть берегов Тихого океана. Побережье на северо-запад от мыса Бланко он назвал заливом Попугаев; затем он достиг большой прекрасной бухты, и, желая польстить председателю совета по делам Индии, Фонсеке, назвал эту бухту—бухтою Фонсеки. Отсюда эскадра снова направилась к Панаме, куда и прибыла 25-го июня 1523 года.

IV.

Завоевание Мексики.—Фернанд Кортес. — Мексика и король Монтезума. — Республика Тласкала. — Поход в Мексику. — Экспедиция в Гондурас.—Экспедиция в Тихий океан.—Возвращение Кортеса в Испанию.—Смерть Кортеса.

Первые отважные мореплаватели, посетившие Америку, были поражены ее удивительной природой. Они с изумлением смотрели на девственные, необозримые тропические леса, бесконечные травяные степи, великолепные реки и дикие племена ее обитателей. Но еще более европейские мореплаватели были поражены, когда они встретили на Юкатане и на Мексиканском побережье большие города, храмы и различные предметы из золота и меди, свидетельствовавшие, что эти страны населены каким-то цивилизованным народом.

Путешествие Грийальвы сильно подняло интерес к этим областям Центральной Америки, и губернатор Кубы, Веласкез, решил покорить эту страну. Не дожидаясь возвращения Грийальвы, Веласкез поспешил отправить в Испанию донесение об открытии новых стран и просил обширных полномочий для колонизации этой области. Ожидая благоприятного ответа из Испании, Веласкез начал деятельно готовиться к завоеванию вновь открытой страны. Начальником экспедиции Веласкез назначил молодого Фернанда Кортеса.

Когда Веласкез назначил его начальником новой экспедиции, Кортес тотчас же вывесил у двери своего дома флаг из черного бархата, на котором были вышиты золотом крест и надпись: «Друзья, последуем за крестом, и, если в нас есть вера, мы победим этим знаком». На этот призыв в короткое время откликнулось триста человек. Сам Кортес с жаром принялся за снаряжение экспедиции. Он пожертвовал все свои деньги на вооружение флота и, кроме того, занял много денег у своих друзей на покупку с'естных припасов, оружия и лошадей.

18-го февраля 1519 года Кортес отправился к берегам Мексики, имея одиннадцать кораблей, сто десять матросов, пятьсот пятьдесят три человека солдат, двести индейцев и несколько женщин для хозяйственных работ. Артиллерия Кортеса состояла из десяти пушек и четырех фальконетов, а кавалерия—из шести всадников.

Экспедиция в Мексику была сопряжена с такими трудностями, что если бы Кортес предвидел только половину из них, то

решимость его, без сомнения, поколебалась бы. Но, как говорит один древний поэт, «судьба улыбается тем, кто смело к ней подходит».

Выдержав сильную бурю, флотилия Кортеса пристала

Фернанд Кортес.

к острову Козумелу. Здесь на корабль Кортеса явился один испанец, по имени Иероним Агвиляр, пробывший восемь лет в плену у индейцев. Этот человек, великолепно изучивший местный язык индейцев, оказал большие услуги Кортесу в качестве переводчика.

Обогнув мыс Коточе, Кортес вошел в Кампешскую бухту, затем поднялся вверх по реке Табаско, надеясь собрать у местных индейцев большое количество золота. Однако, индейцы Табаско оказали сопротивление высадке испанцев. Но, несмотря на многочисленность, индейцы были разбиты и обращены в бегство. После нескольких битв Кортес заключил с индейцами мир и получил с них дань с'естными припасами, бумажными тканями и небольшим количеством золота. Кроме того, индейцы дали Кортесу двадцать невольниц, между которыми была Марина, оказавшая Кортесу большие услуги при завоевании Мексики как переводчица между Кортесом и мексиканскими ацтеками, так как Марина была родом из племени ацтеков и находилась несколько лет в плену у индейцев Табаски.

Кортес продолжал после этого свое путешествие на запад. Прибыв на остров Сан-Жуан-Уллуа, Кортес бросил здесь якорь. Вскоре к испанскому флоту приблизилась одна лодка с туземцами. Кортес, при помощи Марины, узнал, что страна эта принадлежит большой монархии, глава которой, по имени Моктейзома, или Монтезума, живет в Теноктитлане или Мексико, на расстоянии семидесяти миль от берега. Кортес сообщил индейцам о своих мирных намерениях, наделил их подарками и затем высадился в очень жаркой и нездоровой местности, которой он дал название Вера-Круц.

На следующий день к Кортесу явился губернатор провинции, Теутиле, посланный Монтезумой. Кортес просил Теутиле проводить его к своему повелителю. Чтобы дать индейцам понять о своем могуществе, Кортес приказал выстрелить из пушек, гром которых привел индейцев в ужас. Во все продолжение этого первого свидания с европейцами мексиканские живописцы рисовали на белых хлопчато-бумажных тканях корабли, войско Кортеса, лошадей и все, что поражало их взгляд. Эти изображения должны были быть представлены Монтезуме.

Прежде, чем перейти к описанию битв Кортеса с мексиканцами, нам необходимо сказать несколько слов о самой империи Мексики, которая, несмотря на ее могущество, носила уже в себе достаточно зародышей разложения и упадка. Вот почему небольшая горсть европейцев и могла завоевать ее.

Та часть американского материка, которая была подвластна Монтезуме, называлась Анагуак и простиралась от 14° до 20° северной широты. Почти посредине этой империи расстилается обширная котловина, или Мексиканская долина.

Эта долина представляет собою одну из самых благословенных стран на земле. Ее почва очень плодородна, и вся страна изобилует живописными видами и многочисленными озерами. Мексиканская долина лежит на высоте слишком двух тысяч метров над уровнем моря, вследствие этого долина Мексики, несмотря на то, что находится в тропическом поясе, имеет умеренный климат; здесь неизвестны ни палящие жары, ни нестерпимый холод, и круглый год царствует цветущая весна.

Мексику можно назвать сборным местом растений всех стран света. Здесь персидские и индейские деревья растут вместе с вязом древней Галлии; благовонные растения Азии, цветы Востока перемешиваются с фиалками, васильками и белыми маргаритками русских полей. В этой благодатной стране растут роскошные пальмы, бананы, рис, смоковница, мексиканский чай, перец, ваниль, дерево, дающее Копайский бальзам. Но главное растительное богатство Мексики составляют: индиго, кактусы, сахарный тростник, хлопчатник, табак; огромные леса красного дерева, сандала, бакаута и других дорогих лесных пород.

До нас дошло очень мало подлинных документов о народе, населявшем Мексиканскую долину в древние времена. Мексиканские летописи, написанные иероглифами на кусках полотна и на древесной коре, повествуют лишь, что древнейшим народом Мексики были шишимеки, они пришли из дальних стран и разделились на двенадцать или тринадцать колен. Шишимеки были совершенно дики; они жили в пещерах, не умели сеять хлеб, не ели мяса животных и вели кочевой образ жизни. Шишимеки были побеждены впоследствии другим сильнейшим народом, нагуатлаками, пришедшими с севера. Предание повествует о многих продолжительных переходах, предпринятых этим народом для исполнения воли богов. Наконец, нагуатлаки остановились в одной долине, названной ими долиною Семи Пещер. Из этих Семи Пещер вышли семь колен и поселились в Мексиканской долине и на плоскогорьи Анагуак. Главными из этих племен были: тольтеки, тласкальтеки и ацтеки, или мексиканцы. Тольтеки, называвшиеся также сушимилкосами (сеятелями роз), основали (приблизительно в VII веке христианской эры) свое первое постоянное поселение в области Табаско. У тольтеков мы находим предание о сотворении мира, о потопе и пророчества об истреблении вселенной огнем. Между ними находились астрологи, прорицатели и люди, искусные в отыскании драгоценных металлов. Властитель тольтеков не имел права цар-

ствовать более пятидесяти двух лет—время, бывшее священным периодом у всех народов Мексики.

Предание говорит, что среди тольтеков возникли распри и ссоры, и тогда среди них явился преобразователь правления и веры, мудрый Кветцалькоатль, который, между прочим, установил среди тольтеков обряды покаяния.

Кветцалькоатль, имя которого означает «змей, покрытый зеленой чешуей», явился среди тольтеков неизвестно откуда; он был с бородой и имел белый цвет кожи. Он пришел в сопровождении иностранцев, одежды которых уподоблялись монашеским. Он называл себя верховным жрецом бога Тула и явился сначала в Пануко, где учредил в разных местах священные братства. Царствование Кветцалькоатля было эпохой мира и благоденствия; он уничтожил человеческие жертвоприношения и приказывал приносить в жертву великому духу только цветы и плоды.

Великий дух напоил Кветцалькоатля напитком, который сделал его бессмертным, и, в то же время, возбудил в нем стремление путешествовать. Вследствие этого Кветцалькоатль отправился через Холулу к восточным берегам Мексики; жители этой страны просили его быть у них царем, и Кветцалькоатль царствовал среди них двадцать лет; он выучил их плавить и ковать металлы, установил календарь, внушил подданным своим любовь к миру и запретил приносить богам какие-либо другие жертвы, кроме плодов. Водворив в стране Холулу благоденствие и порядок, Кветцалькоатль удалился к устью реки Гвазакуалько и там исчез, обещав холуланцам притти снова на землю, чтобы управлять страною и водворить среди жителей мир и благоденствие.

Другой могущественный народ, вышедший из Семи Пещер, были тласкальтеки, или тласкаланы. Они поселились около озера Мексико, где истребили живших здесь великанов, называвшихся квинамсьюсами. Впоследствии тласкальтеки образовали республику и не признавали власти мексиканского императора. Последние племена, вышедшие из Семи Пещер, были ацтеки, или мексиканцы. Они вышли, как гласит предание, вслед за птицей, которая беспрестанно повторяла: «Пойдем». Бог ацтеков, Гваципоцли, повелев им следовать за птицей, предсказал, что они будут господствовать над племенами, вышедшими из Семи Пещер прежде их, что они будут обладать страною, изобилующей красивыми птицами с роскошными перьями, драгоценными металлами и каменьями. Ацтеки совершили исход из Семи Пещер, неся бога своего — Гваципоцли — на плечах, в ковчеге из благовонного тростника.

Во время своего странствования они приняли название мексиканцев, по имени страны Мексоакан, где они предполагали поселиться. Но место это не понравилось богу Гваципоцли, и в одну ночь ацтеки нашли в храме этого бога многих своих единоплеменников с разрезанной грудью и вырванным сердцем.

Типы мексиканских ацтеков. Из книги «Путешествие Гумбольдта и Бонплана. 1810 г.»

После этого ацтеки прибыли в долину Мексико и здесь, по повелению своего бога, они поселились на месте, где встретили фиговое дерево с сидящим на нем орлом. Здесь, на главном острове озера, ацтеки построили город, названный ими Теноктитланом. Потом они основали другие небольшие города на других островах, которые соединили с первым плотинами, и оттуда скоро распространили свои завоевания на соседние народы. Это водворение ацтеков в Мексике совершилось не более как за два столетия до прибытия испанцев в Америку.

Благодаря союзу, заключенному и свято хранимому народами Мексико, Тезкуко и Тлакопан, цивилизация ацтеков, сначала ограничившаяся одной долиной Мексики, успела в продолжение одного столетия распространить свое влияние до Атлантического океана, с одной стороны, и до Тихого — с другой.

В короткое время ацтеки стали цивилизованнее всех племен Нового Света. В Мексике существовало право собственности, процветала торговля и промышленность. Огромные постройки, хорошо сооруженные мосты указывали на высокое развитие техники у ацтеков; точно так же они отличались искусством тонких работ из золота, серебра и бронзы, изготовляли превосходные изделия из глины и умели ткать красивые ткани с перьями. По всей империи ацтеков были проложены шоссейные дороги, и в Мексике существовала даже почта.

Что касается религии ацтеков, то она обнаруживала на себе отпечаток двух различных эпох; ацтеки верили во многих богов, идолам которых они приносили человеческие жертвы; в то же время ацтеки имели смутное представление о высшем едином божестве, которое они называли именем Теольт. Это божество считалось творцом всей вселенной и других богов, и ему не совершали никаких богослужений и не приносили никаких жертв. Национальным богом ацтеков был, как мы уже говорили выше, Гвацилоцли, который привел ацтеков на берега Мексиканского озера. Идол этого бога представлял огромное чудовище, сидящее на голубом престоле, окруженном четырьмя змеями с раскрытыми пастями.

Мексика имела монархический образ правления; власть императора, вначале довольно ограниченная, постепенно усиливалась и скоро превратилась в деспотическую. Императоры выбирались народом из одного и того же рода, и его восшествие на престол сопровождалось огромным количествм человеческих жертвоприношений богам. Во время прибытия испанцев в Америку в Мексике царствовал император Монтезума II. В молодости он был отважным военачальником и больше всех своих предшественников расширил пределы государства. Его власти были подчинены почти все народы, занимавшие область плоскогорья Анагуак, и лишь одни тласкаланцы не признавали его господства. Монтезума окружил себя почти божескими почестями и необычайной роскошью.

Узнав о прибытии испанцев в его землю, Монтезума сильно встревожился, так как жрецы и прорицатели видели в Кортесе божество Кветцалькоатль, который обещал возвра-

титься в Мексику, чтобы водворить здесь справедливость. Монтезума опасался теперь за свою власть, за свой престол, тем более, что вещие грозные явления природы, повидимому, тоже предвещали появление божества: несколько лет перед прибытием испанцев большое озеро Тецкуко, на островах которого стояла столица Мексики, выступило из берегов и, затопив улицы, произвело большие опустошения в городе. Вскоре после этого на небе появились три кометы, а на горизонте показался какой-то странный огненный полукруг. Вследствие всего этого Монтезума с большим волнением прочитал донесения своих чиновников о прибытии неизвестных белых людей и приказал им осторожно, не нарушая вежливости, наблюдать за чужестранцами.

Не подлежит сомнению, что если бы Монтезума со своим войском напал на испанцев, когда последние находились в жаркой и нездоровой местности Вера-Круц, то Кортес не мог бы выдержать натиска и был бы разбит. Но Монтезума, под влиянием пророчества о Кветцалькоатле, не посмел сразу вступить в открытую борьбу с Кортесом, а отправил к нему послов с подарками. Вместе с этим Монтезума просил Кортеса вернуться обратно в свою страну, потому что путь в его столицу слишком далек и опасен.

Кортес, конечно, не удовлетворился таким ответом, а богатые подарки еще более заинтересовали его. Однако, оставаться дольше на нездоровом берегу в Вера-Круце было также невозможно: уже тридцать человек испанцев умерли от болотной лихорадки. Вследствие этого Кортес решил со своим отрядом отправиться в Мексику. Чтобы обеспечить свои корабли от нападения индейцев, он заложил на берегу крепость Вера-Круц. В это время к Кортесу явились послы от жителей индейского города Земпоалы, пришедшие просить его защитить их от произвола Монтезумы. Кортес заключил с этими индейцами союз и заставил их отказаться платить дань Монтезуме. Вскоре Кортес сам явился в город Земпоалу и убедил жителей этого города принять христианство.

Многие из спутников Кортеса настаивали на возвращении на Кубу. Кортес, видя, что ему предстоит непрестанная борьба с малодушием своих солдат, решился на героическое средство. Один из своих кораблей он отправил с полученным золотом и подарками в Испанию, к королю, а остальные распорядился все потопить, оставив лишь одно маленькое судно. Когда солдаты увидели, что они отрезаны совершенно от остального мира, они подняли сильный ропот, грозивший перейти в возмущение. Но Кортес явился перед ними и в пла-

менной речи высказал им, что следует смотреть вперед, где их ожидают почести и богатство. «Я, — заключил он свою речь, — решился остаться здесь, хотя бы только с одним товарищем. Кто находит опасность слишком большою, тот пусть едет домой, одно судно еще осталось, оно отвезет его на Кубу. Там он может рассказать, как он покинул своего предводителя и товарищей, и может заняться затем обработкой земли в ожидании, пока его товарищи вернутся на родину с мексиканским золотом».

Эта речь воодушевила всех спутников Кортеса, и дружный крик: «На Мексику!» был их ответом.

Оставив в крепости Вера-Круц небольшой гарнизон, Кортес выступил 16-го августа 1519 года во главе своего маленького войска в поход против Монтезумы. Армия Кортеса состояла из четырехсот пеших солдат, пятнадцати всадников и семи маленьких пушек, которые везли индейцы; кроме того, Кортес взял с собою еще тысячу пятьсот индейских воинов — союзников из города Зеамполы и тысячу индейцев-носильщиков.

Уже на второй день своего путешествия Кортес и его отряд достигли мексиканского плоскогорья и стали медленно подниматься в горы по прекрасной дороге, соединявшей мексиканскую столицу с побережьем. На следующий день испанцы пришли на Анагуакское плоскогорье, над которым царили величавые вершины Кордильеров. Здесь, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, воздух был прохладен и чист. Живые изгороди из кактусов и алоэ окружали тщательно обработанные маисовые поля; мексиканские агавы всюду раскидывали свои широкие колючие листья. В пересекающих плоскогорье глубоких долинах сверкали шумные потоки, окруженные местами темной зеленью тропических растений. Следуя вдоль по течению одного из таких потоков, испанцы пришли к границам маленькой республики Тласкалы. Эта республика была окружена каменной стеною, сложенною из громадных каменных глыб. Отыскав проход в стене, Кортес, с криком: «Вперед, товарищи! Святой крест—наше знамя, последуем за ним!», вошел в пределы республики Тласкалы.

Тласкаланцы, не хотевшие подчиниться власти Монтезумы, давно уже находились в войне с ним, и поэтому Кортес задумал склонить их на свою сторону. Он послал послов к тласкаланцам с просьбою пропустить испанцев через их страну, чтобы достичь Мексики, при чем он велел послам сказать туземцам, что испанцы идут освободить всех индей-

цев от ига Монтезумы. Однако, послы Кортеса были задержаны, и тласкаланцы выслали навстречу испанцам сильное войско. В течение четырнадцати дней Кортесу приходилось выдерживать натиск многочисленной армии тласкаланцев, численность которой достигала в общем тридцати тысяч человек.

Но вооружение тласкаланцев было первобытное. Они были вооружены деревянными мечами, копьями и дротиками. Что могли они сделать с таким оружием против пушек и острых металлических сабель и мечей? Когда тласкаланцы увидели, что из их среды погибли тысячи воинов, а у испанцев почти не было убитых, они стали думать, что белые чужестранцы обладают сверх'естественной силой. После нескольких сражений Кортес предложил мир, угрожая в противном случае совершенно уничтожить всех тласкаланцев. Кортес обещал сохранить свободу и независимость Тласкалы, сказав вождям, что рассчитывает на верность тласкаланцев, дружба которых ему дороже всех сокровищ Мексики.

Тласкаланцы признали себя данниками Испании и поклялись помогать Кортесу во всех его экспедициях. 23-го сентября испанцы торжественно вступили в Тласкалу. Испанцы едва продвигались вперед по городу среди густых толп народа; население Тласкалы составляло не менее ста тысяч человек, и большинство из них вышло посмотреть на невиданных белых людей.

После двадцатидневного отдыха в Тласкале Кортес с армией, увеличенной шестью тысячами тласкаланцев, направился далее, к Мексике. Дорогою он посетил город Холулу, святое место ацтеков, где находился знаменитый храм бога Кветцалькоатля, за сыновей которого индейцы принимали теперь испанцев. Сюда стекались из разных мест Мексики богомольцы, чтобы помолиться в храме, построенном на громадной кирпичной пирамиде. В храме этом находился идол Кветцалькоатля, богато украшенный перьями и драгоценными камнями.

Жители Холулу приняли Кортеса очень радушно, но вскоре хорошие отношения изменились. От Монтезумы прибыло в Холулу посольство, которое настроило враждебно холуланцев против Кортеса. Скоро индейцы, бывшие с Кортесом, сообщили ему, что холуланцы удалили из города женщин и детей, и заготовляют много камней. Наконец, бывшая с Кортесом невольница Марина донесла Кортесу, что Монтезума отдал приказ уничтожить всех иноземцев, и что двадцать тысяч мексиканского войска собралось уже в окрестностях города.

Кортес был глубоко потрясен. Положение было серьезно. Отступать было опасно и поздно. Вследствие этого Кортес захватил знатных граждан в плен и приказал своим солдатам начать поголовную резню в городе. Страшное избиение холуланцев произвело сильное впечатление во всей Мексике. Но больше всех боялся «белых богов», как теперь индейцы называли испанцев, сам Монтезума.

Кортес, пробыв в Холуле еще две недели, отпустил своих союзников тласкаланцев домой с богатыми дарами, а сам со своим войском стал подниматься на снежные горы, отделяющие Пуэблу от Мексики. Здесь возвышались две огромные вершины Ицтакчихдатль (Белая Женщина) и Попокатепетль (Дымящаяся Гора). На следующий день испанцы вступили в долину Мексики, и перед ними развернулась очаровательная панорама. Посредине цветущей долины лежала столица империи Монтезумы, великолепный город Мексика, или, как его чаще всего называли ацтеки, Теноктитлан. На поверхности голубых вод озера ярко выделялись белые дома города, среди которых возвышались большие пирамиды храмов. Далее, за городом, вокруг соседних четырех озер виднелись другие города, окруженные могучими дубовыми и кедровыми лесами, которые чередовались с полями золотистого маиса, лугами и селениями. Всю эту роскошную панораму ограничивали на горизонте темные скалы, над которыми высились величественные снежные горы.

Вечером 7 ноября испанцы стали лагерем в нескольких милях от Мексики. На другой день, рано утром, Кортес построил все свое войско в боевом порядке и двинулся в город. Все войско Кортеса состояло из 400 испанцев и 7000 индейцев, но это количество было совершенно ничтожно среди несметного числа ацтеков, собравшихся посмотреть на невиданных белых людей. С трудом подвигаясь в густой толпе, испанцы подошли к плотине, через которую шла дорога в город. Здесь навстречу Кортесу вышли несколько знатных ацтеков и известили, что за ними следует сам император Монтезума. Кортес смело переехал через деревянный под'емный мост, сознавая, что если ацтеки поднимут этот мост, или сожгут, то он станет их пленником.

Но вождь и глава ацтеков Монтезума, охваченный суеверным страхом перед «белолицыми людьми», не думал ни о каком нападении и сопротивлении. Монтезума решил войти в союз с белолицыми людьми и поэтому поспешил к ним навстречу; его несли на золотых носилках; медленно и торжественно подвигалась процессия, и когда носильщики с Мон-

тезумой приблизились к Кортесу, Монтезума спустился с трона и встал на разостланный перед ним ковер. Монтезуме было около сорока лет; он был среднего роста, худощавый, с черными длинными волосами и редкой бородой, при чем цвет его кожи был несколько светлее, чем у его меднокрасных подданных. Он был одет в тонкую бумажную, роскошно вышитую по краям мантию; на ногах у него были сандалии с золотыми подошвами и с ремнями, украшенными жемчугом и драгоценными камнями; на голове у него был надет убор из зеленых перьев. Когда Кортес увидал приближавшегося Монтезуму, он соскочил с коня и почтительно благодарил Монтезуму за щедрые подарки и надел на Монтезуму цепь из стеклянных бус. После этого Монтезума приказал отвести для помещения испанцев обширный дворец Ахаякатль.

Кортес тотчас же обратил этот дворец в своего рода крепость, расставив всюду пушки и поставив часовых и караульных. Вскоре во дворец прибыл сам Монтезума и приказал приготовить для испанцев парадный обед. Монтезума расспрашивал Кортеса, откуда он прибыл и что его заставило посетить Мексику. С своей стороны, Монтезума рассказал, что, по преданию, предки ацтеков пришли некогда в страну под предводительством белого человека, похожего на испанца. Основав свою державу, этот человек, который в то же время был и бог Кветцалькоатль, отплыл за океан, обещая со временем снова посетить Мексику. И вот, если теперь ацтеки принимают испанцев не как чужеземцев, а как родных, то потому, что они видят в них потомков своего древнего вождя.

На следующий день Кортес с несколькими офицерами и в сопровождении Марины отдал визит Монтезуме и сообщил ему основные положения христианской веры. Кортес настойчиво уговаривал Монтезуму обратиться в христианство, но Монтезума возразил, что боги его страны были милостивы к нему, и поэтому у него нет оснований менять свою веру на новую. Кортес просил у Монтезумы разрешения осмотреть его столицу и замечательные здания, на что Монтезума дал полное согласие.

Город Мексика, основанный лет за двести до прибытия испанцев в Америку, представлял в 1519 году огромный город, в нем насчитывалось не менее шестидесяти тысяч домов и более трехсот тысяч жителей. Большинство домов в Мексике были построены из кирпича, некоторые же здания были сложены из дикого камня и мрамора. Особенность города соста-

Общий вид города Мексико. С гравюры XVII века.

вляли каналы и плотины, устроенные через озеро и соединявшие между собою различные части города; во многих местах через каналы были перекинуты разборные и под'емные мосты: с восточной стороны плотин не было, и жители сообщались между собою при помощи лодок.

Такое расположение города сильно беспокоило Кортеса, так как он сознавал, что индейцы могут очень легко атаковать испанцев и отрезать им отступление, разобрав и разрушив мосты. Чтобы предупредить всякое неожиданное восстание, Кортес решил сделать Монтезуму своим заложником. Повод к этому вскоре представился. Один индейский кацик, вассал Монтезумы, напал на испанцев, оставленных Кортесом около города Зеамполы, на дороге в Мексику. Этот кацик перебил весь небольшой гарнизон и приказал носить головы убитых испанцев из города в город, чтобы доказать, что испанцы могут быть побеждены и что они являются обыкновенными смертными.

Кортес воспользовался этим событием, чтобы обвинить Монтезуму в измене. Монтезума оправдывался и в доказательство своей непричастности к этому делу приказал привести виновного кацика к себе и затем отправил его к Кортесу, прося его наказать. Но Кортес продолжал обвинять Монтезуму в коварстве и настаивал, что если Монтезума не замышляет ничего против него, то пусть он докажет это на деле; Кортес предлагал Монтезуме переехать во дворец, где жил Кортес. Кортес хотел сделать Монтезуму заложником и обезопасить себя от нападения мексиканцев и настаивал, чтобы Монтезума переехал к нему во дворец. Монтезума, наконец, согласился.

Такой удачный оборот дела ободрил Кортеса, и он решил подвергнуть публичной казни убившего испанцев кацика. Кацик со своими сообщниками был сожжен на костре, при чем для костра Кортес потребовал у Монтезумы запас стрел, копий и деревянных мечей, хранившихся в арсенале. Таким образом Кортес уничтожил значительную часть оружия у ацтеков.

Но и этого Кортесу показалось мало: во время казни кацика он привел к костру Монтезуму и приказал надеть ему на руки оковы в виде наказания за его мнимое участие в преступлении. Монтезума был так потрясен всем случившимся, что не сопротивлялся этому унижению и даже благодарил Кортеса, когда тот собственноручно снял с него после казни оковы.

После этого Кортес в продолжение шести месяцев правил от имени Монтезумы всей страною. Он назначал государственных чиновников, собирал подати, входил во все подробности управления, посылал во все области империи испанцев, чтобы исследовать, где мексиканцы добывают золото и серебро. Постепенно Кортес так упрочил свою власть, что предложил Монтезуме, чтобы тот признал себя вассалом испанского короля; он заставил его принести в этом присягу, и Монтезума смиренно исполнил все, что от него требовал Кортес. Таким образом исполнилось древнее пророчество Кветцалькоатля: белый человек пришел с моря и снова вступил во владение Мексикой. Монтезума обязался платить испанскому королю ежегодно дань и затем отдал все богатства своего отца, составлявшие громадную по тому времени сумму в 162.000 золотых пезо (около четырех миллионов рублей золотом). Кортес поделил это золото, за исключением одной пятой части, отложенной им на долю короля, между всеми своими соучастниками. Себе он взял также пятую долю и, кроме того, взял еще сумму, занятую им для снаряжения флота. На долю каждого простого солдата пришлось немного более ста пезо (около 2400 рублей). Большинство солдат были недовольны таким дележом и подняли ропот. Только сильный характер Кортеса помешал этому недовольству вылиться в открытый бунт.

Между тем, почти в это же время Кортес получил известие из Вера-Круца, что около берегов появился какой-то флот. Кортес решил, что это флот, посланный ему на помощь королем Карлом V в ответ на его письмо, отправленное 16-го июля 1519 года из Вера-Круца вместе с золотом на корабле Карреро. Вскоре, однако, Кортесу пришлось разочароваться. В действительности оказалось, что этот флот был снаряжен Диэго Веласкезом с Кубы, чтобы захватить Кортеса в плен и доставить его затем, как государственного преступника, на Кубу.

Кортес решил сопротивляться, и, став во главе небольшого отряда преданных ему солдат, он направился в Вера-Круц; ему удалось разбить отряд Нарваеца и взять его в плен. Во время отсутствия Кортеса из Мексики, оставленный им в качестве начальника один из его спутников Альварадо возмутил мексиканцев своим поведением, и мексиканцы восстали. Восстание было подавлено. Но через несколько дней после прибытия Кортеса в Мексику, на улицах неожиданно появились тысячи вооруженных ацтеков, направлявшихся ко дворцу Кортеса. Кортес тотчас же распорядился дать залп

из пушек, и в одно мгновение сотни мексиканцев лежали на мостовой, истекая кровью. Остальные в ужасе остановились, но затем снова двинулись вперед. Второй и третий залпы уже не остановили их, скоро ацтеки очутились под самыми стенами дворца. Они начали взбираться на стены, но смельчаков ожидала верная смерть: солдаты Кортеса стреляли из пищалей почти в упор. Тогда ацтеки сделали попытку подкопаться под стену, и это удалось им в нескольких местах. Но Кортес расставил перед каждой брешью лучших стрелков и всех появлявшихся в бреши ацтеков безжалостно убивали. Подобные атаки возобновлялись и в следующие дни, и ацтеки с каждой новой атакой становились все настойчивее и настойчивее.

Кортес решил удалиться из Мексики и обратился к Монтезуме, прося усмирить восстание или, по крайней мере, дать испанцам возможность уйти из города. Но когда несчастный император появился на стенах, окружавших дворец, и стал убеждать своих подданных сложить оружие, в рядах ацтеков раздались ропот и угрозы. Когда же Монтезума назвал Кортеса своим другом, то негодование ацтеков возросло до крайних пределов, и прежде чем солдаты Кортеса успели прикрыть его своими щитами, Монтезума был ранен несколькими стрелами и получил в голову удар камнем. Кортес распорядился перенести Монтезуму во внутренние покои и перевязать ему раны, но очнувшийся Монтезума с горечью сказал, что ему остается только умереть, так как он не имеет более власти над своим народом; он сорвал со своих ран повязки и, чувствуя приближение смерти, подозвал Кортеса и просил позаботиться о своих трех дочерях, поручая их милости испанского короля. «Только из любви к нему,—говорил Монтезума,—я попал в такое положение, но я не сержусь на него». Это были последние слова последнего мексиканского императора: 30-го июня 1520 года Монтезума умер.

После смерти Монтезумы Кортес отдал приказ тайно готовиться к отступлению. Между тем мексиканцы с каждым днем все более и более угрожали войску Кортеса; они бросали во двор дворца, где жили в палатках воины Кортеса, горящие головни, камни и копья. Нападение прекращалось только ночью, когда мексиканцы почему-то не решались вступать в бой. Вследствие этого Кортес решил уйти из Мексики ночью, хотя днем можно было бы успешнее бороться с неприятелем.

С тридцатого июня на первое июля Кортес отдал приказ к отступлению. Ночь была темная; моросил мелкий дождь.

Монтезума, последний император Мексики.
(С гравюры XVI века.)

Поспешно, стараясь сохранять тишину, шли испанцы через спавший город. Но едва только войско Кортеса достигло первого канала, как со всех сторон набросились мексиканцы и осыпали испанцев градом камней и стрел. На канаве в это время появились сотни лодок.

Столпившись на узкой плотине, не имея возможности в виду тесноты пустить в дело огнестрельное оружие, испанцы бросались в воду, и многие из них, нагрузивши на себя большое количество золота, тонули. Все, казалось, погибло. Но Кортес с сотней воинов успел пробраться через канал и врезался в ряды врагов. На мгновение индейцы дрогнули и дали проход оставшимся испанцам. Но через несколько минут новые силы мексиканцев прибыли на место боя, и резня снова усилилась. Только на рассвете немногим испанцам удалось добраться до берега, откуда шел путь к морю.

В эту роковую ночь, названную испанцами «печальной ночью», Кортес потерял около 500 человек испанцев и около тысячи человек союзных индейцев. Большая часть добычи, золото, все пушки, все припасы и провизия, все бумаги Кортеса и его дневник, который он тщательно вел со дня отплытия с Кубы,—все это погибло в озере. Остались всего лишь двадцать три лошади, и то большею частью раненые; не было больше ни одного мушкета, и все вооружение оставшихся солдат состояло только из меча и кинжала. Пленники и заложники погибли или бежали. О завоевании Мексики нечего было и думать. Нужно было заботиться лишь о том, как бы скорее добраться до берега моря.

Мексиканцы понесли также большие потери, и весь день хоронили своих убитых: этим воспользовались испанцы и спешно отступили по направлению к Тласкале. На следующий день отступавшее войско Кортеса нагнали мексиканцы, и Кортес вынужден был вступить в новое сражение; оно произошло на полях Отумбы, при чем число мексиканцев достигало, согласно показаниям историков того времени, двухсот тысяч человек. Благодаря своей неустрашимости Кортес выиграл, однако, эту битву. С несколькими всадниками он бросился в ряды индейцев, опрокинул их и прорвался в центр, где находились самые знатные мексиканцы. Кортес стремительно ударом копья поверг на землю главного вождя мексиканцев Квитлаву, а молодой рыцарь Хуан де-Саламанка нанес ему смертельный удар и подал Кортесу бывший в руке Квитлавы предводительский жезл. При виде погибшего вождя мексиканцами овладел панический страх, и они бросились бежать с поля битвы.

Несколько дней спустя испанцы достигли Тласкалы. Здесь их приняли дружелюбно, несмотря на то, что множество тласкаланцев, ушедших с Кортесом в Мексику, погибло. Кортес провел в Тласкале несколько дней для того, чтобы солдаты могли поправиться и залечить свои раны. Сам Кортес был также опасно ранен, и некоторое время жизнь его находилась в опасности.

Оправившись от ран, Кортес решил снова овладеть Мексикой, но у него было лишь около четырехсот человек и двадцать лошадей. Он сознавал, что это количество недостаточно для наступления, и поэтому снарядил четыре корабля, стоявшие в гавани Вера-Круца, на Испаньолу, чтобы там навербовать добровольцев и купить лошадей, пороху и снарядов. В то же время он отдал приказ своему другу, Мартину Лопесу, построить в Тласкале тринадцать небольших судов, которые он намеревался перенести в разобранном виде на Мексиканское озеро.

В то время как Кортес готовился к новому наступлению на Мексику, живя в Тласкале, он получил неожиданное подкрепление: в Вера-Круц пришли два судна, нагруженные снарядами и солдатами; эти суда были посланы Веласкезом с Кубы Нарваецу. Прибывшие испанцы присоединились к Кортесу, и все припасы поступили в его распоряжение. В это же время присоединилось к нему несколько десятков испанцев, прибывших с острова Ямайки. Считая эти подкрепления, армия Кортеса состояла уже из пятисот пятидесяти пехотинцев и из сорока всадников. С этим-то небольшим войском, усиленным еще тысячею тланкаланцев, Кортес снова выступил на завоевание Мексики 28-го декабря 1520 года, спустя шесть месяцев после того, как он был вынужден покинуть этот город.

На этот раз Кортес решил начать завоевание с покорения окрестных городов. Вечером, накануне нового 1521 года Кортес двинулся на берег Мексиканского озера. В это время ацтеки избрали своим вождем молодого Гватемозина, племянника и зятя бывшего императора Монтезумы. Как непримиримый враг испанцев, он предвидел новое наступление Кортеса и готовился к войне с ним. Гватемозин укрепил город, удалил из него женщин и детей и решился если не победить, то, по крайней мере, умереть, защищая свой город. Его воины также дали клятву бороться до конца.

Между тем Кортес переправил разобранные суда на берег Мексиканского озера и приступил к их сборке. Едва суда были спущены на воду, как на них напали тысячи мексиканцев на лодках, но вскоре суда Кортеса, на которых были установлены небольшие пушки, рассеяли индейские лодки. После этого Кор-

тес начал правильную осаду города, отрезав все пути сообщения и разрушив водопровод. Но, несмотря на это, ацтеки не сдавались. Гватемозин делал отчаянные вылазки и однажды захватил шестьдесят испанских солдат, при чем в схватке Кортес был опасно ранен камнем и чуть не попал в плен. Испанские пленники были тотчас же принесены в жертву богам.

Это ужасное поражение затянуло осаду. Союзники-индейцы, видя неудачу белых людей и считая их осужденными на гибель, разошлись и бежали. Положение Кортеса становилось трудным, его армия быстро таяла, припасы истощались. Но Кортес не падал духом. Он постепенно сжимал кольцом своих войск город, и однажды помощнику Кортеса Альварадо удалось со своим отрядом проникнуть до большой городской площади, где находился главный храм. На следующий день войска Кортеса заняли почти весь город, и мексиканцы бросились на лодки, чтобы спастись от преследования бегством. Все стремление Кортеса было направлено к тому, чтобы захватить Гватемозина, так как он знал, что если Гватемозину удастся бежать, то он скоро снова нападет на испанцев. В виду этого Кортес приказал своему флоту задерживать мексиканские челноки, и на одном из них действительно удалось захватить Гватемозина.

Когда вождя ацтеков привели к Кортесу, то он спокойно и твердо подошел к победителю. «Я сделал все, что было в моих силах, ради спасения моего народа,—сказал Гватемозин,—и вот до чего я дошел! Теперь ты можешь делать со мною, что тебе угодно. Но,—при этих словах Гватемозин дотронулся до кинжала, бывшего за поясом у Кортеса,—лучше было бы, если бы ты заколол меня этим!»—«Не бойся,—возразил Кортес, — ты будешь пользоваться должным почетом; испанцы умеют уважать мужество и в неприятеле».

Таким образом Мексика была завоевана Кортесом вторично. Взятие Мексики произошло 13-го августа 1521 года. В ночь на 14-е августа над Мексикой разразилась страшная гроза; на следующий день из города стали уходить жители; по просьбе Гватемозина Кортес дал всем жителям, не желавшим оставаться в городе, свободный пропуск. Мексика стала испанской колонией.

Теперь Кортес, казалось бы, мог жить спокойно; однако его кипучая натура заставляла его предпринимать новые экспедиции. После завоевания Мексики Кортес захотел раскрыть «великую тайну» океанов и решил отыскать пролив, соединяющий

Атлантический и Великий океан; он был убежден, что этот пролив существует, и если бы его удалось открыть, то новая Испания получила бы еще большее значение, как станция на пути между Азией и Европой. С этою целью Кортес отправил Христоваля Олида с небольшим отрядом в Гондурас. В то же время Олид должен был исследовать южный берег этой провинции и найти пролив, соединяющий оба океана. Но Олид, удалившись в Гондурас, об'явил себя независимым. Кортес отправил тотчас же в Гондурас небольшой отряд, чтобы захватить Олида, сам же, во главе ста всадников и пятидесяти пехотинцев, выступил 12-го октября 1523 года из Мексики. Пройдя провинцию Гоатцакоалько, Табаско и Юкатан, совершив один из труднейших переходов по болотистой и топкой местности, через громадные тропические леса, отряд Кортеса приблизился уже к провинции Акулан, когда был открыт заговор против него, составленный мексиканцами, бывшими с ним. Во главе заговорщиков находился, как полагали, Гватемозин. Заговорщики поставили своею целью перебить при первом случае всех испанцев, а потом возвратиться в Мексику, где снова поднять восстание. Кортес был предупрежден о заговоре и тотчас же арестовал Гватемозина и видных мексиканцев, бывших в отряде. Напрасно Гватемозин уверял его в своей невиновности, он и его предполагаемые сообщники были повешены Кортесом по дороге в Акулан.

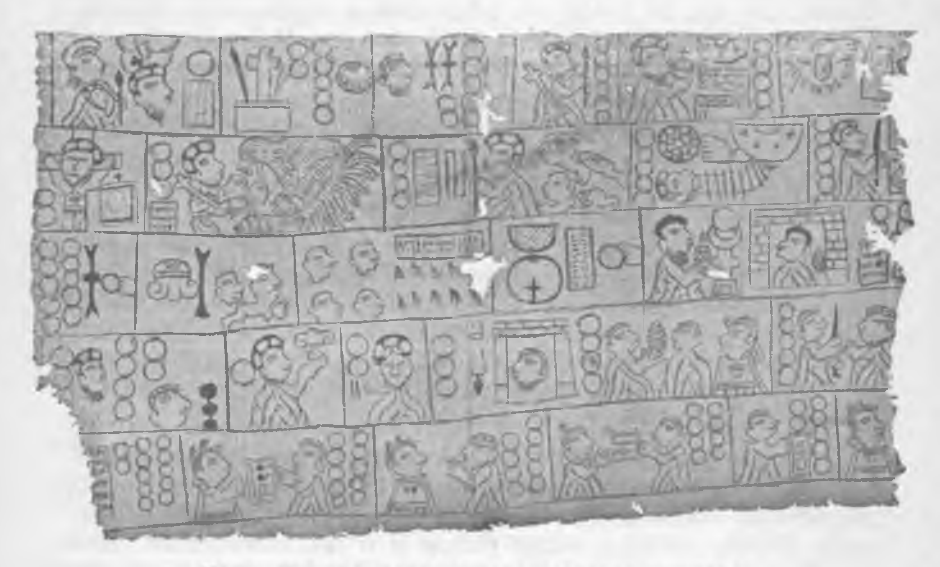
Прибыв в индейский город Акулан, Кортес через некоторое время отправился далее к озеру Петен, а затем его отряд достиг Сан-Жиля де-Буена Виста на берегу Гольфо Дольче; здесь Кортес узнал о казни Олида и о восстановлении своей власти в Гондурасе; вследствие этого он отправился обратно в Мексику.

Возвратившись туда благополучно, Кортес вскоре получил известие о своем временном замещении и приглашение явиться в Испанию для того, чтобы оправдаться перед властями; его враги обвиняли его в стремлении к независимости. Кортес был глубоко оскорблен этими подозрениями и стал поспешно готовиться к от'езду в Испанию. Он взял с собою своих наиболее близких сподвижников—Сандоваля, Тапию и других, а также несколько ацтеков и тласкаланцев. Для подарков королю Кортес собрал самые драгоценные вещи из золота, серебра и драгоценных камней. а также и некоторые образцы мексиканского искусства.

В мае месяце 1528 года, после благополучного переезда через океан, Кортес прибыл в Палос, откуда некогда выехал

Христофор Колумб в свое первое плавание через океан. Монастырь Ля-Рабида, приютивший Колумба, принял теперь под свою кровлю и завоевателя Мексики. Здесь Кортес встретился с Франциско Пизарро, который явился также из Нового Света, чтобы просить поддержки у испанского правительства.

Прожив в Испании два года, Кортес снова отправился в Мексику и начал заниматься там земледелием. Мексиканцы обязаны ему культурой в Мексике сахарного тростника, шелковицы, конопли и льна.

Часть древне-мексиканского календаря ацтеков.

В 1532 и 1533 г.г. Кортес снарядил две экспедиции для исследования Южного океана, а в 1536 г. отправился сам в Багряное море (Калифорнийский залив), чтобы отыскать пролив из Атлантического в Великий океан. Кортес первый открыл Калифорнию и он же первый дал название этой знойной стране «Калида форна», что по-испански означает «жаркая печь». Позднее из этого наименования и получилось название Калифорния. В 1539 г. Кортес послал в Багряное море еще экспедицию под начальством Уллоа.

Эта экспедиция проникла в глубину залива, затем, продолжая плавание вдоль наружного берега полуострова, поднялась до двадцать девятого градуса широты. Отсюда Уллоа послал к Кортесу один корабль с донесениями, а сам отпра-

вился далее на север, где и погиб без следа. Эти экспедиции имели своим результатом то, что берега Тихого океана стали известны до Рио-Колорадо; было также установлено, что Калифорния представляет собою не остров, как думал Кортес во время своего первого путешествия по Багряному морю, а полуостров, и что само Багряное море, или Кортесово, как справедливо называют его испанцы, является глубоким заливом, далеко врезавшимся в континент.

Последние годы своей жизни Кортес провел в Испании, больной и всеми забытый; о его заслугах и завоеваниях почти не говорили, так как в это время шло завоевание еще более чудесной страны — Перу, перед богатством которой совершенно поблекли все богатства Мексики. Кортес умер 10-го ноября 1547 года в Кастильехо де-ля-Куеста (близ Севильи).

После Кортеса испанцы, укрепившись в Мексике, снаряжали еще несколько экспедиций на северо-запад. Охваченные жаждой золота, они, под влиянием наполовину понятых рассказов индейцев о богатых городах, стремились отыскать эти города. Существование таинственных городов, изобилующих золотом, отчасти подтверждалось рассказами некоторых спутников рыцаря Фернандо де-Сото, который в 1528 г. совершил путешествие из Флориды через южные области современных Соед. Штатов до Техаса и Мексики. Спутники де-Сото утверждали, что они видели вдали большие города. Под влиянием таких рассказов, жестокий конквистадор Нуньи де-Гусман предпринял в 1530 г. большой поход в область, получившую позднее название Новой Галиции (современные провинции Дуранго и Синалоа); он искал таинственный город, золотую Сиболу, но его поиски не увенчались успехом.

В 1535 г. на поиски золотой Сиболы отправился другой испанский конквистадор Хуан Васкез де-Коронадо из Кулиакана. Пройдя со своим отрядом скудные водой области между Колорадо и Рио-Гранде, он дошел до индейского поселения Сиболы, которая оказалась самой обыкновенной индейской деревушкой, где все жители ютились вокруг одного центрального двора вроде крепости. Путешествие Коронадо, вместе с морской экспедицией Аларкона, имела результатом колонизацию Соноры, сев.-зап. провинции современной Мексики.

Не найдя богатых золотом городов на север от Мексики, испанские конквистадоры направили все свое внимание на области к югу от Мексики, и, главным образом, на Перу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Открытие и завоевание Перу.

I.

Древнее Перу. — Инки и их культура. — Открытие Перу испанцами.

Конквистадоры Центральной Америки нередко слышали от индейцев рассказы о богатых странах, лежащих на берегах Южного моря, открытого Бальбоа. Выше мы видели, что уже Бальбоа знал о существовании какой-то «золотой» страны, куда он стремился на своем флоте, но ему не было суждено сделаться завоевателем этих стран. Следовавшие за ним другие испанские конквистадоры, достигнув берегов Великого океана, с интересом расспрашивали индейцев о видневшихся на далеком горизонте островах и о землях, омываемых этим океаном. От одного индейского кацика, жившего на берегу Великого океана, испанцы узнали, что на юге существует могущественное царство, богатое золотом и серебром. Рассказывая это, кацик взял ком глины и вылепил фигуру животного, какого испанцы еще не видели до этого времени; судя по фигуре этого животного оно наполовину напоминало верблюда, наполовину овцу. То была перуанская лама, на которых туземцы перевозили тяжести. Эту таинственную страну, где водились необычайные животные и где в изобилии находилось золото и серебро, индейцы называли словом «Биру», которое позднее испанцы переделали в «Перу».

Страна, названная «Перу». занимала обширную область высокого плоскогорья Андов, оживляемого большим озером Титикака. Эта область уже с древних времен—вероятно, гораздо раньше Мексики—сделалась местом довольно высокой культуры. Самым цивилизованным народом Перу были племена квишау-аймара, которые и стали известны в истории под именем перуанцев. Эти племена были, вероятно, первыми из американских племен, вышедших из низшей стадии варварства. В эпоху завоевания Нового Света испанцами племена квишау-

аймара более, чем какие-либо другие народы Америки, приблизились к образованию национального союза в виде сложного государства. Во многих отношениях они были гораздо цивилизованнее народов Мексики и Центральной Америки, но, тем не менее, они не достигли еще начала истинной цивилизации: они не знали алфавита, ни какой-либо системы иероглифического письма. Перуанские «амауты» или «мудрые» люди сохраняли предания при помощи странной системы узелков, завязывавшихся ими на разноцветных шнурках. Эти узловатые шнурки, или «кипу», употреблялись также вместо счетов. Но эти шнурки сравнительно с иероглифами, даже столь несовершенными, как иероглифы мексиканцев, были весьма неудовлетворительным орудием записывания. Именно по этой причине вся древняя история Перу осталась недоступной для науки, так как расшифровать узелки, как были расшифрованы, например, египетские иероглифические надписи, оказалось совершенно невозможно. Вследствие этого исторический период перуанского народа начинается лишь незадолго до прихода испанцев, когда еще были живы в народе устные предания о предшествующих событиях народной жизни. Обыкновенно история Перу начинается с повествования о завоевании племени аймару другим индейским племенем, квишау, управлявшимся «инками». По всей вероятности, это завоевание Перу произошло в конце X века христианской эры. Инки со своим народом подчинили себе значительную часть Южной Америки, и их владычество распространялось во время прибытия в Америку испанцев на все современное Перу и Эквадор, а также на прилегающие части Колумбии, Бразилии, Боливии и Чили.

Государство инков представляло собою совершенно своеобразную страну. Правители, «инки», называли себя «сынами солнца» и заставляли своих подданных оказывать себе божеские почести. Главный инка считался наместником бога и являлся верховным жрецом главного бога—Солнца. Наравне с солнцем перуанцы поклонялись луне, звездам и другим планетам. В честь солнца перуанцы устраивали в течение года четыре больших национальных праздника, во время солнцестояний и равноденствий. На этих праздниках приносились в жертву ламы и альпака с их ягнятами, кролики и птицы, маис и другие растения, сильно возбуждающая трава «кока», маисовое вино и тонкие ткани. Перуанцы сжигали все это, как благодарственную жертву солнцу за то, что оно создало все эти вещи для блага людей. Повидимому, у перуанцев в эпоху владычества инков не существовало человеческих жертвоприношений и обычая людоедства.

Перуанское предание гласило, что человеческие жертвоприношения были уничтожены в Перу первым инкой, Манко-Капаком, который научил своих соплеменников поклоняться солнцу, ввел в стране земледелие и промышленность и построил на озере Титикака обширный город Куско, который сделался столицею империи инков. Вся земля в царстве инков была разделена на четыре равные части: одна часть составляла собственность самого «инки»—верховного правителя страны. «императора-бога», другая была собственностью бога Солнца, то-есть, в действительности, была собственностью жрецов бога Солнца; две остальные части распределялись между остальными жителями, обязанными обрабатывать эту землю. Весь урожай с этой половины земли сохранялся в общественных складах, откуда каждому выдавалось столько, сколько ему нужно было для жизни. Скот был так же, как и земля, общей собственностью; государственные чиновники заведывали раздачею мяса и назначали пастухов. Особые надзиратели наблюдали над орошением и обработкой полей.

У перуанцев не существовало специальных ремесленников, как портные, ткачи, сапожники; каждый перуанец учился шить себе одежду и обувь, и когда в этом была необходимость, ему выдавалась из общественных магазинов шерсть. кожа и другие нужные предметы. Каждый человек в царстве инков значился под каким-нибудь нумером, и все жители были сосчитаны и собраны в отдельные группы по пяти, по десяти и по сто человек. Над каждой группой был отдельный начальник, и все эти начальники, в свою очередь, подчинялись «вице-королям», а «вице-короли»—верховному инке. За всеми подданными был учрежден самый строгий полицейский надзор. Тайная полиция следила за тем, чтобы все жители исполняли свои обязанности. Жители не имели права запирать дверей своей хижины, для того, чтобы полицейский агент мог во всякое время войти к ним для контроля. Ни один из жителей не смел отлучаться из своей деревни или города в другой город без разрешения властей под страхом смертной казни.

Инки, владея огромной империей на правах неограниченных властителей, провели по всему своему царству дороги и устроили через некоторые расстояния станции с магазинами с'естных припасов и оружия. Эти дороги шли от столицы Куско в разные части страны и отличались такой же ровностью, как наши современные шоссе. Дороги эти проходили через горы и долины, через реки и скалы. Эти дороги облегчали передачу политических и военных сведений. Вдоль главных дорог были устроены хижины, в которых жили курьеры или по-

чтальоны, обязанные передавать послания инки из Куско в другие места. Когда инка хотел отправить свой приказ губернатору какой-либо провинции, он передавал приказ первому курьеру в Куско. Этот курьер тотчас же бежал до хижины следующего курьера, и тот, в свою очередь, как только получал приказ, бежал до следующего курьера и т. д. Испанцы, завоевав Перу, воспользовались этой организацией почты и были в состоянии передавать таким способом в течение трех дней письма из Куско в Лиму, то-есть на расстояние почти четырехсот миль. Подобная система, конечно, была удобна для писанных сообщений, но трудно представить себе, чтобы устный приказ, перешедший через несколько десятков человек, сохранил бы свою первоначальную редакцию.

Как ни замечательны были эти дороги и различные дорожные учреждения инков, недостатки работ перуанцев обнаруживались в тех случаях, когда им приходилось устраивать переправу через реку, или широкое и глубокое ущелье. Здесь чувствовалась низкая ступень культурного развития перуанцев. Инки могли при помощи своих бесчисленных подданных—рабов — возводить огромные каменные здания и проводить на сотни верст хорошие мощеные дороги. Но так как перуанцы не знали принципа арки, то они не могли строить ни каменных мостов, ни зданий с каменными сводами. Точно так же они не могли строить и деревянных мостов, так как у них не было необходимых сведений в плотничном и инженерном искусствах. Вследствие этого перуанцы при постройке мостов просто натягивали через реки и ущелья толстые канаты и накладывали на них затем пол из досок. По сторонам таких висячих мостов устраивались легкие веревочные перила. Через такие мосты можно было переводить навьюченных лам, подобно тому, как еще и теперь в Перу переводят через них навьюченных мулов.

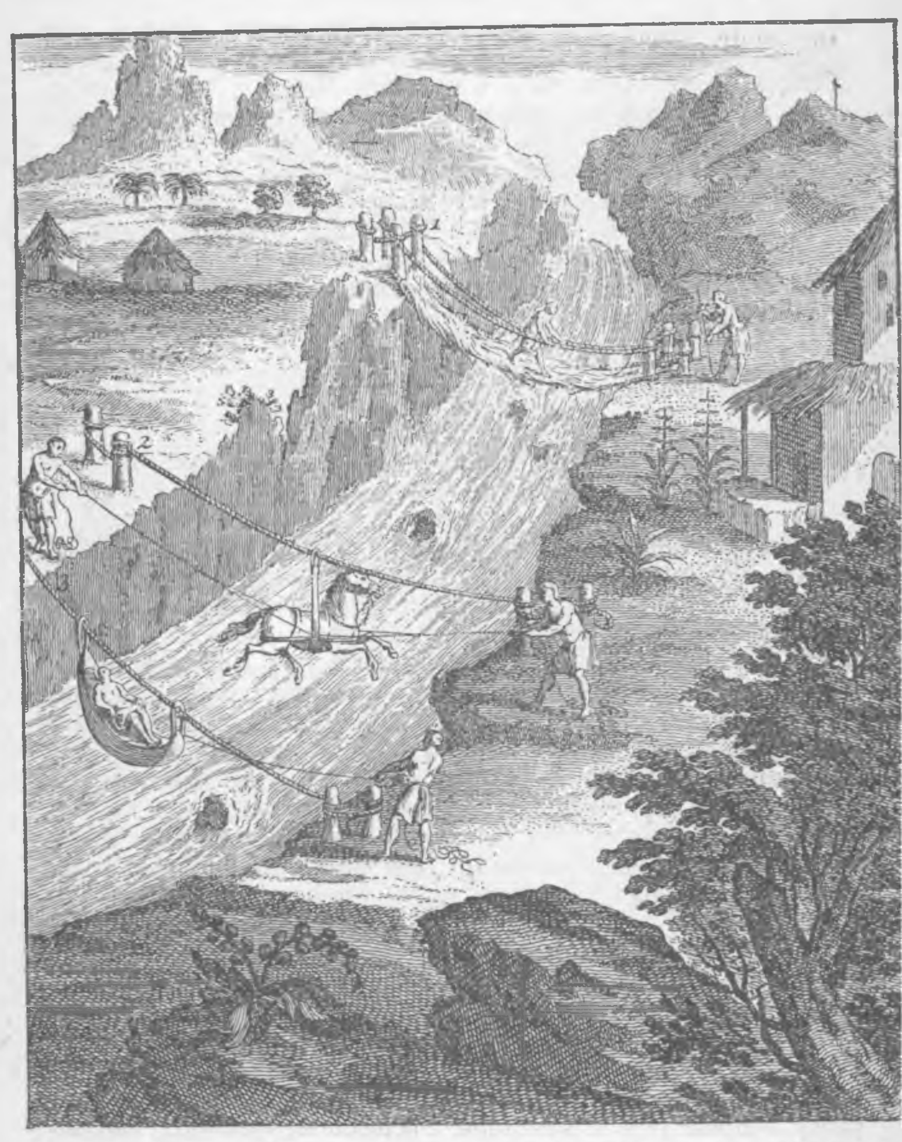
Когда испанцы появились в странах Центральной Америки и на берегу Великого океана, в Перу царствовал инка Атахуальпа, который завладел престолом, свергнув своего старшего брата Хуаскара. В это время испанцы основали на берегу Великого океана город Панаму и постепенно исследовали побережье Южного моря. Один из этих исследователей, Франциско Пизарро, бывший спутник и компаньон Васко Бальбоа в его путешествии через перешеек Центральной Америки, сильно заинтересовался рассказами о «золотом царстве» и решил во что бы то ни стало достигнуть этого царства. Но он сознавал, что один он не может ничего сделать, и поэтому стал подыскивать себе компаньонов. Скоро два человека согласи-

лись войти в союз с Пизарро; то были некто Диэго де-Альмагро, ради золота готовый на самые рискованные предприятия, и монах Фернандо Люк, обещавший Пизарро достать необходимые на снаряжение экспедиции деньги. В это время в Панаму вернулся из своего плавания Гонзалес на кораблях, построенных Васко Нуньецом Бальбоа. Пизарро уговорил губернатора Панамы, Педрариаса, дать ему на некоторое время корабли Бальбоа, чтобы открыть золотое царство Биру. Педрариас предложил Пизарро разделить пополам с ним всю добычу, полученную в Перу. Пизарро согласился и в ноябре 1524 года на одном корабле отплыл из Панамы. На другом корабле должен был отплыть несколько позднее Альмагро.

Вскоре Пизарро оставил за собою Пуэрто де-Пинас,—крайний пункт, до которого в то время доходили испанцы,—и затем, поднявшись вверх по реке Биру, он хотел было высадиться на берег; но перед ним расстилались одни топкие болота и непроходимые девственные леса. Вследствие этого Пизарро покинул эту пустынную местность и медленно поплыл вдоль берега моря к югу, находясь все время под непрерывными тропическими ливнями, сопровождавшимися сильными бурями. Вскоре оказался недостаток с'естных припасов, и среди экипажа поднялся ропот; все требовали немедленного возвращения назад, в Панаму. Но Пизарро оставался непоколебим и подвигался вперед.

Наконец, экипаж решительно запротестовал, и Пизарро должен был прекратить свое плавание. Он согласился отправить корабль и всех желающих обратно в Панаму с тем, чтобы корабль, взяв там припасы, вернулся снова к нему. Сам же Пизарро с несколькими своими преданными товарищами высадился на берег и решил дожидаться прихода корабля Альмагро. Но здесь настали для Пизарро и его товарищей ужасные дни: беспрерывные ливни, сопровождаемые бурями, делали эту пустынную местность еще более непривлекательной, и испанцы вынуждены были питаться разными корнями, выброшенной морем на берег рыбой и т. п. Пизарро назвал берег, где он высадился, Пуэрто делля-Гамбре («Голодная Гавань»). Между тем корабль Альмагро не показывался, и Пизарро был вынужден искать пропитания в окрестных лесах. В одну из своих экскурсий в глубь страны он встретил индейскую деревушку, жители которой об'яснили Пизарро, что к югу от них находится могущественное царство, над которым властвует «инка»—«Сын Солнца».

Это известие сильно обрадовало Пизарро, и он поспешил вернуться на берег «Голодной Бухты». В это время сюда вернулся корабль Пизарро с припасами. Однако, голод и всевоз-

Способы переправы и висячие мосты в Перу. (Снимок со старинной гравюры.)

можные лишения изнурили испанцев до такой степени, что нечего было и думать о завоевании сильного царства. Поэтому Пизарро решил вернуться в колонию Чикаму, близ Панамы. чтобы там собраться с силами и затем уже предпринять завоевание царства Биру.

Между тем Альмагро, следуя вдоль берега, по оставленным на деревьях знакам, достиг того места, где высадился Пизарро, но уже не застал его—суда их разошлись ночью во время тумана. Альмагро доехал до реки Сан-Хуана и воротился с богатой добычей в Чикаму. Привезенная Альмагро добыча подтвердила рассказы о стране золота на юге.

II.

Франциск Пизарро.—Диэго Альмагро.—Экспедиция Пизарро в Перу.

Встретившись в Чикаме, Пизарро и Альмагро стали обдумывать план новой экспедиции в Перу. Они предложили губернатору Панамы снарядить экспедицию на счет казны, но Педрариас наотрез отказался дать хотя бы часть денег на это дело. Тогда Пизарро и Альмагро снова обратились к своему другу. монаху Люку, за помощью, и все втроем заключили союз, известный под именем «Союза трех завоевателей». Согласно договора, Фернандо Люк обязывался достать необходимые для завоевания Перу деньги, а Пизарро и Альмагро обязывались завоевать эту страну и разделить на три равные части добычу. При этом ни один из этих союзников, не только не имел никакого понятия о величине и могуществе того царства, которое они делили, но они даже и не знали, где оно находится. Интересно отметить, что под договором мог расписаться только монах Люк, Пизарро же и Альмагро, будучи неграмотными, поставили вместо подписи кресты; рядом за них подписались два панамских жителя.

После заключения этого договора Пизарро и Альмагро энергично принялись за снаряжение экспедиции. Пизарро набрал сто шестьдесят человек добровольцев, и вскоре оба корабля отправились в плавание. Экспедиция благополучно достигла реки Сан-Хуана, где испанцы напали на несколько индейских деревень и захватили много золота, с которым Альмагро тотчас же поехал в Панаму, чтобы навербовать новых добровольцев под знамена Пизарро. Сам Пизарро расположился со своим отрядом в плодоносной долине. Другой свой

корабль Пизарро отправил под начальством опытного капитана Бартоломея Руиса к югу с целью исследовать морской бе-

Франциск Пизарро. Снимок с древней гравюры.

рег. Плавание это было очень благоприятно. Благодаря попутному ветру, корабль быстро проносился мимо зеленеющих и цветущих берегов, а вскоре вдали показались и величественные

вершины Андов, окутанные снежным покровом. На берегу толпились туземцы, с изумлением смотревшие на невиданный ими до того времени корабль. Вдруг испанцы, к немалому своему изумлению, увидели на горизонте белый парус. Когда корабль приблизился, то испанцы увидали, что это была индейская «бальза», огромный плот с навесом, двумя мачтами и большим парусом.

Перуанская бальза остановилась у борта испанского судна; с удивлением смотрели европейцы на золотые и серебряные украшения перуанцев, на платья женщин, сшитые из тончайшей шерстяной материи. С изумлением слушали испанцы рассказы перуанцев об их стране, в которой на роскошных лугах паслись бесчисленные стада, дававшие прекрасную шерсть, где находились роскошные дворцы «Сына Солнца», сверкавшие золотом и серебром. Руис захватил с собою нескольких перуанцев, чтобы они лично рассказали Пизарро эти чудесные вести.

Тем временем Пизарро и его спутникам приходилось переносить невероятные лишения. Пизарро рассчитывал встретить в долине, где он высадился, различные плодовые деревья, но вместо того он встретил лишь нескончаемый девственный лес, заросший колючими кустарниками. Вся местность оглашалась криками бесчисленных попугаев и обезьян, в густой траве ползали многочисленные ядовитые змеи, а болота и реки изобиловали крокодилами, которые пожрали нескольких неосторожных испанцев. Кроме того, тучи москитов кружились постоянно над лагерем испанцев. В довершение всего наступил скоро голод, и всеми овладело полное уныние. К счастью, в самую критическую минуту подоспел Руис на своем корабле, а вслед за ним и Альмагро с новым отрядом. Выслушав рассказ Руиса и приехавших с ним перуанцев. Пизарро и его спутники забыли все лишения и все, как один человек, решили ехать на завоевание Перу.

Жестокие бури заставили Пизарро и Альмагро пристать к острову Галло для исправления судов, после чего маленькая эскадра двинулась далее вдоль берега и достигла Такамеса, границы империи инков. Перуанцы не захотели подчиниться горсти бледнолицых людей и храбро защищали свою независимость. По всей вероятности, Пизарро и весь его отряд был бы перебит, если бы не случилось одно незначительное событие: во время битвы один из испанских всадников по неосторожности свалился с лошади, и перуанцы, считавшие всадника и лошадь за одно существо, были так поражены, что это существо распалось на-двое, что в паническом страхе бросились бежать.

Но эта битва с очевидностью показала Пизарро, что с небольшим отрядом невозможно покорить перуанское царство. Пизарро решил снова отправить Альмагро в Панаму вербовать новых добровольцев, сам же удалился с отрядом на остров Галло. С одним из матросов Альмагро в Панаму было отправлено письмо, где говорилось, что едущие на завоевание Перу с Пизарро едут на верную смерть. Это письмо попало в руки Лос-Риоса, нового губернатора Панамы, и тот запретил Альмагро набирать новых добровольцев. Вместо того он отправил на остров Галло корабль со своими солдатами, поручив им захватить Пизарро и привезти его солдат обратно.

Пизарро отказался вернуться в Панаму и обратился с горячей речью к своим спутникам, уговаривая их не бросать начатого дела. Он провел на песке своим мечом черту с запада на восток и воскликнул, обращаясь к солдатам: «Здесь—Перу и богатство, там—Панама и нищета! Здесь—радость и счастье, там—голод и тюрьма! Выбирайте! Каждый храбрый кастилец знает, что ему делать! Я сам иду на юг!»—и с этими словами он переступил проведенную им на песке черту. За Пизарро без колебания последовал его верный кормчий Руис, рыцарь Педро Кандия, Горциа Херес—один из историков завоевания Перу—и еще десять других солдат. Остальные же решили вернуться обратно. Пизарро, зная, что на недовольных нельзя положиться, не стал их удерживать и отпустил в Панаму. Сам же с оставшейся горстью своих приверженцев удалился на небольшой остров Горгону, где было много кроликов и разных с'едобных растений. Здесь он стал приготовляться к походу против могущественной империи, ожидая прибытия Альмагро. Но прошло целых пять месяцев, а Альмагро не возвращался. Вместо Альмагро губернатор Панамы отправил на остров Горгону небольшой корабль, капитану которого он поручил захватить Пизарро и привезти его в Панаму.

Когда это судно прибыло на Горгону и капитан корабля об'явил о воле губернатора, Пизарро завладел кораблем и вместо того, чтобы ехать в Панаму, направился со своим отрядом в двадцать человек к берегам Перу. Погода благоприятствовала отважным завоевателям, и маленькая экспедиция подвигалась быстро на юг мимо величественных горных колоссов Чимборазо и Котопахи. Но внимание испанцев не останавливалось на картинах природы, их взоры искали богатых городов, где они рассчитывали собрать много золота. По указанию индейцев они добрались до бухты Гваякиль, на берегу которой, среди яркой зелени лугов, находился прекрасный город Тумбез.

Когда корабль Пизарро подошел к берегу, то все население города вышло на набережную и с нескрываемым любопытством смотрело на пловучий дом, где находились странные белые люди. Курака (губернатор) этой области принял испанцев, благодаря белому цвету их кожи, за существа сверх'естественные и послал им в подарок бананов, кокосовых орехов, рыбы, дичи и даже живую ламу; испанцы впервые увидели этого «маленького верблюда», о котором они слышали много рассказов от индейцев. Вслед за тем на корабль приехал один из живших здесь инков; он подробно расспросил Пизарро, откуда тот приехал и что за цель привела его в страну инков. Пизарро об'яснил ему. что он подданный самого могущественного монарха в мире, и что он явился сюда, чтобы подчинить эту страну своему королю; вместе с тем он стал убеждать инку отречься от язычества и принять христианство. Инка молча и серьезно выслушал речь Пизарро и сказал, что подумает обо всем этом у себя дома.

Отпуская инку с корабля, Пизарро подарил ему несколько стеклянных вещей и железный топор, которому инка очень обрадовался. Перуанец пригласил испанцев посетить Тумбез, и Пизарро послал туда сначала одного матроса с негром. На берегу их окружила большая толпа перуанцев, удивлявшаяся как белому, так и черному цвету кожи чужестранцев. Впрочем, черный цвет негра показался подозрительным, и перуанцы пытались смыть его, а при крике петуха, которого матрос нес под мышкой, они в восторге захлопали в ладоши и стали спрашивать, что этот зверь сказал им. Вернувшись на корабль, матрос рассказал много чудес о богатстве и роскоши перуанцев. Захватив несколько прирученных лам и несколько человек перуанцев, которых он хотел научить испанскому языку, чтобы иметь переводчиков, Пизарро отплыл далее. Всюду, где он приставал, его принимали с тем же гостеприимством, как и в Тумбезе, и везде Пизарро видел высокую степень благосостояния и богатства; но вместе с тем он все более и более убеждался, что немыслимо покорить это могущественное царство с такими слабыми силами. Достигнув 9° южной широты, где позднее был основан город Трухилло, Пизарро, к своему великому сожалению, вынужден был вернуться, несмотря на то, что был уже недалеко от цели.

После восемнадцатимесячного плавания Пизарро со своим товарищами прибыл в гавань Панамы, где их считали давно погибшими. Все поэтому были сильно удивлены возвращением Пизарро, но еще более были удивлены его рассказами о новых странах Перу. Однако губернатор Панамы не хотел и слышать

о новой экспедиции в Перу. Тогда Пизарро решил сам отправиться в Испанию к королю и рассказать ему лично о своих открытиях. Хотя он был человек необразованный, но обладал большим красноречием и природным умом. Его друзья с большим трудом собрали необходимые для этого путешествия средства, и весною 1528 года Пизарро отплыл в Испанию в сопровождении нескольких перуанцев и с образцами продуктов Перу: золотыми изделиями, шерстью и невиданными в Европе ламами и другими животными.

Летом 1528 года Пизарро благополучно прибыл в Испанию и высадился в Палосе. Затем он отправился в Толедо, к королю Карлу V. В то время при дворе находился и завоеватель Мексики Кортес. Кортес оказал большую помощь Пизарро, советуя королю дать необходимые для Пизарро полномочия. Король назначил Пизарро наместником Новой Кастилии, как назвали Перу; Альмагро был назначен главнокомандующим, а Фернандо Люк—епископом Тумбеза.

III.

Второе путешествие Пизарро в Перу. — Завоевание Перу. — Плен Атахуальпы. — Педро Альварадо в Чили. — Экспедиция Гонзало Пизарро и Орельяны. — Смерть Франциско Пизарро.

Франциско Пизарро в январе 1530 года покинул Испанию, взяв с собою в Америку своих трех братьев—Фернандо, Гонзало и Хуана. Братья Пизарро благополучно прибыли в Новый Свет. Пизарро и Альмагро деятельно занялись снаряжением экспедиции, и в январе 1531 года Пизарро отправился на трех кораблях в свое третье и последнее путешествие к берегам Перу. Вслед за ним должен был отправиться и Альмагро со вспомогательным отрядом.

После тридцатидневного плавания эскадра Пизарро, отнесенная ураганом на сто миль ниже, чем предполагал высадиться Пизарро, пристала к бухте святого Матфея. Недалеко от берега виднелся какой-то город. Пизарро решил сделать нападение на этот город и двинулся туда с отрядом солдат. При виде испанцев жители убежали поспешно в соседний лес, оставив испанцам так много драгоценностей, что они с большим трудом перенесли их на корабли. Пизарро решил отправить два своих корабля с золотом в Панаму, чтобы невиданной добычей привлечь к себе новых добровольцев.

Сам же Пизарро отправился дальше к югу и высадился в Порто Вьехо, где к нему присоединился Себастьян Бенальказар и Хуан Фернандец, прибывшие из Панамы с двенадцатью всадниками и тридцатью пешими солдатами. В ожидании прибытия еще новых подкреплений, Пизарро высадился на небольшом острове Пуна, перед Гваякильской бухтой. Но здесь туземцы восстали против вторжения испанцев и в течение шести месяцев мужественно отражали все нападения испанцев. Несмотря на то, что Пизарро получил из Никарагуа подкрепление, привезенное на корабле Фернандо Сото, несмотря на то, что он захватил и обезглавил кацика Тоналу и шестнадцать главных предводителей, он все же не мог победить сопротивления и был вынужден возвратиться в Панаму.

В мае 1532 года Пизарро снова прибыл к берегам Перу и высадился в Тумбезе и, к своему изумлению, вместо прекрасного, цветущего города нашел груду развалин. Наконец, испанцы встретили нескольких перуанцев и спросили их, кто разрушил город, но их рассказы были так непонятны и сбивчивы, что нельзя было ничего узнать положительного.Повидимому, город был разрушен самими жителями. Пизарро понял, что для успеха предприятия необходимо прежде всего снискать себе доверие туземцев, и поэтому он отдал строгий приказ относиться к перуанцам дружественно и не позволять себе над ними никаких насилий. Пизарро прожил в Тумбезе целых полгода, так как его солдаты беспрестанно болели от местных болезней.

Только 24-го сентября 1533 года Пизарро выступил в поход внутрь страны. Из Тумбеза Пизарро двинулся по реке Пуире и открыл очень удобную гавань Паиту; затем он основал у устья Кило крепость Сан-Мигуэль, в гавани которой корабли, приходящие из Панамы, могли находить безопасную стоянку. Здесь к Пизарро явилось несколько посланных от инки Хуаскара, извещавшего его о возмущении своего младшего брата Атахуальпы и просившего помощи. Дело в том, что незадолго до прихода испанцев в Перу, умер инка Гуайна-капак; у него было два сына, но по обычаю инков престол перешел к старшему брату, Хуаскару. Однако младший брат, воинственный Атахуальпа, не хотел уступать престола, и, в конце концов, братья разделили империю на две части. Хуаскар владел одной половиной империи с городом Куско, а Атахуальпа—другой половиной с городом Квито. В течение пяти лет братья жили в мире и согласии между собою, но затем Атахуальпа решил сделаться единоличным властителем империи своего отца и предпринял войну против своего брата. Он успел захватить все

Атахуальпа, последний перуанский инка.

города, подвластные Хуаскару, и теперь старался разбить преданную Хуаскару армию.

Пизарро, решив извлечь пользу из междоусобной борьбы двух инков, принял предложение Хуаскара и отправился в поход против Атахуальпы. Войско Пизарро состояло всего лишь из ста десяти пехотинцев и шестидесяти семи всадников. После нескольких дней пути по направлению к Кахамарке, Пизарро и его спутники достигли подножия Андов.

Здесь путь пролегал по прекрасным дорогам, о которых мы говорили уже выше. По сторонам дорог, на некотором расстоянии друг от друга, находились дома, служившие путникам пристанищем для отдыха. Дороги были обсажены деревьями, умерявшими своею густою тенью тропический зной, здесь же встречались прекрасные каменные водопроводы. Скоро дорога стала круто подниматься в горы, и палящий зной сменился прохладой; роскошная тропическая растительность также исчезла, и вместо нее появились хвойные леса умеренного пояса. Еще выше пропали и хвойные деревья, и склоны гор были покрыты лишь тощей травой. Наконец, на седьмой день пути, испанцы достигли прекрасной долины Кахамарки, среди которой извивалась серебристая речка, на берегах которой были раскинуты бесчисленные палатки лагеря Атахуальпы. В лагере перуанцев скоро узнали о пришествии с моря каких-то странных белолицых людей, и скоро к Пизарро явился посол от Атахуальпы. Посол Атахуальпы пал ниц перед Пизарро и назвал его «сыном Виракоши». Виракоша был у перуанцев богом неба, выходящим из морской пены, богом громовержцем и собирателем туч. Он изображался белым, с светлыми или золотистыми волосами. Белый цвет кожи испанцев и навел, вероятно, перуанцев на мысль, что пришедшие с моря чужестранцы не кто иные, как дети бога Виракоши.

Пизарро принял посла Атахуальпы очень дружелюбно и затем послал к Атахуальпе брата своего Фернандо и рыцаря Фернандо Сото; они поехали в лагерь к инке на конях, чтобы произвести на перуанцев более сильное впечатление, так как перуанцы до того времени совершенно не знали лошадей. Испанцев провели к инке, который был окружен своей свитой. На вид ему было лет тридцать, он был высокого роста и хорошо сложен; две женщины держали перед его лицом прозрачную ткань, чтобы не всякий смертный мог смотреть на «Сына Солнца». Оба испанца под'ехали на лошадях к самому трону инки, и один из них доложил через переводчика, что они посланы из-за моря своим повелителем, узнавшим о славных победах

Атахуальпы, предложить ему свои услуги и познакомить его с истинной верой; в заключение испанцы просили посетить их лагерь.

Атахуальпа молча выслушал речь испанцев, а затем приказал спустить покрывало, чтобы лучше рассмотреть этих странных бледнолицых чужеземцев. Атахуальпа обещал прибыть к белым людям в лагерь и, в свою очередь, предлагал им поселиться во дворце Кахамарки. После этого посланные Пизарро уехали обратно к себе. Их возвращения все испанцы ждали с нетерпением. Пизарро собрал тотчас же военный совет и постановил захватить Атахуальпу, как только он явится в лагерь испанцев. В эту ночь все солдаты Пизарро не сомкнули глаз. Сам Пизарро об'яснил солдатам план боя.

Солнце близилось уже к закату, когда длинная процессия приблизилась к лагерю испанцев. Впереди шли слуги инки, затем шествовали с пением придворные, а за ними, окруженный своими телохранителями, следовал сам инка Атахуальпа на массивном золотом троне, который несли самые знатные перуанцы. Атахуальпа был украшен всеми знаками царского достоинства: на голове его была надета диадема, а на шее жемчуждое ожерелье. Приблизившись к лагерю, шествие остановилось, и Атахуальпа спросил: «Где чужеземцы?».

Пизарро спрятал всех своих воинов и выслал навстречу Атахуальпе только священника Вальверде с переводчиком. Вальверде вышел к Атахуальпе с крестом и библией в руках и произнес длинную речь; он начал с сотворения мира и затем перешел к учению Христа, говорил о папе и, в конце концов, предложил инке отречься от своей веры и сделаться подданным испанского короля.

Когда переводчик перевел эту речь, Атахуальпа с удивлением спросил, почему у него требуют отречения от веры его отцов и от власти.

«Я—самый могущественный монарх на земле!—воскликнул он с гневом,—я согласен уважать вашего короля, как брата, но не как господина, а веры своей не изменю! Ваш бог был убит созданными им же людьми, а мой живет еще на небе и милостиво смотрит на своих детей!» С этими словами инка указал на заходившее солнце, последние лучи которого блестели на золотом троне «Сына Солнца».

Затем Атахуальпа спросил, по какому праву ему ставят такие требования. Священник молча указал на библию. Тогда Атахуальпа попросил книгу и, раскрыв ее, приложил к своему уху. «Книга мне ничего не говорит!» — сказал он священнику, — и с этими словами бросил ее на землю.

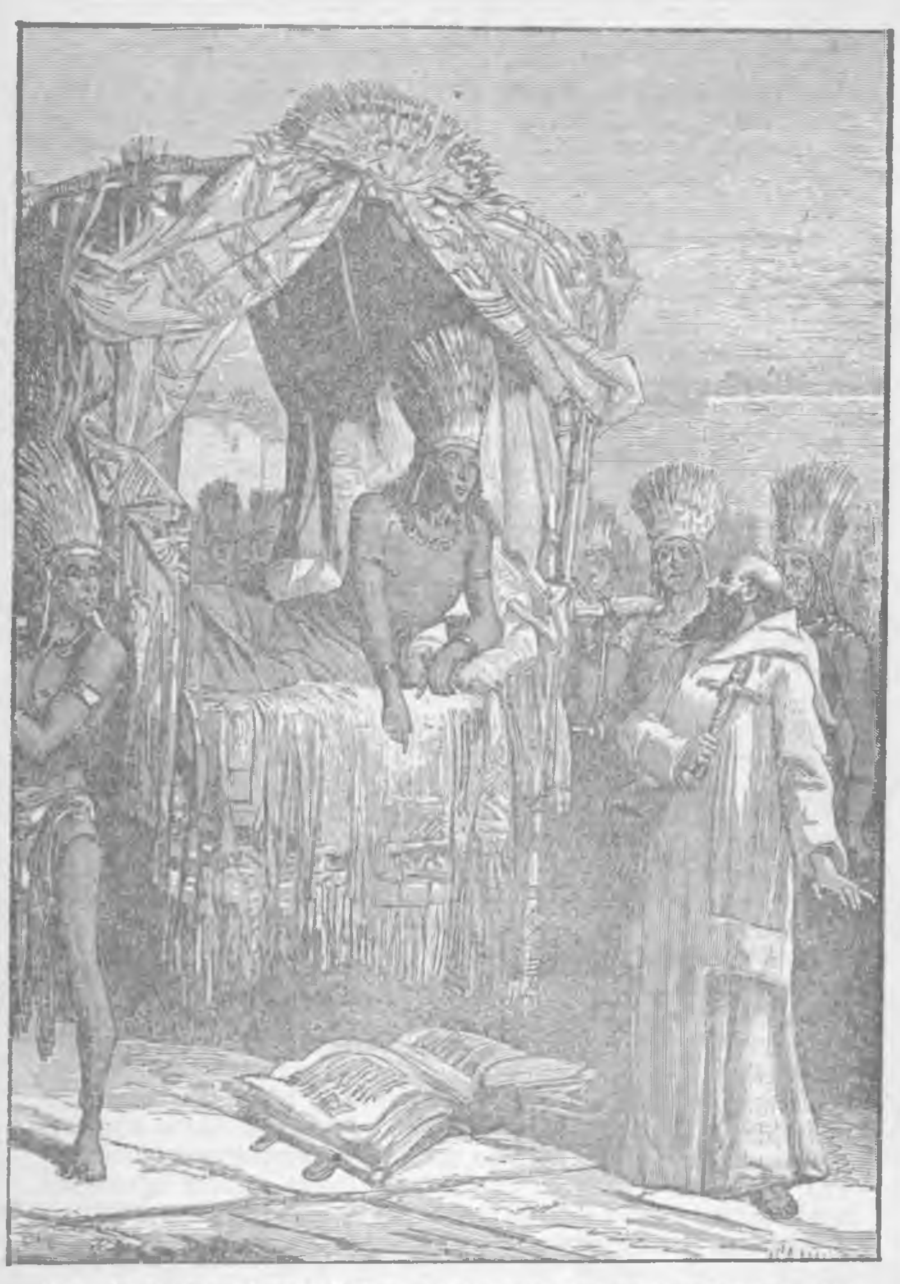
Это послужило для испанцев сигналом к битве, или, вернее, к резне.

Перуанцы разбежались во все стороны, не пытаясь защищаться. Сам Пизарро бросился с мечом к Атахуальпе, которого его свита тщетно старалась пронести сквозь ряды борющихся. Атахуальпа стал пленником Пизарро. На другой день испанцы овладели городом Кахамарка и поселились в лучших домах. Добыча, собранная в городе, превзошла самые смелые ожидания испанцев.

Но силы Пизарро были еще слишком слабы для похода против столицы инков; Куско; поэтому он поспешил послать в Сан-Мигуэль гонца с известием о важном событии и убедительно просил прислать подкрепления. В ожидании прибытия подкрепления, Пизарро занялся покорением окрестных городов и укреплением Кахамарки. Между тем пленный Атахуальпа настойчиво требовал своего освобождения. Заметив страсть испанцев к золоту, Атахуальпа сказал Пизарро, что он покроет весь пол своей темницы золотом, если испанцы дадут ему свободу, а когда Пизарро недоверчиво улыбнулся на эти слова, то Атахуальпа воскликнул: «Не только пол, но и всю комнату до такой высоты, как достанет моя рука». Удивленный Пизарро, все еще не веря, провел своим мечом черту на стене на высоте одного аршина от пола и сказал, что если инка доставит золото только до такой высоты, то Пизарро даст ему свободу. Атахуальпа согласился и просил только одной льготы: позволить ему доставить свой выкуп не в слитках, а в золотых вещах, в сосудах и в других изделиях; другую комнату, меньших размеров, он обещал наполнить серебром и доставить весь выкуп в течение двух месяцев.

Брат Атахуальпы, Хуаскар, узнав, что испанцы согласились выпустить Атахуальпу из плена, прислал сказать Пизарро, что если они освободят его от Атахуальпы, то он отдаст им все сокровища отца своего, которые во много раз превосходят сокровища Атахуальпы. Но Атахуальпа предупредил свидание Пизарро с Хуаскаром, он послал тайно своих приверженцев к брату, и те утопили его в реке Андамарке.

В то время как перуанцы приносили золотые вещи для выкупа Атахуальпы, Пизарро в сопровождении двадцати всадников и шести стрелков проехал на четыреста миль в глубь страны к знаменитому храму Пахамака. Несмотря на то, что отряд Пизарро дерзко разрушил это святилище, население не оказало никакого сопротивления. Наоборот, перуанцы после этого еще более стали бояться испанцев, так как они верили, что никто из людей не может войти в алтарь, где находилось резное

Инка Атахуальпа бросил Библию и, указывая на нее священнику, сказал: «Эта книга мне ничего не говорит».

изображение бога Пахамака, не погибнув тут же. Когда же Пизарро спокойно вошел в алтарь, разбил идола и совершил крестное знамение, «как непобедимое орудие против диавола», перуанцы сделали заключение, что Пизарро—бог, который знает, что делает, и которому нельзя сопротивляться.

Между тем пленный Атахуальпа настаивал на том, чтобы его освободили. Он внес, согласно условию, весь выкуп и имел право на свободу. Однако, Пизарро был сильно затруднен в вопросе о свободе Атахуальпы. Если его отпустить на свободу, то он немедленно поднимет свой народ против испанцев; если же его оставить в плену, то также можно было ожидать восстания перуанцев, ибо они пожертвовали значительным количеством своих сокровищ, дабы освободить инку из плена. Действительно, в Квито уже начинались брожения, так как все знали, что выкуп внесен весь, а между тем Атахуальпа оставался в плену. Медлить было нельзя. Франциско Пизарро созвал военный совет, где и было решено предать Атахуальпу смерти.

Чтобы придать этому преступлению законный вид, над Атахуальпой был назначен суд. Этот суд, вызвав Атахуальпу, обвинил его в том, что он убил брата своего, законного инку, Хуаскара, захватил незаконно престол, растратил золото страны и тем нанес ущерб испанской короне, поклонялся языческим богам и пытался восстать против своих законных властителей, испанцев. Само собою разумеется, что несчастный Атахуальпа оправдывался во всех взводимых на него преступлениях, но суд признал его виновным и приговорил к сожжению живым в ту же ночь. Очень немногие испанцы протестовали против этого зверства, но голоса этих людей заглушались корыстолюбивыми речами Пизарро и его единомышленников.

Когда Пизарро сообщил Атахуальпе этот ужасный приговор, несчастный инка не выдержал и зарыдал. Он умолял Пизарро даровать ему жизнь и обещал дать вдвое больше золота, чем в первый раз. Но Пизарро оставался непоколебимым. Через два часа после заката солнца Атахуальпу приготовились вести на костер. К нему явился священник Вальверде и стал снова уговаривать перейти в христианство, обещая в таком случае заменить костер виселицей. Измученный инка вопросительно взглянул на Пизарро и, когда тот утвердительно кивнул головой, согласился креститься. После обряда крещения Атахуальпа поручил своих детей попечению Пизарро и взошел на эшафот. Это было 29-го августа 1533 года. После совершения казни Пизарро облек королевской властью одного из сыновей Атахуальпы, инку Паула, но этот юноша не пользовался никаким влиянием среди перуанцев. Вскоре в Перу начались междо-

усобия, и многие губернаторы отдельных провинций провозгласили себя независимыми правителями. Этими междоусобиями решил воспользоваться Пизарро и поспешил со своим войском к столице Перу, городу Куско. Во время похода Пизарро на Куско к нему явился сын убитого Атахуальпой инки Хуаскара, Манко. Он признал власть испанцев, и поэтому Пизарро решил об'явить Манко правителем Перу, тем более, что об'явлен-

Поклонение солнцу в древнем Перу.

ный ранее инка Пауло, сын Атахуальпы, незадолго перед тем умер. 15-го ноября 1533 года Манко и его покровители торжественно вступили в Куско, где и были устроены обычные коронационные церемонии. Это произошло в годовщину вступления Пизарро в Кахамарку. Таким образом в один год Пизарро сделался полным властителем обширной империи и даже короновал сам инку.

Перуанцы без протеста подчинялись испанцам и новым порядкам, вводимым ими; только губернатор Квисквис еще держался с частью войска Атахуальпы и не хотел признавать нового инку. Против Квисквиса Пизарро послал Альмагро с не-

большим отрядом, и тот без большого труда разбил его и прогнал на территорию Квито. Между тем сам Пизарро оставался в Куско, где приводил в известность все сокровища этого города. Куско оказался огромным городом, где было множество роскошных каменных дворцов. Над городом, на вершине горы. возвышалась огромная крепость, в которой находился дворец инки, сообщавшийся с городом несколькими подземными ходами.

Но более всего поразил испанцев своим великолепием храм Солнца, занимавший вместе с садами и помещениями для жрецов огромное пространство. Когда испанцы вошли в этот храм, то они были ослеплены ярким светом. Этот свет исходил от огромного золотого диска с изображением солнца в виде человеческого лица. От диска во все стороны расходились золотые лучи. Этот диск был поставлен так, что первые лучи восходящего солнца отбрасывалось прямо на диск, от которого свет падал, в свою очередь, на многочисленные золотые дощечки-рефлекторы. В числе других золотых украшений, в храме Солнца находились двенадцать больших сосудов, наполненных произведениями страны в знак благодарности благотворному божеству.

Огромные сокровища храма были скоро взяты испанцами, и сам храм обращен в христианскую церковь. Дворец инков был также разграблен. Пизарро, сознавая, что для испанцев было бы лучше, если бы столица страны была ближе к морю, задумал основать новую столицу и для этой цели избрал прекрасную долину реки Ремак, на берегах которой он и построил город Сиудад-де-лас-Регос—Город Королей (современная Лима). В то время, как Франциско Пизарро занимался постройкой новой столицы, в Перу прибыл из Испании его брат Фернандо, возивший золото королю. Фернандо рассказал, что завоевание Перу и привезенное им золото произвели в Испании огромное впечатление. Король возвел Франциско Пизарро в маркизы и назначил его наместником Перу, или по-испански Новой Кастилии. Альмагро получил также награду и был назначен губернатором страны, находившейся к югу от Перу; эта провинция, занимавшая территорию нынешней республики Чили, получила название Нового Толедо.

В это же время Пизарро поручил одному из своих офицеров, Педро Вальдивиа, окончание предприятия, начатого Альмагро, т.-е. покорение Чили. Вальдивиа выступил 28 января 1540 года со ста пятьюдесятью испанцами; пройдя через пустыню Атакаму, переход через которую и в настоящее время считается одним из труднейших, он вступил в прекрасную до-

лину и в город Копиапо. Испанцы были встречены очень дружелюбно; но вскоре им пришлось вступить в частые сражения с арауканцами,—расой, совершенно отличной от перуанских индейцев, очень храброй и смелой. 12-го февраля 1541 года Вальдивиа заложил новый город Сант-Яго. Менее корыстолюбивый, чем другие современные ему «конквистадоры», он начал разрабатывать ископаемые богатства и поощрял земледелие. Храбрость, благоразумие и в особенности человеколюбие Вальдивиа, так резко выдающееся на-ряду с жестокостями Пизарро, выделяют его из среды «конквистадоров» XVI века.

Изображение древне-перуанских воинов на глиняном сосуде, найденном в Перу.

В то время как Вальдивиа отправлялся в Чили, Гонзало Пизарро переходил через Анды во главе трехсот сорока испанцев и четырех тысяч перуанцев. Совершив этот переход с большим трудом, Гонзало Пизарро углубился на восток, внутрь материка, на поиски страны, в которой, по словам индейцев, росли в изобилии корица и пряности. Здесь в обширных саваннах, изрезанных болотами и непроходимыми лесами, испанцы были застигнуты проливными дождями, не прекращавшимися в продолжение двух месяцев. Встречая враждебно настроенные племена, испанцы испытывали сильный голод. Но, несмотря на все лишения, Гонзало Пизарро продолжал продвигаться вперед и спустился по долине Рио-Напо до реки Мараньона. Здесь с большими усилиями испанцам удалось соорудить большую барку, на которой поместилось пятьдесят человек солдат под начальством Франциско Орельяно. Орельяно со своим отрядом поплыл на барке вниз по Мараньону и, не дожидаясь Гонзало

Пизарро в условленном месте, добрался до устья этой реки, проплыв таким образом около двух тысячь миль. Плавание через незнакомые области, без компаса, без запасов провизии, представляло огромные трудности. Добравшись на своей плохо по-

Педро Вальдивия, завоеватель Чили. (С гравюры XVI столетия.)

строенной барке до устья реки, Орельяно достиг отсюда острова Кубагуа, откуда отправился в Испанию. Орельяно рассказывал самые нелепые басни о богатстве стран, через которые он проезжал; жители этих стран были, будто бы, так богаты, что крыши домов и храмов делались из золотых листов; эти рассказы послужили причиной создания новой легенды о таинственной «золотой стране—Эльдорадо». Орельяно рассказывал также о существовании на берегах реки, по которой он

плыл, женской воинственной республики; это сообщение и дало повод назвать реку Мараньон Амазонкой. Благодаря этой экспедиции европейцы узнали об обширности страны, простирающейся от Анд до Атлантического океана.

Между тем Гонзало Пизарро, достигнув со своим отрядом реки Мараньона, не нашел Орельяно, который должен был здесь его ожидать. Опасаясь, что с Орельяно случилось какое-нибудь несчастье, Пизарро отправился вниз по реке. Проехав пятьдесят миль, Пизарро встретил полуживого офицера из отряда Орельяно. Он рассказал, что Орельяно бросил его здесь потому, что он протестовал против нарушения приказа Пизарро. Узнав, что Орельяно со своими спутниками решили спуститься вниз по реке до океана, Пизарро направился в обратный путь. После необычных лишений он, после двух с половиной лет путешествия, вернулся в Квито. Из его отряда умерло во время похода около двух тысяч индейцев и восемьдесят человек испанцев.

Прибыв в Квито, Гонзало Пизарро узнал о смерти своего брата, завоевателя Перу — Франциско Пизарро. Он был убит заговорщиками 26 июня 1541 г. в городе Лиме.

IV.

Первый историк открытия и завоевания Нового Света — Лас-Казас. — Личность Лас-Казаса и его сочинения. — Лас-Казас как «покровитель» индейцев и первый апостол Нового Света.

Заканчивая наш обзор открытий и завоеваний в Новом Свете, мы должны упомянуть здесь еще об одном путешественнике за океан — Лас-Казасе, который прославился, впрочем, не столько как путешественник, но как первый историк открытия и завоевания Нового Света. Огромный труд Лас-Казаса «История Индии», писанию которой Лас-Казас посвятил целых тридцать лет, доставила Лас-Казасу широкую известность. Однако, Лас-Казас знаменит, главным образом, как великий гуманист, открыто выступивший в свой жестокий век на защиту индейцев. Мы видели из истории завоевания Мексики и Перу, до чего доходили испанцы, охваченные жаждой наживы и обогащения. Даже сам Колумб не был чужд желания побольше набрать золота, не говоря уже о рядовых его спутниках и последователях. Охваченные безумным стремлением к золоту, своего рода «золотой лихорадкой», испанские «конквистадоры» не щадили ни жизни индейцев, ни их самобытной культуры. Мы видели, как они безжалостно разрушили цивилизацию Мексики и Перу. Мало того, испан-

ские завоеватели, сделавшись хозяевами Нового Света, установили здесь рабство, и миллионы краснокожих были обращены в рабов.

В установлении рабства в Новом Свете довольно видную роль играл и сам Колумб, хотя первоначально он и не думал о рабстве индейцев. Нуждаясь в припасах, Колумб обложил индейцев Испаньолы определенной данью, состоявшей из с'естных припасов и золота. Но если некоторые индейцы не могли заплатить подати, они были обязаны заменять ее известным количеством личных услуг и помогать испанцам возделывать поля или ухаживать за скотом. Не прошло и двух лет после этого, как испанцы потребовали от целых индейских деревень личной службы. Уже в 1499 году остров Испаньолу начали разделять на «репартиментосы», то-есть на участки. Одна или несколько деревень должны были под надзором особых старост обрабатывать землю для какого-нибудь испанца или компании испанцев, и такая деревня составляла «репартаментос» тех лиц, кому они были отданы.

Преемники Колумба усилили гнет еще более, а когда испанцы проникли в Мексику и Перу, то рабство широкой волною разлилось по материку Нового Света. Никто из испанцев не протестовал против введения рабства и против угнетения беззащитных индейцев, нашелся только один человек, который осмелился прямо указать на всю гнусность этого дела; мало того, этот человек посвятил всю свою жизнь на дело помощи обездоленным краснокожим и старался облегчить их судьбу. Этот редкий гуманный человек был Лас-Казас.

Бартоломей Лас-Казас родился в 1474 году в Севилье. Его родители были выходцами из Франции, и отец Лас-Казаса занимал в Севилье видное место. Во время первого путешествия Колумба за океан Лас-Казас находился в Саламанкском университете, где в течение нескольких лет изучал философию, богословие и право. Отец его, дон Франциско Лас-Казас, сопровождал Колумба во время его второго путешествия в Америку и вернулся в 1497 году с молодым рабом индейцем, которого ему дал Колумб. Лас-Казас-отец отдал этого индейца своему сыну, и этот последний вскоре сильно заинтересовался им и его соотечественниками. В 1502 году Бартоломей Лас-Казас переселился в Испаньолу и стал ближе знакомиться с индейцами и их жизнью. Вскоре он принял монашество и всецело посвятил себя просвещению индейцев и заботам о их судьбе. Он неутомимо писал о злоупотреблениях испанцев, восставал против введения рабства и не давал покоя испанскому правительству своими проте-

Бартоломей Лас-Казас, «покровитель индейцев».

стами. О действиях испанцев в Новом Свете Лас-Казас доводил до сведения других европейских наций; так, его сочинение «Краткий рассказ о разрушении Индии» был опубликован во многих странах Западной Европы.

В 1514 году Лас-Казас решил отправиться в Испанию, чтобы лично рассказать королю о всех жестокостях, производимых испанцами в Новом Свете. Принятый предварительно главным министром по делам Западной Индии, епископом Фонсекой, Лас-Казас получил грубый ответ на свои ходатайства. Когда Лас-Казас рассказал о всех страданиях индейцев, епископ Фонсека ответил: «Какое мне дело до этого, сумасшедший вы человек, и какое дело до этого королю?»

Однако, Лас-Казас не оставил своего дела. После смерти Фердинанда, когда на испанский престол взошел несовершеннолетний Карл, сын Иоанны Безумной, и регентом к нему был избран знаменитый кардинал Хименес, Лас-Казас добился аудиенции у Хименеса и в пламенной речи обрисовал положение индейцев. Хименес согласился со многими доводами Лас-Казаса, и вопрос об индейцах был подвергнут обсуждению. Вскоре Хименес назначил Лас-Казаса «протектором индейцев». и отправил его с несколькими монахами в Америку, дав ему власть производить расследования и наблюдать за исполнением законов и докладывать о всех проступках государственных чиновников. Вместе с тем, по настоянию Лас-Казаса, правительство издало правила, на основании которых индейцы должны были получать плату за свой труд; предписывалось также гуманно обращаться с индейцами и обучать их правилам христианской религии.

Но Лас-Казас встретил сильное противодействие со стороны испанцев в Америке и вынужден был снова вернуться в Испанию. В это время кардинал Хименес лежал на смертном одре, и дело Лас-Казаса, казалось, было обречено на гибель. Одако, молодой король Карл V, увидав Лас-Казаса, полюбил его и снова подтвердил его полномочия. В 1520 году Лас-Казас снова отправился, как «протектор» индейцев, в Америку. На этот раз он поселился в Никарагуа, а затем переехал в Гватемалу. Здесь Лас-Казас и несколько его товарищей начали прилежно изучать язык квишау, на котором говорили туземцы Гватемалы и на котором было написано несколько интересных сочинений, открытых и переведенных современными учеными. Лас-Казас и его товарищи изучали язык столь усердно, что вскоре были уже в состоянии хорошо об'ясняться на нем.

В это же время Лас-Казас окончил свой знаменитый трактат «De unico vocationis modo», то-есть «об единственном способе обращения в христианство». В этом трактате Лас-Казас отвергает всякие софистические доводы о различии между людьми, имеющими разный цвет кожи и разные верования,—а это было в то время очень большим шагом вперед. Лас-Казас доказывал в своем трактате, что единственный справедливый и законный способ обращения язычников в христианство — есть только убеждение. Трактат этот не был напечатан по цензурным условиям того времени, но рукописи оригинала и многочисленные списки с него ходили по рукам и наделали много шуму. Примеры, взятые Лас-Казасом из американской жизни, вызвали раздражение среди испанских колонистов, и они ожесточенно бранили автора. «Он неумный теоретик,—говорили про Лас-Казаса, — благовестие мира годится только для совершенного общества, но в нашем обществе единственное пригодное благовестие, это—удары кулака и шпаги. Пусть этот апостол сам попробует обратить какое-нибудь индейское племя при помощи убеждения и заставит его соблюдать мир, тогда он и узнает, что для этого мало одних только слов любви».

Лас-Казас захотел после этого доказать свою правоту на деле и решил обратить в христианство индейцев провинции Тузулутлан, находившейся к северу от Гватемалы и называвшейся испанцами «страною войны», потому что жители этой области вели беспрерывно войны с испанцами. Тузулутлан представлял собою очень недоступную страну, с крутыми утесами, глубокими ущельями и непроходимыми лесами. Обитатели этой страны походили на мексиканских ацтеков; у них существовал культ человеческих жертвоприношений, и они были очень храбры и воинственны. Испанцы неоднократно делали попытки завоевать эту страну, но вынуждены были оставить свои планы. Едва ли эту страну можно было считать благоприятным поприщем для просветительной деятельности, но, тем не менее, именно ее Лас-Казас избрал для своего опыта.

В то же время жестокий губернатор Гватемалы, Педро Альварадо, находился в Испании. Вместо него управление областью было вверено Алонзо Мальдональдо, и к этому человеку Лас-Казас обратился за разрешением. Мальдональдо, думая, что план Лас-Казаса обречен на верное крушение, дал ему разрешение и даже заключил с ним следующее условие: «Если Лас-Казас или кто-нибудь из его монахов заставит этих индейцев соблюдать мир, признать испанского ко-

роля своим повелителем и платить ему какую-нибудь умеренную дань, то он, губернатор, передаст эти провинции под непосредственную власть его величества и не будет обращать в рабство их жителей. Кроме того, ни одно светское лицо из испанцев, за исключением самого губернатора, не будет иметь права под страхом наказания вступать на эту территорию».

Лас-Казас, обеспечив себя от всякого вмешательства, вместе с несколькими монахами приступил к изложению христианского учения стихами на языке квишау. Это изложение христианского учения в стихах не сохранилось до нашего времени, но, несомненно, Лас-Казас, умевший затрагивать тайные струны сердца индейцев, сумел сделать свой рассказ привлекательным и трогательным. Стихи были расположены куплетами и положены на музыку, чтобы их можно было петь под аккомпанемент простых индейских инструментов.

После этого Лас-Казас нашел четырех индейцев, которые время от времени путешествовали в «страну войны» с торговыми целями. В течение нескольких недель Лас-Казас и его товарищи учили этих индейцев своим священным стихам, об'ясняя им все непонятное, и, в конце концов, добились того, что вновь обращенные выучили эти песни наизусть, и сами могли давать простые об'яснения. Когда монахи убедились в хорошей подготовке индейцев, они отправили их в пуэбло самого могущественного касика воинственной страны, снабдив их зеркалами, колокольчиками, испанскими ножами и другими мелочами, чтобы заинтересовать дикарей.

Когда индейцы-торговцы прибыли в «страну войны» они, распродав свои товары, начали петь на площадях свои священные песни. Это пение и рассказы произвели сильное впечатление. Слушатели полагали, что торговцы, поющие подобные странные слова, непременно должны были получить какое-нибудь чудесное внушение свыше. Туземцы засыпали торговцев вопросами, и те показали портреты монахов и сказали, что эти люди научили их песням; при чем добавили, что хотя монахи—и белые люди, но они не похожи на прочих испанцев, потому что они делают только добро, жен у них нет, ко всем женщинам они относятся с уважением, совсем не заботятся о золоте и говорят, что настало время уничтожить человеческие жертвоприношения.

Касик настолько заинтересовался рассказами торговцев, что отправил с ними в Гватемалу своего младшего брата и поручил ему познакомиться с монахами, и если они дей-

ствительно таковы, какими их описывали торговцы, то пригласить их посетить Тузулутлан.

Молодой кацик был хорошо принят Лас-Казасом, которому и передал приглашение своего брата посетить их страну. Один из монахов, Луи Барбастро, лучше других знавший язык квишау, отправился в сопровождении молодого кацика и четырех торговцев из Гватемалы в недоступные твердыни Тузулутлана. Пробыв несколько месяцев среди дикарей, отец Луи обратил в христианство самого кацика и нескольких его родственников. В Пуэбло была построена небольшая церковь, и племенной совет воспретил человеческие жертвоприношения. После этого в Тузулутлан прибыл Лас-Казас в сопровождении другого монаха. Население было крайне возбуждено; жрецы бога войны грозили гневом своего хищного божества и говорили народу, что бог требует, чтобы ему были принесены в жертву явившиеся белые люди. Жрецы подожгли даже христианскую церковь, но так как кацик и несколько начальников других родов приняли христианство, то открытого возмущения не произошло. Вскоре в христианство перешло еще много индейцев; во многих деревнях идолы были разбиты и жители отказались от людоедства, обещая воздерживаться от войны, если на них не будут нападать.

Главный кацик «страны войны», полюбивший Лас-Казаса, признал даже власть испанского короля и обещал платить ему дань, если испанцы не будут его тревожить и не обратят его народ в рабов. Лас-Казас дал слово, что индейцы не будут знать другого властителя кроме испанского императора, который будет оберегать их свободу. После этого соглашения бескровная победа была одержана, и Лас-Казас, взяв с собою кацика, вернулся в Гватемалу, чтобы познакомить кацика с Альварадо.

Альварадо торжественно принял кацика и Лас-Казаса и подтвердил соглашение, в силу которого ни один испанец не имел права появляться в Тузулутлане. Альварадо был доволен тем, что мог добиться мира с этим воинственным народом. После этого Лас-Казас отправился в Испанию, и соглашение это было подтверждено торжественным указом Карла V. Согласно этому указу «страна войны» должна была оставаться неприкосновенной. С этого времени эту страну стали называть «Страною Мира», и часть этой области еще и теперь носит название «Вера Пац».

Лас-Казас не ограничивался ходатайствами об улучшении судьбы индейцев только у испанского правительства, он ездил в Рим к самому папе и достиг того, что в 1537 году

папа Павел III издал особую буллу, воспрещавшую под страхом отлучения от церкви дальнейшее порабощение индейцев. Лас-Казас прожил в Испании пять лет, так как король постоянно советовался с ним по делам Нового Света. В это время Лас-Казас написал свое знаменитое сочинение «Краткий рассказ о разрушении Индии».

В 1542 году Лас-Казас одержал решительную победу, добившись от Карла V издания «новых законов» относительно американских стран. Главная статья этих законов гласила: «Мы приказываем и повелеваем, чтобы с этих пор ни один индеец не мог быть обращен в рабство по какой бы то ни было причине, по причине ли войны, восстания, выкупа или как-нибудь иначе». Эти законы не остановили, однако, распространения рабства. Согласно новым законам, все индейцы, уже бывшие в это время рабами, через несколько лет должны были быть освобождены, но фактически этого не произошло; лишь позднее абсолютное рабство было преобразовано в крепостное право. В этом виде оно продолжало существовать более ста лет и только в начале XVIII столетия было окончательно уничтожено.

Хотя прошло много времени, прежде чем труды Лас-Казаса принесли свои плоды, но тем не менее конечное падение рабства и крепостного права индейцев было его торжеством. Лас-Казас, ценою тяжелых трудов, заставил папу и короля хотя на бумаге отнестись отрицательно к рабству. Хотя Лас-Казас и не дожил до его окончательного искоренения, тем не менее был первым деятелем освобождения индейцев.

С 1547 года Лас-Казас поселился в Испании в доминиканском монастыре св. Григория в Вальядолиде; все девятнадцать лет, которые он прожил в Вальядолиде, Лас-Казас посвятил на писание своего знаменитого сочинения: «История Индий». В 1550 году Лас-Казас принимал участие в споре с Хуаном Сепульведой, одним из знаменитейших схоластиков того времени. Сепульведа написал книгу, в которой он отстаивал права папы и испанского короля воевать с язычниками Нового Света и насильственно обращать их в христианство.

Лас-Казасу еще раз пришлось защищать свободу индейцев. В 1555 году на испанский престол вступил сын короля Карла V — жестокий Филипп II. В начале его царствования у него не было денег, между тем завоевательные планы его были обширны. Многие его советники указывали, что восстановление рабства в Америке может дать огромный доход испанскому правительству, так как американские ко-

лонисты с радостью станут покупать рабов для своих плантаций. Искушение было сильное. Лас-Казас, узнав об этих разговорах при дворе, несмотря на свои восемьдесят два года, поехал к королю и убеждал его не отменять законы его отца. При помощи некоторых высших духовных лиц Лас-Казасу удалось отстоять и на этот раз свободу индейцев. Это была последняя победа Лас-Казаса.

На восемьдесят седьмом году своей жизни Лас-Казас закончил свою замечательную книгу «Историю Индий», начатую им тридцать лет тому назад. Это произведение, заключавшее в себе много нелестных отзывов о деятельности испанских конквистадоров в Новом Свете, оставалось в рукописи более трехсот лет и только в 1875 году было, наконец, издано. Это произведение является драгоценным материалом для истории географических открытий, и в этом отношении заслуга Лас-Казаса перед географической наукой огромна.

Лас-Казас умер в 1566 году, девяносто двух лет от роду, в Мадриде. Он приехал в столицу Испании из Вальядолида, чтобы добиться у короля некоторых льгот для индейцев Гватемалы. Таким образом, уже умирая, Лас-Казас не оставлял заботы о далеких индейцах; он вполне оправдал данное ему королем звание «протектора» индейских племен. Личность Лас-Казаса—полная благородства, гуманности и справедливости — представляет самое светлое явление эпохи великих географических открытий. Движимый возвышенными и бескорыстными чувствами, Лас-Казас резко выделяется среди испанских конквистадоров, и потомство справедливо называет его «апостолом индейцев».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первое кругосветное путешествие.

I.

Фернанд Магеллан. — Путешествие Магеллана в Индию. — Бегство в Испанию. — План кругосветного путешествия. — Отплытие Магеллана к берегам Южной Америки. — Рио-де-Жанейро. — Зимовка в бухте Св. Иулиана.

Выше мы видели, что Колумб, открыв Антильские острова и материк Южной Америки, был глубоко убежден, что эти острова являются частью азиатского материка, и поэтому Колумб старался отыскать пролив между этими островами, ведущий к самому побережью Восточной Азии. После открытия Васко Бальбоа Великого океана и после исследований Америго Веспучи, когда убедились, что вновь открытые земли представляют обширный самостоятельный материк, мореплаватели стали, тем не менее, отыскивать пролив из Атлантического океана в Великий. Фернанд Кортес и исследователи Центральной Америки стремились найти этот пролив на Дариенском и Панамском перешейке, тогда как Америго Веспучи предполагал, что этот пролив должен быть где-нибудь около берегов Бразилии. Однако, неоднократные плавания Америго Веспучи вдоль берегов Бразилии к югу не привели ни к чему. Америго Веспучи не удалось обогнуть материк Бразилии и проникнуть в Южное море или Великий океан. Это суждено было совершить отважному португальскому мореплавателю Фернанду Магеллану. Магеллан нашел не только искомый проход в Великий океан, но вместе с тем выполнил великую географическую задачу—совершил первое путешествие вокруг света.

Фернандо Магеллан, или, по-португальски, Фернан Магланс, родился в Португалии, в маленьком селении Сабороза, в провинции Трас-ос-Монтес, около 1480 года. Магеллан происходил из дворянского рода и свою юность, подобно всем

молодым гидальго того времени, провел при дворе короля Дон-Мануэля в должности пажа. Об этом периоде жизни Магеллана не сохранилось никаких известий; но нужно думать, что энергичная и предприимчивая натура Магеллана не могла удовлетвориться светской жизнью при королевском дворе. Как бы то ни было, но Магеллан уже в возрасте двадцати лет покинул придворную службу и поступил офицером в отряд Франциска Альмейды, отправлявшегося наместником в Индию. В 1505 году Магеллан был уже в Индии, а в 1506 году он принимал участие в экспедиции португальцев в Восточную Африку.

Неизвестно, долго ли пробыл Магеллан в Африке, известно только, что он в 1508 году был уже в Португалии, где в это время снаряжалась экспедиция для новых открытий в Малайском архипелаге. Начальство над этой экспедицией было вверено Диего Лопесу Секвейре, который принял Магеллана в число своих спутников. Вместе с Секвейрой Магеллан посетил город Малакку, бывший в то время центром международной торговли на востоке. В этом городе, лежавшем на самом рубеже неведомых для европейцев стран, откуда привозились дорогие пряности, Магеллан тщательно старался узнать, откуда привозится гвоздика, мускатные орехи, камфара, перец и корица.

Едва не попав в плен к малайцам, Магеллан и Секвейра вынуждены были поспешно удалиться со своими кораблями из Малакки в Кананор, где господствовали уже португальцы. Здесь Магеллан познакомился с Альфонсом Альбукерком, вице-королем Индии. Вместе с Альбукерком Магеллан участвовал в завоевании города Гоа, в установлении португальского владычества на Малабарском берегу и в экспедиции Альбукерка в Малакку. Об этой экспедиции, закончившейся взятием Малакки, мы уже говорили в главе о завоевании Индии и поэтому здесь только прибавим, что Магеллан принимал деятельное участие в осаде этого города.

После взятия Малакки Альбукерк послал три корабля под начальством Антонио Дабреу исследовать острова Малайского архипелага. Некоторые историки утверждают, что Магеллан принимал также участие и в этой экспедиции. В 1512 году Магеллан вернулся в Португалию. За свою службу он был возведен в следующую степень дворянства и получил небольшую денежную награду. Магеллан принимал также участие в войне португальцев в Северной Африке, но, не получая повышения по службе, вскоре вышел в отставку и поселился в Лиссабоне. Здесь он стал заниматься космо-

графией и морскими науками и написал сочинение: «Описание царств, берегов, гаваней и островов Индии». В Лиссабоне Магеллан познакомился с выдающимися космографами того времени и из бесед с ними, из изучения их сочинений почерпнул ценные сведения о размерах и о протяжении океанов и о распределении больших материков.

Благодаря изучению географических вопросов, у Магеллана зародился гениальный план достигнуть богатых островов пряностей, следуя не по обычному пути, мимо Африки и Индии, а через западный Атлантический океан, об'ехав материк Южной Америки. Магеллан, признавая шарообразность земли, предполагал, что западный путь будет прямее и, следовательно, короче восточного. Эта идея западного пути к берегам Азии, как мы знаем, была идеей Колумба. Магеллан рассказал о своем плане одному лиссабонскому космографу Гюи Фалейро, который одобрил этот план и посоветовал Магеллану обратиться к королю Мануэлю.

Однако, король отверг предложение Магеллана. Тогда Магеллан покинул Португалию и переселился в Испанию. 20-го октября 1517 года он прибыл в Севилью, где в это время жил его знакомый португальский моряк Диего Барбоза. Вскоре Барбоза возбудил ходатайство перед испанским правительством об оказании помощи Магеллану, в осуществлении задуманного им плана. С этой целью была учреждена особая комиссия для разбора проекта Магеллана.

В комиссии Магеллан предложил «найти новый путь в Индию и к островам пряностей» и доказывал, что острова пряностей—эта жемчужина Индии—находятся, согласно разделу мира, произведенному папой между Испанией и Португалией, в пределах испанских владений.

Но комиссия отклонила предложение Магеллана и признала его неосуществимым, так как члены комиссии предполагали, что американский материк, подобно барьеру, простирается от одного полюса к другому, и поэтому не существует никакого прохода из Атлантического океана в Южное море. К счастью для Магеллана, среди членов комиссии был некто Хуан де-Аранда, который один оценил все значение проекта Магеллана и заинтересовался им. Хуан де-Аранда познакомился ближе с Магелланом и добился для него аудиенции у короля Дон-Карлоса.

Король отнесся серьезно к предложению Магеллана; на совете министров было вновь обсуждено предложение Магеллана, и король согласился помочь Магеллану; он потребовал только, чтобы Магеллан более точно обозначил свой путь,

так как испанцы уже исследовали на большом протяжении к югу берег материка Южной Америки и нигде не нашли прохода. Магеллан ответил, что он думает искать проход в Южное море далеко от экватора.

Во время своих плаваний вокруг Африки Магеллан обратил внимание на то, что этот материк несколько заостряет-

Фернанд Магеллан.

ся к югу: точно так же и исследования испанских моряков берега Бразилии установили, что за мысом Августина берега Южной Америки идут в юго-западном направлении. Сопоставляя эти два факта, Магеллан пришел к заключению, что и материк Америки, подобно Африке, кончается в южном полушарии клином и, следовательно, на юге Америки существует проход в Южное море. Это предположение Магеллана оказалось совершено верным, но ему, тем не менее, не суждено было обогнуть материк Америки, он не достиг крайней

оконечности этого материка и, хотя проник в Великий океан, но не тем путем, каким предполагал.

План Магеллана был принят королем Дон-Карлосом, и Магеллан был назначен адмиралом и начальником экспедиции, состоящей из пяти кораблей с 265 чел. экипажа.

В июле 1519 года все приготовления к отплытию были окончены. После торжественной церемонии присяги на верность испанскому королю, Магеллан получил королевский штандарт, и утром 10 августа экспедиция вышла из Севильи. Пополнив свои запасы в гавани Сан-Лукар де-Баррамеда, эскадра Магеллана 10-го сентября с попутным юго-восточным ветром вышла в открытый океан. Сам Магеллан командовал пароходом «Тринидад» (Троица), капитаном второго корабля «Санто-Антонио» был Хуан де-Картагена; за этими кораблями следовали каравеллы «Консепсион» (Зачатие), с капитаном Гаспаром де-Квесадой, «Виктория» под начальством королевского казначея Луиса де-Мендозы и, наконец, небольшое судно «Сант-Яго» с кормчим Хуаном Серраном. На корабле Магеллана находились в числе спутников португалец Дуарте Барбоза и итальянец Антонио Пигафетта, будущий историк этого первого кругосветного путешествия.

Когда эскадра миновала Канарские острова, Магеллан, не посоветовавшись со своими товарищами, несколько изменил курс; капитан корабля «Санто-Антонио», Хуан де-Картагена, считая себя равным по власти Магеллану, запротестовал против этого и указал Магеллану, что он уклоняется от королевских инструкций. Это послужило началом несогласий между Магелланом и Хуаном Картагена. Картагена стал возбуждать против Магеллана и других офицеров; тогда Магеллан, пригласив для совещания Хуана Картагену и всех офицеров на свой корабль, приказал арестовать Хуана Картагену и заковал его в цепи.

29-го ноября показались впереди берега Южной Америки—мыс Августина, а 13-го декабря, следуя вдоль берегов Бразилии, эскадра Магеллана достигла бухты Рио де-Жанейро. Вскоре, подвигаясь в том же направлении, корабли Магеллана вступили в совершенно неисследованные до того времени области. Останавливаясь иногда близ берега, испанцы входили в торговые сношения с туземцами и выменивали у них на разные безделушки и мелкие вещи фрукты и различные с'естные продукты.

Описывая туземцев Бразилии, Пигафетта говорит, что «бразильцы—не христиане, но и не идолопоклонники, так как они ничему не поклоняются; природный инстинкт—их

единственный закон. Они ходят совершенно нагие, а спят на хлопчато-бумажных сетках, называемых «гамаками» и привязанных к двум деревьям. Они употребляют в пищу иногда человеческое мясо, убивая для этого только пленников и людей чужого племени».

Вскоре Магеллан достиг устья Ла-Платы. При виде испанских кораблей местные туземцы стремительно разбежались внутрь страны. На берегах этой реки четыре года тому назад был убит в битве с дикарем Хуан- Диаз де-Солис. Флотилия Магеллана пристала у порта Дезире, немного ниже устья Ла-Платы, которое испанцы принимали первоначально за большой пролив, ведущий в Великий океан. После недолгой остановки флотилия направилась далее на юг и затем пристала в прекрасной бухте, названной бухтой Святого Иулиана. Здесь Магеллан решил зимовать.

Дикари этой области были рослые, широколицые, с красным цветом кожи, с волосами, выбеленными известью; они были обуты в широкие меховые сапоги, за что испанцы назвали их «патагонцами», т.-е. большеногими.

Предвидя, что зимовка будет продолжительная, и принимая во внимание, что в стране патагонцев очень мало с'естных припасов, Магеллан приказал выдавать экипажу пищу по порциям. Эта мера усилила недовольство среди матросов, и несколько офицеров, стоявших на стороне Хуана Картагены, решили вызвать возмущение. Они говорили, что дальнейшее плавание к югу является безумием, так как пролива из Атлантического океана в Великий, по всей вероятности, не существует. Но Магеллан не хотел и слушать о возвращении назад. Волнения между тем принимали все более и более серьезный характер. Недовольные освободили Хуана Картагену и овладели двумя кораблями; вскоре к мятежникам присоединился и капитан третьего судна, «Виктории». Восставшие об'явили Магеллану, что он должен согласиться вернуться в Испанию. В случае отрицательного ответа восставшие грозили прибегнуть к оружию.

Магеллан суровыми мерами решил подавить мятеж. Он послал преданного ему Гонзало Гомеса Эспинозу на корабль «Виктория» с приказанием капитану немедленно явиться. Капитан «Виктории» Луис Мендоза, считая себя в полной безопасности, с насмешкой выслушал приказание Магеллана и наотрез отказался ехать к нему. Тогда Эспиноза вдруг выхватил небольшой кинжал и ударил Мендозу в шею, другой испанец, прибывший с Эспинозой, нанес второй удар Мендозе, и Мендоза замертво упал на палубу корабля, обли-

ваясь кровью. Завязалась борьба, но Магеллан, следивший со своего корабля, тотчас же послал шлюпки с солдатами к «Виктории», и вскоре сигнальный флаг, взвившийся на мачте «Виктории», уведомил Магеллана об одержанной победе.

Таким образом замыслам противника был нанесен удар. Пораженные энергией и решительностью Магеллана, Хуан Картагена и его товарищи решили было тайно отплыть в Испанию. Но на следующий же день корабли Магеллана, занявшие позицию у входа в гавань, отрезали им путь. Попытка прорваться под покровом ночи кончилась неудачно, и вскоре капитаны обоих кораблей—Квесада и Хуан Картагена—были уже пленниками Магеллана. Магеллан решил сурово наказать мятежников. Преданные военному суду, они были приговорены к смерти. Впрочем, Магеллан казнил лишь одного капитана Квесаду. Хуана же Картагену и священника Педро Санчеса Магеллан приказал высадить на берег, где спустя несколько месяцев их нашел Эстеван Гомец.

В гавани Святого Иулиана эскадра Магеллана простояла всю зиму. Выждав, когда бурное время прошло и наступила весна, Магеллан пустился далее на юг. Своим спутникам Магеллан об'явил, что он будет плыть на юг в поисках за проливом до 75° южной широты, и только убедясь вполне, что пролив не существует, он повернет обратно на восток. 21-го октября флотилия Магеллана достигла мыса, который Магеллан назвал «Мысом одиннадцати тысяч дев», потому что в этот день католическая церковь празднует память этих святых дев.

Достигнув этого пункта и видя перед собою глубоко вдававшуюся в материк бухту, Магеллан не догадывался, что он находится перед входом в искомый пролив. На другой день он послал два корабля исследовать бухту, но корабли вернулись обратно, не дойдя до конца залива; тогда Магеллан решил, что это и есть пролив, который он искал, и поэтому отдал приказ всей эскадре итти в пролив. Корабли подвигались вперед осторожно, исследуя путь среди лабиринта боковых проливов, заливов и бухт.

Оба берега пролива были пустынны; по ночам на южном берегу в разных местах на вершинах гор виднелись многочисленные огни, почему Магеллан и назвал эту страну «Огненной Землей».

II.

Пролив Магеллана.—Выход в Великий океан, названный Магелланом «Тихим».—Воровские острова.—Острова Цебу и Филиппинские.—Смерть Магеллана.

После двадцатидвухдневного плавания по проливу, то расширявшемуся до четырех и более миль, то суживавшемуся до одной мили, флотилия Магеллана благополучно выбралась на другой конец пролива. Во время блуждания по проливам один корабль, «Санто-Антонио», скрылся тайно от остальных. и его капитан вернулся в Испанию. Магеллан, проискав несколько дней этот корабль, решил продолжать свой путь далее и, наконец, увидал перед собой другой безбрежный океан.

Первый мыс, которым оканчивался пролив, Магеллан назвал «Мысом Дезеадо» (Мыс Желанный), «так как,—говорит Пигафетта.—мы уже давно стремились увидеть его». 27-го ноября «Виктория», шедшая впереди других кораблей, достигла первая выхода в открытый океан, где берег американского материка поворачивал круто на север. Мыс, которым заканчивался пролив, испанцы назвали в честь своего корабля «Викторией».

Можно себе представить всеобщую радость. когда мореплаватели увидели перед собою новый океан. Отныне новая дорога на дальний восток была открыта, и предположения Магеллана оправдались. Пролив, которым впервые прошел Магеллан, получил от испанцев название «Пролива Всех Святых», так как в этот день корабли Магеллана вошли в первый раз в этот пролив; потомство, однако, не признало этого названия и дало ему имя Магелланова,—под которым он известен и в наши дни.

Гонимые попутным ветром, корабли Магеллана направились на север вдоль западного берега Южной Америки. Магеллан хотел подняться в более теплые широты, чтобы затем снова направиться на запад. 27-го января Магеллан достиг 16° южной широты и здесь повернул на запад. Вскоре из глаз мореплавателей скрылся берег американского материка. и корабли очутились среди совершено неведомой безбрежной водной пустыни океана. Магеллан дал название этому новому океану «Тихий», так как сравнительно с Атлантическим здесь Магеллан меньше видел бурь.

Плавание по океану продолжалось целых четыре месяца и сопровождалось неимоверными лишениями. С'естных припасов почти совершенно не было, пресная вода вся испортилась, и мореплаватели вынуждены были питаться гнилыми сухарями и крысами. Пигафетта, описывая злоключения своих товарищей, говорит: «Сухари, которыми мы питались, обратились все в пыль, в которой копошились черви. Вода, которую мы пили, была мутная и горькая; чтобы не умереть с голоду, мы были вынуждены есть кожу, которой были

Магелланов пролив

обернуты реи для защиты канатов от трения о дерево. Кожа эта, подвергаясь непрерывному действию солнца, ветра и воды, была так тверда, что ее приходилось размачивать в морской воде в течение четырех-пяти дней, прежде чем она была годна к употреблению. Много раз приходилось питаться древесными опилками, и даже крысы, столь противные человеку, являлись таким лакомым блюдом, что за каждую платили по полдукату. Но это еще не все. К довершению бед, многих из нас поражала болезнь: десны пухли и зубы обнажались на обеих челюстях; пораженные этой болезнью не могли принимать никакой пищи. Кроме того у многих на руках и ногах и иных частях тела появились язвы».

Среди таких бедствий и лишений мореплаватели плыли неизвестно куда, и это еще более убивало их энергию. За три

месяца плавания по Тихому океану девятнадцать человек умерло и около тридцати были больны. Все считали себя обреченными на смерть. Между тем на океане не встречалось ни одного острова. Лишь в одном месте океана мореплаватели увидали два острова, но на них не нашли ничего, что могло бы поддержать их силы. Магеллан назвал эти острова «Несчастными».

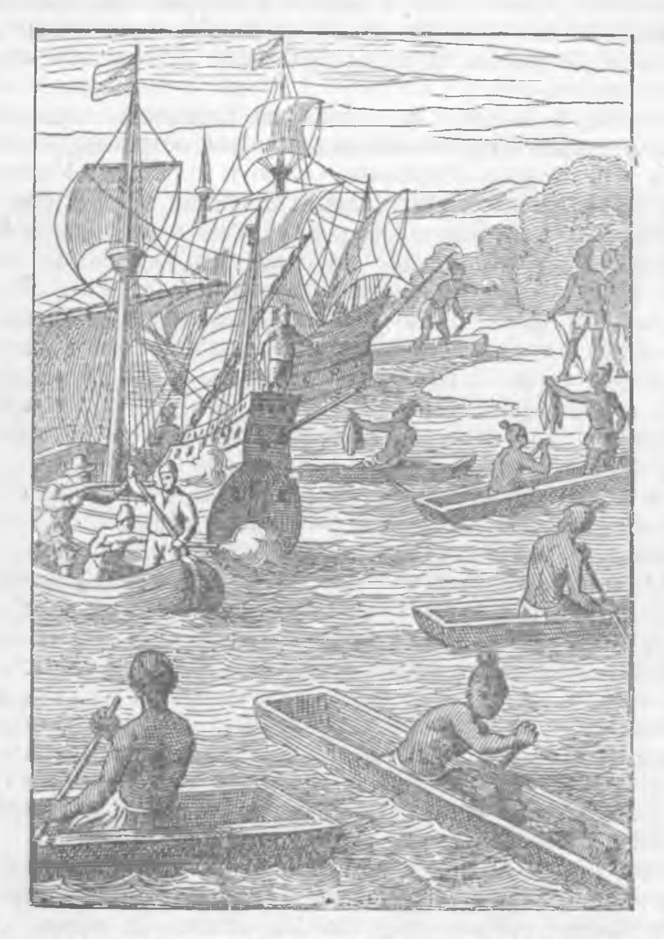
Наконец, 9 марта 1521 года на горизонте показалась группа островов. Приблизившись к этим островам, испанцы увидали, что острова обитаемы. Скоро к кораблям Магеллана начали подплывать многочисленные лодки с дикарями, которые бесстрашно приставали к кораблям и даже взбирались на палубу. Магеллан сделал на этих островах запас свежей воды и выменял на безделушки у дикарей немного с'естных припасов. После этого он поспешил покинуть острова, так как местные дикари буквально не оставляли ни на минуту в покое испанские корабли и бесцеремонно воровали с них все, что попадало им под руку. Магеллан назвал эти острова за склонность их жителей к воровству — Воровскими, или Ладронес.

16-го марта западнее Воровских островов Магеллан открыл еще новый остров, покрытый роскошной тропической растительностью. Здесь Магеллан решил дать отдых своему измученному экипажу и раскинул на берегу две палатки для больных. Вскоре на берег явились туземцы, неся с собою бананы, пальмовое вино, кокосы и рыбу. Все эти продукты испанцы выменяли на зеркала, гребешки, погремушки и другие мелкие вещи. Этот остров, названный Магелланом Самар, являлся одним из многочисленных островов, образующих целый архипелаг. Магеллан назвал этот архипелаг Архипелагом Святого Лазаря, но позднее эта группа островов стала называться Филиппинскими, в честь короля Филиппа II Испанского.

Благоприятный прием со стороны дикарей, золото и другие ценные продукты, найденные на островах испанцами,— все это вместе взятое отвлекло Магеллана на время от его первоначальной цели — достижения Моллукских островов Магеллан принялся за исследование этих островов и ночью 27 марта, подойдя к одному острову, встретил на лодке малайца. Бывший с Магелланом переводчик-малаец узнал, что на некоторых островах жители говорят на малайском наречии.

Малаец обещал Магеллану привести на корабль раджу этого острова, и действительно, на следующий день к Магел-

лану явился в сопровождении восьми приближенных раджа Массава. Он принес Магеллану подарки, вместо которых получил кафтан из красного сукна, скроенный по-восточному,

Туземцы Воровских островов. (Снимок с древней гравюры.)

шапку ярко-красного цвета; его приближенным были розданы ножи и зеркала. Магеллан показал радже огнестрельное оружие и пушки, выстрелы из которых сильно его напугали.

«Затем Магеллан, — рассказывает Пигафетта в своей истории,—приказал одному из нас одеться в полное вооружение, в кольчугу и латы, а другие три человека стали на-

носить ему удары шпагой и кинжалом; это делалось для того, чтобы показать радже, что ничто не может ранить человека, вооруженного таким образом. Раджа, действительно, был очень поражен и через переводчика сказал Магеллану, что человек, вооруженный таким образом, может бороться один против многих.

«Да,—ответил переводчик от имени Магеллана,—и на каждом из трех кораблей находится по двести таких вооруженных людей».

При прощании раджа просил Магеллана послать с ним нескольких человек посмотреть сокровища раджи и его жилище. Магеллан отпустил с раджей Пигафетту, которому раджа оказал очень хороший прием. Раджа сказал ему, что он находит на своем острове куски золота, величиною в орех и даже в яйцо; все чаши и некоторая домашняя утварь у раджи была сделана из золота. Он был одет, по обычаю страны, очень опрятно и имел красивую наружность. Черные волосы ниспадали у него на плечи; шелковое покрывало спускалось красивыми складками; он был надушен стираксой и алоем; в ушах у него были большие золотые серьги, а лицо и руки были расписаны разными красками.

В первый день праздника Пасхи флот поднял паруса и отплыл к острову Цебу, где, как передавали туземцы, можно было найти в изобилии с'естные припасы. Вместе с Магелланом выразил желание посетить Цебу и раджа Массава, готовый служить Магеллану в качестве переводчика.

Когда флотилия прибыла на остров Цебу, Магеллан послал к местному радже одного из своих офицеров. Посланный Магеллана на вопрос раджи, что они за люди, сказал: «Мы состоим на службе у величайшего короля на земле, и этот король послал нас на Моллукские острова, чтобы завязать торговые сношения».

Раджа принял дружелюбно испанского офицера, но сказал ему, что если они имеют намерение торговать на его острове, то должны уплатить прежде пошлины, которым подчинены все суда, приходящие на Цебу.

Испанец возразил, что его повелитель слишком великий монарх, чтобы подчиняться подобным требованиям; офицер добавил, что они явились сюда с мирными намерениями, но если с ними желают вести войну, тогда они будут разговаривать иначе.

Находившийся при дворе раджи один мавританский купец подтвердил слова офицера о могуществе испанского короля, и после переговоров раджа дал испанцам исключитель-

ное право торговли на острове, а сам отправился к Магеллану на берег.

После этого свидания туземцы в изобилии стали приносить испанцам с'естные припасы, и отношения между туземцами и испанцами стали чрезвычайно дружелюбны. Раджа и многие туземцы приняли даже христианство.

Недалеко от острова Цебу находился другой остров Мактан, раджа которого, признавший ранее верховенство раджи Цебу, некоторое время не хотел платить ему дани. Когда раджа острова Цебу рассказал Магеллану об этом, то Магеллан решил оказать услугу новому вассалу Испании и вместе с тем показать туземцам превосходство оружия и военного искусства европейцев. Он предложил радже отправиться на Мактан и наказать возмутившегося раджу. 26-го апреля три шлюпки, на которых поместилось шестьдесят человек солдат, и около тридцати туземных челноков, на которых находились раджа Цебу, его племянник и множество индейских воинов, отправились к острову Мактан.

Говоря об этом походе, Пигафетта пишет: «Вооружившись с ног до головы, мы в полночь отправились в путь. Новокрещенный раджа следовал за нами на лодках с вооруженными туземцами. До зари мы уже прибыли в Мактан, и Магеллан потребовал от населения острова покорности. Но островитяне нисколько не испугались и ответили, что у них есть такие же копья, как и у нас, и просили только, чтобы мы не нападали на них до наступления дня, потому что они утром ожидают подкреплений. Но то была лишь военная хитрость, с целью завлечь нас в темноте на берег, где во многих местах были вырыты глубокие ямы. С наступлением дня на нас напал с диким боевым криком большой отряд индейцев, и посыпался целый град дротиков, стрел и камней. Свои главные силы островитяне направили на Магеллана, два раза сорвали с него шлем, нанесли ему несколько ран и, наконец, сильным ударом свалили его с ног и тут же убили. Так погиб наш начальник». В этой же битве погибли и другие два капитана вместе с двадцатью двумя другими испанцами, сделавшимися жертвой туземцев, заманивших их в засаду.

Таков был трагический конец Магеллана; потеряв своего адмирала, испанцы в беспорядке отступили и поспешили в свои шлюпки. Они не могли даже взять труп Магеллана и оставили его в руках индейцев. Пигафетта, рассказывая историю смерти Магеллана, добавляет: «Слава Магеллана переживет его смерть. Он был одарен многими талантами,

среди всевозможных случайностей он обнаруживал беспримерную стойкость. На море он подвергал себя всем лишениям

Смерть Магеллана.

наравне с матросами. Лучше других он умел разбираться в морских картах и поэтому превосходно знал морское дело, что и доказал, первый об'ехав вокруг света, чего до него никто не дерзал предпринять».

Действительно, Магеллан являлся выдающейся личностью по уму, упорству, энергии и твердости характера. Твердый и непоколебимый в сношениях с королями, он был таким же решительным и мужественным и среди бурного океана. Несчастная судьба не дала Магеллану возможности окончить благополучно свое предприятие. Он не завершил полного кругосветного путешествия, так как от Малакки, где он в молодости сражался под знаменами Альбукерка, до острова Мактана, где он погиб, расстояние составляет приблизительно около одной семнадцатой части земной окружности.

Магеллан был убит 27-го апреля 1521 года на 41-м году своей жизни. Хотя цели своего путешествия — Моллукских островов—он и не достиг, но он прошел труднейшую часть пути, открыл пролив у южной оконечности Америки и первый переплыл через величайший океан земного шара. Непоколебимая настойчивость в достижении намеченной цели, необычайная смелость в исполнении своего плана—все это ставит Магеллана в ряды великих исследователей нашей планеты, способствовавших развитию истинного познания о Земле.

III.

Дальнейшее путешествие экспедиции после смерти Магеллана.—Остров Борнео.—Молуккские острова. — Возвращение в Европу мимо мыса Доброй Надежды.—Прибытие «Виктории» в гавань Сан-Лукар де-Баррамеда.

Оправившись от поражения, испанцы сделали попытку получить за большой выкуп от туземцев тело Магеллана, но туземцы отвечали отказом: они хотели обладать трофеем своей победы. После этой злополучной экспедиции оставшиеся в живых испанцы вернулись на остров Цебу, но и здесь настроение дружелюбных до того времени индейцев круто изменилось. Малаец, раб Магеллана, служивший у него в качестве переводчика, считая себя после смерти Магеллана свободным, бежал с корабля, и, сообщил радже острова Цебу, что испанцы составили заговор против раджи. Раджа поверил ему и пригласил к себе Дуарте Барбозу и Жуана Серрано, ставших после смерти Магеллана начальниками экспедиции. Ничего не подозревая, испанцы в числе двадцати шести человек сошли на берег и прибыли ко двору раджи; но едва они вошли в по-

мещение раджи, как их окружил многочисленный отряд вооруженных индейцев и накинулся на них. Всякое сопротивление было бесполезно, так как индейцев было несравненно больше, чем испанцев. Все испанцы, кроме Жуана Серрано, были перебиты. Когда на кораблях узнали печальную участь, постигшую товарищей, то тотчас же приблизились к берегу и открыли сильный огонь из пушек по селению. Напрасно израненный Серрано, которого туземцы вывели на берег, умолял прекратить стрельбу и выкупить его у врагов. Португалец Карвальо, принявший начальство над экспедицией, не решился рисковать еще другими людьми и поспешил удалиться от острова так как можно было ожидать, что индейцы приплывут на своих челноках к кораблям и смогут причинить вред флотилии. Несчастный Серрано был оставлен на произвол судьбы в руках индейцев, которые, вероятно, его убили.

Карвальо, между тем, направил свои корабли к соседнему острову Бойола. Здесь испанцы убедились, что общего числа участников экспедиции недостаточно, чтобы управлять тремя кораблями, вследствие этого решено было один корабль, наиболее старый, «Консепсион», сжечь, сняв с него все ценное. На соседних островах испанцы разыскали проводников, которые обещали привести их к Молуккским островам. Действительно, после непродолжительного плавания, 6-го ноября, на горизонте испанцы увидали четыре острова. Проводник-индеец об'явил, что это и есть Молукки. «Мы, — пишет Пигафетта, — в знак нашей радости дали залп из всех пушек. Никому да не покажется удивительной наша радость при виде этих островов, ибо уже почти двадцать шесть месяцев мы плыли по океанам, посетили много островов, продолжая постоянно разыскивать Молукки».

Вскоре корабли пристали к одному острову, где испанцы встретили в изобилии пряности. Нагрузив корабли пряностями и сделав запас с'естных припасов, испанцы простояли некоторое время, а затем направились к острову Борнео, бывшему в то время центром малайской цивилизации. Раджа острова Борнео оказал испанцам великолепный прием: он прислал за офицерами двух богато украшенных слонов и почетный караул. Испанцы, прибыв во дворец, были встречены очень радушно самим раджей, который осведомился о цели их путешествия. Раджа обещал оказать испанцам помощь и снабдить их с'естными припасами. Он отпустил испанцев на корабли, уверяя их в своей дружбе. Однако, 29 июля более сотни пирог окружили оба корабля испанцев, намереваясь, повидимому, атаковать их. Опасаясь изменнического

нападения, испанцы решили предупредить его и сделали залп изо всей артиллерии по пирогам, на которых убили много народу. Раджа после этого прислал свое извинение испанцам, об'ясняя, что пироги вышли вовсе не против испанцев, а против язычников, с которыми мусульмане ведут войну.

Покинув Борнео, испанцы пристали к другому острову, более пустынному; здесь они решили произвести починку своих кораблей, которые нуждались в ремонте. За починкой кораблей испанцы провели более сорока дней. Пигафетта в это время занимался изучением растительности острова. На этом острове, кроме обычных южных растений, Пигафетта был поражен необыкновенными деревьями, с которых падают «одушевленные листья». «Эти листья,—говорит Пигафетта,—напоминают листья тутового дерева, только несколько короче; их черешок короток и остроконечен, около черешка расположены две ножки; если их тронуть, то они убегают. Я сохранял в коробке один такой листок в продолжение девяти дней; когда я открывал коробку, листок двигался вокруг нее; я полагаю, что эти листья живут воздухом». Современными учеными выяснено, что эти одушевленные листья были не что иное, как особый вид насекомых, называемых «мухи-листья»; они, действительно, имеют вид листа того дерева, на котором они обыкновенно живут, а их темно-серый цвет делает их еще более похожими на засохшие листья.

Починив свои корабли, испанцы двинулись в дальнейший путь. Они проехали архипелаг Сулу, притон малайских пиратов, затем посетили остров Минданао. Отсюда они решили продолжать далее свой путь по океану, чтобы поскорее вернуться на родину, так как корабли, хотя испанцы и произвели большой ремонт, с каждым днем разрушались все более и более. Едва флотилия миновала Минданао и направилась на запад, как на корабле «Тринидад» сделалась течь, и дальнейшее плавание на нем стало невозможно. Вследствие этого эскадра пристала к одному острову, где и было решено произвести починку. Этот остров был Тимор. Здесь испанцы были гостеприимно встречены раджей—султаном Манзором, который после неоднократных бесед с испанцами выразил желание находиться под покровительством испанского короля.

Владения раджи Манзора составляли несколько островов, входивших в группу Молуккского архипелага. Пигафетта, описывая эти острова, восторгается ценными расте-

Карта Южной Америки и пролив Магеллана. (Часть карты XVI века.)

ниями, в изобилии растущими на этих островах. Здесь растет саговое дерево, сердцевина которого, вместе с иньямом, дает хлеб всему местному населению. Как только дерево срезают, из него тотчас же достают сердцевину и растирают ее на решетах; затем из образовавшейся массы делают небольшие хлебцы, высушиваемые в тени. Кроме сагового дерева на Молуккских островах растут шелковица, гвоздика, дерево мускатного ореха, перец, камфарное дерево и другие деревья, дающие пряности. Здесь же встречаются целые леса ценного черного дерева.

Пристав к Тидору, Карвальо созвал совет, на котором было решено оставить «Тринидад» на Тидоре чиниться, а «Викторию» с грузом пряностей под начальством Себастьяна Эль-Кано немедленно отправить в Испанию. На «Виктории» отправились пятьдесят три испанца и тридцать индейцев, а пятьдесят четыре испанца остались на острове Тиморе, на «Тринидаде». «Виктория» направилась на юго-запад, к острову Суле, или Ксуле. В десяти милях отсюда «Виктория» пристала к острову Буру, где Эль-Кано сделал запас с'естных припасов. Проплыв еще тридцать пять миль, «Виктория» приставала у острова Банды, и затем у острова Солора, жители которого вели большую торговлю белым сандалом. Здесь «Виктория» простояла пятнадцать дней, и Эль-Кано произвел починку судна и выменял много воску и перцу. После этого Эль-Кано заходил еще к острову Тимору, а затем останавливался у острова Явы.

Покинув Яву, «Виктория» обогнула полуостров Малакку, тщательно избегая встречи с португальскими кораблями. Счастливо миновав Малакку, Себастьян Эль-Кано направился в открытое море и проплыл до 42 градуса южной широты. Во время этого плавания на корабле образовалась течь в нескольких местах, и многие матросы требовали остановиться в Мозамбике, чтобы исправить течь и пополнить запасы провизии. Но Эль-Кано решил никуда не заходить, чтобы не попасть в руки португальцев. Шестого мая «Виктория» обогнула мыс Доброй Надежды, и путешественники могли бы надеяться на благополучный исход путешествия. Однако мореплавателям предстояло претерпеть еще много несчастий. С'естные запасы почти все иссякли, и вся пища экипажа состояла только из риса и воды. «Наши бедствия были так безмерны, — пишет Пигафетта, — что если бы небо не ниспослало нам хорошей погоды, то мы все погибли бы от голода».

9-го июля «Виктория» достигла островов Зеленого Мыса

экипаж буквально умирал от голода, и Эль-Кано решил пристать около острова Сант-Яго. Так как эти острова принадлежали португальцам, то Эль-Кано, посылая матросов на берег за провизией, просил их не говорить, что они плывут с Молуккских островов, а сказать, что корабль загнан бурей от берегов Америки. Но один из матросов проговорился, что «Виктория» — единственный корабль из всей эскадры Магеллана, который возвращается в Европу. Португальцы тотчас же завладели шлюпкой и намеревались напасть

Кругосветное путешествие Магеллана и Эль-Кано. (Путь Магеллана и Эль-Кано обозначен крестиками.)

на «Викторию». Эль-Кано, однако, следил со своего корабля за всем, что происходило на берегу. Заподозрев по приготовлениям португальцев готовящееся нападение, он тотчас же поднял на «Виктории» паруса, оставив на острове тринадцать человек своих матросов.

Говоря о прибытии на Сант-Яго, Пигафетта приводит в своем дневнике следующий факт: «Желая знать, исправно ли велся наш дневник, я спросил бывших на берегу португальцев, какой день недели был у них. Мне ответили, что четверг, что меня очень удивило, так как по моим дневникам у нас была среда. Мы не могли думать, что ошиблись одним днем; я был удивлен этим более других, так как всегда очень исправно вел свой журнал и отмечал, не пропуская, все дни недели и числа месяца. Мы узнали потом, что в на-

шем счете не было ошибки, потому что, держась постоянно к западу, по направлению движения солнца, и возвратившись на то же место, мы должны были выиграть двадцать четыре часа сравнительно с теми, кто оставался на месте»[1]).

6 сентября 1522 года «Виктория» вошла благополучно в гавань Сан-Лукар де-Баррамеда. Прошло целых три года, как из этого самого порта вышли пять кораблей эскадры Магеллана, и только одно судно из этой эскадры вернулось обратно в Испанию. Из двухсот шестидесяти пяти человек, которые 20 сентября 1519 года вышли в море, только семнадцать человек вернулись на «Виктории», но и те были все больны и истощены. Через два дня «Виктория» прибыла в Севилью.

Весть о прибытии «Виктории», обошедшей кругом весь земной шар, быстро распространилась по всей Испании. Король Дон-Карлос, в ответ на донесение Эль-Кано, поздравил его с окончанием великого плавания и просил прислать ко двору двух участников этой экспедиции, чтобы лично услышать от них подробности этого необычайного плавания. К королю отправился сам Эль-Кано и Антонио Пигафетта. «Выехав из Севильи, — пишет Пигафетта, — мы прибыли в Вальядолид, где представились высокой особе Дон-Карлоса. Между прочими предметами, я преподнес ему книгу, писанную моею рукою, где я излагал изо дня в день все, что мы испытали в течение всего путешествия».

Эль-Кано получил от короля пенсию в пятьсот дукатов и герб, изображающий земной шар, со следующей надписью по-латински «Primus circumdedisti me» («Ты первый об'ехал вокруг меня»). Вскоре почти весь образованный мир узнал об этом удивительном плавании, благодаря которому была наглядно доказана шарообразность земли.

---

[1]) Этот факт об'ясняется тем, что корабль, держащий курс в западном направлении, замедляет, при проезде от одного меридиана к следующему, восход солнца на четыре минуты; и, следовательно, при последовательном пересечении всех 360 градусов, корабль должен отстать ровно на 24 часа, то-есть на целые сутки, от счета, ведущегося в том месте, откуда корабль отплыл. Если корабль держит восточный курс, то произойдет обратное явление: по возвращении его на родину окажется, что календарь родины отстал от корабельного на один день. Это явление создает, конечно, неудобства, во избежание которых было установлено международным соглашением, что все корабли, едущие в западном направлении, должны вычеркивать из календаря один день при пересечении 180° к западу или к востоку от Гринвича, а корабли, едущие в восточном направлении, должны при пересечении 180° считать один день вдвойне. Этим достигается совпадение корабельного счета времени со счетом времени на родине данного корабля.

С географической точки зрения, значение этого первого кругосветного путешествия было громадно. Оно явилось главным поворотным пунктом, который отделяет древний период в области землеведения от новой эпохи. До Магеллана шарообразность земли хотя теоретически признавалась учеными,— она была даже доказана астрономами, но все же учение о шарообразности земли было лишь умственным построением; возвращение же корабля «Виктории», отправившегося на запад с востока было блестящим фактическим доказательством того, что земля представляет собою большой шар. Путешествие Магеллана и Эль-Кано способствовало, таким образом, распространению и укреплению в умах людей, несколько странной

Герб Эль-Кано.

для человеческого ума, идеи о шарообразности земли. Перед убедительной силой факта не могло устоять никакое предвзятое мнение, и плавание «Виктории» нанесло последний удар прежним космографическим теориям.

После 1522 года шарообразная форма нашей земли не оспаривалась уже больше ни одним защитником традиционного мировоззрения, опиравшегося на Библию и учение отцов церкви. После путешествия Магеллана и Эль-Кано церковное учение о строении нашей земли потерпело полное крушение, и ученые совершенно справедливо считают первое кругосветное путешествие величайшим событием шестнадцатого века.

Тот факт, что земля представляет огромный шар, свободно висящий в воздушном пространстве, имел огромное влияние на все человеческое мышление; перед человеческим умом сразу

открылись необ'ятные горизонты и перед человеком невольно встал новый вопрос: если наша земля представляет собою шар и, следовательно, является таким же небесным телом, как солнце и луна, то, быть может, она не стоит неподвижно, как это утверждает церковь, а вращается вокруг солнца вместе с другими планетами? Эту мысль и постарался обосновать и доказать польский астроном Николай Коперник, который напечатал свою знаменитую книгу «о вращении земли» в 1543 году, то-есть спустя двадцать один год после возвращения из кругосветного плавания Эль-Кано.

После первого путешествия Магеллана и Эль-Кано кругом земли в истории землеведения открывается новая эра, и география постепенно начинает принимать действительно научный характер.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Содержание первого тома.

Стр.

Предисловие 3

ВВЕДЕНИЕ.

Развитие человеческих познаний о Земле.—Значение истории географии.—Представление о Земле у древних народов.—Каким образом люди дошли до современных географических знаний 5

Глава I. **Развитие географических познаний в древнее время и знаменитые путешественники до-христианской эры.**

I.

Египет как колыбель европейской цивилизации.—Путешествие древних египтян в Азию и в центральную Африку. 15

II.

Ассиро-Вавилония и ее культура.—Вклад вавилонян в географическую науку 22

III.

Палестина и евреи.—„Земля обетованная“.—Географический кругозор древних евреев 25

IV.

Финикийцы.—Путешествия финикийцев по Средиземному морю.—Финикийские колонии.—Путешествие Ганнона вокруг Африки.—Путешествие Гимилькона 27

V.

Географические открытия древних греков.—Легендарные путешествия древних греков.—Аргонавты.—Гомер и его познания о Земле.—Приключения Одиссея. 35

VI.

Геродот и его путешествия.—Посещение Геродотом Египта, ивии, Эфиопии, Финикии, Аравии, Вавилонии, Персии, Мидии, Колхиды, Каспийского моря, Скифии и Фракии 40

VII. *Стр.*

Пифеас Марсельский.—Его путешествие на север.—Открытие им Альбиона (Англии). 44

VIII.

Походы Александра Македонского и их значение для географии.— Исследование Неархом побережья Азии от устьев Евфрата до Инда 46

IX.

Состояние географических знаний перед началом христианской эры.—Город Александрия и ее роль в развитии науки.—Эрастосфен и его „Географика".—Гиппарх вводит в географию определение мест на земной поверхности по долготе и широте. 48

X.

Римляне и их географические открытия.—Юлий Цезарь.—Завоевание Галлии 51

XI.

Страбон и его „география".—Путешествия Страбона 54

Глава II. **Развитие географических познаний от начала христианской эры до падения Римской империи.**

I.

Состояние географии в первые века христианской эры.—Плиний старший.—Тацит.—Помпоний Мела 58

II.

Клавдий Птоломей и его вклад в географическую науку 61

III.

Павзаний и его путешествие по Элладе. 63

IV.

Падение Римской империи.—Великое переселение народов.—Гунны и Готы 64

V.

Китайцы и их роль в истории географии.—Китайский путешественник IV века Фа-Сян. 68

Глава III. **Географические открытия Средних веков.— Знаменитые путешественники эпохи Средневековья.**

I. *Стр.*

Ранний период Средних веков.—Географические взгляды отцов Церкви. — Козьма Индикоплест 71

II.

Путешествия христианских паломников в святую Землю.— Крестовые походы 76

III.

Арабы и их географические познания.—Сулейман из Бассоры.— Массуди и его „Золотые Луга“. – Ибн-Фодлан.—Эдризи. 78

IV.

Скандинавы.– Открытие ими Исландии и Гренландии.—Открытие норманнами Америки. 83

V.

Путешествие Вениамина Тудельского. 87

VI.

Путешествие Плано Карпини в Татарию. 90

VII.

„Путешествие в восточные страны“ Гильома Рубруквиса 93

VIII.

Марко Поло и его путешествие в Китай и Индию. 96

IX.

Арабский путешественник—исследователь Ибн-Батута.—Его путешествие на Восток и по Африке. 106

X.

Жан де-Бетанкур и открытие им Канарских островов. 110

XI.

Португальцы в Африке.—Поиски морского пути в Индию.— Принц Генрих мореплаватель. — Открытие португальцами острова Мадейры, Зеленого Мыса, Азорских островов, Гвинеи и Конго. . . . 112

XII. *Стр.*

Путешествие Бартоломея Диазы. — Открытие мыса „Доброй Надежды“.—Диаз вступает в Индейский океан 123

XIII.

Путешествие Николо ди-Конти.—„Хождение за три моря“ русского путешественника Афанасия Никитина 125

XIV.

Состояние географической науки в конце Средних веков.—Научное землеведение схоластиков. — „Изображение мира“ Петра Д'альи.—Альберт Великий.—Роджер Бекон.. 128

XV.

Картография Средних веков.—Первые средневековые карты.—Географические карты последнего периода Средних веков. 133

Глава IV. **Открытие Америки.**

I.

Христофор Колумб и его путешествия. – Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию. 139

II.

Первое путешествие Колумба на запад. — Бунт на кораблях Колумба. — „Земля! Земля!“ — Сан-Сальвадор. — Вступление во владение новыми землями. — Фернандина, или большая Экзума. — Изабелла, или остров Лонг.—Куба.—Архипелаг Спасителя. — Остров Монте-Кристо. Возвращение Колумба в Испанию. 150

III.

Второе путешествие Колумба в Новый Свет.—Открытие Ямайки.—Происки врагов Колумба.—От'езд Колумба обратно в Испанию.—Прибытие его в Кадикс. 165

IV.

Третье путешествие Колумба. — Открытие острова св. Троицы (Тринидада). — Американский берег Венцуэлы. — Жизнь на острове Испаньоле в отсутствие Колумба. — Волнение в колонии.— Жалобы в Испанию. — Бобадилья посылается королем для следствия над Колумбом. — Колумб, закованный в цепи, в сопровождении своих двух братьев приезжает в Испанию. — Свидание Колумба с Фердинандом и Изабеллой 172

V. *Стр.*

Четвертое путешествие Колумба в Новый Свет.—Прибытие Колумба на Испаньолу.—Путешествие Колумба к берегам Центральной Америки.—Берег Верагуа.—Золотые прииски.—Возмущение испанцев против Колумба.—Возвращение Колумба в Испанию. Смерть Колумба, 2-го марта 1506 г. 181

Глава V. **Завоевание Индии и страны пряностей.**

I.

Васко де-Гама.—Его путешествие вокруг Африки.—Открытие морского пути в Индию. 195

II.

Педро Альварес Кабраль. — Открытие им Бразилии. — Жоао да-Нова 204

III.

Вторая экспедиция Васко де-Гамы в Индию.—Альфонс Альбукерк.—Тристан да-Кунья.—Альмейда.—Осада и взятие Малакки.—Открытие Моллукских островов. 208

Глава VI. **Завоевание Центральной Америки.**

I.

„Конквистадоры" Центральной Америки.—Путешествие Гойеды.—Жуан де-ля-Коза.—Винцент Янес Пинзон.—Америго Веспучи.—Бастидас.—Диего де-Лепе.—Диаз де-Солис. 211

II.

Васко Нуньец де-Бальбоа.—Бальбоа открывает Великий или Тихий океан 220

III.

Путешествие Грийальвы и открытие им Мексики.—Открытие Никарагуа 228

IV.

Завоевание Мексики.—Фернанд Кортес.—Мексика и король Монтезума.—Республика Тласкала.—Поход Кортеса на Мексику.—Экспедиция в Гондурас.—Экспедиция в Тихий океан.—Возвращение Кортеса в Испанию.—Смерть Кортеса. 235

Глава VII. **Открытие и завоевание Перу.**

I. *Стр.*

Древнее Перу.—Инки и их культура.—Открытие Перу испанцами 258

II.

Франциско Пизарро.—Диего Альмагро.—Экспедиция Пизарро в Перу 264

III.

Второе путешествие Пизарро в Перу.—Завоевание Перу.—Плен инка Атахуальпы.—Педро Альварадо в Чили.—Экспедиция Гонзало Пизарро и Орелльяны.—Смерть Франциска Пизарро 269

IV.

Первый историк открытия и завоевания Нового Света — Лас-Казас.—Личность Лас-Казаса и его сочинения.—Лас-Казас, как „протектор" индейцев и первый апостол Нового Света 281

Глава VIII. **Первое кругосветное путешествие.**

I.

Фернанд Магеллан.—Путешествие Магеллана в Индию.—Бегство в Испанию.—План кругосветного путешествия.—Отплытие Магеллана к берегам южной Америки.—Рио де-Жанейро.—Зимовка в бухте св. Иулиана 290

II.

Пролив Магеллана.—Выход в Великий океан, названный Магелланом „Тихим".—Воровские острова.—Остров Цебу и Филиппины.—Смерть Магеллана 297

III.

Дальнейшее путешествие экспедиции после смерти Магеллана.—Остров Борнео.—Молуккские острова.—Возвращение в Европу мимо мыса Доброй Надежды.—Прибытие „Виктории" в гавань Сан-Лукар де-Баррамеда.—Научное значение первого кругосветного путешествия. 305

Нечаев, А. П. В царстве воды и ветра. (Печ.)
Его же. Работа ветра. (Печ.)
Его же. Работа моря. (Печ.)
Пименова, Э. Горы и их победители. (Печ. 2-е изд.)

Физика и химия.

Вагнер, Ю. Рассказы о воздухе. Ц. 20 к.
Роско, Е. Химия. Ц. 40 к.
Фарадей, М. История свечи. (Печ.)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Для разных читателей по истории культуры, преимущественно материальной.

Берен, М. Рассказы о борьбе человека с природой. Ц. 25 к.
Берлин, Я. А. Великая семья человечества. Ч. I. Ц. 25 к.
Вейлэ, К. Элементы человеческой культуры. Ц. 40 к.
Коропчевский, Д. Прежде и теперь. Ц. 75 к.
* Анучин, Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. (Печ. 2-е изд.)
Вейлэ, К. Культура без культурных народов. (Печ.)
* Его же. От бирки до азбуки. Ц. 50 к.
Гернес, М. Первобытная культура. Ч. I. Каменный век. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ряд книг, дающих научное об'яснение различных технических аппаратов и процессов.

* Гюнтер, Г. Электротехник-строитель, Ч. I. Ц. 1 р.
* Его же. Электротехник-строитель, Ч. II. Ц. 1 р. 20 к.
* Бонд. Герои техники. (Печ.)
* Гюнтер, Г. Беспроволочная телеграфия. Ц. 40 к.

Серия „ОПЫТЫ и НАБЛЮДЕНИЯ ПРИРОДЫ"

В эту серию выделены книги, посвященные естественно-историческим экскурсиям, естественно-научному экспериментированию и самостоятельным наблюдениям природы. Эта серия имеет по преимуществу практическое значение.

Мольденгауер, В. В хвойном лесу. Ц. 35 к.
Павлов, А. П. Геологический очерк окрестностей Москвы. Ц. 65 к.
Райков, Б. Е. Геологические экскурсии в окрестностях Петрограда. Ц. 45 к.
Крепелин, К. Природа в саду. Ц. 1 р.
Воронков, Н. В. По пресным водам. (Печ. 2-е изд.)
Миллер, В. П. Аквариум. (Печ.)
Мольденгауер, В. В лиственном лесу. Ц. 40 к.
Покровский, С. В. Среди природы. Ц. 1 р.
Порецкий, С. Собирание растений и составление гербария. (Печ.)
* Серебровский, А. С. Биологические прогулки. (Печ.)
Шеффер, К. Опыты над живой природой. (Печ.)

„СРЕДИ ПРИРОДЫ".

Эта серия состоит из книжек по естествознанию, написанных для детей в возрасте от 9 до 12 лет.

Богданов, М. Из жизни русской природы. Ц. 80 к.
Его же. Мирские захребетники. Ц. 30 к.
Кайгородов, Д. Черная семья. (Печ. 2-е изд.)
Покровский, С. В. Черная царица и ее народ. (Печ. 2-е изд.)

